

ЗАПИСКИ

Западно Сибирскаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Географическаго Общества

Томъ XXXVIII.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Григорію Николаевичу

ПОТАНИНУ

по случаю 80-лѣтія его жизни

(1835 $\frac{22}{IX}$ 1915 г.)

ОМСКЪ

Электро-типографія „Печатное Искусство“
1916.

Томъ XXXVIII.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Григорію Николаевичу

ПОТАНИНУ

по случаю 80-лѣтія его жизни

(1835 $\frac{22}{IX}$ 1915 г.)

- 2760 -

ОМСКЪ

Электро-типографія „Печатное Искусство“
1916.

СОДЕРЖАНІЕ

1. А. Н. Съдельниковъ.	Г. Н. Потанинъ, съ портре- томъ	I стр.
2. Г. И. Гранэ.	О значеніи ледниковаго пері- ода для морфологіи сѣв.-вост. Алтая съ фот. и картой. . .	1 „
3. А. Бѣлослюдовъ.	Киргизскія сказки. Три бра- та. Девять глупыхъ и одинъ умный. Алдаръ—Госе. Дже- ренше.	23 „
4. А. Бѣлослюдовъ.	Къ исторіи Бѣловодья, съ картой	32 „
5. А. Баржаксинъ.	Зная сказки—не утаивай ихъ (киргизская легенда).	36 „
6. К. Рычковъ.	Мѣдный змій, съ тунгузскаго.	38 „
7. М. Н. Богдановъ.	Изъ исторіи бурятъ.	43 „
8. П. А. Городцовъ.	Два гаданья у крестьянъ Тю- менскаго уѣз.	66 „
9. А. Новоселовъ.	Задачи сибирской этнографіи.	86 „
10. Н. Д. Павловъ.	Списокъ астрономич. пунк- товъ въ Алтайск. округъ. . .	105 „
11. Прологъ поэмы	Кузу—курпешъ и Баянъ-солу.	143 „
12. Г. Гуркинъ.	Алтайскія сказанія о Сартак- паѣ.	145 „
13. Саматовъ.	Канбакъ—шаль, киргизская сказка.	149 „
14. К. Рычковъ.	Береговой родъ юраковъ. . .	154 „
15. Г. Е. Катанаевъ.	Н. И. Потанинъ и его русскіе предшественники по развѣд- камъ Средней Азіи, съ при- ложеніемъ путевыхъ журна- ловъ Н. И. Потанина.	192 „
16. Н. Гуляевъ.	„Писаные камни“ Устькам. уѣзда съ рис.	259 „
17. А. С. и свящ. Б. Герасимовъ.	Изъ исторіи Ямышев- скаго поселка—родины Г. Н. Потанина.	262 „
18. И. В. Геблеръ.	Ледники р. р. Мульты и Кула- гаша въ Катунск. хребтѣ, съ фотографіей.	263 „

Григорій Николаевичъ
ПОТАНИНЪ. (съ фот. 1916г.)

Григорій Николаевичъ Потанинъ

(къ дню 80-лѣтія жизни).*)

21 сентября 1915 года Сибирь чествовала восьмидесяти-лѣтіе Григорія Николаевича Потанина.

Съ именемъ Г. Н. связано многое изъ того, чѣмъ по праву можетъ гордиться Сибирь и что незабываемымъ уйдетъ въ даль будущаго.

Не настало еще время подвести итоги всему тому, что сдѣлалъ Г. Н. для науки и культурнаго развитія Сибири; не смотря на свой весьма преклонный возрастъ, онъ не знаетъ отдыха и теперь, продолжая свое служеніе наукѣ и общественному дѣлу съ энергіей и увлеченіемъ юноши.

Но нельзя и совсѣмъ умолчать объ этомъ тогда, когда о заслугахъ Г. Н. говоритъ вся разноплеменная Сибирь, и что находитъ живой откликъ далеко за предѣлами ея.

Научная и общественная дѣятельность Г. Н. началась рано. Еще на школьной скамьѣ (въ Омской военной гимназіи—теперь корпусѣ) онъ мечталъ объ изслѣдованіяхъ невѣдомаго киргизскаго края, а вмѣстѣ съ другомъ своимъ талантливымъ киргизомъ-кадетомъ Чоканомъ Валихановымъ давалъ клятву служенія родинѣ для достиженія общественныхъ идеаловъ.

По окончаніи корпуса Г. Н. молодымъ (17-лѣтнимъ) офицеромъ поступилъ на военную службу, и на слѣдующій годъ (1853) уже былъ посланъ съ небольшимъ казачьимъ

*) Изъ доклада: „Г. Н. Потанинъ, какъ географъ“, прочитаннаго въ торжественномъ засѣданіи Зап.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О. 21 сент. 1915 г. (нѣск. измѣненнаго).

II

отрядомъ въ Семирѣчье. Въ задачу отряда входило занятіе новой территоріи (Илійскаго края).

Богатая природа Семирѣчья и своеобразная жизнь пестраго населенія края произвели на Г. Н. неизгладимое впечатлѣніе. Не безъ основанія современники Г. Н. придавали этой первой его поѣздкѣ большое значеніе.— „Когда военная экспедиція впервые переходила р. Или, писалъ П. П. Семеновъ-Тяньшанскій—передъ воспріимчивымъ юношей поднялась внезапно изъ тумана величественная цѣпь Илійскаго Алатау съ ея сѣдыми, снѣжными вершинами. Никому еще неизвѣстная, никѣмъ невѣдомая, она возбудила въ талантливомъ юношѣ жажду знаній и стремленіе къ изслѣдованію странъ невѣдомыхъ“. Такъ-же восторженно отзывается объ этой первой поѣздкѣ самъ Г. Н.: „Горы съ снѣжными вершинами, пѣнящіяся воды, стремнины и ущелья, кремнистый путь—все это говорило, что находишься гдѣ-то далеко отъ березовыхъ колковъ и отъ русскихъ деревень, въ какой-то далекой очаровательной странѣ, похожей на тотъ поэтическій міръ, о которомъ такъ много наговорили русскому читателю Пушкинъ и Лермонтовъ“.

Въ 1855 г. Г. Н. прожилъ полгода на Бійской казачьей линіи, гдѣ познакомился съ природой сѣвернаго Алтая, который также произвелъ на него большее впечатлѣніе. „Алтай очаровалъ меня картинами своей природы, я сразу полюбилъ его“—писалъ Г. Н.

Эти двѣ поѣздки оказали рѣшающее вліяніе на дальнейшую судьбу Г. Н. Любовь къ природѣ и жажда знаній побудили его оставить военную службу и заняться тѣмъ, что его интересовало и влекло. Онъ добился того, что былъ откомандированъ изъ полка въ Омскъ, гдѣ занялся разборкой архива и изученіемъ исторіи заселенія края русскими.

Въ 1856 г. Г. Н. познакомился съ бывшимъ потомъ вице-предсѣдателемъ Географическаго Общества П. П. Семеновымъ-Тяньшанскимъ, выдающимся человѣкомъ и географомъ своего времени; П. П. окончательно склонилъ Г. Н. оставить военную службу и посвятить себя научной дѣятельности.

Въ 1858 г. Г. Н., какъ Ломоносовъ, безъ всякихъ средствъ, добрался до Петрограда, гдѣ при поддержкѣ П. П. Семенова-Тяньшанскаго и Кавелина поступилъ въ университетъ на естественное отдѣленіе. За четыре года жизни въ Петроградѣ Г. Н. получилъ серьезную подготовку по естественнымъ наукамъ и этнографіи, зимой посѣщая лекціи, а лѣтомъ экскурсируя въ окр. Петрограда, въ Крымъ и на Уралъ.

Въ 1863 г. Географическое Общество снарядило экспедицію астронома К. Струве въ Зайсанскій край (тогда еще не принадлежавшій намъ). П. П. Семеновъ-Тяньшанскій пригласилъ къ участію Г. Н., котораго отмѣчалъ, какъ „человѣка образованнаго и предприимчиваго, готоваго жертвовать всемъ для науки“. Г. Н. посѣтилъ сѣверную окраину Зайсанской котловины, сѣвернаго берега озера и озеро Маркакуль.

Зимой 1863 г. Г. Н. ѣздилъ на озеро Зайсанъ для изслѣдованія зимняго рыболовства.

Весной 1864 г. вмѣстѣ съ К. Струве объѣхалъ Восточный Тарбагатай.

Въ 1865 г. произошелъ невольный восьмилѣтній перерывъ въ научной и общественной дѣятельности Г. Н.: его вмѣстѣ съ Н. М. Ядринцевымъ и др. видными мѣстными общественными дѣятелями обвинили въ сепаратизмъ. Г. Н. былъ присужденъ къ заключенію въ крѣпости (отбывалъ наказаніе въ Свеаборгѣ), а затѣмъ былъ высланъ въ Вологодскую губ.

Въ 1874 г. Г. Н. женился на Александрѣ Викторовнѣ Лаврской, ставшей его другомъ и незамѣнимымъ помощникомъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ.

Въ 1874 г. по ходатайству Совѣта И. Р. Геогр. Общества Г. Н. былъ освобожденъ отъ наказанія и получилъ возможность продолжать свою научную и полезную общественную дѣятельность.

Въ 1875 г. Географическое Общество признало необходимымъ, наряду съ экспедиціями Пржевальскаго вглубь Центральной Азіи, приступить къ изученію ближайшихъ, но также мало извѣстныхъ странъ Центральной Азіи. Для

IV

выполненія этой задачи былъ призванъ Г. Н. Въ первую очередь Г. Н. намѣтилъ изслѣдованіе Монголіи. Въ объяснительной запискѣ о необходимости изслѣдованія Монголіи онъ указываетъ, какъ много можно ожидать отъ изслѣдованія природы и жизни этой страны, когда-то игравшей огромную роль въ исторіи и культурѣ народовъ Азіи, а теперь уединенной и замкнутой. Экспедиція была снаряжена и продолжалась съ іюля 1876 г. до декабря 1877 г. *)

Въ слѣдующемъ году Г. Н. продолжалъ изслѣдованія Монголіи. Экспедиція продолжалась съ іюня до декабря 1879 года.

Въ 1880 г. Г. Н. ѣздилъ къ аларскимъ бурятамъ для изученія шаманства и въ районъ озера Данинъ-гола (Сѣв. Монголіи).

Въ 1881 г., занимаясь въ Петроградѣ обработкой собранныхъ матеріаловъ, Г. Н. заинтересовался вѣрованіями и преданіями вотяковъ и предложилъ Казанскому Обществу исторіи и этнографіи произвести въ этой области изслѣдованія. Предложеніе было принято и лѣтомъ этого-же года Г. Н. объѣхалъ Елабужск. у. Вятской губ., собралъ много интересныхъ матеріаловъ, которые были использованы при обработкѣ мифологіи и фольклора монголовъ.

Въ 1883 г. Географическое Общество намѣтило изслѣдованіе новыхъ невѣдомыхъ странъ—восточной окраины нагорной Азіи, входящихъ въ Сычуаньскую и Ганьсуйскую провинцію Китая. Эти страны представляли выдающійся интересъ какъ въ физико-географическомъ, такъ и біологическомъ отношеніи, кромѣ того обѣщали особенный интересъ и въ историко-этнографическомъ отношеніи, какъ мѣстности, населенныя различными племенами (монголовъ, тюрковъ, китайцевъ и тангутовъ) и хранившія остатки многихъ культуръ. Для выполненія такого сложнаго изслѣдованія нуженъ былъ выдающійся человѣкъ. Такимъ и былъ избранъ Г. Н.

Экспедиція выѣхала лѣтомъ 1884 г. изъ Петрограда (моремъ) въ Пекинъ, гдѣ готовилась до весны 1885 г.

*) Спутниками Г. Н. были; кромѣ А. В.—П. А. Рафаиловъ и М. Березовскій.

и въ маѣ выступила*). Экспедиція продолжалась 2½ года; Г. Н. посѣтилъ многія интересныя мѣста, гдѣ не было еще европейцевъ.

Необыкновенно богатые результаты экспедиціи побудили Географическое Общество продолжить изслѣдованія, распространивъ ихъ на Тангутско-тибетское нагорье.

Была организована вторая экспедиція Г. Н.**). Въ декабрѣ 1893 г. экспедиція выступила изъ Пекина. Для Г. Н. она оборвалась неожиданно въ самомъ началѣ работъ трагическимъ концомъ: на пути заболѣла и умерла Александра Викторовна. Смерть жены-друга такъ подѣйствовала на Г. Н., что онъ вернулся въ Россію и на нѣсколько лѣтъ отказался отъ научныхъ поѣздокъ.

Въ 1898 г. Г. Н. снова приступаетъ къ научнымъ изслѣдованіямъ, которыя явились продолженіемъ предыдущихъ работъ. По его предложенію Географическое Общество намѣтило изслѣдованіе сѣв.-вост. Монголіи, гдѣ живутъ баргузурты и солоны — переходное племя между монголами и манчжурами, среди преданій которыхъ Г. Н. ожидалъ найти, между прочимъ, легенды о Чингизъ-ханѣ; имѣлось въ виду также прослѣдить восточное распространеніе керенсуровъ (древнихъ надмогильныхъ памятниковъ) и орхонскихъ руническихъ надписей. Экспедиція выступила въ маѣ 1899 г. и возвратилась въ августъ.

Это была послѣдняя крупная экспедиція Г. Н. Въ позднѣйшее время онъ не разъ экскурсировалъ на Алтай и въ киргизскую степь для собиранія матеріаловъ по интересовавшимъ его вопросамъ этнографіи и фольклора.

И въ настоящее время Г. Н. продолжаетъ не смотря на свой весьма преклонный возрастъ неустанно работать для науки и общественной жизни.

*) Кромѣ А. В. въ ней участвовали: М. Березовскій, А. Скасси и топографъ.

**) Въ составъ экспедиціи входили: геологъ В. А. Обручевъ, зоологъ М. М. Березовскій, коллекторъ Кошкаровъ и Рабдановъ. Первые имѣли спеціальныя задачи и продолжали свои работы и послѣ отъѣзда Г. Н.

VI

Всѣ крупныя экспедиціи Г. Н. были направлены на изслѣдованіе странъ Внутренней Азіи. Этотъ огромный и невѣдомый почти центръ древняго материка манилъ своей загадочностью какъ географа, такъ и этнографа и археолога. Въ изслѣдованіи его принимали участіе выдающіеся путешественники того времени. Изслѣдованія Г. Н. начались тогда, когда тамъ работали такіе талантливые путешественники, какъ Пржевальскій и Пѣвцовъ. Тѣмъ не менѣе экспедиціи Г. Н. не оказались повтореніемъ ихъ, а дали новыя и оригинальныя матеріалы, какихъ до него не было въ распоряженіи ученыхъ.

Невольно напрашивается сравненіе экспедиціи Пржевальскаго и Г. Н. Пржевальскій, обладавшій удивительной энергіей и твердымъ характеромъ, стремился прежде всего къ открытію новыхъ странъ и настойчиво, не считаясь ни съ какими препятствіями, пролагалъ къ нимъ первые пути. Это были смѣлые орлиные полеты среди необъятныхъ невѣдомыхъ странъ Центральной Азіи.

Иной характеръ носили экспедиціи Г. Н. Это были скромныя, никого не стѣснявшія, поѣздки, которыя можно сравнить съ незамѣтной, кропотливой работой муравья.

Пржевальскій имѣлъ жажду географическихъ открытій; его манили неизвѣстныя до того и малодоступныя страны Центральной Азіи: таинственныя пустыни, высокіе хребты и особенно—загадочный Тибетъ.

Г. Н. это интересовало менѣе всего. Для него невѣдомыя страны Центральной Азіи представляли своего рода естественные музеи, въ которыхъ хранились разнообразныя памятники матеріальной и духовной культуры народовъ, частью уже исчезнувшихъ, частью доживающихъ свой вѣкъ, гдѣ, поэтому, можно было найти богатые матеріалы по интересовавшимъ его вопросамъ фольклора и этнографіи вообще.

Другимъ отличіемъ экспедицій Г. Н. было—ихъ *мирный* характеръ. Всѣ свои поѣздки Г. Н. совершалъ безъ военнаго конвоя и никогда не прибѣгалъ къ угрозамъ и насилію, (въ чемъ былъ не безъ упрека Пржевальскій). Скромный,

всегда проникнутый участіемъ и доброжелательствомъ къ инородцамъ, на какой-бы степени культуры они не стояли, Г. Н. умѣлъ расположить въ свою пользу и заслужить довѣріе не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ селеній.

Участіе въ экспедиціяхъ женщины (Александры Викторовны) еще болѣе подчеркивало мирный характеръ экспедиціи.

Потому Г. Н. могъ спокойно путешествовать тамъ, гдѣ это не удавалось другимъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему присылало свою охрану китайское правительство, Г. Н. старался отклонить ее, такъ какъ всякая торжественность въ поѣздкахъ только мѣшала ему работать. Въ отчетѣ о послѣдней поѣздкѣ Г. Н. писалъ: На этотъ разъ впереди насъ не бѣжали конвойные солдаты, крикомъ оповѣщавшіе населеніе, что „ѣдутъ заморскіе черти, выходите на улицу смотрѣть ихъ“. Поэтому мы могли спокойно наблюдать картину мирной деревенской жизни и проникнуться симпатіями къ почтенному трудолюбивому населенію.

Умѣніе расположить къ себѣ населеніе страны и заслужить ихъ довѣріе, много содѣйствовало успѣху работъ Г. Н. въ такой деликатной области человѣческой жизни, какъ религія, обряды, обычаи. Палатка Г. Н. часто бывала полна любопытными, отъ которыхъ онъ умѣлъ получать для себя цѣнныя свѣдѣнія. Были случаи, когда, скрывавшіе свое званіе шаманы, послѣ бесѣды съ нимъ открывали себя и устраивали сеансы. Въ странѣ хувораковъ, близъ монастыря Ханъ-табынъ палатка Г. Н. сдѣлалась мѣстомъ своего рода паломничества жителей и настолько многочисленнаго, что ламы монастыря, боясь утратить свое вліяніе, пришли къ Г. Н. съ жалобой, что его палатка отвлекаетъ народъ отъ исполненія обязанностей, что храмы во время богослуженія пустуютъ и просили Г. Н. перенести палатку подальше отъ монастыря. Г. Н. переѣхалъ на другой берегъ рѣки и монастырское начальство успокоилось.

Успѣху экспедицій Г. Н. много содѣйствовали его личныя качества. П. П. Семеновъ-Тяньшанскій писалъ, что „Г. Н. соединяетъ въ себѣ рѣдкія для путешественника во внутреннюю Азію качества: закаленное трудами и лишеніями

VIII

здоровье, неимовѣрную неприхотливость и выносливость, знакомство съ мѣстными языками, умѣнье ладить съ туземцами, очень хорошія познанія въ области географіи и естественныхъ наукъ, обширное знакомство съ географической литературой Сибири и внутренней Азіи, а всего болѣе любовь къ дѣлу и полнѣйшую самоотверженную преданность наукѣ“.

Дѣйствительно, Г. Н. готовъ былъ жертвовать для науки всѣмъ. Поэтому его поѣздки часто сопровождались лишениями и были въ своемъ родѣ подвижничествомъ.

Такъ, во время поѣздки въ Ганьсу Г. Н. для того, чтобы отъ его глазъ не ускользнуло какое нибудь интересное растеніе, а также—ради экономіи расходовъ—не вездѣ нанималъ себѣ мула и шелъ сотни верстъ пѣшкомъ. Признавшись въ этомъ, Г. Н. замѣчаетъ: „наши мускулы потеряли за это время весь свой жиръ, и тѣло стало такъ сухо, что мы могли-бы безъ страха предпринять путешествіе въ страну людоѣдовъ, съ увѣренностью, что они не прельстятся на наше тощее мясо“. О нѣкоторыхъ другихъ подробностяхъ путешествій можно судить по дневникамъ жены Г. Н.—Александры Викторовны: „Ѣдемъ въ китайскихъ телѣгахъ, писала она, гдѣ приходится сидѣть спиной къ лошадямъ, гдѣ ноги находятся выше головы. Съ ужасомъ думаю, что въ этихъ телѣгахъ придется сдѣлать 1½ тысячи верстъ. Усталость, грязь, пыль, головокруженія отъ ужасной тряски—вотъ тѣ прелести, которымъ завидовали провожавшія меня дамы“. Не лучше были обставлены поѣздки зимой: „Ѣхали, одѣтые по зимнему; на почлегахъ ужасно мерзли; мерзнешь на улицѣ, а въ помѣщеніяхъ, гдѣ нѣтъ солнца и печки—вдвое. Эта невозможность хоть на минуту погрѣться—ужасно затрудняла и лишала энергіи“.

Зато перенося такія лишенія экспедиція Г. Н. становилась ближе къ жизни большинства того населенія, съ которымъ ей приходилось имѣть дѣло, что облегчало ей работу, особенно въ области этнографіи; можетъ быть поэтому такъ довѣрчиво и относились инородцы къ Г. Н.

Подводя итоги всѣмъ поѣздкамъ Г. Н., нельзя не признать, что въ лицѣ Г. Н. мы имѣемъ выдающагося изслѣдователя-ученаго. Достаточно взглянуть на карту маршрутовъ Г. Н., чтобы оцѣнить, хотя-бы внѣшне, какъ много странъ и народовъ освѣщены его широкимъ взглядомъ и пытливымъ умомъ.

Переходя къ оцѣнкѣ результатовъ экспедиціи Г. Н., прежде всего приходится признать высокую цѣнность за тѣми разнообразными коллекціями, которыя были имъ доставлены. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить гербарій. Г. Н. рано сталъ заниматься ботаникой и изъ него выработался серьезный вдумчивый флористъ; поэтому его сборы растеній отличались полнотой и вносили всегда много новаго. Когда Пржевальскій доставилъ своеобразную флору изъ окрестностей Куку-нора, ботаникъ акад. Максимовичъ, былъ пораженъ не только ея оригинальностью, но и цѣлностью, изолированностью, отъ сосѣднихъ флоръ. Казалось, что эта флора въ силу какихъ-то особенныхъ причинъ сохранила чистоту своего состава. Но когда Г. Н. проложилъ свои пути отъ Алтая и Саянъ до Тибета, эта изолированность оказалась кажущейся: отъ его наблюдательности не ускользнули отдѣльныя звенья этой флоры, затерянные среди той флоры, которую онъ встрѣтилъ на своихъ путяхъ и теперь, благодаря сборамъ Г. Н. можно прослѣдить постепенный переходъ отъ нашей южной флоры къ центрально-азіатской и тибетской. Среди десятковъ тысячъ растеній, вывезенныхъ Г. Н. изъ своихъ путешествій, оказалась масса новыхъ видовъ и родовъ.

Зоологическія коллекціи собирались, обыкновенно, его спутниками—спеціалистами, которые не отставали отъ Г. Н. въ своемъ рвеніи, поэтому и зоологическія сборы экспедиціи Г. Н. отличались также большой полнотой и интересомъ. Десятки новыхъ родовъ и видовъ были открыты даже среди позвоночныхъ. Цѣнные свѣдѣнія доставлены о распространеніи животныхъ.

Выдающіяся заслуги оказаны экспедиціями Г. Н. и въ области географическаго познанія странъ Центральной Азіи.

Этому особенно содѣйствовали такіе сотрудники Г. Н., какъ напримѣръ, В. А. Обручевъ, внесшій много свѣта въ геологическое строеніе Центральной Азіи; астрономъ Скасси, топографы—Орловъ и Рафаиловъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ созданіи того облика Центральной Азіи, который мы имѣемъ теперь на картахъ и изучаемъ, наука многимъ обязана экспедиціямъ Г. Н.

Но особенныя заслуги экспедиціи Г. Н. заключаются въ богатствѣ и новизнѣ добытыхъ этнографическихъ матеріаловъ. Въ этомъ отношеніи онѣ занимаютъ первое мѣсто среди другихъ экспедицій въ Центральную Азію.

Такими исключительными успѣхами экспедиціи Г. Н. обязаны тому, что этнографическіе матеріалы, въ особенности фольклоръ, были предметомъ особеннаго вниманія и изученія самого Г. Н.

Съ увлеченіемъ и любовью фанатика собиралъ Г. Н. въ необъятныхъ просторахъ Центральной Азіи легенды, сказки и вѣрованія разныхъ народовъ, сопоставлялъ многочисленные варіанты однородныхъ сюжетовъ у разныхъ народовъ, доискивался ихъ внутренней связи, единства идеи и приходилъ къ интереснымъ заключеніямъ. Теперь благодаря трудамъ Г. Н. возстановлено духовное родство европейскихъ и азіатскихъ народовъ, въ частности единство средневѣковаго европейскаго эпоса съ эпосомъ восточно-ордынскимъ.

Изученіе фольклора Востока, доказательства вліянія его на европейскій и вообще то вниманіе, которое оказалъ Г. Н. духовному міру народовъ Востока—составляетъ особенную заслугу Г. Н. Современники, можетъ быть, еще не вполне оцѣнили это, такъ-какъ десятки спеціальныхъ работъ Г. Н. въ этой области мало извѣстны обществу. Но ученые оріенталисты признали за этими трудами Г. Н. большое значеніе. Академикъ С. Θ. Ольденбургъ въ немногихъ, но яркихъ словахъ подчеркнул значеніе работъ Г. Н. для пониманія живого Востока. „Гордый успѣхами точныхъ наукъ, писалъ онъ,—увлеченный блескомъ матеріальной культуры, которую онъ создалъ и сдѣлалъ необходимою для своей жизни, западный человѣкъ привыкъ считать свою

культуру міровою культурой, свою исторію міровою исторіей, и только въ послѣднее время въ немъ медленно начинаетъ просыпаться сознаніе, что рядомъ съ нимъ есть громадная страна, жизнь которой тысячелѣтіями составляла неразрывную часть міровой жизни, и что многообразныя культуры этой страны также часть міровой культуры. Сознаніе это расширитъ человѣческій кругозоръ, заставитъ западнаго человѣка глубже всмотрѣться въ основы его міросозерцанія, и научитъ его переоцѣнивать многое изъ того, что онъ считаетъ важнѣйшимъ и цѣннѣйшимъ въ жизни. Къ сожалѣнію, число западныхъ людей, знающихъ то волшебное слово, которое открываетъ сердца и умы восточныхъ народовъ, чрезвычайно еще невелико. И вотъ когда, мы думаемъ объ этихъ людяхъ Запада, которые задачей своей жизни сдѣлали пониманіе живого Востока, то ярче всѣхъ встаетъ передъ нами образъ Г. Н. и рядомъ съ нимъ—незабвенной Александры Викторовны“.

Отмѣчая духовное богатство Г. Н., С. Θ. Ольденбургъ говоритъ еще объ одной чертѣ Г. Н.—о глубокомъ, проникновенномъ пониманіи имъ необходимости вывести Западъ на истинный путь дѣйствительно міровой культуры черезъ полное и всестороннее общеніе съ Востокомъ. „И когда это станетъ общепринятымъ,—говоритъ С. Θ. Ольденбургъ, то имена Г. Н. и А. В. будутъ упомянуты одними изъ первыхъ и Россія съ гордостью вспомнитъ, что этотъ человѣкъ былъ русскій въ лучшемъ смыслѣ этого слова“.

А. Стѣльниковъ.

Г. Гранэ.

О значеніи ледниковаго періода для морфологии Сѣверовосточнаго Алтая.

Уже первые посѣтившіе Восточный Алтай геологи обратили вниманіе на встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ долинахъ валуны, галечники и рыхлые конгломераты, происхожденія которыхъ по ихъ мнѣнію невозможно или, по крайней мѣрѣ, весьма трудно объяснить дѣятельностью нынѣшнихъ рѣкъ. Такъ упоминаетъ *Гельмерсонъ*, проѣзжавшій въ 1834 году долиною Бѣи къ Телецкому озеру, что горы при устьи рѣки *Тулоя* (Толуй, Толы), праваго притока Бѣи, покрыты окатанной галькой до такой высоты, до которой воды Бѣи никогда не могли достигать. ¹⁾ *Чихачевъ*, путешествуя въ 1842 году по Алтаю и въ Урянхаѣ, замѣтилъ въ долинѣ Чулышмана, на значительной высотѣ надъ рѣкою, въблизи ручья *Улу-удукъ* (вѣрнѣе: Улу-ойтукъ), „песчаные конусы“, прикрытыя валунами или сланцевыми плитами,—а на плоскогоріи, окружающемъ озеро *Джюйлю-коль* въ истокахъ Чулышмана, огромное количество гранитныхъ валуновъ, хотя этой породы въ обнаженіяхъ здѣсь не было видно. ²⁾

Однако явственныхъ эрратическихъ отложеній упомянутымъ изслѣдователямъ не встрѣчалось, *Гельмерсонъ* даже категорически отрицаетъ существованіе такихъ на Алтаѣ ³⁾. Не смотря на это *Щуровскій*, основываясь на личныхъ наблюденіяхъ въ болѣе западныхъ частяхъ данной горной страны пришелъ къ тому заключенію, что упоминаемые *Гельмерсеномъ* и *Чихачевымъ* галечники, пески и валуны эрратическаго происхожденія и указываютъ „на поздніе перевороты въ системѣ Алтая или, точнѣе сказать, на линіи пере-

¹⁾ *D. V. Helmersen* Der Telezkische See und die Teleuten im ostlichen. Altai Петроградъ 1838. С. 100—1.

²⁾ *P. de Tchihatchoff*, Voyage scientifique l'Altai oriental. Парижъ 1845 С. 88—9, 112—3 и 399—400.

³⁾ *Reise nach dem Altai im Jahre 1834. Beitr. z. Kenntniss d. Russ Reiches*, XIV. Петроградъ 1848. С. 262—4.

сѣченія его съ Алатау“. ¹⁾ Это въ столь общихъ выраженіяхъ данное объясненіе насъ однако не удивляетъ, если вспомнимъ, что въ то время, когда вышелъ трудъ *Шуровскаго*, еще едва ли были общезвѣстными прокладывающія путь работы по глаціологіи. ²⁾

Первыя положительныя данныя о ледниковомъ періодѣ въ Восточномъ Алтаѣ получаемъ только болѣе, чѣмъ полвѣка спустя изъ отчета *Игнатова* объ совершенномъ имъ въ 1901 году изслѣдованіи Телецкаго озера и бассейна рѣки Чулышмана. ³⁾ Изъ этой статьи мы узнаемъ, что встрѣченные *Чихачевымъ* гранитные валуны въ окрестностяхъ озера Джюлю-коль обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно ледниковой дѣятельности и что, такимъ образомъ, болотистое плоскогоріе, на которомъ лежитъ упомянутое озеро, слѣдуетъ разсматривать какъ ложе исчезнувшаго ледника. Самое же озеро, изъ котораго вытекаетъ Чулышманъ, мореннаго происхожденія. Слѣдуя внизъ по Чулышману, который сначала течетъ по плоскогорію, а потомъ зарывается въ ущелье, *Игнатовъ* старался найти слѣды конечной морены бывшаго ледника, но это оказалось труднымъ, „такъ какъ размывающая дѣятельность Чулышмана сильно все замаскировала“. Передъ началомъ Чулышманскаго ущелья могъ онъ всетаки замѣтить особенное изобиліе гранитныхъ валуновъ. Ниже по рѣкѣ не встрѣчались морены, но зато „рыхлые конгломераты“, распространеніе которыхъ по *Игнатову* можно поставить въ связь съ оледенѣніемъ въ верховьяхъ Чулышмана и „съ болѣе интенсивной наносной дѣятельностью рѣкъ, бывшихъ въ то время ледниковыми“. Слѣдуетъ отмѣтить, что упоминаемые *Игнатовымъ* конгломераты идентичны съ отложеніями при устьѣ Улу-удука и съ замѣченными уже *Гельмерсеномъ* конгломератами въ урочищѣ *Беле* на берегу Телецкаго озера.

¹⁾ *Гр. Шуровскій*, Геологическое путешествіе по Алтаю. Москва 1846. С. 380—2.

²⁾ Сочиненіе *Agassiz'a* „*Untersuchungen über die Gletscher*“, вышло въ 1840 году, трудъ же *Charpentier'a* „*Essai sur les glaciers*“ годъ спустя.

³⁾ *П. Г. Игнатовъ*, Изслѣдованіе Телецкаго озера на Алтаѣ лѣтомъ 1901 года. Изв. И. Р. Г. О. 1902, II. С. 194—5 и 198—9; также въ Алтайскомъ Сборникѣ, VI. Барнаулъ 1907 С. 17—8 и 21—2.

Съ выводами *Игнатов* соглашается вполне *Верещагинъ*, совершившій въ 1905 году поѣздку въ долину Чулышмана ¹⁾.

Значительный успѣхъ въ изслѣдованіи бассейна Бін обозначаетъ вышедшее въ 1905 году геологическое описаніе части сѣверо-восточнаго Алтая *Яковлева*, основывающееся на тщательныхъ двух-лѣтнихъ изслѣдованіяхъ въ долинахъ Верхней Бін и въ рѣчной области Кокши (Сары-Кокши), впадающей съ лѣвой стороны въ Бію. ²⁾ Однако-же вопросы, касающіеся древняго оледенѣнія, обсуждаются въ этомъ сочиненіи сжато и весьма не полно. *Яковлевъ* упоминаетъ о томъ, что въ долинахъ Катуні и Иши встрѣчаются въ отложеніяхъ чуждые для данной мѣстности породы, что на вершинѣ одного изъ хребтовъ наблюдается кварцитовая порода съ полировкой и параллельной штриховкой и что въ долинахъ Бін замѣчаются валуны выше самой верхней рѣчной террасы. Но такъ какъ эти факты являются единичными и никѣмъ изъ многочисленныхъ изслѣдователей Алтая не подтверждаются въ другихъ мѣстностяхъ, то *Яковлевъ* удерживается отъ какихъ либо заключеній по этому поводу, тѣмъ болѣе, когда упомянутыя явленія „съ известной натяжкой могутъ быть такъ или иначе объяснены другими причинами. Такъ нахожденіе валуновъ на вершинахъ горъ можетъ быть объяснено разрушеніемъ древнихъ конгломератныхъ образованій, присутствіе валуновъ въ долинахъ рѣкъ или выше уровня террасъ изъ породъ, чуждыхъ мѣстностямъ бассейна рѣки—приносомъ ихъ водой изъ какого нибудь небольшого выхода, затѣмъ совершенно разрушеннаго, полировка и параллельная штриховка могутъ быть приняты за слѣды оползня, маскированнаго затѣмъ слѣдующими горообразовательными процессами и размываніемъ и т. д.“ ³⁾

Хотя и *Яковлевъ*, какъ видно, изложилъ свое мнѣніе въ такихъ осторожныхъ выраженіяхъ, что изъ нихъ едва-ли можно вывести какія нибудь заключенія относительно ледниковаго періода, оно возбудило вниманіе ученыхъ. Такъ

1) В. И. Верещагинъ, По восточному Алтаю. Алтайскій Сборникъ, VI. Барнаулъ 1907. С. 82—3.

2) С. А. Яковлевъ, Геологическое описаніе листа Улала. Тр. геол. ч. Каб. Е. И. В., VIII, 1. Петроградъ 1908.

3) Л. с. С. 120—1.

напр. *Толмачевъ*, давшій очень интересныя свѣдѣнія о дилювіальномъ оледенѣніи Кузнецкаго Ала-тау, характеризую въ своемъ обширномъ, въ 1909 году вышедшемъ геологическомъ описаніи части упомянутой горной страны особенности бывшаго въ Западной Сибири ледниковаго періода, высказывается противъ предполагаемаго болѣе значительнаго оледенѣнія горныхъ хребтовъ Сибири въ смыслѣ *Яковлева*¹⁾.

Позже *Яковлевъ*, кажется, измѣнилъ до нѣкоторой степени свой взглядъ въ упомянутомъ вопросѣ. По крайней мѣрѣ онъ въ одномъ сообщеніи,²⁾ сдѣланномъ въ 1909 году и содержащемъ много цѣнныхъ указаній о распространеніи бывшаго оледенѣнія рѣчной области Чулышмана, говоритъ, что самыя нижнія конечныя морены въ долину Чулышмана находятся вблизи устья *Чѣльчу* (Чульча) на высотѣ 600 метровъ н. у. м., верстѣ 40 отъ Телецкаго озера. Слѣдовательно, самое озеро, абсолютная высота котораго 450 метровъ, какъ и долина *Бін*, по *Яковлеву* лежало внѣ предѣловъ непосредственной дѣятельности ледника. То же самое слѣдуетъ сказать о нижней части Чулышманской долины, потому что морены, встрѣчающіяся около устья *Чельчу* отложены—по *Яковлеву* не Чулышманскимъ, а наполнившимъ долину упомянутаго праваго притока Чулышмана ледникомъ. Зато полагаетъ, упомянутый изслѣдователь съ другой стороны, не только—какъ это раньше сдѣлалъ *Игнатовъ*—что верховья Чулышмана и окружающіе ихъ возвышенности были покрыты сплошнымъ покровомъ льда и снѣга, но что ледниковый покровъ устилалъ плоскогоріе между Чулышманомъ и Башкаусомъ отъ 1600 до 2000 метровъ абсолютной высоты, спускаясь по Чулышманской долину до высоты 700 метровъ н. у. м., т. е. оканчиваясь верстѣ на 90 отъ Телецкаго озера и что часть Чулышманскаго ледника спускалась по долину р. Улагана до долины Башкауса. Кромѣ этого указываетъ *Яковлевъ* на существованіе ясныхъ признаковъ оледенѣнія въ горныхъ странахъ къ востоку и западу отъ Телецкаго озера, мѣстами начиная уже съ высоты 1200 метровъ н. у. м.

¹⁾ *И. П. Толмачевъ*, Геологическое описаніе листовъ „Тидынъ, Уса и Карлыганъ“. Тр. геол. Ч. Каб. Е. И. В. VII, Петроградъ 1909, С. 667—8 и 672—3.

²⁾ Къ вопросу о ледниковомъ періодѣ на Алтаѣ. Тр. Имп. Сиб. общ. Ест. Прот. Зас. 1909, 1, с. 27—36.

Прибавимъ еще къ сказанному, что и *Сапожниковъ*, известный знатокъ Алтая, проѣзжая въ 1909 году изъ Монголіи черезъ Чулышманское плоскогоріе въ Урянхай, убѣдился въ томъ, что озеро Джюйлю-коль мореннаго происхожденія и что бывшій здѣсь ледникъ, питаясь снѣгами высокихъ горъ Мѣнгу-Хаирханъ и Чапчала, занималъ широкую площадь,¹⁾ — и мы вкратцѣ рассмотримъ, насколько намъ извѣстно, всѣ литературныя данныя о ледниковомъ періодѣ въ Восточномъ Алтай. Мы видимъ, что эти данныя состоятъ или просто изъ короткихъ указаній на существованіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ледниковыхъ отложеній или-же изъ разныхъ предположеній о границахъ бывшаго оледенѣнія. Въ глаціально-морфологическомъ отношеніи рѣчныя области Бии и Чулышмана представляютъ собою все еще край совершенно неизслѣдованный. Почти также недостаточны наши знанія въ геоморфологіи вообще данной мѣстности. Никто еще серьезно не занимался даже столь привлекательнымъ и важнымъ съ научной стороны морфологическимъ вопросомъ, какъ происхожденіе глубокой котловины Телецкаго озера. Первые изслѣдователи полагали, что озеро лежитъ въ трещинѣ,²⁾ *Игнатовъ* находить—не представляя однако никакихъ доказательствъ—что оно занимаетъ большую щель, которая своимъ происхожденіемъ обязана тектоническимъ процессамъ.³⁾

Осенью 1912 года вошелъ я въ Совѣтъ Императорскаго Александровскаго Университета въ Гельсингфорсѣ съ программой командировки въ Русскій Алтай для изслѣдованія бывшаго здѣсь оледенѣнія, выясненіемъ котораго я уже раньше, въ 1907 и 1909 годахъ, занимался, проѣзжая черезъ эту горную страну въ Монголію.⁴⁾ Мой проектъ былъ благосклонно принятъ и весной 1913 года былъ я университетомъ откомандированъ на три года въ Сибирь.

Въ теченіе 1913 и 1914 годовъ мною производились обслѣдованія въ рѣчныхъ областяхъ Бии и Чулышмана, въ

1) *В. В. Сапожниковъ*, Монгольскій Алтай. Томскъ 1911, С. 253.

2) *Щуровскій*, Л. с. С. 367—8, *Чихачевъ*, Л. с. С. 406.

3) Л. с., С. 181 и 189.

4) *D. G. Granö*, Beiträge zur Kenntnis der Eiszeit in der Nordwestmongolei und einigen ihrer südsibirischen Grenzgebirge. Fennia 28. Гельсингфорсъ. 1910.

особенности въ мѣстностяхъ, окружающихъ Телецкое озеро и въ нѣкоторыхъ частяхъ долинъ Чуи и Катунн. При этомъ выяснилось, что ледниковая дѣятельность была въ Восточномъ Алтаѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ раньше предполагалось. Изъ обширнѣйшихъ фирновыхъ полей, покрывающихъ не только почти всю пограничную съ Монголіей горную страну въ верховьяхъ системъ Катунн и Чуи, но и значительную часть долинъ Чулышмана и Башкауса, равно какъ и альпійскую область по сторонамъ этихъ рѣкъ, брали начало громадныя ледники Чулышманскій, Башкаусскій, Чуйскій и др. Первый изъ этихъ занялъ всю Чулышманскую долину, котловину Телецкаго озера и верхнюю часть долины Бии. Окончаніе этого гигантскаго ледника, распространеніе и развѣтвленіе котораго въ общихъ чертахъ видны изъ прилагаемой карты, находилось на высотѣ 325—375 метровъ н. у. м. Приблизительно на такой-же высотѣ лежатъ нижнія конечныя морены бывшаго Катунскаго ледника, которыя были мною встрѣчены вблизи селъ Маймы и Айскаго. Обслѣдывая окрестности Телецкаго озера, я убѣдился въ томъ, что происхожденіе котловины озера не стоитъ—по крайней мѣрѣ въ заслуживающей особеннаго вниманія степени—въ связи съ тектоническими процессами, но что она преобразована дѣятельностью ледника изъ бывшей рѣчной долины. Котловина расположена въ ледниковыхъ отложеніяхъ, которыя между прочимъ запруживаютъ сѣверо-западный конецъ озера въ видѣ образовавшихся при стаціонарномъ положеніи отступающаго ледника значительныхъ конечныхъ моренъ, поднимающихся болѣе, чѣмъ на 200 метровъ надъ уровнемъ воды. Естественнымъ продолженіемъ къ югу трога Телецкаго озера слѣдуетъ считать глубокую долину Чулышмана, дно которой заполнено ледниковыми и позднѣйшими отложеніями. Выше упомянутыя земляныя пирамиды въ ур. Беле и по Улу-удуку образовались, какъ уже отмѣчено *Яковлевымъ* относительно одинаковыхъ образованій въ болѣе высокихъ частяхъ Чулышманской долины, изъ поддонной морены вслѣдствіе размыва. Всѣ боковыя долины Телецкаго озера и Чулышмана болѣе или менѣе висящія, изъ чего можно заключить, что главная долина по отношенію къ боковымъ значительно переуглублена.

Я не намѣренъ останавливаться въ настоящемъ очеркѣ подробнѣе на значеніи древнеледниковой дѣятельности въ бассейнѣ Телецкаго озера и въ распространяющейся къ югу отъ озера горной странѣ, такъ какъ я уже раньше имѣлъ случай въ другомъ мѣстѣ напечатать сообщеніе объ этомъ вопросѣ. ¹⁾ За то я позволяю себѣ въ нижеслѣдующемъ нѣкоторыя замѣчанія о ледниковомъ періодѣ въ рѣчной области Бій, т. е. въ мѣстности, прилегающей съ сѣвера къ древнему Чулышманско-Бійскому леднику.

Сѣверовосточный Алтай, который орошается Біею и ея притоками, представляетъ собою довольно монотонную покрытую густыми лѣсами горную страну, которой придаютъ до нѣкоторой степени разнообразіе только глубоко вѣтвистыя рѣчныя долины. До образованія этихъ послѣднихъ раскинулась здѣсь слабоволнистая равнина, или точнѣе сказать, „почти равнина“ (peneplain) съ мѣстами поднимающимися небольшими холмами и мягко очерченными возвышенностями. Мѣстность была похожа на теперешнія предгорія Алтая, напр. въ окрестностяхъ Змѣиногогорска и Семипалатинска. Такое заключеніе можно вывести, основываясь на почти одинаковой высотѣ горныхъ кряжей, надъ которыми только изрѣдка возвышаются отдѣльныя горы, состоящія изъ болѣе твердыхъ породъ или же возникшія сравнительно поздно черезъ вулканическія изверженія горы—а прежде всего на существованіи сохранившихся частей древней „почти равнины“, образовавшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вершины хребтовъ, напр. находящихся у выхода Бій изъ Телецкаго озера и въ окрестностяхъ Кокши на высотѣ 800—900 метровъ, около устья Лебеди на высотѣ 600 метровъ, и по южнымъ притокамъ послѣдней на высотѣ 1000—1100 метровъ н. у. м.

Существованіе остатковъ выравненной, въ морфологическомъ отношеніи, старой поверхности въ ландшафтѣ—особенность не только сѣверовосточнаго Алтая. То же самое наблюдается, какъ сообщаетъ *Обручевъ*, ²⁾ въ Калбинскомъ

¹⁾ Morphologische Forschungen im östlichen Altai. Zeitschr. d. ges. f. Erdk. zu Berlin. 1914. II° 5.

²⁾ W. Obrutshew, Das Kalbinskigebirge im Westlichen Altai. Petermanns Mitteilungen. 1913, II C. 128—32.

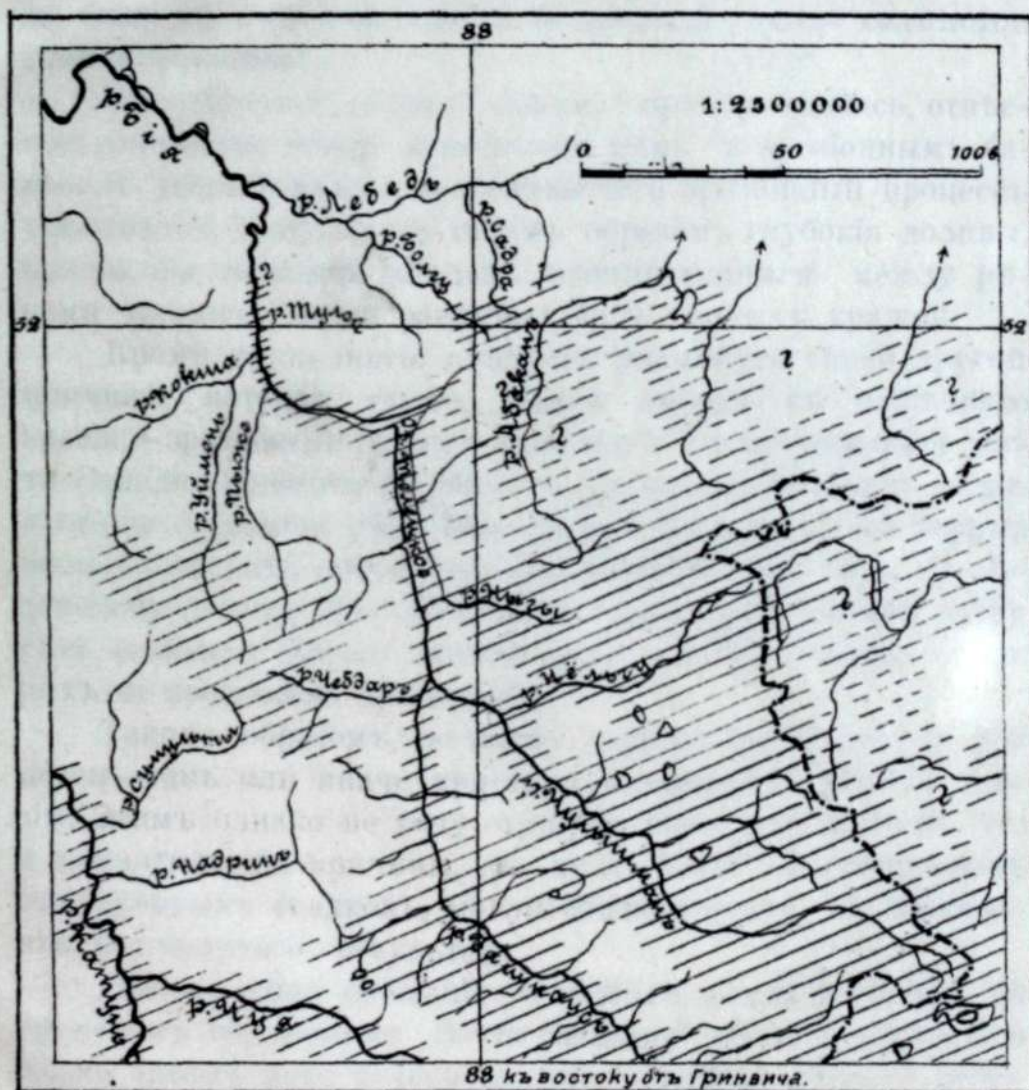
хребтъ, такъ же какъ и—что мною уже раньше отмѣчено ¹⁾—въ пограничныхъ частяхъ Русскаго Алтая и, особенно ясно, въ сѣверозападной Монголіи. Въ Тяньшанѣ этотъ вопросъ уже давно занимаетъ изслѣдователей. Весьма вѣроятно, что не одинаковая ясность упомянутой морфологической черты зависитъ отъ разностей въ послѣдующихъ тектоническихъ процессахъ и отъ измѣнчивости силы эрозии въ разныхъ мѣстахъ, и что слѣдовательно, „почти равнина“ возникла вездѣ въ южной Сибири, въ одинъ и тотъ же геологическій періодъ. Было бы поэтому очень желательно точное опредѣленіе этого послѣдняго. Пока еще взгляды расходятся. Большинство изслѣдователей высказывается въ пользу Мезозойской эпохи, обозначившей какъ извѣстно, весьма спокойное время въ исторіи земли. Это мнѣніе поддерживалось *Обручевымъ* относительно Калбинскаго хребта, равно какъ и мною нѣсколько лѣтъ раньше относительно Алтая вообще. Этого-же мнѣнія были нѣкоторые нѣмецкіе и австрійскіе изслѣдователи Тяньшаня (*Friederichsen, Kcidel, Machatschek* и др.) Напротивъ того американскіе, посѣтившіе Тянь-шань, географы и геологи (*Davis, Huntington Pumpelly*.) полагаютъ, что древняя „почти равнина“ образовалась значительно позже. Нѣкоторые, замѣченные мною въ прошломъ (1914) году морфологическія особенности Восточнаго Алтая, какъ напр. отношеніе „почти равнины“ къ ледниковымъ явленіямъ, говорятъ за послѣднее предположеніе.

Какъ бы то ни было,—*Сѣверовосточный Алтай получилъ свой внѣшній, горной странѣ свойственный видъ, вслѣдствіе образованія глубоко врызанныхъ въ древнюю „почти равнину“ долинъ*, которыя, хотя въ основѣ расположены предписаннымъ тектоникой мѣстности образомъ, но всѣ безъ исключенія эрозіонныя. Нѣкоторыя особенности долины Бии объясняются, какъ изъ нижеслѣдующаго будетъ это видно, дѣятельностью бывшаго ледника, и не стоитъ, какъ это предполагалъ *Яковлевъ*, въ связи „съ тѣми тектоническими процессами, которые вызвали образованіе Телецкаго озера и съ колебаніемъ водъ его.“²⁾

¹⁾ „Beitrage и т. д.“ С. 13, 85—6, и 122; такъ же въ статьѣ „Die Northwest Mongolei“, Zeitschr. d. ges. f. Erdk. zu Berlin, 1912 № 8.

²⁾ Описаніе листа „Улала“, 28 и 124.

Распространение древняго оледененія въ Восточномъ Лита.
Мѣстности, покрытыя въ ледниковое время льдомъ, заштрихованы.

Во время образованія „почти равнины“ рѣчная область Бйп, безъ сомнѣнія, лежала ниже, чѣмъ теперь, относительно западносибирской равнины, которая въ то время, равно какъ и раньше въ теченіе долгихъ геологическихъ періодовъ, представляла собою обширную область аккумуляціи. Здѣсь въ огромныхъ озерныхъ бассейнахъ и широкихъ рѣчныхъ долинахъ скоплялось все то, что малосильныя воды были въ состояніи снести за предѣлы низко холмистой „почти равнины“.

Впослѣдствіи „почти равнина“ приподнималась, отвѣсное разстояніе между верховьями рѣкъ и эрозіоннымъ базисомъ увеличивалось, вслѣдствіе чего эрозіонный процессъ усиливался. Получались такимъ образомъ глубокія долины, придающія въ концѣ концовъ возвышающимся между рѣками частямъ „почти равнины“ видъ горныхъ кряжей.

Кромѣ приподнятія слѣдуетъ упомянуть еще о другой причинѣ, которая также давала поводъ къ оживленію эрозіи:—эрозіонный базисъ понизился. Съ прилежащей части Западно Сибирской равнины исчезли скопленія воды, нынѣшняя долина рѣки Оби образовалась такъ, что горныя воды могли безъ остановокъ продолжать свой путь къ Ледовитому океану. Это обозначало оживленіе эрозіи и въ тѣхъ долинахъ Обской системы, въ рѣчной области которыхъ не произошло приподнятія.

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, тектоническія процессы—такъ или иначе дѣйствуя возобновили рѣчную эрозію. Этимъ однако не хочу отрицать той возможности, что и климатическія причины, въ видѣ болѣе значительныхъ атмосферныхъ осадковъ, могли содѣйствовать къ достиженію упомянутого результата.

Все же наши свѣдѣнія о періодѣ, послѣдующемъ за временемъ образованія „почти равнины“ весьма скудны. Наверно знаемъ пока только то, что въ теченіе даннаго періода, до начала послѣдняго (т. е. несомнѣннаго) ледниковаго періода *поддонная эрозія въ долинахъ преобладала*, и что рѣки *современемъ углубили свои долины*. Можно различить по меньшей мѣрѣ *два времени сильной поддонной эрозіи*, которыя должны быть разсмотрѣны частью какъ происшедшія отъ приподнятія „почти равнины“, частью отъ пониженія или общаго базиса эрозіи всей системы Бйп, или болѣе мѣ-

стнаго базиса, напр. долины Бии въ предѣлахъ бывшей „почти равнины“. Съ этими временами оживленной эрозіи чередовались времена, въ теченіе которыхъ рѣки расширяли и заполняли свои долины, времена, которыя слѣдуетъ считать, если не просто обозначающими зрѣлость цикла, то происшедшими или отъ движеній въ земной корѣ въ противоположную сторону, или отъ уменьшенія осадковъ или же, наконецъ, отъ болѣе древнихъ ледниковыхъ періодовъ, во время которыхъ многія долины переполнялись ледниковыми отложеніями. Въ случаѣ, если данная страна дѣйствительно пережила нѣсколько оледенѣній, что пока еще не доказано, то въ продолженіе ихъ ледники, переуглубляя нѣкоторыя долины, были, съ другой стороны и одной изъ причинъ оживленія эрозіи въ послѣдующее, болѣе теплое время.

О первомъ болѣе древнемъ изъ выше упомянутыхъ, эрозіонныхъ временъ, оставившихъ ясныя слѣды въ Сѣверо-восточномъ Алтаѣ, напоминаютъ въ долинахъ крупныхъ рѣкъ, напр. *Лебеди*, только высшія болѣе пологія части склоновъ, мѣстами ограничивающія сохранившіяся части „почти равнины“, болѣею частью продолжающіяся догребней водораздѣльныхъ кряжей. Въ менѣе значительныхъ долинахъ, какъ напр. въ долину *Тулая*, наблюдаются иногда сохраняющіяся части долинъ (донъ) того времени въ видѣ эрозіонныхъ или—изрѣдка—аккумуляціонныхъ террасъ. Такимъ образомъ первый древній эрозіонный циклъ при своемъ прерываніи достигъ почти зрѣлой стадіи. Возможно, что болѣе древнее оледенѣніе ускоряло развитіе и окончаніе этого цикла. Нѣкоторыя наши наблюденія изъ рѣчной области Катуня говорятъ за такое предположеніе. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что послѣдующій, второй эрозіонный циклъ получилъ начало прежде всего отъ значительнаго и, какъ кажется, сравнительно быстрого углубленія долины Бии. Это углубленіе опять могло, какъ уже сказано, произойти или отъ пониженія русла р. Оби или отъ дѣятельности лежавшаго въ долину Бии ледника, переуглублявшаго главную долину по отношенію къ боковымъ.

Упомянутый второй циклъ является въ Сѣвосточномъ Алтаѣ въ морфологическомъ отношеніи господствующимъ.

щимъ. Вліяніе его видно повсюду въ ландшафтѣ. Эрозіей главнымъ образомъ тогдашнихъ водъ и выработаны долины. Цикль этотъ однако не былъ долговременнымъ. Поддонная эрозія уступила боковой эрозіи и аккумуляціи скорѣе, чѣмъ было совмѣстимо это съ нормальнымъ развитіемъ цикла. Дно боковыхъ долинъ Бѣи заполнялось—особенно въ своихъ нижнихъ частяхъ—раньше, чѣмъ склоны достигли характерной для зрѣлости уклона. Изъ этого понятно, что какое нибудь вліяніе со стороны главной долины помѣшало нормальному развитію цикла. Причина была на этотъ разъ климатическая: *последній ледниковый періодъ*, или точнѣе говоря, время максимума послѣдняго оледенѣнія, оставившаго ясные слѣды въ долинахъ верхней Бѣи.

Здѣсь представляется такимъ образомъ случай ознакомиться съ весьма интереснымъ и, насколько намъ извѣстно, почти нетронутымъ геоморфологическимъ вопросомъ, а именно съ косвеннымъ вліяніемъ ледниковаго періода на развитіе нормальнаго эрозіоннаго цикла въ мѣстностяхъ, лежащихъ по краямъ оледенѣнія.

При наступленіи ледниковаго періода было сперва, судя по нѣкоторымъ признакамъ, кратковременное оживленіе эрозіи, причиною котораго было можетъ быть увеличеніе осадковъ. Въ общихъ чертахъ рельефъ мѣстности имѣлъ тогда такой же видъ какъ и теперь; долины только не были такія широкодонныя. Рѣчныя русла лежали почти на нынѣшней своей высотѣ. Даже долина Бѣи не была исключеніемъ изъ этого правила, потому что переуглубленная ледникомъ часть ея впослѣдствіи почти заполнилась флювіоглаціальными отложеніями. Лишь русла нѣкоторыхъ небольшихъ боковыхъ долинъ верхней Бѣи, въ которыхъ послѣдледниковая эрозія была незначительна, лежатъ теперь замѣтно выше, чѣмъ въ доледниковое время.

Во время наибольшаго распространенія оледенѣнія наполнялась долина верхней Бѣи ледниковымъ языкомъ, развѣтвленнымъ отъ главнаго языка Чулышманско-Бѣйскаго ледника, лежащаго въ Телецкой котловинѣ. Эта вѣтвь дошла приблизительно до Кузенскаго порога, можетъ быть даже и дальше, и простиралась по долинахъ Бѣи по крайней мѣрѣ верстъ на 45. У выхода Бѣи была ея мощность 250—400 метровъ, при высотѣ поверхности въ 175 метровъ надъ

дномъ нынѣшней долины. Уклонъ поверхности языка былъ незначительный, 5—9° хотя и гораздо больше, чѣмъ уклонъ Бѣи въ настоящее время, который не превышаетъ 2 метровъ на километрѣ. ¹⁾ О мѣстоположеніи дна ледника и о степени переуглубленія точныхъ свѣдѣній пока не имѣемъ, такъ какъ намъ неизвѣстна мощность флювіоглаціальныхъ отложеній, заполнившихъ дно долины. Несомнѣнно ледниковая дѣятельность въ долинѣ верхней Бѣи была весьма значительна. Долина углубилась и расширилась; склоны стали круче, слѣды доледниковыхъ цикловъ стерлись. Но одновременно съ этимъ произошло съ другой стороны накопленіе отложеній по краямъ ледника.

Не менѣе ясныя, хотя и далеко не такъ значительныя слѣды оставлены бывшимъ ледникомъ въ долинѣ нижней Бѣи. Здѣсь скоплялись все выше и выше флювіоглаціальные наносы, гдѣ въ то время мутныя ледниковыя воды развѣтвлялись въ своихъ неопредѣленныхъ руслахъ. Боковая-же эрозія работала въ это время сильно, вслѣдствіе чего долина расширялась.

Значеніе оледенѣнія главной долины для морфологіи боковыхъ долинъ было разное, смотря по тому—были-ли послѣднія запружены самимъ ледникомъ, или передъ устьями ихъ отлагались только флювіоглаціальные наносы. Въ первомъ случаѣ оледенѣніе содѣйствовало значительному поднятію дна боковыхъ долинъ. При увеличеніи ледника данные притоки были сначала принуждены передвигать свои устья какъ можно дальше внизъ по теченію Бѣи, подмывая при этомъ соотвѣтствующіе склоны своихъ долинъ. Позже они, будучи запруженными ледникомъ и его боковыми моренами, стали наполнять отложеніями части своихъ долинъ, въ особенности близкія къ леднику, гдѣ мѣстами образовались болѣе или менѣе кратковременныя, льдомъ запруженныя озера. Одновременно съ этимъ начинали упорядочивать рѣки отлагать и въ болѣе высокихъ частяхъ своихъ долинъ и извиваться, подмывая при этомъ склоны. Величина заноса боковой долины осадками стояла въ зависи-

¹⁾ Приведенныя здѣсь гипсометрическія данныя только приблизительно вѣрныя, такъ какъ онѣ вычислены мною изъ барометрическихъ наблюденій. Я пользовался въ пути двумя вѣвѣренными anerоидами и двумя гипсотермометрами.

мости отъ мощности ледника. Самыя значительныя поднятія русла наблюдаются слѣдовательно вблизи выхода Біи. Однако еще въ нижней долинь Тулоя, приблизительно верстъ 40 отъ Телецкаго озера, данныя отложенія довольно значительны.

Что же касается значенія ледниковой дѣятельности для боковыхъ долинъ, лежавшихъ внѣ предѣловъ оледенѣнія, то здѣсь конечныя морены, переходный конусъ, галечныя поля и пески дѣйствовали такъ же, какъ тѣло ледника, хотя, конечно, гораздо слабѣе. Замѣчаемъ—въ долинахъ *Нини*, *Лебеди* и др.—приподнятіе дна долины вслѣдствіе отлагавшихся въ главной долинь галечниковъ и песковъ.

Такимъ образомъ поверхность мощнаго ледника и его отложеній была въ ледниковое время эрозіоннымъ базисомъ для притоковъ Біи. Намъ рисуется такая картина:

Долина верхней Біи была наполнена ледниковымъ языкомъ,—отвѣтвленіемъ лежащаго въ котловинѣ Телецкаго озера огромнаго глетчера. По сторонамъ его образуются, особенно весною, при таяніи снѣговъ, неопредѣленно развѣтвляющіеся потоки. Въ боковыхъ долинахъ образуются обширныя озера и болота. Въ нижнихъ частяхъ многихъ боковыхъ долинъ, имѣющихъ озера, течетъ вода временами въ направленіи, противоположномъ нынѣшнему, т. е. со стороны ледника, съ другой стороны текуцій въ боковой долинь, значительно укоротившійся притокъ вливается съ другой стороны. Въ ближней окрестности ледника наблюдаются на горахъ въ лѣтнее время лишь мѣстами по сѣвернымъ склонамъ и въ тѣнистыхъ расселинахъ нерастаявшіе снѣга, но дальше, на востокъ, на югъ и кое-гдѣ на западъ, горы, будучи болѣе высокими, покрыты, начиная отъ абсолютной высоты 1200—1300 метровъ¹⁾, вѣчными снѣгами, за исключеніемъ крупныхъ вершинъ и скатовъ.

Древній ледникъ, заставляя притоки Біи заносить отложеніями дно своихъ долинъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше поднималась его поверхность, съ другой стороны переуглублялъ занятую имъ главную долину. Величина этой послѣдней работы стояла такъ же въ зависимости отъ мощ-

¹⁾ На этой высотѣ лежала по моимъ опредѣленіямъ снѣговая линия ледниковаго періода въ верховьяхъ *Садры* и *Бай-гола* [*Волгу*], лѣвыхъ притоковъ Лебеди.

ности ледника: чѣмъ болѣе толщина глетчера возрастала, тѣмъ энергичнѣе углублялась долина. Такъ совершалъ Чулышманско-Бійскій или просто Бійскій ледникъ, подобно всякому леднику, одновременно въ однихъ и тѣхъ же частяхъ своей долины двоякую работу, эрозіонную и аккумуляціонную. Слѣдуетъ однако при этомъ вспомнить, что аккумуляціонная дѣятельность ледника выдѣлялась по отношенію къ боковымъ долинамъ только во времена возрастанія ледника, но за то во всѣхъ частяхъ системы запруженныхъ притоковъ; эрозіонная же работа ледника была главнымъ образомъ сосредоточена въ ложѣ ледника, вызывая въ боковыхъ долинахъ морфологическія послѣдствія только во времена отступанія ледника и пониженія его поверхности.

Верховья нѣкоторыхъ притоковъ Бии, какъ-то: *Лебеди, Кожии и Пыжи*, пережили въ ледниковомъ періодѣ мѣстное оледенѣніе, вслѣдствіе чего въ истокахъ рѣкъ образовались многочисленныя кары,¹⁾ а ниже-троги и свойственныя ледниковой дѣятельности отложенія. Такимъ образомъ ледниковый періодъ въ этихъ долинахъ помѣшалъ развитію нормальнаго цикла съ двухъ сторонъ,—непосредственно со стороны вершинъ означенныхъ долинъ и косвенно со стороны главной долины.

Таяніе и исчезаніе льда изъ долины Бии произошло по всей вѣроятности сравнительно скоро. При этомъ обнаружилось обширное, глубокое, окаймленное крутыми склонами ледниковое ложе, представлявшее яркій контрастъ съ широкими, заполненными отложеніями долинами окрестностей. Такая же несвойственная нормальному циклу морфологическая разница получалась между частью долины Бии, бывшей ложемъ ледника и частью лежавшей внѣ конца ледника. Нижняя и средняя части долины Бии со своими боковыми долинами въ общихъ чертахъ въ теченіе ледниковаго періода мало видоизмѣнились, въ то время какъ

¹⁾ У *Яковлева* (описаніе листа „Улала“ с. 32—34) и находимъ описаніе лежащихъ въ верховьяхъ *Уймени* и *Сары—Кожии* простыхъ и сложныхъ каровъ (цирковъ). Названный изслѣдователь однако не ставитъ эти образованія въ связь съ ледниковымъ періодомъ; по его мнѣнію способствуютъ возниканію круглыхъ цирковыхъ углубленій въ началѣ рѣки снѣжныя лавины и атмосферная вода вмѣстѣ съ усиленнымъ вывѣтриваніемъ и разрыхленіемъ горныхъ породъ.

верхняя часть была сначала рѣчной долиной, а затѣмъ служила ложемъ ледника, поверхность котораго, окаймленная незначительными возвышенностями, дѣйствовала въ морфологическомъ отношеніи, какъ уже выше отмѣчено, безъ малага какъ дно обыкновенной долины, а при таяніи же льда, она преобразовалась въ боковую котловину обширнаго Телецкаго бассейна. Надъ глубоко лежащимъ и неровнымъ дномъ этой котловины висѣли—(у выхода Біи) на значительной высотѣ—устья боковыхъ долинъ. Такимъ образомъ отодвинулся эрозіонный базисъ притоковъ внизъ, вслѣдствіе чего они стали углубляться въ принесенныя ими немного раньше отложенія. И только въ концѣ ледниковаго періода, стали показываться въ боковыхъ долинахъ слѣды столь продолжительнаго углубленія главной долины.

При отступаніи ледника стали видны по склонамъ долины Біи террасы, существованіе которыхъ дѣлаетъ возможнымъ опредѣленіе положенія поверхности бывшаго ледника и установленіе времени происхожденія наносовъ, заполняющихъ боковыя долины. По краямъ ледника образовалась *высшая терраса* долины изъ боковыхъ моренъ и отложеній запруженныхъ притоковъ. Поверхность этой террасы обозначаетъ, слѣдовательно, положеніе края ледника во время максимума оледенѣнія. Терраса напоминаетъ по своему сложенію до нѣкоторой степени флювиоглаціальныя галечныя отложенія и это оказывается тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе притоки и вообще текущая вода содѣйствовала образованію террасы. Иногда она имѣетъ видъ незначительной, какъ-бы прилѣпленной къ склону „полки“, лежащей въ защищенномъ уголкѣ или заворотѣ между выдающимися скалистыми выступами; обыкновенно-же она окаймляетъ устья притоковъ широкой полосой, которая уже издали бросается въ глаза и которая, продолжаясь въ боковыя долины, обозначаетъ тамъ положеніе дна долины во время наибольшей мощности ледника. Отложенія, замѣченныя *Гельмерсеномъ* у устья Тулоя принадлежали именно этой высшей террасѣ.

Ниже по Біи возвышаются въ видѣ террасъ, лежащихъ до нѣсколькихъ десятковъ метровъ надъ русломъ рѣки, сохранившіяся части переходнаго конуса и галечныхъ полей отложеній.

Боковыя долины верхней Бѣи были по отступленіи ледника въ двоякомъ смыслѣ висячими: во первыхъ, вслѣдствіе эрозіи ледника, а во вторыхъ—вслѣдствіе ледниковой аккумуляціи. Чѣмъ сильнѣе по отступаніи ледника углублялся притокъ въ отложенія на днѣ своей долины, тѣмъ скорѣй онъ, слѣдовательно, переставалъ быть висячимъ въ послѣднемъ смыслѣ. Большинство притоковъ уже углубили свое русло черезъ ледниковыя отложенія. Но уступа у устья, происхожденію котораго подавала поводъ ледниковая эрозія, даже самые крупные притоки верхней Бѣи еще не успѣли удалить. Правда, что упомянутый уступъ въ нѣкоторыхъ устьяхъ трудно замѣтить, но это зависитъ отъ выноса послѣднеледниковыхъ отложеній въ главную долину.

Рѣчная эрозія проявлялась, такимъ образомъ, въ послѣдующее за ледниковымъ періодомъ время наиболѣе сильно въ нижнихъ частяхъ боковыхъ долинъ верхней Бѣи. Лежація въ нихъ озера при углубленіи нижняго русла и устья рѣкъ быстро спускали свою воду въ верхнюю террасу. Однако въ верхнихъ частяхъ упомянутыхъ долинъ обнаруживалась эрозія менѣе сильно, мѣстами даже едва замѣтно. Съ этой разницею между различными частями одной и той же долины мнѣ представился случай ознакомиться при обследованіи системъ Тулоя и Кокши. Главная причина этого интереснаго явленія, какъ кажется, то обстоятельство, что рѣчная эрозія была въ болѣе высокой части долины дѣятельной въ одномъ и томъ же направленіи въ продолженіе всего ледниковаго періода, между тѣмъ какъ вода въ нижней долині въ времена текла въ направленіи, противоположномъ нынѣшнему. Этимъ объясняется также достиженіе цикломъ болѣе зрѣлой стадіи въ верхней долині.

Впадающіе въ предѣловъ оледенѣнія притоки Бѣи углублялись въ послѣднеледниковое время незначительно въ дно своихъ долинъ, лишь въ той же степени, какъ главная рѣка углубляла себѣ русло среди ледниковыхъ наносовъ.

Отступивъ изъ долины Бѣи, конецъ ледника остановился на продолжительное время вблизи выхода рѣки изъ Телецкаго озера, около деревни *Артыбашъ* отлагая здѣсь мощныя конечныя морены. Въ это время, названное мною *Артыбашской стадіей* отступанія, дно образовавшейся въ до-

линѣ верхней Біи боковой ледниковой котловины заполнилось отложеніями переходнаго конуса и флувиоглаціальной галькой до такой степени, что русло Біи въ концѣ концовъ оказалось приблизительно на той же высотѣ, какъ въ доледниковое время. Изъ этого слѣдуетъ, что болѣе раннія чистоморенныя отложенія, сравнительно, рѣдко встрѣчаются на днѣ названной долины.

Скопленіе галечниковъ Артыбашской стадіи въ долинѣ Біи обозначало ослабленіе эрозіи во всѣхъ боковыхъ долинахъ. При первомъ взглядѣ это, правда, кажется мало-вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ относительно притоковъ верхней Біи, которыя, какъ выше сказано, еще въ настоящее время являются висячими. Однако слѣдуетъ упомянуть, что въ этихъ притокахъ и теперь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Біи теченіе мѣстами почти незамѣтное, и что топкія болота часто окаймливаютъ русла не смотря на пониженіе уровня Біи въ послѣднее время. Несомнѣнно во время Артыбашской стадіи въ многихъ боковыхъ долинахъ образовались озера тамъ, гдѣ теперь расположены болота. Незначительное приподнятіе дна главной долины обозначало бы и теперь затопленіе водою низменныхъ частей упомянутыхъ долинъ.

Изъ изложеннаго явствуетъ, что языкъ большого долиннаго ледника повліялъ весьма многообразно посредствомъ своей эрозіонной и аккумуляціонной дѣятельности не только непосредственно на занимаемую имъ долину, но и косвенно на всю обширную область стоящую отъ этой долины въ гидрографической зависимости. И все же это вліяніе нами рассмотрѣно въ мѣстности, оледенѣніе которой было сравнительно кратковременнымъ и гдѣ нормальный циклъ продолжалъ развиваться въ теченіе большей части ледниковаго періода. Несравненно болѣе ясно бросается въ глаза морфологическое значеніе бывшаго оледенѣнія во внутреннихъ, высокихъ частяхъ Алтая, гдѣ ледники занимали долины въ нѣсколько разъ длиннѣе, чѣмъ въ бассейнѣ Біи.

Послѣ окончанія Артыбашской стадіи и отступанія ледника къ югу отъ Телецкого озера описанный циклъ ледниковыхъ явленій окончательно и повсюду въ рѣчной области Біи уступаетъ мѣсто нормальному, хотя и ледниковая дѣятельность долго еще продолжалась въ горной странѣ, къ югу

отъ озера. Наносы отступающаго ледника больше не наслаиваются въ долину Бѣи; всѣ принесенныя ледникомъ отложенія скопляются на днѣ длиннаго и глубокаго Телецкаго озера. Съ того времени верхняя Бѣя больше не несетъ съ собою и не отлагаетъ ледниковыхъ матеріаловъ. Дѣятельность ея можетъ вообще обнаруживаться только въ эрозіи, непринимая конечно во вниманіе тѣхъ незначительныхъ отложеній, для образованія которыхъ дали матеріалъ ближайшіе склоны и нѣкоторые тихіе притоки.

Въ послѣледниковое время Бѣя углубила свое русло на нѣсколько метровъ, такъ что флувиоглаціальныя отложенія Атыбашской стадіи теперь образуютъ *нижнюю террасу* въ долинѣ Бѣи. Мѣстами замѣчается даже третья, совсѣмъ низкая *прибрежная терраса*. Такимъ образомъ различаемъ въ долинѣ Бѣи три террасы.

Вообще развитіе террасъ въ долинахъ системы Бѣи весьма разнообразно. Главнымъ образомъ это происходитъ во первыхъ отъ неодинаковаго количества текущей воды и во вторыхъ—отъ разной степени зависимости долины отъ Бѣйскаго ледника. На сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ ни одной долины въ данной части Алтая, гдѣ могли бы наблюдаться террасы всѣхъ морфологическихъ періодовъ, послѣдующихъ за временемъ „полу равнины“. Замѣчаются либо только террасы болѣе раннихъ, либо, преимущественно террасы послѣднихъ періодовъ. Такъ, въ долинѣ Бѣи самая старшая изъ встрѣчающихся трехъ террасъ относится къ максимуму оледенѣнія. Въ боковыхъ долинахъ верхней Бѣи можно различать кромѣ верхней еще вторую, соответствующую нижней террасѣ долины Бѣи и кое-гдѣ сохранившія части доледниковыхъ террасъ. Ясной прибрежной террасы нѣтъ, что зависитъ отъ небольшого отвѣснаго разстоянія между нижней и прибрежной террасой въ долинѣ и отъ маловодности притока. Въ боковыхъ долинахъ средней и нижней Бѣи, положеніе устьевъ которыхъ мало измѣнилось, верхняя терраса образуетъ все еще дно долины. Встрѣчающіяся здѣсь террасы возникли, слѣдовательно, въ доледниковыя времена.

Степень сохраненія болѣе древнихъ террасъ зависитъ конечно отъ эрозіонной силы рѣки, равно какъ, съ другой стороны и скорость образованія террасъ. Въ долинахъ, гдѣ

новѣйшія террасы ясны, древнія, обыкновенно, не сохранились. За то, напр., нѣкоторыя незначительныя долины нижней и средней Бии, въ которыхъ въ ледниковое и послѣднеледниковое времена не образовалось ясныхъ террасъ, сохранили много памятниковъ изъ морфологической исторіи страны.

Какъ бы то ни было,—вообще въ долинахъ сѣверо-западнаго Алтая, за исключеніемъ долины Бии, существуетъ какъ уже отмѣчено *Яковлевымъ*¹⁾, двѣ террасы. Это однако не однозначаше съ тѣмъ, что эти двѣ террасы во всѣхъ долинахъ данной части Алтая одновременнаго происхожденія.

Въ верховьяхъ нѣкоторыхъ притоковъ Бии мною отмѣчены факты, говорящіе за незначительное приподнятіе еще въ ледниковое время и, какъ кажется, даже позже, находящейся въ истокахъ этихъ рѣкъ горной страны. Однако это движеніе въ земной корѣ повліяло въ весьма малой степени на морфологію рѣчной области Бии.

О климатѣ ледниковаго періода въ Восточномъ Алтаѣ я въ состояніи дать лишь нѣкоторыя общія свѣдѣнія. Надо надѣяться, что въ будущемъ удастся получить болѣе удовлетворительное разъясненіе этого несомнѣнно труднаго вопроса въ болѣе западныхъ частяхъ Алтая, гдѣ растительность не такъ сильно, какъ въ рѣчной области Бии, мѣшаетъ наблюдать.

Факты, на которыхъ основываемся при обсужденіи свойствъ климата ледниковаго періода въ данной части Алтая, слѣдующіе:

1. *Ледниковый періодъ былъ временемъ преобладающей аккумуляціи.* Въ теченіе его отлагались галечные и песчаные наносы въ долинахъ, а въ окрестностяхъ нижней Бии сыпучіе пески и лессовидные суглинки.

2. *Ледниковый климатъ былъ холоднѣе нынѣшняго*, ибо никакая другая причина не могла бы давать поводъ столь значительному оледѣненію.

Остается, такимъ образомъ, неразрѣшеннымъ только вопросъ объ одной чертѣ ледниковаго климата, т. е. о степени влажности его.

Существуетъ мнѣніе, по которому климатъ ледникова-

¹⁾ *Описаніе листа „Улала“, с. 28, 44 и 124*

го періода долженъ быть сухой, потому что упомянутый періодъ былъ аккумуляціонный. Такое утвержденіе однако не можетъ быть признано вѣрнымъ, ибо аккумуляціонный процессъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ усиливается и во влажномъ климатѣ. Причиною могутъ служить приподнятіе эрозіоннаго базиса, пониженіе верховьевъ рѣкъ или же пониженіе средней годовой температуры. Въ обоихъ первыхъ случаяхъ начинающуюся аккумуляцію слѣдуетъ считать слѣдствіемъ уменьшенія скорости теченія воды, въ послѣднемъ же случаѣ аккумуляція вызывалась тѣмъ, что возрастающіе ледники передавали вытекающимъ изъ нихъ рѣкамъ болѣе обильные матеріалы, чѣмъ тѣ, которые могли бы быть въ нихъ во время нормальнаго цикла при тѣхъ же гипсометрическихъ условіяхъ.

Такимъ образомъ данный вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ просто констатированіемъ преобладанія рѣчной аккумуляціи въ ледниковое время. Здѣсь необходимо точное изслѣдованіе не только состава и характера, тогдашнихъ отложений, но и выясненіе силы боковой эрозіи въ долинахъ того времени.

Дилувіальная галька, встрѣчаемая въ долинѣ Біи, хорошо окатана, ясно сортирована и покрываетъ собой равномерно значительныя пространства. Склоны долины доказываютъ довольно значительную боковую эрозію по всему теченію Біи. Изъ этого заключаемъ, что рѣка имѣла неопредѣленное, развѣтвляющееся русло, и что она подвергалась сильнымъ колебаніямъ воды, въ зависимости не только отъ таянія зимнихъ снѣговъ, но и отъ чередующихся между собою болѣе продолжительныхъ періодовъ времени возрастанія и отступанія ледника. Въ долинѣ Біи этой неопредѣленности русла способствовали навѣрно также обширныя наледы.

Хотя и несомнѣнно рѣки въ ледниковое время дѣйствовали сильно,—но онѣ въ среднемъ не были многоводнѣе нынѣшнихъ, за исключеніемъ конечно запруженныхъ ледникомъ. Все то, что рѣчная эрозія тогда сдѣлала, она могла бы совершить и при нынѣшнихъ водахъ. Вѣроятно атмосферныхъ осадковъ не было тогда больше, чѣмъ теперь. Скорѣе наоборотъ. Въ окрестностяхъ нижней Біи скоплялись лессовидныя почвы и образовались дюны. Отложе-

нія происходящихъ въ то время по склонамъ при разрушеніи и вывѣтриваніи горныхъ породъ содержали также меньше гумуса, чѣмъ соотвѣтствующія новѣйшія отложенія. Съ другой же стороны эти факты не говорятъ непременно въ пользу особенной сухости ледниковаго климата, потому что растительный покровъ тогда, при болѣе низкой температурѣ, былъ менѣе значителенъ и не могъ имѣть одинаковаго вліянія на почвы, какъ въ настоящее время. Для дѣятельности вѣтра имѣлись тогда болѣе благопріятныя условія. Растительность не такъ сильно мѣшала какъ теперь ея развитію, и на открытыхъ берегахъ мутной ледниковой рѣки легче поддавались тогда сдуванію массы песчаного и глинистаго матеріала, принесенныя водой изъ тающаго ледника.

Скорѣе всего климатъ ледниковаго періода былъ такой же влажности, какъ климатъ настоящаго времени и рѣки, приблизительно, такой-же величины, какъ и теперь. Всѣ отложенія, встрѣчающіяся въ долинахъ Сѣверовосточнаго Алтая внѣ продѣловъ бывшаго оледенѣнія, могутъ быть объяснены предположеніемъ, что колебанія воды въ рѣкахъ и отлагаемые рѣками наносы были, значительнѣе, чѣмъ теперь. Предположенія же эти не только естественны, но и правдоподобны: сильное таяніе весною огромныхъ массъ льда и снѣга въ то время не могло не вызвать значительныхъ колебаній рѣчныхъ водъ, равно какъ и эрозіонная дѣятельность ледниковъ не могла произойти безъ усиливанія аккумуляціонной работы рѣкъ. Въ пользу нашего взгляда говорятъ также подмѣченныя мною факты, что поддонная эрозія усиливалась въ первой половинѣ ледниковаго періода особенно въ боковыхъ долинахъ Бін, но за то дѣятельность вѣтра была значительнѣе во время максимума оледенѣнія и при отступаніи ледниковъ. Основной причиною этихъ особенностей была также скорѣе всего только перемѣна температуры; ибо если нынѣшняя температура понизилась бы постепенно при одинаковой абсолютной влажности и наступило бы новое оледенѣніе, то относительная влажность увеличивалась бы, а слѣдовательно также и эрозія во всѣхъ долинахъ за исключеніемъ занятыхъ ледниками долинъ, въ которыхъ текущая вода уменьшилась бы вслѣдствіе возрастанія массы твердой воды. Въ противномъ случаѣ

при повышеніи температуры, и отступаніи ледниковъ послѣ предположеннаго максимума оледенѣнія относительная влажность, равно какъ и рѣчная эрозія во всѣхъ лежащихъ внѣ оледенѣнія долинъ, уменьшалась бы. Только рѣки, вытекающія изъ ледниковъ и снѣговъ стали бы увеличиваться вслѣдствіе образованія текущей воды при таяніи льда и снѣга. Въ это время и работа вѣтра была бы сильнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Такимъ образомъ наши вышеизложенные взгляды о климатѣ ледниковаго времени на Алтаѣ подтверждаются и теоретическими разсужденіями.

Боковая долина (а---в), запруженная
древнимъ ледникомъ Бѣи.

Долина р. Тондошки, запруженная
древнимъ ледникомъ Бѣи.

А. Бѣлослюдовъ.

Киргизскія сказки.

Три брата.

Было у одного киргиза три сына. Помирая отецъ за-
вѣщалъ сыновьямъ ходить на его могилу по очереди три
дня. Схоронили отца. Старшій сынъ не идетъ: „Что я пой-
ду его мертваго караулить?!“ Пошелъ младшій сынъ. Си-
дитъ. Ночью отецъ вышелъ и спрашиваетъ: „Это ты, мой
старшій сынъ?“ — „Нѣтъ, я самый младшій“. Слышитъ то-
потъ. Прибѣжалъ рыжій конь, вся сбруя въ серебрѣ, на
сѣдлѣ дорогая одежда лежитъ. Отецъ велѣлъ сыну изъ
хвоста у коня волосъ выдернуть и отпустить его. „Когда
надо будетъ, зажги волосъ, рыжка прибѣжитъ къ тебѣ“. —
сказалъ отецъ и легъ опять въ могилу. Рыжка убѣжалъ.
Пришелъ утромъ младшій сынъ домой. Стали его братья
спрашивать, что накараулилъ. „Ничего, говоритъ, не ви-
далъ“. На другой день очередь среднему идти. „Что я пой-
ду его мертваго караулить!“ говоритъ средній сынъ, и не
пошелъ. Младшій опять пошелъ. Опять ночью вышелъ
отецъ, спросилъ, кто его караулитъ. Прибѣжалъ вороной
конь. Выдернулъ у него изъ хвоста младшій сынъ волосъ
и отпустилъ. Отецъ опять легъ въ могилу. На третью ночь
вынесъ отецъ изъ могилы младшему сыну скатерть и
сказалъ: „Если что тебѣ надо будетъ, скажи и разстели
скатерть,—все будетъ. За то, что братья твои не приходи-
ли меня караулить, будутъ они бѣдными, а ты будешь бо-
гатымъ. Спряталъ младшій сынъ скатерть; пришелъ ут-
ромъ домой,—братья смѣются надъ нимъ.

Пронесся вскорѣ кличъ по степи, что ханъ свою дочь
замужъ выдать хочетъ, выдастъ же за того, кто отъ нея
кольцо получитъ. А ханъ сдѣлалъ высокую избу, семь
избъ, изба на избѣ, и посадилъ на верхъ дочь свою. По-

ѣхали братья на своихъ коняхъ, сталъ младшій братъ проситься, они не взяли его. Остался онъ дома, зажегъ рыжкинъ волосъ, прибѣжалъ рыжка. Одѣлся онъ въ дорогое платье, которое было на сѣдлѣ, сѣлъ на рыжку, два раза плетью ударилъ и обогналъ братьевъ. Разбѣжался рыжка, прыгнулъ,—чуть до ханской дочери не допрыгнулъ. Въ другой разъ ханъ кличъ кликнулъ. Поѣхали опять братья. Сталъ младшій проситься, они не взяли его. Уѣхали братья. Сталъ онъ вороной волосъ жечь,—прибѣжалъ воронко. Одѣлъ онъ дорогое платье, сѣлъ на воронка, одинъ разъ ударилъ плетью, обогналъ братьевъ. Разбѣжался воронко, прыгнулъ,—и допрыгнулъ. Ханская дочь одѣла молодцу на руку кольцо и велѣла палець тряпочкой обвязать, чтобы никто у него кольца не увидалъ,—не укралъ.

Пришло время свадьбы; съѣхался весь народъ, стали искать у кого кольцо,—ни у кого нѣтъ. Велѣла ханская дочь позвать младшаго брата изъ троихъ. Пришелъ онъ въ лохмотьяхъ, кольцо на рукѣ тряпочкой повязано. Выдалъ ханъ за него свою дочь, но не сталъ ее съ нимъ въ своемъ домѣ держать, построилъ имъ худенькую избушку, и стали они въ ней жить. Захворалъ разъ ханъ,—призвали бахсу. Велѣлъ бахса самого большого дикаго ямана поймать и мясомъ его кормить хана. Сталъ ханъ охотниковъ искать,—ямана поймать. Вызвались два брата. Далъ ханъ имъ коней самыхъ лучшихъ. Зять тоже сталъ проситься,—далъ и ему ханъ лошаденку. Поѣхали братья, младшій отсталъ. Билъ, билъ, онъ свою лошадь, разозлился, схватилъ ее за хвостъ и убилъ, шкуру снялъ, а мясо собакамъ бросилъ. Зажегъ волосъ, прибѣжалъ рыжка. Сѣлъ онъ на рыжку, а тотъ ему и говорить: „Крѣпче держись, какъ нагоню я ямана, ты хватай его за шею и держи, не удержишь,—убьетъ онъ насъ“. Бѣжалъ, бѣжалъ рыжка,—прибѣжалъ, гдѣ яманъ пасется, разбѣжался прямо на ямана, да возлѣ него, а ханскій зять схватилъ ямана за шею да и поволокъ. Доѣхалъ онъ съ яманомъ до рѣки,—остановился. Досталъ скатерть, которую отецъ ему далъ, раскинулъ, и тотчасъ передъ нимъ богатая юрта появилась.

Вдуть братья, видятъ юрта стоитъ, а у юрты яманъ. Подѣхали, не узнали брата въ дорогихъ одеждахъ, стали у него ямана торговать. „Если по мизинцу мнѣ дадите-

тогда возьмите“.—сказалъ онъ имъ. Братья подумали, подумали: „рукава долги, рукъ не видать“. Взяли отсѣкли по мизинцу. Взялъ онъ, отдалъ имъ ямана, а пальцы завернулъ въ тряпку и положилъ въ карманъ. Уѣхали братья. Собралъ онъ скатерть,—исчезла юрта. Съѣлъ онъ на рыжку, поѣхалъ; возлѣ аула отпустилъ рыжку, а самъ идетъ да за баранами бѣгаетъ, ловить. Народъ смѣется. Пришелъ домой, жена сердится. „Лошадь у меня худая была,—говорить,—а то бы я поймалъ“. Съѣлъ ханъ ямана,—не поправился. Позвали опять бахсу. Бахса сказалъ, что надо поймать гусей красныхъ—золотыя крылья, ими хана кормить. Братья опять вызвались,—сѣли на коней и уѣхали. Зять опять сталъ проситься. Велѣлъ ханъ дать ему лошаденку. Выѣхалъ онъ за аулъ, убилъ ее, ободралъ шкуру, мясо собакамъ бросилъ. Зажегъ вороной волосъ,—прибѣжалъ воронко. Съѣлъ на воронко, поѣхалъ на море. Приѣхалъ къ морю, поймалъ двухъ гусей красныхъ—золотыя крылья, поѣхалъ обратно. Остановился на дорогѣ, досталъ скатерть, развернулъ,—опять появилась юрта. Братья ѣдутъ,—опять не узнали его, стали гусей торговать. „Давайте я вамъ на курдюки клейма наложу, тогда отдамъ“. Братья согласились. Уѣхали братья. И онъ приѣхалъ. Убилъ на падали двухъ сорокъ и тащить. Народъ смѣется. Жена опять сердится, а онъ опять говоритъ, что ему худую лошадь дали. Съѣлъ ханъ гусей. Бахса велѣлъ еще поймать кобылу съ сорока жеребятами, у которыхъ гривы золотыя, а хвосты серебрянные, кумысомъ отъ этой кобылы хана поить. Опять братья вызвались. И зять на лошаденкѣ поѣхалъ. Выѣхалъ за аулъ,—содралъ кожу, мясо собакамъ бросилъ. Зажегъ вороной волосъ. Воронко прибѣжалъ и велѣлъ ему покрыть его тремя шкурами: „кобыла будетъ кидаться три раза, шкуры рвать на мнѣ,—устанетъ, тогда можно будетъ поймать ее“. Съѣлъ онъ на воронка, поѣхалъ. Поймалъ кобылу золотую гриву—серебряный хвостъ, жеребята сами за ней побѣжали. По дорогѣ опять остановился, раскинулъ скатерть. Братья ѣдутъ, видятъ юрта, а у юрты кобыла съ жеребятами. Подѣхали, опять не узнали брата, стали торговать. Онъ продалъ имъ кобылу съ жеребятами за указательные пальцы. Поѣхали братья. А онъ слѣдамъ за ними къ хану на воронкѣ прискакалъ, и не спрашиваясь никого

пошелъ прямо къ хану. Тотъ его спрашиваетъ, кто онъ такой и зачѣмъ пришелъ. „А я тотъ, кто тебѣ ямана поймалъ, пару гусей красныхъ золотыя—крылья, кобылу и сорокъ жеребятъ золотыя гривы—серебрянныя хвосты“.—„Нѣтъ, не ты поймалъ, а вотъ они двое“.—сказалъ ханъ и указалъ на его братьевъ. „Это я имъ все передалъ: у меня отъ нихъ четыре пальца есть, за ямана да за кобылу съ жеребятами, а за гусей я имъ тавро наложилъ“, сказалъ младшій братъ. Тогда ханъ узналъ его, позвалъ его къ себѣ жить, и послѣ себя ханомъ сдѣлалъ. Ханъ сталъ богатымъ, а братья бѣдняками остались, какъ отецъ говорилъ.

Девять глупыхъ и одинъ умный.

Жили девять человѣкъ глупыхъ, лѣнивыхъ; рядомъ съ ними жилъ умный, трудолюбивый человѣкъ,—онъ пасъ баранъ. Разъ порвался у него сапогъ, пошелъ онъ къ сосѣдямъ и попросилъ ихъ понаести его скоть, пока онъ сапогъ починяетъ. Цѣлый день бѣгали они за скотомъ, весь скоть разгоняли, домой пригнать не могли. Починилъ пастухъ сапогъ и пошелъ назавтра скоть розыскивать, но не нашелъ ни одной скотины: всѣхъ волки поѣли. Видитъ онъ идутъ шесть верблюдовъ, у всѣхъ у нихъ головы бѣлыя, онъ поймалъ ихъ, всѣмъ вымочилъ головы кровью и стали головы у нихъ красны. Вдетъ человѣкъ по полю, увидалъ пастуха, подѣхалъ и спрашиваетъ, не видалъ ли онъ верблюдовъ съ бѣлыми головами. „Нѣтъ,—говоритъ—не видалъ“. Человѣкъ уѣхалъ, а пастухъ пригналъ шесть верблюдовъ къ ночи домой. Сосѣди его спрашиваютъ: „гдѣ взять?“—„А вы скоть мой разогнали, его волки поѣли, я по степи ходилъ, кости собралъ, на базарѣ продалъ, себѣ верблюдовъ купилъ“. Сосѣди весь свой скоть перебили, кости очистили и понесли на базаръ, но продать костей не могли, только народъ насмѣшили. Вернулись они домой и со злости убили у пастуха мать. Поплакалъ, поплакалъ пастухъ, но дѣлать нечего: одному съ девятью не справиться. Одѣлъ онъ свою мертвую мать невѣстой, поса-

диль на быка и повезъ, а самъ шило взялъ. Ёдетъ мимо аула, увидали въ аулѣ дѣвки, что невѣсту везетъ, побѣжали къ нему. Онъ имъ кричитъ, чтобъ не подбѣгали близко потому что быкъ пугливый. Но одна бойкая дѣвушка не послушалась его и подбѣжала близко, тогда онъ ударилъ быка въ бокъ шиломъ,—быкъ кинулся въ сторону и уронилъ съ себя его мертвую мать на землю. Пастухъ кинулся къ невѣстѣ, принялся плакать и кричать, что невѣсту его убили. Весь аулъ собрался. Родители дѣвушки, напугавшей быка, испугались, и отдали виновницу пастуху взаменъ убитой. Пастухъ мать свою похоронилъ и вернулся съ невѣстой обратно. Сосѣди стали спрашивать его, гдѣ онъ дѣвушку взялъ. „А вы мать мою убили, она старая была, вязать, вышивать хорошо умѣла, я свезъ ее на базаръ и промѣнялъ. Тамъ и за мертвыхъ старыхъ молодыхъ мѣняютъ: старые люди нужны вязать, вышивать, а молодые еще не умѣютъ, узоровъ не знаютъ“. Всѣ девять сосѣдей убили своихъ матерей и повезли на базаръ. Но на базарѣ не только не промѣняли, но едва сами живыми убѣжали. Прибѣжали домой, и чтобъ отомстить подожгли у пастуха избу. Сгорѣла изба. Пастухъ взялъ мѣшокъ, набралъ въ него углей и понесъ. Дорогой встрѣтилъ человѣка, который гналъ корову съ теляткомъ. Человѣкъ этотъ увидѣлъ пастуха и спросилъ его, что онъ несетъ. „Золото“—сказалъ пастухъ и позвенѣлъ въ мѣшкѣ углями. „Продай корову?“—Человѣкъ продалъ ему корову. Пастухъ передавая мѣшокъ съ углями сказалъ: „Сегодня только не смотри въ мѣшокъ, а завтра утромъ встань, умойся, Богу помолись, тогда посмотри.“ Взялъ человѣкъ мѣшокъ, позвенѣлъ углями и вернулся обратно. Пригналъ пастухъ домой корову съ теляткомъ, а сосѣди спрашиваютъ его,—гдѣ взялъ? „А я углей набралъ, на базарѣ продалъ, да вотъ и купилъ корову.“ Сожгли сосѣди свои избы, набрали углей и пошли на базаръ, но надъ ними тамъ только посмѣялись. Вернулись они обратно, и рѣшили пастуха убить. Поймали они его, привязали къ березѣ, а сами ушли дровъ собирать, чтобы костеръ разложить и его сжечь. Видитъ пастухъ,—вдали старикъ баранъ гонить, сталъ ему кричать. Старикъ подошелъ. „Дѣдушка, вотъ у меня сильно спина болѣла, я привязалъ себя, чтобъ спина не болѣла, къ бе-

резѣ, теперь она у меня не болитъ, отвязи меня“. Старикъ отвязалъ, да и говоритъ: „У меня спина тоже болитъ, привязи-ка меня“. Пастухъ привязалъ его къ березѣ, а самъ взялъ всѣхъ баранъ угналъ къ себѣ домой. Пришли сосѣди, принесли хворостъ, разложили костеръ и сожгли старика. Сколько онъ ихъ не увѣрялъ, что онъ не пастухъ, не умолялъ—не повѣрили. Рѣшили что пастухъ, старикомъ прикинулся. Вернулись домой и стали спорить, кому изъ нихъ должна достаться жена пастуха. Смотрятъ, а онъ гонитъ стадо баранъ домой. Стали они его спрашивать, откуда онъ, и откуда у него баранъ столько? Вы меня сожгли я полетѣлъ вмѣстѣ съ дымомъ да въ воду упалъ, тамъ моя мать, братья живутъ, у нихъ скота много, они мнѣ немного дали. Вашихъ отцовъ, матерей и братьевъ я тамъ видѣлъ, они богаче еще моихъ живутъ.“ „Гдѣ они живутъ покажи намъ“.—стали просить его сосѣди. На завтра онъ угналъ овецъ на крутой берегъ, надъ омутомъ, повелъ туда своихъ сосѣдей и показалъ имъ отраженіе овецъ въ водѣ. «Прыгай, говоритъ, кто нибудъ. Только пруть возьми. Если много тамъ овецъ и трудно ихъ гнать будетъ, такъ прутомъ махай“. Взялъ одинъ изъ девяти пруть и спрыгнулъ. Завертѣло его въ омутъ такъ, что только пруть замахалъ. Другой соскочилъ, помогать баранъ гнать и тоже прутомъ замахалъ. Такъ всѣ девять попрыгали въ омутъ и утонули.

Алдаръ-Госе.

Шелъ Алдаръ-Госе степью и нашелъ баранью лопатку. Пришелъ къ киргизу и выпросился ночевать. Увидалъ у киргиза мясо, и говоритъ: „У мена мясо есть, можно вмѣстѣ съ твоимъ положить?“—„Ложи“—говоритъ хозяинъ, „А твое мясо мое мясо не съѣсть?“—„Не съѣсть“,—говоритъ хозяинъ. Положилъ Алдаръ-Госе оглоданную лопатку въ мясо. Утромъ досталъ Алдаръ-Госе оглоданную лопатку и закричалъ, что хозяйское мясо у него мясо съѣло. Рѣшилъ Алдаръ-Госе въ волость идти. Хозяинъ испугался и

далъ ему туктушку. Пошелъ Алдаръ-Госе дальше, выпросился опять ночевать, а самъ хозяина спрашиваетъ: „А твои бараны мою туктушку не съѣдятъ?“—„Зачѣмъ съѣдятъ, не съѣдятъ,“—говоритъ хозяинъ. Ночью Алдаръ-Госе всталъ, туктушку зарѣзалъ, мясо спряталъ, кости разбросалъ, овчину растрепалъ, девяти баранамъ кровью рты намазалъ. Утромъ Алдаръ-Госе сталъ туктушку искать. Нашелъ овчинку, кости и началъ кричать, что его туктушку бараны съѣли. Стали баранъ осматривать: девять баранъ ѣли. Отдалъ хозяинъ этихъ баранъ Алдаръ-Госе. Погналъ онъ ихъ. Видитъ дѣвочку хоронять. Подошелъ онъ и сталъ просить, чтобъ ему ее за баранъ отдали. Отдали ему мертвую, онъ положилъ ее въ мѣшокъ и пошелъ дальше. Идетъ и видитъ,—человѣкъ землю пашетъ на четырехъ быкахъ. Алдаръ-Госе идетъ мимо. Человѣкъ его спросилъ: „Куда пошелъ?“—„Свадьбу смотрѣть. Вонъ за той горой. Хочешь, сходи посмотри, а я попашу“, отвѣтилъ Алдаръ-Госе. Любопытный побѣжалъ, а Алдаръ-Госе сталъ пахать. Какъ только человѣкъ скрылся за горкой, Алдаръ-Госе отрѣзалъ всѣмъ быкамъ хвосты и заткнулъ въ землю, а быковъ отпустилъ, они убѣжали. Пришелъ любопытный Алдаръ-Госе говорить: „Сталъ я быковъ погонять а они въ землю ушли“. Человѣкъ хотѣлъ за хвостъ дернуть, но Алдаръ-Госе остановилъ его и сказалъ: „Оборвешь хвостъ, тогда быкъ совсѣмъ въ землю уйдетъ: надо выкапывать“. Сталъ человѣкъ быковъ выкапывать, а Алдаръ-Госе тѣмъ временемъ ушелъ. Копалъ, копалъ, разсердился, дернулъ за хвостъ:—быкъ въ землю ушелъ. Такъ всѣ четыре быка въ землю ушли. Алдаръ-Госе пришелъ въ аулъ и выпросился ночевать. Зашелъ и видитъ дѣвочки спать. „Я положу съ ними свою дочь? Она у меня ужъ спитъ?“—говоритъ „Ложь“ говоритъ хозяинъ. „А они не задавятъ ее“.—„Нѣтъ нѣтъ, не бойся“—говоритъ хозяинъ. Утромъ встали. Алдаръ-Госе закричалъ, что у него дочь задавили. Хозяинъ испугался и отдалъ ему одну живую на выборъ. Алдаръ-Госе посадилъ ее въ мѣшокъ, принесъ домой, повѣсилъ этотъ мѣшокъ съ дѣвочкой на косякъ юрты, а самъ ушелъ. Пришелъ безъ него въ юрту рыжій человѣкъ (Джеренше) вынулъ дѣвочку и отдалъ отцу, а въ мѣшокъ посадилъ красную собаку (у дѣвочки волосы были красные). Алдаръ-

Госе пришель, развязаль мѣшокъ, хотѣлъ дѣвочку въ голову поцѣловать, а его собака какъ схватить за лицо.

Джеренше.

Джеренше пасъ лошадей у хана. Разъ убѣжали у него лошади, онъ поѣхалъ ихъ искать. Ъдетъ и видитъ, дѣвушка дрова собираетъ. Спросилъ онъ ее, куда ему лучше поѣхать: двѣ дороги было. „Такъ поѣдешь, дальше, но ближе будетъ,—а этакъ поѣдешь, ближе, но дальше будетъ“—отвѣтила ему она. „Какъ такъ ближе да дальше будетъ?—спросилъ Джеренше. «А тутъ грязь будетъ».—«А гдѣ ты живешь»? спросилъ Джеренше. „А живу я въ той юртѣ, у которой сорокъ дыръ“. Нашель Джеренше юрту и высваталъ дѣвушку за себя. Она была красивая. Ханъ увидалъ ее и сталъ придумывать, какъ бы Джеренше извѣсти, а ее себѣ взять. Позвалъ онъ Джеренше да и говорить: „Сшей мнѣ сапоги изъ камня.“ Пришелъ Джеренше домой и говорить женѣ: „Что мнѣ теперь дѣлать: ханъ велитъ сапоги изъ камня сшить?“ „А ты сходи да попроси у хана дратву изъ масла да шило изъ воску“, сказала жена. Пошелъ Джеренше къ хану и сталъ просить. Ханъ ему и говорить: „Какъ же можно сдѣлать дратву изъ масла и шило изъ воску?“—«А какъ же я безъ этого изъ камня сапоги сошью? говоритъ Джеренше. Тогда ханъ велѣлъ ему быка сварить, но такъ, чтобъ въ немъ ничего не было, и чтобъ онъ не былъ рѣзанъ. Пришелъ Джеренше домой, рассказалъ женѣ. Та ему и говорить: „Возьми быка, пой его солонцовой водой и гоняй два дня.“ Джеренше такъ и сдѣлалъ,—и ничего въ быкѣ не осталось. Сварилъ Джеренше быка и сталъ разрѣзать при ханѣ. Ничего въ кишкахъ нѣтъ и быкъ не рѣзанъ, только маленькая травка осталась въ желудкѣ. Джеренше, будто попробовать, захватилъ травку съ мясомъ, отрѣзалъ и съѣлъ, ханъ и не видалъ такъ травки. Далъ послѣ этого ханъ Джеренше девять барановъ и велѣлъ, чтобъ они у него черезъ девять дней по ягненку принесли. Пришелъ Джеренше домой и говорить женѣ

„Опять бѣда! Далъ ханъ девять баранъ мнѣ и велѣлъ, чтобъ черезъ девять дней они обьягнудись“.—„Это онъ намъ девять баранъ ѣсть далъ.“—говорить жена. Прошло девять дней, велѣла она баранъ заколотъ, вымазала кровью руки и идетъ. А ханъ ей навстрѣчу, видитъ, что у ней руки въ крови, да и спрашиваетъ. А она ему и говоритъ: „Джеренше сейчасъ парнишка родилъ“.—„Это ты говоришь! Развѣ мужикъ родить когда?“—говоритъ ханъ. „А какъ же ты хочешь, чтобъ тебѣ бараны ягнать принесли?“—говоритъ она ему. Вернулся ханъ обратно. Рѣшилъ ханъ послѣ этого Джеренше убить, и велѣлъ ему въ дальнюю дорогу на охоту съ собой собираться. Разказалъ Джеренше все своей женѣ. Она сдѣлала изъ своего молока кумысъ, дала Джеренше и сказала: „Самъ не пей, а какъ ханъ захочетъ пить дай ему, онъ тебя тогда не убьетъ“. Поѣхали они. Захотѣлъ ханъ пить, Джеренше далъ ему кумыса напиться. Напился ханъ и сталъ спрашивать, откуда онъ взялъ такой сладкій кумысъ. Джеренше разказалъ ему. „Теперь она мнѣ мать,“—сказалъ ханъ, повернулъ обратно и уѣхалъ къ себѣ домой. Джеренше тоже домой воротился ѣдетъ и видитъ, Алдаръ-Госе идетъ. „Куда идешь?“—спросилъ онъ Алдаръ-Госе. „Въ кокъ—тюбэ. Посади-ка меня, вмѣстѣ поѣдемъ.“ Джеренше посадилъ Алдаръ-Госе и поѣхалъ. Захотѣлось Джеренше по нуждѣ сходить, слѣзъ онъ съ лошади, а Алдаръ-Госе ударилъ лошадь плетью и ускакалъ. Жена Джеренше увидала Алдаръ-Госе на лошади мужа, вышла изъ аула къ нему навстрѣчу и стала просить, чтобъ онъ посадилъ ее и подвезъ. Алдаръ-Госе слѣзъ и посадилъ ее, но самъ не успѣлъ сѣсть: она уѣхала. Сбѣгала она домой, взяла топоръ, догнала Алдаръ-Госе и отрубила ему голову. Побѣжала она разыскивать Джеренше и нашла его мертвого. Джеренше съ досады, что его Алдаръ-Госе обманулъ, умеръ.

Сказки записаны со словъ киргиза Нуркуша Тарабаева, 16 лѣтъ, уроженца долины Нарыма, живущаго въ д. Быковой, Верхъ-Бухтарминской волости, Змѣиногорскаго уѣзда, Томской губерніи.

А. Бѣлослюдовъ.

Къ исторіи „Бѣловодья“.

Вѣсти о безпредѣльныхъ просторахъ Сибири и о со-
сѣднихъ съ нею долинахъ невѣдомыхъ странахъ давно
проникли въ Россію, и гонимые за вѣру старообрядцы
создали въ своемъ воображеніи гдѣ-то въ далекомъ
пространствѣ географическій пунктъ Бѣловодье, присвоивъ
ему свои желанныя мечты. Для того, чтобы реализовать
его, они составили даже маршрутъ съ радужнымъ
описаніемъ привольнаго житія тамъ о Христѣ подра-
жателей. Изъ Россіи нужно было прѣбраться, на Ека-
теринбургъ, на Томскъ, на Барнаулъ, вверхъ по рѣкѣ Ка-
турнѣ на Красный Яръ, деревня Ака, тутъ часовня и де-
ревня Устьба. Въ Устьбѣ спросить страннопріимца Петра
Кириллова, зайти на фотеру. Тутъ еще множество фотеръ.
Снѣговья горы: онѣя горы за триста верстъ отъ Алама
стоятъ во всемъ видѣ. За горами Дамасская деревня, въ
той деревнѣ часовня, настоятель схимникъ Іоаннъ. Отъ
той обители есть ходъ сорокъ дней съ роздыхами,
черезъ Кижисскую землю, потомъ четыре дни ходу въ
Тотанію, тамъ Опоное государство; живутъ въ избѣ оке-
ана моря: мѣсто называемое бѣловодіе и озеромъ Ловомъ,
а на емъ сто острововъ, а на нихъ горы, а на горахъ
живутъ о Христѣ подражатели христовой церкви, право-
славные христіане. А тамъ не можетъ быть антихристъ и
не будетъ. И въ ономъ мѣстѣ лѣса темные, горы высокія,
разсѣдины каменные, а тамъ народъ именно, варварствъ
никакихъ нѣтъ и не будетъ а ежели-бъ всѣ китайцы были
христіане, то-бъ и не единая душа не погибла (Андерсенъ.
Старообрядцы и сектанты)

Руководствуясь подобными маршрутами въ поискахъ
Бѣловодья, пробираются они черезъ лѣса и степи въ сѣвер-
ныя предгорія Алтая, въ верховье рѣки Бухтармы, труд-

ными горными тропами переваливаютъ выси горъ, проходятъ пустыни, забираются вглубь Китая на берега Лобь-Нора, идутъ дальше, гибнутъ,—оставляя послѣ себя легенды.

Объ одномъ изъ такихъ путешествій разсказалъ мнѣ Ассонъ Зырхловъ, глава раскольниковъ долины Бухтармы. Въ 1861 г., когда ему было лѣтъ двѣнадцать, онъ самъ ходилъ на Бѣловодье. Маршрутъ этотъ не былъ еще напечатанъ. Ниже мы прилагаемъ и подлинный чертежъ пути, составленный Ассономъ Зыряновымъ.

Рано утромъ поднялась деревня. Вой подняли бабы. Все побросали,—дома, скотину... Взяли только лишь то, что нужно было въ дальнюю дорогу. Верхами съ ружьями мужчины, за ними бабы, дѣти, лошади съ вьюками, и опять мужчины,—всего сто тридцать человѣкъ поѣхали на Бѣловодье. Поднялись на уваль, простились со своей деревней Бѣлой. Перебрались за Бухтарму.

Перевалили черезъ Нарымскій хребетъ. Спустились къ Черному Иртышу. Близъ устья Бурчума перебрались черезъ Иртышъ. Прошли близъ озера Улюнгура. Встрѣтились съ начальникомъ торгоуцкимъ: три пера имѣетъ у себя на шапкѣ Отецъ Ассона, Емельянъ, такой же самоучка какъ и Ассонъ самъ, не разъ уже бывавшій въ монголіи и знавшій, по словамъ сына, языки-китайскій, монгольскій и манжурскій, развернулъ передъ начальникомъ заготовленную дома еще грамоту, расписанную никому на землѣ непонятными каракулями, съ раскрашенными внизу печатями и заявилъ по торгоутски, что они „индѣйцы“ идутъ въ Индію и просятъ указать имъ путь. Начальникъ былъ весьма любезенъ: направилъ ихъ на Урумчи, предупреждая чтобъ не уклонялись въ сторону, къ востоку, потому что тамъ пустыня. Распростившись съ торгоутскимъ начальникомъ „индѣйцы“ наши двинулись дальше. Прошли тропами отъ колодца къ колодцу до озера Номъ и озера Манасъ. Черезъ китайскую деревню прошли въ городъ Манасъ, отсюда двинулись на Урумчи. Изъ Урумчей на югъ, перевалили высокія горы со снѣжными вершинами—Ирень—Кабарга. Прошли черезъ китайскую деревню къ озеру Бограшъ, черезъ которое протекаетъ рѣка Карыша. Перебили на берегахъ этой рѣки въ кустарникахъ много мараловъ, свернули къ югу и оставивъ, по мнѣнію Ассона, озеро

Лобъ-Норъ на западъ отъ себя, зашли въ болото. Здѣсь въ камышахъ убили триста пятьдесятъ кабановъ, прожили два мѣсяца на берегахъ каго то озера и двинулись дальше. Зашли въ пустыню. Отъ жары люди стали помирать, воды въ запасѣ было такъ мало, что давали людямъ только на языкъ. Похоронивъ въ пустынѣ нѣсколькихъ товарищей добрались наконецъ къ подножію высокихъ черныхъ горъ. Переваливъ черезъ эти страшныя, высокія каменные горы, вышли на ровную каменистую степь. Дошли по степи до рѣчки Чemenъ. Видѣли въ степи и охотились за куланами, дикими яками, и дикими верблюдами. Прошли за рѣчку Чemenъ. Увидѣли впереди ледяныя вершины высокихъ горъ, держали совѣтъ и рѣшили вернуться обратно. Раздѣлились на двѣ партіи. Мужчины все обрили и рѣшили назваться кемчугами. Одна партія пошла прямо на Турфанъ, другая по старому пути. Встрѣчаясь съ китайцами отецъ Ассона заявлялъ, что они кемчуги. Но когда проходили по улицѣ Манаса китайцы кричали: „урусъ“. Подходя къ озеру Улюнгуръ издали увидели большую гору, отецъ Ассона называлъ ее Ильиной горой, потому что въ передній путь у подошвы этой горы дѣлали дневку въ Ильинъ день. Обратно въ Бѣлую вернулись немногіе и тѣ въ большинствѣ пѣшкомъ. Изъ партіи ушедшей на Турфанъ не вернулся никто. Путешествіе тянулось болѣе двухъ лѣтъ и Ассонъ Зыряновъ предполагаетъ, что пройдено было не менѣе пяти тысячъ верстъ. Это одно изъ путешествій на далекое Бѣловодье. Другія путешествія кончались почти тѣмъ же. Надежды найти Бѣловодье вдали—рушились, но зато ходившіе на Бѣловодье увидѣли привольныя мѣста вблизи, куда по возвращеніи и сбивали переселяться своихъ односельчанъ. Бѣловодцы, такимъ образомъ, являлись искателями лучшихъ мѣстъ, лучшей жизни. Это древніе стихійные путешественники, невольные соглядатаи. Бѣловодье,—это живой осколокъ древней старины. Въ настоящее время на Бухтармѣ уже не вѣрятъ въ существованіе Бѣловодья, хотя не рѣдкость встрѣтить еще старца, который свято-вѣря расскажетъ вамъ, что на Бѣловодьѣ, на морѣ, на островахъ живутъ святыя люди, что, если попасть туда, то можно живьемъ сдѣлаться святымъ и взойти на небо; добавитъ даже, что святыхъ людей видѣли хо-

дившіе на Бѣловодье; святые люди верхомъ на коняхъ по
водамъ подъѣзжали къ нимъ и звали, но кони ходившихъ
на Бѣловодье тонули и святые люди уѣзжали обратно.
Кромѣ этого въ верховьяхъ Бухтармы рассказывали мнѣ,
что великій князь Константинъ Николаевичъ, увидя, что не-
правда на Руси царить, ушелъ на Бѣловодье, на острова,
и увелъ туда съ собою еорокъ тысячъ мужскихъ и жен-
скихъ и что теперь этотъ народъ живетъ тамъ и податей
не платитъ.

16 августа 1915 г.

г. Омскъ.

— 38 —
А. Баржаксинъ.

Зная сказки-не утайвай ихъ.

(*Киргизская легенда*).

Поѣхалъ женихъ съ шаферами къ невѣстѣ. По обычаю въ эту ночь всѣ должны были разсказывать сказки другъ другу. Наступилъ вечеръ. Шафера, невѣста и сестра невѣсты разсказывали сказки. Пришла очередь жениха. Онъ отказался, отговариваясь незнаніемъ сказокъ. Говорилъ неправду; ему не хотѣлось потерять изъ-за сказокъ весеннюю ночь и безъ того короткую; хотѣлось скорѣе остаться наединѣ съ невѣстой. Удивились гости; недовольны были родители и сестра невѣсты. Легли спать. Женихъ остался съ невѣстой. Не спалось сестрѣ невѣсты. Ей хотѣлось послушать сказки, которыя разсказываетъ, какъ она думала, теперь женихъ невѣстѣ. Она стала подкрадываться къ юртѣ гдѣ были женихъ и невѣста. Вдругъ видитъ, что съ двухъ сторонъ къ этой-же юртѣ приближаются два привидѣнія. Они были сердиты на жениха и шли сговориться наказать его за то, что онъ, зная много сказокъ, утайлъ ихъ отъ гостей.—„Завтра послѣ вѣнчанія“—говоритъ первое привидѣніе—они отправятся. Я на дорогѣ сдѣлаюсь ручейкомъ. Такъ-какъ будетъ стоять сильная жара, то женихъ направится ко мнѣ и будетъ пить воду и обратится въ насѣкомое.“

Это привидѣніе было—сказкой о насѣкомыхъ. Второе привидѣніе сказало: „я обращусь въ золотой ножъ съ серебряной шейкой и буду лежать по дорогѣ, на дневномъ разстояніи отъ тебя. Когда женихъ возьметъ меня въ руку, я обрѣжу ему пальцы и онъ обратится въ ножъ“.

Это привидѣніе было сказкой о холодномъ оружіи.

Такъ рѣшили привидѣнія наказать жениха за утайки сказокъ. Они исчезли.

Утромъ было вѣнчаніе. Въ полдень новобрачные, навьючивъ приданое на верблюдовъ, отправились къ жениху.

Сестра невѣсты стала проситься съ ними. Но они не взяли. Тогда она поймала изъ стада лучшаго бѣгунца и поѣхала за ними.

День былъ жаркій. Караванъ искалъ воды. Женихъ ѣхалъ впереди и высматривалъ нѣтъ-ли гдѣ колодца, ручья, озера. Вотъ онъ видитъ ручеекъ. Направился къ нему, чтобы узнать, какая вода; можно-ли повернуть къ нему караванъ. Замѣтила это сестра невѣсты, помчалась на своемъ скакунѣ впереди жениха, пріѣхала къ ручью и опоганила ее. Разсердились новобрачные и поругали ее. Но сестра невѣсты не обратила на это вниманія.

Пошли дальше. Прошли день. Вдругъ женихъ видитъ, что-то блеститъ на дорогѣ. Это лежалъ золотой ножъ съ серебряной шейкой. Женихъ поскакалъ туда. За нимъ погналась сестра невѣсты; добѣжала первая, схватила ножъ и разломала на нѣсколько частей. Разсердился женихъ обругалъ ее. Сестра стала спрашивать, почему она такъ поступаетъ. Она сказала: „все, что я ни дѣлаю, вы дѣлаете мнѣ выговоръ; я и поступаю такъ“.

Когда пріѣхали, рассказали родителямъ жениха о поступкахъ сестры невѣсты. Тогда отецъ жениха призвалъ ее къ себѣ и спросилъ, почему она такъ поступала. Она рассказала о заговорѣ привидѣній. Когда это узнали, стали благодарить ее и принесли богатые подарки.

(Записано въ Атбасар. уѣз.)

К. Рычковъ.

„Мѣдный Змій“.

(Съ тунгускаго).

„Кто съ вѣрою взглянетъ на змѣя
тотъ будетъ живъ“ (Ян. числѣ Гл.
XXI, с. IX.)

Къ осени тунгусы стянулись на р. Пидъ, (прит. Енисея), для промысла дикихъ оленей.

Ихъ стойбища были разбросаны кругомъ громаднаго утеса Нямури, названнаго по имени, нѣкогда обитавшаго здѣсь, великаго шамана.

Послѣдній, не желая отдѣляться отъ своего народа, около двухъ столѣтій тому назадъ, обратился въ огромный величественный утесъ, благодаря чему будетъ жить со своимъ народомъ вѣчно...

Утесъ этотъ поражаетъ своей грандіозностью и сходствомъ съ очертаніями человѣка, сидящаго на колѣняхъ,—круглая голова на тонкой шеѣ, длинный носъ, отвислыя руки—представляютъ собою живой образъ человѣка.

Образъ этотъ одухотворенъ,—это живое, говорящее существо, никогда не покидающее тунгуса,—этотъ образъ великаго шамана все видитъ и знаетъ, живетъ жизнью своего народа и только передъ свѣтомъ каменѣетъ.

Ниже утеса Нямури, надъ рѣкою, виситъ огромная скала—лодка великаго шамана, справа отъ нея бубень, а еще ниже по теченію, врѣзавшійся въ рѣку громадный выступъ—собака шамана, служащая на заднихъ лапахъ.

По лѣвую сторону утеса Нямури одиноко возвышающаяся скала—„старуха“, жена шамана, она сидитъ и смотритъ на рѣку, любуясь своимъ отраженіемъ...

По берегу рѣки, гдѣ ступали ноги великаго шамана, образовались слѣды изъ бѣлаго камня.

Такъ одухотворена здѣсь природа и мѣстность наполнена фантомами воображенія въ самыхъ причудливыхъ сочетаніяхъ.

Погода стояла не постоянная. Моросилъ мелкій дождь. Небо, то заволакивалось тяжелыми, свинцовыми тучами, то быстро расчищалось и, тогда прорывался солнечный лучъ и показывался кусочекъ яснаго неба. Затѣмъ снова наступали чудныя сумерки, надвигался сѣрый дымъ и мелкій и безпрестанный дождь и туманъ заволакивали собою все.

Народъ уже совершилъ обрядъ очищенія, обязательный передъ промысломъ, и ждалъ, когда Yrida ¹⁾ пошлетъ добычу и тѣмъ откроетъ промыселъ.

Обрядъ очищенія у южныхъ тунгусовъ, Енисейскаго округа, носятъ названіе „wolyhперен“ и совершается слѣдующимъ образомъ. Сначала отыскиваютъ высокую стройную березу, обыкновенно, у устья рѣки или на мѣстахъ, гдѣ особенно замѣтно присутствіе „хозяина“ мѣстности, куда всѣ промышленники собираются въ полномъ вооруженіи и съ собаками. Намѣченную березу раздираютъ, вдоль комля, надвое и въ расщепъ вставляютъ распорку. Къ вершинѣ этой березы, въ даръ духу-хозяину мѣста, привѣшиваютъ платки, сукна, ленты яркихъ цвѣтовъ, а у комля ея разводятъ небольшой огонекъ и приносятъ ему возліянія изъ жировъ дикихъ животныхъ. Затѣмъ, въ образовавшееся отверстіе, перешагивая черезъ огонь и дымъ отъ жировъ, проходятъ всѣ промышленники и проводятъ за собою своихъ собакъ.

Скоро по стойбищамъ разнеслось извѣстіе, что путешникъ Помпоты добылъ дикаго оленя бѣлой масти, а это по примѣтамъ стариковъ, предвѣщало удачный промыселъ. Непріятно было только то обстоятельство, что высокая честь открытія промысла выпала на долю Помпоты, имѣвшему за собой не особенно лестную репутацію.

Помпоты былъ довольно интереснымъ субъектомъ. Въ народѣ онъ слылъ за путешника, но, на самомъ дѣлѣ, это былъ довольно серьезный человѣкъ, много испытавшій въ жизни. У него была пара женъ, но ни у той ни у другой дѣтей не было и это печалило Помпоты. Рассказывая о своей жизни, Помпоты больше всего жаловался на одиночество. „Напрасно, говорилъ онъ, я, въ молодости, вѣрилъ глупымъ шаманамъ, отыскивалъ по ихъ совѣту

¹⁾ Верховное божество.

птицу „хеjár“, ¹⁾ дабы отвѣдать ея мяса, глоталь яйца „navełiki“, ²⁾ испытываль наговоры, ѣль разные коренья, умоляль своихъ боговъ и цѣлыя ночи простаиваль на колѣняхъ передъ русскими иконами... Дариль священниковъ, шамановъ“...

„Все это было не нужно... дѣтей не было“..

Довѣріе было подорвано и Помпоты пришелъ къ убѣжденію, что „никакихъ боговъ нѣтъ, потому что они не слышать“.

Послѣ этого русскихъ боговъ т. е. иконы, Помпоты распродалъ, а шайтановъ своего издѣлія, выбросилъ на навозъ, священниковъ же и шамановъ положительно не сталъ выносить и, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался высмѣять ихъ, въ чемъ, кажется, находилъ особенное удовольствіе. За это и шаманы платили ему тѣмъ же.

Однако народъ, узнавши о добычѣ перваго оленя, да еще бѣлой масти, повалилѣ къ чумовищу Помпоты для совершенія традиціоннаго обряда „кормленія боговъ“ и открытія промысла.

Шаманы показали собравшемуся народу добытаго оленя и торжественно, со звуками бубновъ, объявили начало промысла. Затѣмъ приступили къ совершенію обряда „кормленія боговъ“, для чего у добытаго оленя шаманы отрѣзали голову, вынули внутренности, все это сварили и съѣли. Старшій изъ нихъ съѣлъ языкъ и глаза животнаго, а остальные все прочее. Народъ же кровью убитаго оленя мазаль своимъ идоламъ головы ³⁾

По исполненіи обряда „кормленія боговъ“ надлежало совершить торжественное камланіе, для чего шаманы направились къ священному лабазу, на которомъ хранились ихъ облаченія, божества и проч. атрибуты шаманства, а за шаманами хлынулъ и весь народъ.

Но каково было удивленіе шамановъ, когда они увидѣли, что жерди священнаго лабаза перевернуты вверхъ комлями, у шайтановъ сворочены головы, а у „ehele“ ⁴⁾ главнаго духа старѣйшаго шамана, обрублены лапы...

Обнаруживъ такое святотатство, шаманы потрясли воз-

¹⁾ Жаръ-птица.

²⁾ Стрижъ.

³⁾ У сѣверныхъ тунгусовъ, Турухан. края, обрядъ этотъ носитъ еще названіе „помосло“ отъ русскаго помазаніе.

⁴⁾ Ящеръ

духъ тяжелыми проклятіями, призывая всевозможныя несчастія на голову того, кто осмѣлился на подобное кощунство.

Народъ былъ въ полномъ недоумѣніи и хотя нѣкоторые и заподозрѣли въ этой продѣлкѣ Помпоты, но большинству казалось невѣроятнымъ, чтобы сородичъ надсмѣялся надъ своими богами и тѣмъ самымъ навлекъ гнѣвъ боговъ и несчастія на свой народъ.

Помпоты же довольно равнодушно отнесся ко всему происшедшему, радуясь, что наконецъ то ему удалось высмѣять и здорово подшутить надъ старыми шутами.

Призвавъ на голову преступника и весь его родъ справедливое возмездіе боговъ, шаманы клятвенно объявили народу, что послѣ такого злодѣянія боги жестоко отомстятъ и народъ постигнетъ голодъ и болѣзни и настанетъ моръ на людей и скотъ.

Народъ разбѣлся по своимъ стойбищамъ, подъ вліяніемъ ужасныхъ предсказаній шамановъ, весьма опечаленный, со смутнымъ предчувствіемъ чего то не добраго.

Скоро, дѣйствительно, въ народѣ стала появляться хворость, добычи не было и, такимъ образомъ, предсказанія шамановъ начали сбываться. Народъ надѣялся на милость своихъ боговъ и старался убоготворить ихъ всевозможными жертвами и почестями. Однако заболѣванія усиливались и народъ снова повалилъ къ шаманамъ.

Шаманы торжествовали.—Ихъ предсказанія сбылись. Теперь имъ нужно было, во что бы то ни стало, предотвратить народное бѣдствіе.

Посовѣтовавшись между собою, шаманы объявили камланіе, для умиловленія боговъ и избавленія отъ надвигающихся несчастій, причемъ на этомъ чрезвычайномъ шаманствѣ, каждая душа должна принести въ жертву половину своего состоянія.

Для совершенія необычайнаго камланія, въ назначенный шаманами день, народъ собрался со всѣхъ стойбищъ.

Передъ шаманами были наложены груды всякаго добра, а въ жертву богамъ были принесены цѣлыя стада оленей, проткнутые въ спину, голову и животъ заостроенными, деревянными кольями—и шаманы приступили къ камланію. Запылали костры. Всюду навалены были кровавыя

массы. Дымъ отъ костровъ, съ пропитанной кровью земли, прямыми столбами потянулся къ ясному небу. И съ дымомъ жертвенныхъ костровъ вверхъ полились завыванія шамановъ...

Наконецъ камланіе кончилось. Старѣйшій изъ шамановъ передалъ волю боговъ жадно слушающему народу: „Желаніе боговъ исполнено. Зажглись костры и кровь пролилась рѣкою. Гнѣвъ боговъ умиловленъ и благодарныя божества пополнять и умножать стада. Но величайшее преступленіе должно быть искуплено. Народъ постигнетъ моръ и спасеніе получитъ тотъ, кто больше вѣритъ въ милосердіе боговъ“.

Народъ еще болѣе опечаленный разбрелся къ своимъ стойбищамъ.

Помпоты не былъ на этомъ камланіи, а ѣздилъ въ сосѣднюю деревню, откуда привезъ своимъ женамъ краснаго кумачу.

У лавочника болѣла жена. Вмѣстѣ съ кумачемъ въ семью Помпоты забралась и болѣзнь, которая уничтожила самаго Помпоты и всю его семью.

Такъ наказанъ былъ, прежде всего, Помпоты за то, что вѣрилъ въ дерзновенную волю человѣка и отвергалъ боговъ и жизнь всю цѣликомъ и потому не нашелъ въ ней мѣста.

Затѣмъ болѣзнь распространилась и по остальнымъ стойбищамъ тунгусовъ.

Болѣзнь была необычайная: больные сразу ослабѣвали, глаза наливались кровью, несчастные теряли сознаніе и умирали.

Здоровые бросали свои чумы и заболѣвшихъ членовъ семьи и бѣжали, съ надеждой избавиться отъ неминуемой гибели, но смерть преслѣдовала бѣглецовъ по пятамъ и они умирали на пути.

Тогда шаманы водрузили на длинный шестъ ящера, съ отрѣзанными лапами, и сказали: „кто взглянетъ на ящера, да будетъ, живъ“.

И тѣ, кто съ вѣрою смотрѣли на ящера, остались живы...

М. Н. Богдановъ.

Изъ исторіи бурятъ.

(Историко-этнографическій очеркъ).

Въ перепискѣ служилыхъ людей Сибири съ московскимъ правительствомъ имя бурятъ начинаетъ встрѣчаться съ первой четверти 17-го вѣка. Съ этого времени прошлое бурятскаго народа можетъ быть изучаемо по официальнымъ казацкимъ донесеніямъ московскому правительству. Исторію же бурятъ до встрѣчи ихъ съ русскими предполагается возможнымъ изучать по историческимъ преданіямъ, лѣтописнымъ сказаніямъ, обычаямъ, носящимъ характеръ пережитковъ прошлаго, и по отрывочнымъ даннымъ, разсыпаннымъ въ различныхъ источникахъ исторіи монголовъ.

Въ настоящемъ очеркѣ я попытаюсь дать общую сводку матеріаламъ, относящимся къ начальному періоду бурятской исторіи. Чтобы ориентироваться въ этихъ матеріалахъ, необходимо начать съ историческихъ документовъ и возстановить по нимъ въ общихъ чертахъ картину жизни бурятъ въ эпоху прихода къ нимъ русскихъ. Этими документами, какъ сказано, являются казацкія отписки московскому правительству.

1.

Въ историческихъ актахъ 17-го вѣка буряты неизмѣнно называются „братами“ или „братскими людьми“. Слово „бурятъ“ съ трудомъ произносится російскимъ простолюдиномъ, впервые встрѣчающимся съ этимъ словомъ: онъ произноситъ его „бурать“. Помимо этого, русскіе люди въ 17-мъ вѣкѣ первыя свѣдѣнія о бурятахъ получали отъ ихъ западныхъ сосѣдей. Минусинскіе татары, предки которыхъ дали русскимъ первую вѣсть, произносятъ слово „бурятъ“

то какъ „пырать“, то какъ „бырать“, потому что звуки *б* и *п* часто переходятъ одинъ въ другой, причемъ краткое *ы* произносится едва слышно: въ результатъ русское ухо въ этомъ непривычномъ для него сочетаніи „пырать“ или „прать“ могло уловить сходство съ знакомымъ сочетаніемъ „братъ“ *).

Къ 17-му вѣку русскіе проникли въ долину рѣки Енисея. Главнымъ опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ военныхъ операцій сдѣлался Енисейскій острогъ. Отсюда русскіе люди ходили на востокъ вверхъ по рѣкѣ Верхней Тунгускѣ (Ангарѣ) до земли „Братовъ“. Вскорѣ затѣмъ на югъ возникъ Красноярскій острогъ (въ 1628 году), который сталъ снаряжать экспедиціи въ „Братскую землю“ вверхъ по р. Кану. Здѣсь, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Канскаго и Красноярскаго уѣздовъ, жили турецкія (тюркскія) племена, платившія дань бурятамъ. Въ числѣ этихъ подвластныхъ бурятамъ племенъ историческіе акты называютъ ариновъ, качинцевъ, коттовъ, камасинцевъ и десаровъ. Относительно этихъ племенъ неоднократно высказывалось предположеніе, что часть ихъ совершенно вымерла и исчезла съ лица земли, а часть откочевала на югъ въ предѣлы Минусинскаго уѣзда. Современными изслѣдованіями сдѣланы по этому вопросу любопытныя наблюденія. Многія изъ упомянутыхъ племенъ въ настоящее время входятъ въ составъ инородческаго населенія Минусинскаго, Ачинскаго и Канскаго уѣздовъ въ видѣ „костей“, родовъ и поколѣній или племенъ. Часть же племенъ, упоминаемыхъ въ историческихъ актахъ въ качествѣ таковыхъ, представляли собой не племенные, а территоріальныя группы. Н. Н. Козьминъ названіе „десары“, „джесары“ или „есары“ расшифровываетъ слѣдующимъ образомъ: это названіе приурочивалось къ населенію восточной, дальней, окраины Минусинскаго уѣзда, жившему охотой на водораздѣлахъ Казыра, Кизыра, Амыла,

*) Сибирскіе историки и этнографы много мудрили надъ словомъ „братскій“. Одни полагали что буряты стали называться этимъ именемъ потому, что жили вокругъ Братскаго острога, а другіе утверждали, что буряты назывались братскими, вслѣдствіе братской сплоченности и солидарности ихъ между собою, и что братскій острогъ названъ былъ потому, что поставленъ среди народа, объединеннаго между собою, какъ братъ.

Кана, Уды и Бирюсы; въ нѣкоторыхъ документахъ и русскими того времени населеніе этой окраины называлось „дальніе люди“; это буквальный переводъ татарскаго слова „джесари“ (джекъ—край, конецъ; сары—сторона)—окраинные или дальніе *).

Зимою 1609 года томскіе служилые люди посылали экспедицію „въ новую землю за Енисей въ Десары“ для подчиненія „Есарскихъ людей“. Посланные по возвращеніи сообщили, что Десарскихъ людей подчинили, звали лучшихъ людей въ Томскъ, но тѣ отказались, отговариваясь тѣмъ, что дали „ясакъ Государю не сполна, что Государевыхъ людей не чаяли приходу къ себѣ, а до Государевыхъ людей ясакъ съ нихъ взяли *Братскіе люди*“**). Въ 1612 г. жители „Тулкиной земли“ (нынѣшняго Красноярскаго уѣзда) претерпѣли отъ Братскихъ или Бурятовъ, пишетъ Миллеръ, непріятельское нападеніе, коимъ принуждены были отдать то, что они россиянамъ въ ясакъ было приготовили,***). Въ 1614 году томскіе служилые люди доносили московскому правительству о киргизскомъ „бунтѣ“ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „А орды, Государь, великіе многіе къ Томскому городу прилегли Черные и Бѣлые Калмыки. и Киргизскіе люди, и Маты, и *Браты*, и Саянцы, и Тубинцы, и Кучегуты, и Басагары, и Кизылы, и Кузнецкіе люди, и всѣ тѣ, Государь, люди около Томскаго города кочуютъ, и насъ Государь, холопей твоихъ по землямъ и по пашнямъ побиваютъ, и намъ, Государь, тѣми людишками твоего Государева города безъ прибавошныхъ людей не удержати, что, Государь, орды прилегли къ Томскому городу съ четырехъ сторонъ многіе“****). Въ этомъ же, по выраженію Миллера, „непріятельскомъ сообществѣ“ упоминаются буряты и въ 1621 году*****). Въ слѣдующемъ, 1622, году изъ Мелесскаго острога (Ачинскій уѣздъ) въ

*) Н. Н. Козьминъ. Историч. методъ изслѣдованія. Крас. 1914, стр. 8 (оттискъ изъ изд. Красн. Подъ отд. И. Р. Г. О. „Двадцатилѣтіе Красн. Гор. Музея“).

**) Миллеръ. Опис. Сибир. царства. СПб. 1750, стр. 443.

***) Онъ-же. Сибир. Исторія „Ежемѣс. Сочин., 1764, второе полугодіе, стр. 205—206.

*****) Миллеръ. Опис. Сиб. цар., стр. 453.

*****) Ежем. Сочин., 1764, I, стр. 308—309.

Томскѣ было сообщено, что Аринскій князецъ Татаушъ (Красноярскій уѣздъ) увѣдомилъ Изюсскихъ и Чулымскихъ татаръ (сѣверъ Минусинскаго и югъ Ачинскаго уѣзда), что „братскіе пруть на ихъ войною съ 3.000 человекъ, не считая ихъ кыштымовъ“, т. е. данниковъ*). Въ Енисейскѣ въ томъ же году стало уже извѣстно, что буряты пришли на р. Канъ въ числѣ 3.000 человекъ, не считая кыштымовъ**).

Изъ этихъ данныхъ видно, что слухи о бурятахъ въ первой четверти 17-го вѣка заходили далеко на западъ. Слухи о воинственности и многочисленности бурятъ, несомнѣнно, преувеличивались и приукрашивались, особенно тогда, когда шла рѣчь о „прибавошныхъ людяхъ“, испрашиваемыхъ на помощь сибирскимъ служилымъ людямъ, или о „ясашномъ недоборѣ“ съ аборигеновъ долины Енисея. Но столь же несомнѣнно, съ другой стороны, что буряты, по сравненію съ другими мелкими племенами, дѣйствительно, могли сойти за „многочисленный народъ“, который къ тому же „Царскому Величеству ясаку не платятъ, но собираетъ оный съ другихъ народовъ, царскихъ подданныхъ,“***)

Съ 1622 года начинается цѣлый рядъ экспедицій къ бурятамъ то изъ Енисейскаго, то изъ Красноярскаго остроговъ. Эти экспедиціи болѣе всего интересовались вопросомъ о добычѣ серебра: русскіе видѣли у бурятъ серебряныя сбруи и украшенія и предполагали, что серебро добывается бурятами на своей землѣ. Благодаря цѣлому ряду экспедицій, уже къ 40—50-мъ годамъ 17-го вѣка русскіе люди располагали свѣдѣніями о районѣ кочевыхъ бурятъ и ихъ хозяйственныхъ занятіяхъ. По этимъ даннымъ быть буряты въ ту эпоху представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Районъ бурятскихъ кочевьевъ на западѣ, въ сторону Красноярска опредѣляется такими данными****) отъ Красноярскаго зимовья вверхъ по р. Кану на большихъ судахъ

*) Тамъ же, стр. 225.

**) Тамъ же, стр. 225—226. Щегловъ (хронолог. перев. важн. данныхъ изъ исторіи Сибири Ирк. 1883, стр. 80—81) ошибочно считаетъ это *первымъ* извѣстіемъ о бурятахъ.

***). Ежем Сочин., 1764, I, стр. 225.

****). Ежемѣсяч. соч., 1764, I, стр. 298—299 и 517—518.

пять дней ѣзды до мѣста, куда Братскіе пріѣзжаютъ и черезъ рѣку переправляются. Это-мѣсто точно опредѣленное: оно называлось Братскимъ перевозомъ, и впослѣдствіи здѣсь возникъ Канскій острогъ (1640 г.). Значить, буряты сюда заглядывали частенько. Отъ Братскаго перевоза полтора дня конной ѣзды до р. Бирюсы, а отъ нея еще полтора дня ѣзды до р. Уды. По ней жили „первые Брацкіе кыштымы, или ихъ подданные“. Это, повидимому, нижеудинскіе карагасы, обурятившіеся турки (тюрки), составляющіе нынѣ особую административную единицу подъ названіемъ „Нижеудинской земли“. Отъ этихъ кыштымовъ до собственныхъ жилищъ Брацкихъ считалось шесть дней конной ѣзды. Это долина р. Ангара, нынѣшній Балаганскій уѣздъ, центръ кочевьевъ приангарскихъ бурятъ.

Свѣдѣнія о разселеніи бурятъ на сѣверъ въ долинахъ рѣкъ Ангара и Лены и по ихъ притокамъ находимъ въ особомъ „расписаніи рѣкъ“, составленномъ въ 1640—41 годахъ *). „Отъ усть Илима рѣки, читаемъ мы здѣсь, Тунгуска пошла направо въ Брацкіе люди“. Немного ниже устья Илима Тунгуска принимаетъ направленіе приблизительно съ востока на западъ, а до устья Илима тунгуска (Ангара) имѣетъ почти меридіональное направленіе съ юга на сѣверъ; слѣдовательно, если подниматься вверхъ по Тунгускѣ, то выше устья Илима приходится повернуть вправо, или, что тоже—въ Брацкую землю. Среди здѣшнихъ бурятъ, „на Тунгускѣ рѣкѣ, на усть Оки рѣки, острожекъ, а въ немъ годуютъ Енисейскіе служилые люди“. Это Братскій острогъ, первый острогъ поставленный русскими среди бурятскихъ кочевьевъ (1631 г.), а слѣдовательно, на ихъ окраинѣ. Буряты въ долину р. Ангара, очевидно, не распространялись далѣе на сѣверъ.

Съ Тунгуски вверхъ по Илимѣ русскіе переходили въ бассейнъ р. Лены. Здѣсь районъ бурятскихъ кочевьевъ опредѣляется такъ: „А съ Илимскіе вершины до Братскихъ людей пѣшаго ходу два дни; а по сказкѣ тунгусовъ тѣ Братскіе люди близко Братскаго острогу, гдѣ годуютъ изъ Енисейскаго острогу служилые люди“. Это нужно думать, Верхоленскій острогъ, поставленный на сѣверной окраинѣ бурятскихъ кочевьевъ въ бассейнѣ р. Лены.

*) Дополн. къ Актамъ Истор., т. II, № № 89 и 91.

„По вершинѣ Илги“, лѣвому притоку Лены, берущему начало въ водораздѣлѣ между Леной и Ангарой, „кочуютъ многіе Брацкіе люди да неясачныхъ тунгусовъ“ чело-вѣкъ съ 30“. На устьѣ р. Анги, правому притоку Лены, впадающему въ нее выше Илги, „по обѣ стороны живутъ Братскіе люди“. На сѣверѣ по Киренгѣ живутъ тунгусы. На югѣ же—верховья рѣкъ Лены и Ангары съ ихъ притоками заселены сплошь бурятами: это—центръ кочевьевъ добайкальскихъ бурятъ. Упоминаются рѣки Анга, Куленга, Манзурка и дороги между этими рѣками. Рѣка Манзурка въ актахъ 17-го вѣка носитъ названіе „Баянжуруга“: это начертаніе довольно близко передаетъ бурятское произношеніе; въ послѣдствіи это названіе путемъ искаженія и русифицированія перешло въ Манзурку. Озеро Байкаль называется по тунгусски Ламой*), а островъ Ольхонъ въ историческихъ актахъ называется Ойхонъ, что весьма точно передаетъ бурятское произношеніе. Все это—земли добайкальскихъ бурятъ.

За Байкаломъ мы встрѣчаемся съ тремя группами населенія. Въ южной сторонѣ, по р. Селенгѣ живутъ монголы. Къ сѣверу отъ нихъ живутъ Брацкіе люди, а еще далѣе—тунгусы. Далѣе на востокъ по Шилкѣ (очевидно, по Иягодѣ и Онону, составляющимъ Шилку) кочуютъ тоже Братскіе люди. Но слѣдуетъ здѣсь отмѣтить, что районъ кочевьевъ забайкальскихъ бурятъ и распредѣленіе территоріи между ними и тунгусами опредѣляется не съ такой точностью, какъ это сдѣлано по отношенію къ бурятамъ добайкальскимъ. Объясняется, вѣроятно, такой фактъ тѣмъ, что буряты занимали степныя мѣста, каковыя въ предѣлахъ Забайкалья пересѣкаются горными кряжами съ таежной растительностью; эти лѣса представляли собой территоріи тунгусскихъ охотничьихъ племей.

Въ общемъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ и маршрутовъ экспедицій тогдашнихъ русскихъ людей (Хрипунова, Перфирьева, Бекетова, Колесникова и др.) вырисовывается довольно ясно картина расселенія бурятъ и ихъ сосѣдей. Долины рѣкъ Ангары и Лены и островъ Ольхонъ были заселены бурятами. Въ бассейнѣ Лены, въ сѣверной

*) прим. ряд. у сѣверныхъ тунгусовъ Енисейской губерніи всѣ значительные водоемы носятъ названіе *bajhál* а озера *амутъ*.

части нынѣшняго Верхотурскаго уѣзда, жили тунгусы отчасти попеременно съ бурятами. Но въ общемъ тунгусы занимали сѣверныя, болѣе суровыя, таежныя мѣста. За Байкаломъ въ сѣверной части жили тунгусы (орочены); къ югу отъ нихъ—буряты, а еще далѣе на югъ—по р. Селенгѣ монголы.

Въ тѣхъ же документахъ, которые цитировались выше дается хозяйственная характеристика названныхъ племенъ и обрисовываются ихъ хозяйственныя отношенія. Буряты добайкальскіе называются „Брацкіе скотные люди“, буряты забайкальскіе—„Брацкіе люди конные“, тамъ же—„тунгусы оленіи“ и „могалы скотные“. Очевидно, добайкальскіе буряты и монголы селенгинскіе разводили преимущественно рогатый скотъ, забайкальскіе буряты—лошадей, а забайкальскіе тунгусы (вѣроятно, орочены)—оленей. Кромѣ того, добайкальскіе буряты были знакомы съ земледѣліемъ въ формѣ посѣвовъ проса. Такъ у бурятъ, жившихъ на устьѣ р. Анги,—„хлѣбъ у нихъ родится просо, и мы то просо, Васка Витязевъ, Курбатко Ивановъ съ товарищи, у князя Можеуля видѣли“. Даже относительно суроваго по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ острова Ольхона читаемъ: „а люди на томъ острову живутъ Брацкіе многіе, лошадей всякаго скота много, а хлѣбъ у нихъ родится просо“. Относительно приангарскихъ бурятъ сообщается также, что „просо сѣютъ Брацкіе люди по Ангарѣ“. Такимъ образомъ, посѣвы проса были распространены и въ долинахъ рѣкъ Ангары и Лены, и на островѣ Ольхонѣ.

На соленыхъ озерахъ своихъ степей буряты добывали соль. „Съ усть Баянжуруги рѣки (Манзурки)—читаемъ мы въ томъ же документѣ—до озера съ самосадною солью три дни конемъ ѣхать; а къ Енисейской (Ангарской) вершинѣ то озеро ближе.“ Это, очевидно, въ Кудинской степи нынѣшняго Иркутскаго уѣзда. Затѣмъ, къ долиנѣ Ангары, можетъ быть, къ району нынѣшняго села Усоля съ его солевареннымъ заводомъ относится слѣдующее показаніе: „и соляные де ключи по верхъ Тунгуски (Ангары) сказываютъ есть, и соль варятъ въ котлахъ“.

Относительно серебрянныхъ украшеній и сбруи я уже имѣлъ случай упомянуть выше: то, что манило русскихъ людей „въ Браты“, главнымъ образомъ, было желаніе най-

ти здѣсь серебро и серебряную руду, такъ какъ по обилію серебряныхъ украшеній у бурятъ русскіе полагали, что серебро добывается бурятами на своей землѣ. Но впоследствии оказалось, что буряты получаютъ серебро изъ Китая. Однако, серебряные мастера и кузнецы у бурятъ были свои. Сѣдла, украшенныя серебромъ, работы бурятскихъ мастеровъ еще до недавняго времени проникали къ енисейскимъ татарамъ подъ названіемъ сѣделъ „братской работы“. Кузнечное ремесло у бурятъ и способы насѣчки серебра по желѣзу подробно были описаны въ началѣ 18-го вѣка путешественникомъ Гmeliномъ въ его „Reise burch Sibirien“ (т. I, стр. 407). Буряты, говоритъ онъ— „умѣютъ обкладывать желѣзо серебромъ и оловомъ такъ хорошо, что эти издѣлія имѣютъ видъ издѣлій дамаской работы. Большая часть конской сбруи, ножны для ножей, пояса и т. п. этой работы; той же работы есть и ложки. Путешественникъ былъ пораженъ этими работами и вызывалъ къ себѣ мастеровъ чтобы они продемонстрировали передъ нимъ способъ работы. Описаніе этой техники встрѣчается не только у названнаго автора но и у другихъ путешественниковъ по Сибири 18-го вѣка—Георги и Палласа, и по Гмелину оно передано К. Риттеромъ въ его „Землевѣдѣніи“ *).

Добываніе желѣза изъ руды такъ же было давно извѣстно бурятамъ. Руда добывалась на мѣстѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ и нынѣ сохранившіеся слѣды древней разработки. Тотъ же Гмелинъ въблизи с. Каменки на Ангартѣ осматривалъ гору съ желѣзной рудой, гдѣ бурятами добывалось желѣзо.

Отношенія бурятъ съ сосѣдними племенами рисуются цитированными документами въ слѣдующемъ видѣ. Тунгусы, жившіе охотой и звѣроловствомъ, пушнину сбывали бурятамъ въ обмѣнъ на скотъ и на просо: „а соболи продаютъ въ Браты на животину и на просо.“ Получаемую отъ тунгусовъ пушнину буряты частью употребляли на одежду, частью сбывали далѣе монголамъ: „а серебро въ Браты идетъ изъ Мугалъ, а покупаютъ Братскіе люди то

*) Ср. A. Erman. Reise um die Erde... Berlin. 1838. I Abth., II, В., стр. 104: „Желѣзные и серебряные издѣлія бурятской работы едва ли уступятъ работамъ тульского мастера и европейскаго золотыхъ дѣлъ мастера.“

серебро у Мугалъ, на соболи“. Въ дальнѣйшемъ еще болѣе точно опредѣляется мѣновой оборотъ съ серебромъ: „а идетъ серебро изъ Китайскаго государства въ Мугалы, а изъ Мугалъ въ Браты и въ иные во всѣ орды“.

Казакъ 17-го вѣка мало обрацали вниманія на костюмы инородческихъ племенъ и не описывали ихъ. Путешественники 18-го вѣка, бывшіе въ Бурятіи уже послѣ закрытія русско-китайской границы, описываютъ костюмы у бурятъ, состоящіе не только изъ мѣховъ, но изъ разнообразныхъ по тогдашнему времени тканей, въ томъ числѣ шелковыхъ. Эти ткани могли получаться только изъ Китая. Такимъ образомъ, торговые сношенія съ этимъ государствомъ не ограничивались полученіемъ одного серебра. Шелковыя и другія ткани и прочіе предметы украшенія, какъ кораллы и т. п., вѣроятно, получались или изъ Китая или черезъ посредство Китая.

Исторія поставленія остроговъ въ предѣлахъ Бурятіи и постепеннаго подчиненія ея русской власти даетъ матеріалы для болѣе или менѣе подробной характеристики бурятскаго общественнаго строя въ ту эпоху. Но такъ какъ это не входитъ въ задачу настоящаго очерка, я ограничусь указаніемъ лишь на нѣсколько интересныхъ фактовъ.

Въ 40-хъ годахъ 17-го вѣка атаманъ Василій Колесниковъ *) пробрался въ долину р. Ангары и на устьѣ р. Осы (повыше нынѣшняго гор. Балаганска, Иркутск. губ.) поставилъ острожекъ. Здѣсь жили буряты подвѣдомственные „Булгуданскому князю Чекодею“, т. е. одно изъ трехъ главныхъ племенъ бурятскаго народа—булагаты. Проникнувъ въ Забайкалье, „въ Брацкое урочище, въ степь на Кутору (Кудару), на устьѣ рѣки Селенги, въ большіе Брацкіе люди... съ рядъ съ мунгальскими людьми“, Колесниковъ потерпѣлъ неудачу и вернулся обратно—„по сю сторону отъ Верхоленскаго острожку въ Брацкіе улусы, въ Батулинцы“. Это—нынѣшняя Кудинская степь, гдѣ живутъ Батлайскіе буряты, составная часть племени булагатовъ. Здѣсь характерно то, между прочимъ, что сообщаемыя свѣдѣнія добыты Верхоленскими служилыми людьми

*) Доп. къ А. И., т. III, № 4.

путемъ опроса бурятъ, приходившихъ въ Верхоленскій острогъ. Слѣдовательно, въ представленіи добайкальскихъ бурятъ степи по Кударѣ и Селенгѣ были многолюдными бурятскими центрами: „большіе Брацкіе люди“. Поэтому, можетъ быть, и потерпѣлъ здѣсь неудачу атаманъ Колесниковъ, съумѣвшій погромить булагацкіе улусы до Байкала.

Вокругъ Верхоленскаго острога и къ югу отъ него жили буряты племени Ихиритъ; это—второе изъ трехъ главныхъ племенъ бурятскаго народа. Послѣ осады бурятами Верхоленскаго острога въ 1645—46 годахъ въ Верхоленскій острогъ прѣзжали, какъ свидѣтельствуется цитированный выше документъ, „Брацкіе три мужика Икирежскаго роду“. На распросы русскихъ они объяснили, что „приходили де къ нимъ Коринцы и Батулинцы, своими улусными людьми, и хотятъ де они войною ходить подъ острогъ и до усть Куты рѣки на служилыхъ безпрестанно“. Далѣе сообщается, что тѣ „Браты... живутъ своею землею по лѣвую сторону Ангара рѣки, подле Байкала озера, отъ Верхоленскаго острожку живутъ близко и до большого де улусу всего три дни конной ѣзды; а смута въ нихъ и измѣна учинилась отъ того, какъ ихъ разгромилъ атаманъ Васка Колесниковъ съ служилыми людьми“. Колесниковъ, какъ отмѣчено было выше, зимовалъ въ это время въ Кудинской степи. „Лѣвый“ по-бурятски—синонимъ „Восточнаго“. Кудинскіе и идинскіе буряты и теперь считаютъ себя „лѣвобережными“ или „восточнобережными“, называя „западно-бережными“ или „правобережными“ аларскихъ, китайскихъ и унгинскихъ бурятъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мы опять-таки имѣемъ дѣло съ бурятами Кудинской степи, входившими въ составъ племени булагать.

Упомянутый выше князецъ Чекодей называется въ цитируемомъ актѣ то Булгаданскимъ, какъ указано было выше, то „княземъ Икирежскаго и Булгудайскаго роду“. Возможно, что онъ былъ, дѣйствительно, общимъ главой ихиритовъ и булагатовъ.

„Коринцы“, упоминавшееся выше, въ одномъ мѣстѣ названы „Остинцами“. Въ Тункинскомъ краѣ и въ долинѣ Унги, Балаганскаго уѣзда, и теперь имѣются небольшія

группы бурятъ Хоринскаго племени; это — третье изъ главныхъ бурятскихъ племенъ; въ настоящее время главная ихъ масса живетъ въ Забайкальѣ. Какъ увидимъ ниже, въ 17-мъ вѣкѣ они находились въ частомъ общеніи съ добайкальскими бурятами и, безъ сомнѣнія, представители хоринцевъ могли участвовать въ осадѣ Верхоленскаго острога.

Въ отмѣстку за нападенія на Верхоленскій острогъ русскіе совершили нѣсколько набѣговъ на бурятскіе улусы — сначала на ближніе — Ихирежскіе, а потомъ на дальніе — Булгадайскіе. Цетируемый документъ, гдѣ подробно описывается ходъ этихъ событій, заканчивается особой грамотой на имя „Булуга Брацкаго мужика“. Этотъ Булуй, судя по отдѣльнымъ выраженіямъ грамоты („у васъ у Икижанъ“, „родникъ вашъ Куржумъ Икирежскаго роду“ и т. п.), принадлежалъ къ племени Ихирить. Но составители грамоты вмѣняютъ въ вину ему, Булугу, всѣ походы бурятъ на Верхоленскій острогъ и противъ русскихъ служилыхъ людей. Поэтому можно предполагать, что ко времени составленія этой грамоты во главѣ бурятскихъ племенъ стоялъ не „князецъ“. Чекодей, упоминавшійся выше и принадлежавшій къ племени булагать, а новый „князецъ“ Булуй изъ ихиритскаго племени.

Въ другомъ документѣ *) рассказывается о сношеніяхъ красноярскихъ служилыхъ людей съ приангарскими бурятами племени булагать. Въ этомъ документѣ, между прочимъ, упоминается о переходѣ въ русское подданство хоринцевъ, жившихъ въ Приангарьѣ: „а Шаронимцы... въ Красноярскомъ острогѣ давно вѣдомы, чинились они подъ государевою высокою рукою въ вѣчномъ холопствѣ и въ ясачныхъ людяхъ въ прошломъ въ 160 году (1652 г.), и прислалъ изъ тѣхъ улусовъ въ Брацкой острогъ Шаронимкой князецъ Хори государю челомъ ударить лошадь“. Буряты Хоринскаго племени, рода шарайтъ и до сего времени проживаютъ по р. Унгѣ, въ балаганскомъ уѣздѣ. „Шаронимцы“, — несомнѣнно, буряты этого шарайтскаго рода.

Въ цитированныхъ выше актахъ упоминаются, кромѣ трехъ главныхъ бурятскихъ племенъ, и составляющіе ихъ

*) Доп. къ А. И., т. III, № 111.

отдѣльные роды, такъ что въ общихъ и смутныхъ чертахъ вырисовывается лѣстница патріархально—родовыхъ отношеній: весь бурятскій народъ дѣлится на три племена, каждое племя на роды и нисходящія родовыя группировки. Рѣзкаго территоріальнаго дѣленія между бурятскими племенами не было. Въ общемъ, однако, въ бассейнѣ р. Ангары жили преимущественно булагаты, въ бассейнѣ рѣки Лены—ихириты, въ Забайкальѣ—хоринцы. Общеніе между хоринцами и добайкальскими бурятами было довольно тѣсное и живое. Какъ видно изъ одного документа *), князецъ ихиритскаго племени Куржумъ былъ весьма освѣдомленъ о забайкальскихъ монголахъ и бурятахъ: „А мугалы —говорить онъ,—живутъ за Ламой (Байкаломъ) вверхъ по Селенгѣ, князецъ у нихъ Контайша, а городовъ и острожковъ у нихъ нѣтъ, а бѣй у нихъ у мугалъ лучной, а легкимъ де ходомъ ѣздилъ на коняхъ въ десять дней до мугалъ; а въ Китайское государство мы де не бывали, ходу сухимъ путемъ и водянымъ не знаемъ“. Это несомнѣнное свидѣтельство частаго сношенія добайкальскихъ бурятъ съ селенгинскими монголо-бурятами, а слѣдовательно, и съ сосѣдними съ ними хоринцами, тѣмъ болѣе, что хоринцы, какъ мы видѣли выше сами бывали на сѣверной сторонѣ Байкала и даже участвовали въ осадѣ Верхоленскаго острога. Такъ какъ въ этой осадѣ принимали участіе представители всѣхъ трехъ бурятскихъ племенъ, то это предполагаетъ наличность одной общей и объединяющей ихъ организаціи. Но прослѣдить черты этой организаціи по документамъ весьма затруднительно.

Выше я попытался дать по документамъ общую характеристику экономическаго и общественнаго быта бурятъ въ эпоху прихода къ нимъ русскихъ. Теперь мы перейдемъ къ изслѣдованію того, что могутъ дать источники другого рода для описанія бурятскаго быта въ предшествующія эпохи.

II.

Историческія преданія у бурятъ можно раздѣлить по внутреннему ихъ содержанію на двѣ категоріи: въ однихъ сквозить тенденція обосновать единство происхожденія и кровное родство *бурятъ съ монголами и калмыками* и объ-

*) Доп. къ А, И., т. II, № 91.

яснить распределение между ними районов кочевок; въ другихъ говорится лишь о единствѣ происхожденія и кровномъ родствѣ всѣхъ племенъ и родовъ, составляющихъ *бурятскій народъ*. На преданія первой категоріи встрѣчаются указанія въ литературѣ уже съ давнихъ поръ: содержаніе ихъ записывали путешественники 18-го вѣка. Преданія второй категоріи записаны, главнымъ образомъ, въ концѣ 19-го вѣка. Поэтому первыя можно считать болѣе древними, ибо на нихъ отражается вліяніе близкаго и прямого общенія съ монголами. Позднѣе, когда монголы и буряты были разединены и русско-китайской границей и монгольской смутой, перемѣшавшей монгольскія племена и отбросившей родственныя бурятамъ группы въ глубь Монголіи, возникли преданія второй категоріи.

Миллеромъ въ 18-мъ вѣкѣ записано преданіе, по которому „Элетъ и Бурятъ были два родные брата“. Первый изъ нихъ—предокъ калмыковъ, а второй—предокъ бурятъ. Оба брата жили въ предѣлахъ западной Сибири, но вслѣдствіе ссоры, Бурятъ удалился на востокъ къ Байкалу*). Георги приводитъ преданіе, согласно которому за долго до Чингисхана монгольскій народъ раздѣлился „на три общества, именно: на Монгольское, Оретское (калмыцкое) Бурятское или Братское“. Чингисханъ соединилъ ихъ подъ своей державой. Но „монголы, замѣчаетъ Георги, и нынѣ еще раздѣляются на три поколѣнія, именно: на Монголовъ, Оретовъ и Братскихъ татаръ“**).

Въ 20-хъ годахъ 19-го вѣка Ковалевскій записалъ аналогичное преданіе у забайкальскихъ бурятъ. Въ глубокой древности, говоритъ это преданіе, монголо-туметскій батуръ (богатырь) Боргу пришелъ съ юго-запада и поселился на южномъ берегу Байкала. Въ старости онъ распредѣлилъ свои владѣнія между тремя сыновьями Старшаго, Олидая, онъ отправилъ на западъ своихъ владѣній, гдѣ въ борьбѣ съ враждебными племенами онъ могъ бы проявить свою богатырскую силу. Олидай поселился въ степи Гоби и сталъ родоначальникомъ олюдовъ (калмыковъ), воинственнаго племени, кочевавшаго въ Монголіи и Туркестанѣ. Второму своему сыну, Бурядаю, Баргу-батуръ предоставилъ

*) Миллеръ. Опис. Сиб. царства, стр. 21.

**) Георги.—Описаніе народовъ Ч. IV, стр. 1—2.

всѣ свои кочевья и стада, а младшаго, Хоридай, одарилъ лѣсистыми и гористыми мѣстами, чтобы онъ со своимъ родомъ занимался охотой и звѣроловствомъ. Отъ Бурядай произошли сѣверо байкальскіе и баргузинскіе буряты, отъ Хоридай—хоринцы *).

Позднѣйшій вариантъ этого преданія находимъ въ записяхъ М. Н. Хангалова. Предокъ бурятъ, Барга-батуръ, читаемъ мы здѣсь, жилъ около Тобольска. У него было три сына: Илюдеръ-тургенъ, Гуръ-бурятъ и Хорёдой-мэргэнъ. Съ двумя младшими сыновьями Барга-батуръ отправился на востокъ, а старшій остался на старомъ мѣстѣ, и отъ него произошли калмыки, но нѣсколько семействъ изъ калмыцкихъ родовъ—Зюнгаръ и Икинать—переселились въ послѣдствіи на востокъ и теперь называютъ себя калмыками (олотъ и сэгэнуть), входя въ составъ бурятскаго населенія Балаганскаго уѣзда. Средняго сына, Гуръ—бурята, отецъ оставилъ въ Тункѣ, у озера Ху-нуръ, на возвышенномъ мѣстѣ Хөхө—болдокъ. Отъ него произошли Ихиргты и Булагаты, т. е. почти всѣ добайкальскіе буряты. Младшего сына, Хорёдой-мэргэна, отецъ оставилъ на сѣверѣ, на Ленѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Якутской области. Хорёдой женился на дочери Неба и отправился потомъ въ Забайкалье. Отъ него произошли хоринцы **).

На эту тему Хангаловымъ записано нѣсколько версій: по одной Хорёдой является однимъ изъ трехъ охотниковъ, жившихъ на сѣверной сторонѣ Байкала; другая версія передаетъ, что Бурядай и Хорёдой были дѣтьми шаманки Асойханъ, происходившей изъ племени Ойратъ-бурятъ, потомковъ подданныхъ Чингисхана. Послѣдній вариантъ приводится и проф. А. Позднѣвымъ***).

Такимъ образомъ, въ однихъ изъ приведенныхъ выше преданій ясно сквозитъ сознаніе единства монголовъ, калмыковъ и бурятъ: это—три вѣтви, три поколѣнія или три „общества“ одного народа. Въ преданіяхъ, записанныхъ въ

*) Ковалевскій. О забайкальскихъ бурятахъ. Казанскій Вѣстникъ 1829, ч. 27, кн. XI—XII, стр. 160—164.

**) Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями. Записки Вост—Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. I, вып. 2, 1890 г., стр. 112—113; варианты 114—120.

***) А. Позднѣвъ. Образцы народ. литерат. монгол. племенъ Сиб. 1880., стр. 264.

болѣе позднее время, это сознаніе помутняется: въ трехчленномъ дѣленіи мѣсто монголовъ начинаютъ заступать хоринцы, какъ самостоятельное племя на ряду съ калмыками и бурятами. Въ качествѣ общаго предка всѣхъ трехъ племенныхъ группъ является Баргу-батырь. Мѣсто кочевокъ этого послѣдняго и его потомства—обширное пространство между Иртышомъ и Прибайкальемъ.

Сочетаніе словъ „ойратъ“ и „бурять“ въ вариантахъ, приводимыхъ проф. Позднѣвымъ, и М. Н. Хонгаловымъ, влечетъ мысль къ сопоставленію этихъ преданій съ преданіями, занесенными въ монгольскія лѣтописи. Сананъ-Сецэнь, монгольскій историкъ 17-го вѣка, рассказываетъ преданіе, согласно которому въ 1189 году *ойратъ-буряты* признали надъ собой власть Чингисхана и въ знакъ своего подданства послали къ нему депутацію во главѣ Оруджи-Шигуши, ойратъ-буряты жили „у большихъ водъ Байкала“ *). Нѣкоторыя мѣста „Исторіи монголовъ“ Рашидъ-Эддина позволяютъ думать, что ему, писавшему свою „Исторію“ въ XIII вѣкѣ по монгольскимъ источникамъ, было извѣстно о существованіи бурятъ, входившихъ въ составъ имперіи Чингисхана. Такъ, у Рашидъ-Эддина упоминаются бурятскія племена Хори, Икирасъ (м. б., Ихирить), бурятскіе роды Олхонуть, Онгутъ и др. **). Упоминаются буряты и въ китайскихъ источникахъ, и въ исторіи монгольской династіи Юань (основанной Хубилай-ханатъ, внукомъ Чингисхана). По калмыцкимъ преданіямъ, какъ указываетъ Д. Банзаровъ, баргу-буряты входили въ составъ Ойратскаго союза***). Но все это—отрывочныя указанія, не дающія никакой канвы для характеристики и описанія быта и общественныхъ отношеній бурятъ той эпохи. Почти единственный выводъ, какой можно сдѣлать изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ данныхъ, это—то, что буряты въ прошломъ входили въ составъ великой монгольской имперіи и, можетъ быть, играли въ ней болѣе или менѣе существенную роль,

*) Ssanang—Ssetsen.—Sesichichte der Ostmongolen. 1829, стр. 74—75. Въ нѣмецкомъ переводѣ Шмидтъ говоритъ, что ойратъ-буряты поднесли Чингисхану орла въ знакъ подданства. Между тѣмъ, въ монгольскомъ текстѣ стоитъ „начинъ—шибунъ“, что значитъ ястребъ.

**) Рашидъ—Эддинъ. История монголовъ. 1858. Стр. 7 и слѣд.

***) Дорджи Банзаровъ.—Черная вѣра и др. статьи. Стр. 82—85.

входя, можетъ быть, въ качествѣ родственнаго династіи племени, въ составъ ближайшихъ ко двору войсковыхъ частей.

Переходя къ бурятскимъ преданіямъ о происхожденіи отдѣльных бурятскихъ племенъ и родовъ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить чрезвычайное ихъ обиліе и противорѣчивость. Мы здѣсь отмѣтимъ только основные варианты.

Племя булагатовъ происходитъ отъ Булагата, женившагося на дочери манюльскаго Аюхана; у него было два сына—Бузганъ и Булганъ-хара; послѣдній былъ женатъ на дочери Халыкъ-хана; у него былъ одинъ сынъ Тоглокъ, у послѣдняго семь сыновей: 1) Бумаль-Саганъ (тункинскіе буряты), 2) Боржилъ-Далха (аларскіе буряты), 3) Алагуй (кудинскіе буряты), 4) Саганъ (они же), 5) Булакъ-Саганъ-Бумаль (балаганскіе буряты), 6) Хурхутъ (китайскіе буряты) и 7) Ашехабатъ (ашехабатскіе буряты).

Ихирить—предокъ племени того же названія—былъ женатъ на дочери Халыкъ-хана. Потомство его—верхоленскіе, ольхонскіе и ленскіе буряты, Верхоленскаго уѣзда *).

О происхожденіи хоринцевъ тункинскіе буряты рассказываютъ, что Хоредой жилъ сначала на Иркутской сторонѣ Байкала, но, обиженный Булагатомъ и Ихиритомъ при дѣлѣ имуществъ, удалился на островъ Ольхонъ, женился на красавицѣ Алунъ-гоа, женѣ Хубилай-Сецэнъ-хана, отъ которой имѣлъ 11 сыновей, ставшихъ родоначальниками нынѣшнихъ 11 хоринскихъ родовъ **). Проф. Позднѣвъ по поводу этого преданія говоритъ, что чудесная сторона этого рода преданій повторяется въ легендахъ маньчжу-

*) Сказанія бурятъ, запис. разн. собират., стр. 96—100. Варианты: стр. 94—96, 100—103, 105—106. Ср. проф. А. Позднѣвъ. Образцы, стр. 264—266; Памятная книжка по Иркут. губ. на 1881 г., стр. 173 и слѣд.; Бурятскія сказки и повѣрья, собр. М. Н. Хангаловымъ, О. Н. Затопляевымъ и др., Записки В.—Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. I, вып. I, 1889 г., стр. 140—154. Г. Н. Потанинъ въ примѣчаніи къ „Сказаніямъ бурятъ“, стр. 149—150, ставитъ вопросъ: „Нельзя ли въ бурятскихъ ихиритахъ видѣть монгольскихъ керентовъ?“ Затѣмъ онъ сообщаетъ, что въ Ордоѣ есть Хереиты или Хириты или Хриты, въ калмыцкихъ родословныхъ встрѣчаются Кереты. Къ этому можно добавить, что въ исторіи монголовъ Рашидъ-Эддина встрѣчаются племена керанты и икирасы (стр. 2—4, 148—152).

**) Памят. книж. по Иркут. губ. на 1881 г., стр. 166—170 и слѣд.

ровъ, ѳлѳтовъ и др., но „реальная часть этой бурятской сказки носить въ себѣ много правдоподобнаго относительно происхожденія и первоначальнаго мѣстожителства бурятъ-хори и до нѣкоторой степени подтверждается письменными сказаніями Юанъ-чао-Миши и Рашидъ-Эддина“ *).

Селенгинскіе и урульгинскіе (ононскіе) буряты считаютъ себя потомками хуху-монголовъ Чингисхана. Въ частности, запайръ-узоны (родъ урульгинскихъ бурятъ) считаютъ себя потомками брата Чингисхана, Узона; тухчины же (другой родъ тѣхъ же бурятъ) считаютъ себя потомками знаменосцевъ Чингисхана (тукъ—знамя, тухчинъ—знаменосецъ) **).

Во время прихода русскихъ въ Забайкалье, въ предѣлахъ нынѣшняго Селенгинскаго уѣзда жили, дѣйствительно, монголы, имѣвшіе связи съ монгольскими княжескими дворами. Но впослѣдствіи въ Селенгинскій уѣздъ много переночевало булагатскихъ родовъ; какъ о томъ свидѣлствуютъ документы и бурятскія преданія ***).

Въ преданіяхъ бурятъ упоминаются и чуждыя племена, вошедшія въ составъ бурятскаго населенія—татары, бухары, солоны, солонгуты, не говоря уже о родственныхъ калмыкахъ и монголахъ****). Очевидно, о безпримѣсной чистотѣ бурятской „крови“ говорить не приходится. Буряты пережили много историческихъ пертурбацій, и подобно другимъ народамъ, жившимъ долгой исторической жизнью, представляютъ собой этнической конгломератъ, спаянный общими интересами и общностью культуры. Зародыши наблюдаемаго нынѣ разложенія патріархально-родового быта нужно искать въ далекомъ историческомъ или если угодно, до—историческомъ прошломъ.

Свѣдѣній о хозяйственномъ строѣ и общественныхъ отношеніяхъ въ приведенныхъ выше преданіяхъ не содержится. Такимъ образомъ, и эти преданія не могутъ служить цѣннымъ матеріаломъ для историческаго изученія.

*) Проф. А. Позднѣевъ.—Образцы, стр. 187—188 и 165—266.

**) Пам. кн. по Ирк. г. на 1891 г., стр. 163 и слѣд.

***) Сказанія бурятъ, стр. 118—119.

****) Тамъ же, стр. 88—93, 108—111, 117—118 и 120.

Въ заключеніе намъ необходимо остановиться на особомъ бурятскомъ обычаѣ—общественной или артельной охотѣ. Въ 1772 году Палласъ наблюдалъ такую охоту на степныхъ козъ—„дзереновъ“—въ окрестностяхъ Актинской крѣпости (Забайкалье). Позднѣе этотъ обычай впервые былъ подробно описанъ у верхоленскихъ бурятъ историкомъ А. П. Щаповымъ. Облава или „аба“ говоритъ онъ, это—большая звѣропромышленная артель“. Обычно съ осени собираются буряты, описываетъ Щаповъ, человекъ по 1000, 1500 и болѣе. Фигурируютъ лучшія одежды, лучшіе луки и стрѣлы. Каждый несетъ свое мясо, лучшее, жирное, масло, сметану—все складываютъ въ общій артельный запасъ. Выбираютъ общаго руководителя. Большая артель распадается на нѣсколько малыхъ, по 20 человекъ каждая, съ своимъ частнымъ старшиной. Добыча дѣлится поровну *). Этотъ же обычай у хоринскихъ бурятъ описываетъ И Вамбоцыреновъ подъ названіемъ „аба-хайдакъ“. Аба—, поясняетъ онъ—это облава; хайдакъ происходитъ отъ слова *хайхо*—выслѣживать. Аба—хайдакъ устраивали, по словамъ Вамбоцыренова, осенью, по возвращеніи отдѣльных охотниковъ съ охоты на бѣлку, въ продолженіе 20—30 дней. „По прибытіи на сборный пунктъ всѣ 11 хоринскихъ родовъ раздѣлялись на 7 огнищъ; „долонъ-галъ“. Каждое огнище имѣло одного завѣдующаго—*галчи*—съ помощниками; каждое огнище имѣло свой особый пароль или кличъ—*ура*. Главные распорядители на аба-хайдакъ—одинъ *тубучи* и два *засула*. Галчи на облаву не ѣздить, а встрѣчаетъ облавщиковъ вечеромъ у костра криками своего лозунга. Станъ переносится съ мѣста на мѣсто ими и ихъ помощниками.

Съ осложненіемъ бурятскаго хозяйства и за недостаткомъ свободнаго времени, какъ говоритъ И. Вамбоцыреновъ аба-хайдакъ сталъ выходить изъ практики и теперь знаютъ о немъ и рассказываютъ съ особеннымъ удовольст-

*) А. П. Щаповъ.—Бурятская улусная родовая община. Изв. Сиб. Отд. Г. О. 1875 г., т. V, № 3—4, стр. 135—136. Срав. М. А. Кроль.—Охотничье право и звѣринный промыселъ у бурятъ. Изв. В.—С. Отд. Г. О., 1894 г., т. XXV, № 4—5.

віемъ только старики, которымъ стукнуло уже 80 и болѣе лѣтъ *),

Съ 80-хъ годовъ XIX вѣка изученіемъ всѣхъ обычаевъ и обрядовъ, связанныхъ съ общественно-артельной охотой, занялся М. Н. Хангаловъ, который стремится, на основаніи этого изученія, возсоздать древнѣйшую эпоху бурятской исторіи, эпоху звѣроловческаго быта **).

Названіе „зэгэтэ-аба“, по мнѣнію М. Н. Хангалова, составляется изъ слѣдующихъ словъ: *зэгэн*—россомаха, и *аба*—облава; *зэгэтэ—аба*, такимъ образомъ, могло означать сначала лишь облаву на росомахъ. Впослѣдствіи значеніе слова „зэгэтэ-аба“ расширилось и имъ стали называть охоту общими силами на всякихъ звѣрей. ***) Первоначально эти зэгэтэ-аба, вѣроятно, представляли изъ себя небольшія артели охотниковъ, только зародыши, какъ выражается Хангаловъ, той многочисленной зэгэтэ-аба, которая впослѣдствіи легла въ основу жизненныхъ отношеній предковъ нынѣшнихъ бурятъ и опредѣлила многіе формы ихъ быта.

Древніе буряты, по изображенію М. Н. Хангалова, мѣняли свои занятія по временамъ года: лѣтомъ занимались рыболовствомъ, зимой—артельной охотой. При постоянныхъ переходахъ съ мѣста на мѣсто не было возможности заниматься ни скотоводствомъ, ни земледѣліемъ. Главную пищу составляли мясо; рыба и корни нѣкоторыхъ растений. Суррогатомъ неизвѣстной тогда муки служили растительные корни, высушивавшіеся и растиравшіеся. Приготавливалось много приправъ изъ растений; употреблялись въ пищу ягоды и древесный сокъ. Пищу варили въ деревянныхъ чашахъ или деревянныхъ блюдахъ (тэбши), причемъ температуру воды доводили до точки кипѣнія, бросая въ нее раскаленные камни; иногда, впрочемъ, употреблялись осо-

*) И. Вамбоццуреновъ.—Аба-хайдакъ, облава у хоринскихъ бурятъ Изв. В.—Сиб. Отд. Г. О., 1890 г. т. XXI, № 2, стр. 30 и слѣд.

**) М. Н. Хангаловъ.—Зэгэтэ—аба, облава на звѣрей у древнихъ бурятъ. Изв. С. О. Г. О., 1888 г., т. XIX, № 3 *Онъ-же*. Юридическіе обычаи бурятъ. Этнографич. Обзорѣніе. 1894 г., № 2. *Его же* матеріалы въ „матеріалахъ по этнограф. Россіи, Изд. Этнограф. отдѣла Русс. музея Имп. Ал. III., т. II, Спб. 1910 г.

***) Существуетъ и другое толкованіе термина *зэгэтэ-аба*, какъ облавы цѣпью, кругомъ.

быя, посудыны изъ бересты, которыя ставились прямо на огонь. У очень немногихъ была и металлическая посуда. Она, вѣроятно, добывалась изъ Монголіи или Китая, въ обмѣнъ на шкуры. Жили буряты въ тѣ времена въ корьевыхъ палашахъ; ни деревянныхъ, ни войлочныхъ юртъ еще не знали.

Зэгэтэ-аба это не только артель охотниковъ, но и военный отрядъ. Власть руководителей и главарей охотничьей артели сливалась съ властью военачальниковъ. Черты военной организаціи общества сохранялись и въ мирное время. Во главѣ всего общества, выдѣляющаго изъ себя одну артель-зэгэтэ-аба—стоялъ *галша* *). Онъ, по гипотезѣ Хангалова, „распопьяжался всѣми зэгэтэ—облавщиками, какъ во время облавы, такъ и въ домашней жизни, и во время военныхъ дѣйствій. „Должность галши, сначала избирательная, впослѣдствіи стала наслѣдственной. Дѣти галши, по смерти отца, становились галшами, вслѣдствіе чего началось раздробленіе прежнихъ крупныхъ военно-охотничьихъ организацій на болѣе мелкія. Галша сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ и свѣтскую и духовную власть. Второе мѣсто послѣ галши занималъ *тобши* **); онъ соединяетъ (застегиваетъ) оба крыла зэгэтэ—облавщиковъ; власть его тоже передавалась наслѣдственно. На каждомъ флангѣ полагалось по одному *газарши*, которые также назывались *гаръ-баряши* ***). Артель или военный отрядъ зэгэтэ-облавщиковъ распадался на нѣсколько племенныхъ или родовыхъ группъ; во главѣ каждой изъ нихъ стояли *засулы* ****). На-

*) *Галши* въ Забайкальѣ. См. описаніе „аба-хайдакъ“ у Вамбоцыренова у котораго *галши* является только завѣдующимъ станомъ, что вполне соответствуетъ этимологическому значенію слова: *галъ*—огонь, огнище; *галши*—завѣдующій огнищемъ.

**) *Тобши* значитъ пуговица. У Вамбоцыренова этому термину соответствуетъ тубучи; но роль тобши Хангалова и *тубучи* Вамбоцыренова не одинакова: у перваго онъ является помощникомъ галши, у втораго—распорядителемъ охоты. Тубучи у Вамбоцыренова—военачальникъ, а галши представляетъ собой власть гражданскую.

***) *Газарши* значитъ вожатый, проводникъ, знакомый съ мѣстностью, со страной (*газаръ*); *гаръ*—рука; *баряши*—держакъ; терминъ *баряши-гаръ* выражаетъ почти тотъ же смыслъ, что и „газарши“.

****) Засуль, дзасуль, цзасуль, чжазолъ, тазолъ, ясауль и есауль—видоизмѣненія одного и того же слова.

конецъ, каждая племенная или родовая группа раздѣлялась на отдѣльныя части по 20 человекъ, во главѣ которыхъ стояли *малгаи*.

Соотвѣтственно указанной организаціи власти, община *зэгэтэ-облавщиковъ* распадалась на нѣсколько слоевъ.

Первый, самый верхній слой составляли родственники *галши*, *тобши* и двое *газаршей*, а также кузнецы; въ ихъ рукахъ сосредоточивалось все управленіе; съ ними были въ родствѣ всѣ богачи. Второй слой составляли *засулы*, *малгаи* и всѣ тѣ, которые имѣли коней. Третій, низшій, слой составляли всѣ неимѣвшіе коней, *нѣшіе*. Лица высшаго и средняго классовъ имѣли работников—наемниковъ (*хёлһөнши*). Кромѣ послѣднихъ, былъ еще классъ безправныхъ рабовъ, питавшихся на общественный счетъ. Ихъ убивали при похоронахъ шамановъ и приносили въ жертву богамъ.

Женщины участвовали въ облавахъ наравнѣ съ мужчинами и соперничали съ ними, часто превосходя ихъ въ верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ изъ лука, въ умѣньи владѣть мечомъ, копьемъ и пр. Выдавая своихъ дочерей замужъ, родители давали имъ верхового коня съ полной сбруей, колчанъ со стрѣлами, запасныя стрѣлы, лукъ и вообще все необходимое при облавахъ, а также и для того, чтобы имѣть право голоса въ дѣлахъ и получать пай изъ общаго раздѣла.

Переходъ отъ описаннаго выше охотничье—военнаго быта къ скотоводческому произошелъ путемъ постепенной эволюціи. Скотоводство было экономически выгоднѣе звѣроловства и полнѣе обезпечивало существованіе; охотничій же бытъ сопряженъ съ неудобствами и опасностями. Переходъ къ скотоводству облегчался установившимися сношеніями съ Монголіей, откуда буряты, путемъ угона или обмѣна, доставали себѣ скотъ. Съ увеличеніемъ количества скота буряты стали постепенно осѣдаты, появилось сѣнокошеніе. *Зэгэтэ-аба* изъ постоянной становился періодической, и значеніе ея быстро падаетъ. Во время прихода русскихъ, говоритъ М. Н. Хангаловъ, буряты уже не представляли изъ себя многочисленныхъ, крѣпко организованныхъ обществъ. Вслѣдствіе развитія скотоводства, они распались на небольшія общества сородичей. Сравнительная рѣдкость *зэгэтэ-аба* не могла не ослаблять ихъ отваги и мужества—

качествъ, воспитывавшихся въ ихъ предкахъ съ ранняго дѣтства жизнью въ лѣсахъ, борьбой со звѣрями, иноплеменниками и разными невзгодами охотничьей жизни.

Таковъ древнѣйшій, доисторическій періодъ жизни бурятскаго народа, насколько возможно возстановить картину той жизни по переживаніямъ въ обычаяхъ и обрядностяхъ въ настоящее время уже исчезнувшей повсемѣстно артельной охоты, въ шаманскомъ культѣ и отрывочныхъ преданіяхъ. Въ преданіяхъ бурятъ „эпоха зэгэтэ-абы“ (зэгэтэ—абын—сагъ) представляется определенной и притомъ весьма отдаленной ступенью ихъ жизни. Но ни въ одномъ изъ этихъ преданій не содержится болѣе или менѣе определенныхъ указаній географическаго характера; поэтому у насъ нѣтъ возможности установить ни того, гдѣ жили въ ту отдаленную эпоху буряты, ни того, какъ они распределены были по населяемой тогда ими территоріи. Точно также, на основаніи преданій объ „эпохѣ зэгэтэ—абы“, нѣтъ возможности установить, какъ далеко въ прошломъ нужно отодвинуть эту эпоху. М. Н. Хангаловъ, повидимому склоненъ приблизить эту эпоху почти вплоть до времени прихода русскихъ: къ этому времени буряты только—только будто успѣли сдѣлаться скотоводами и распасться на мелкія родовыя общины. Мнѣ думается, что „эпоха зэгэтэ-абы“ должна быть отодвинута въ глубь вѣковъ гораздо дальше, чѣмъ это склоненъ предполагать М. Н. Хангаловъ. Во всѣхъ историческихъ преданіяхъ бурятъ видное мѣсто занимаютъ монгольскіе ханы: алтынъ—ханъ, уэцэнъ-ханъ, сайнъ-ханъ и друг. Въ разсказахъ о зэгэтэ-аба монгольскіе ханы не упоминаются вовсе. Помимо этого, въ этихъ преданіяхъ рисуется строй общественныхъ отношеній, удивительно приспособленныхъ къ военно-походной жизни. Это обстоятельство скорѣе наводитъ на мысль, что такая организація могла возникнуть въ ту сѣдую старину, когда складывалась военно-кочевая монархія монголовъ, объединившихся позднѣе подъ властью Чингисхана. Военная организація монгольскихъ завоевателей, можно полагать, представляетъ собой лишь дальнѣйшее улучшеніе и усовершенствованіе организаціи зэгэтэ—облавщиковъ *).

*) Ср. М. И. Ивановъ. — О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азиатскихъ народовъ при Чингисханѣ и Тамерланѣ. Спб. 1875 г.

этой точки зрѣнія описанные М. Н. Хангаловымъ обычаи представляются глубоко интересными, помимо своего этнографическаго значенія.

Съ другой стороны, изученіе военной организаціи зэгэтэ—облашчиковъ объясняетъ происхожденіе нѣкоторыхъ чертъ общественнаго быта бурятъ, сохранившихся до послѣдняго времени. У бурятъ существуетъ не только родовыя дѣленія и группировки, но и другія административныя дѣленія, напоминающія черты военной организаціи. Такъ напр., родовыя старосты часто назывались „начальниками пятидесяти“ или „двадцати“ („табинай“ или „хориной“) Роды часто назывались „табинъ“ или „хоринъ“ (пятьдесятъ или двадцать). Соединеніе нѣсколькихъ родовъ подъ властью одного лица или учрежденія носило названіе „холбонъ“ отъ слова „холбохо“—связывать и т. д. Очевидно, военно походная организація эпохи зэгэтэ—абы наложила глубокую печать на общественный бытъ бурятъ. Это является признакомъ продолжительнаго вліянія указанной организаціи.

Городцовъ П. А.

Два гаданія

(у крестьянъ Тюменскаго уѣзда).

Среди многочисленныхъ и разнообразныхъ формъ гаданія, извѣстныхъ въ практикѣ крестьянскаго населенія Тюменскаго уѣзда, слѣдуетъ обратить вниманіе на два слѣдующихъ гаданія: — *Гаданіе на бобахъ и гаданіе на ростани.*

Извѣстный этнографъ И. П. Сахаровъ въ его трудѣ — „Сказанія русскаго народа“, — въ отдѣлѣ о русскомъ народномъ чернокнижьи, говоритъ: — „Гаданіе на бобахъ принадлежитъ записнымъ городскимъ гадальщицамъ. Въ селахъ занимаются этимъ болѣе дворовые люди, а особливо ключницы, няньки и экономки, — по волѣ или неволѣ барской“. Это разсужденіе совершенно невѣрно, по крайней мѣрѣ въ отношеніи крестьянскаго населенія Западной Сибири и въ частности, Тюменскаго уѣзда. Гаданіе на бобахъ широко распространено именно въ крестьянской средѣ, и съ положительностью можно сказать, что въ Сибири нѣтъ села или деревни, гдѣ бы не практиковалась эта форма гаданія; всякій знахарь или знахарка обязательно знаютъ гаданіе на бобахъ и часто его практикуютъ.

Гадаютъ на бобахъ про всякіе случаи жизни: — заводится ли на селѣ свадьба, — гадаютъ о судьбѣ брачующихся; случится ли на селѣ какое-либо несчастіе, — пожаръ, смерть близкаго человѣка или кража, — всегда въ такихъ случаяхъ идутъ къ знахарю или къ знахаркѣ и гадаютъ; взгрустнется какой-нибудь женщинѣ и станетъ скучно безъ всякой видимой причины, — она идетъ къ знахарю и проситъ: — „Дѣдушко, раскинь-ко мнѣ мѣдь, что-то мнѣ стало скучно“, — и приступаютъ къ гаданію. Однимъ словомъ, гаданіе на бобахъ — это самый обычный и даже излюбленный способъ гаданія среди крестьянъ. Распространеніе и популярность этого гаданія легко могутъ быть объяснимы тѣмъ, что это гаданіе крайне удобно въ практическомъ отношеніи: — для

этого гаданія не требуется никакой особой обстановки и никаких особых приготовленій, нужно только имѣть подъ руками бобы.

Другое дѣло—гаданіе на ростани. Къ этому гаданію могутъ приступить только люди рѣшительные и смѣлые, и самое гаданіе требуетъ особой обстановки и особыхъ приготовленій, и совершается оно лишь подъ руководствомъ опытнаго знахаря. Этотъ способъ гаданія извѣстенъ лишь немногимъ знахарямъ, держится онъ въ величайшей тайнѣ и практикуется крайне рѣдко. Возникновеніе этого гаданія несомнѣнно относится къ временамъ глубокой древности, и потому его слѣдуетъ признать особенно интереснымъ и заслуживающимъ вниманія этнографовъ.

Гаданіе на бобахъ впервые сообщилъ мнѣ старый знахарь, крестьянинъ Тавдинскаго края Тюменскаго уѣзда Д. Н. Плехановъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1907 года. Затѣмъ я имѣлъ возможность нѣсколько разъ провѣрить это гаданіе въ практикѣ другихъ знахарей и знахарокъ, а въ послѣдній разъ я провѣрилъ это гаданіе опять таки въ практикѣ самого Д. Н. Плеханова, уже въ концѣ Іюня сего 1915 года.

I. Гаданіе на бобахъ.

Для гаданія берется *сорокъ одинъ* (41) бобъ; бобы берутся самые обыкновенные, высаживаемые на грядкахъ крестьянскихъ огородовъ. Для гаданія берутся отборные и хорошо созрѣвшіе бобы, принявшіе темносинюю окраску, причемъ передъ употребленіемъ и особенно для заготовленія въ прокъ бобы хорошо высушиваются на солнцѣ или же на русской печкѣ, но въ лѣтнее время, въ случаѣ надобности, можно оперировать на свѣжихъ бобахъ, даже незасушенныхъ. Для заготовленія бобовъ не требуется соблюденія никакихъ особыхъ обрядностей, но по мнѣнію всѣхъ знахарей требуется собирать и заготавливать бобы тайно и незамѣтно для постороннихъ лицъ, чтобы не возбудить пустого любопытства со стороны праздныхъ людей и чтобы „не озѣвали“ бобовъ.

Знахарь Д. Н. Плехановъ заявляетъ, что гаданіе возможно только на бобахъ, и никакой замѣны бобовъ допускать нельзя, ибо всякая замѣна бобовъ другими предметами и суррогатами парализуетъ магическое дѣйствіе гаданія. Поэтому всякій знахарь долженъ имѣть подъ руками запасъ бобовъ. И дѣйствительно, самъ знахарь Д. Н. Плехановъ всегда имѣетъ при себѣ запасъ отборныхъ, зрѣлыхъ и хорошо высушенныхъ бобовъ, которые онъ помѣщаетъ въ самодѣльной деревянной коробчкѣ съ крышечкой и хранитъ въ кисетѣ, на ряду съ наговорнымъ воскомъ и другими принадлежностями своего званія, кисетъ же этотъ онъ держитъ и носитъ постоянно съ собою.

Наоборотъ, знахарь Заякинъ заявляетъ, что въ случаяхъ нужды и крайности бобы можно замѣнить другими предметами, при чемъ въ жизни крестьянина часто могутъ быть такія положенія, когда приходится допускать такую замѣну. Такъ, ежегодно приходится крестьянину заѣзжать далеко отъ своего селенія, то въ лѣсъ для лѣсныхъ и звѣриныхъ промысловъ и для заготовки дровъ, а равно для сбора кедровыхъ орѣховъ, то на отдаленное озеро для рыбной ловли, то на удаленные луга для покосовъ; въ такихъ случаяхъ за хозяйственными хлопотами, часто забываются бобы, а между тѣмъ, въ свободное отъ занятій время, особенно въ длинные осенніе вечера, въ шатрахъ и землян-

кахъ, при свѣтѣ костровъ, часто приходитъ желаніе погадать. Въ такихъ случаяхъ допускается замѣна бобовъ гальками, кедровыми орѣхами, рѣчными раковинами и даже косточками обыкновенной поваренной соли. Въ данномъ случаѣ допускается презумпція, что указанные суррогаты представляютъ собою настоящіе бобы. При гаданіи, надъ такими предметами, выполняются всѣ манипуляціи, какъ и надъ бобами, и произносятся надъ ними положенные на такой случай наговоры. Одинъ посказитель говорилъ мнѣ, что во время боевого похода въ Китай, для усмиренія боксерскаго движенія, при гаданіи для себя и для своихъ боевыхъ товарищей онъ замѣнялъ бобы красивыми разноцвѣтными камешками, собранными на манчжурскихъ сопкахъ.

Существуетъ такое сказаніе о бобахъ. Въ древнія и незапамятныя времена бобы были людьми, и не простыми, а волшебниками и „еретниками“; Бога они не знали и даже были ему противниками и занимались только тѣмъ, что вредили людямъ. Бобы-люди имѣли способность прорицанія и превращенія, и всего чаще превращались въ саранчу и перелетали съ мѣста на мѣсто. Но съ теченіемъ времени бобы обратились къ Богу и сдѣлались истинными христіанами и прекратили свою безбожную жизнь, но способность прорицанія осталась за ними навсегда. Когда и за что волшебники-люди были обращены въ бобы, неизвѣстно, только бобы отъ своихъ родоначальниковъ волхвовъ усвоили и сохранили силу прорицанія. Бобы-люди, ставшіе христіанами, принимали участіе въ Куликовской битвѣ и помогали намъ русскимъ, въ борьбѣ съ татарами, они даже заранѣе предсказали исходъ этой битвы и побѣду русскихъ надъ татарами. Въ этой битвѣ бобы участвовали въ составѣ четырехъ полковъ; воевали они и бились съ врагомъ храбро и самоотверженно, такъ, что изъ четырехъ полковъ у нихъ осталось людей едва на одинъ полкъ, остальные всѣ честно легли на полѣ брани,—и этотъ то остатокъ бобовъ-героевъ своею храбростью и смѣлымъ натискомъ на враговъ рѣшилъ въ пользу русскихъ исходъ боя на Куликовомъ полѣ.

Сказаніе это сообщено посказителемъ Д. Н. Плехановымъ. Передавши это сказаніе, посказитель Плехановъ сказалъ, что потому то въ гаданіи плоды бобовъ и нельзя замѣнять ничѣмъ другимъ,—ни камешками, ни косточками

другихъ плодовъ,—что въ бобахъ кроется духъ превращенныхъ въ нихъ людей-волшебниковъ.

Передъ гаданіемъ знахарь произноситъ надъ бобами особую наговорную формулу; повидимому, существуетъ множество вариантовъ этого наговора, но мнѣ удалось записать только два слѣдующихъ варианта.

Д. Н. Плехановъ произноситъ такой наговоръ:—

—„Бобы сѣрогрецкіе, мысли молодецкія, походите и послужите и сущую правду мнѣ скажите, по крестному цѣлованію. Какъ вы ходили и служили Богу и Великому Государю тридцать три года по крестному цѣлованію, такъ и для меня, раба Божія (имя лица для котораго производится гаданіе, а если знахарь гадаетъ для себя, то называетъ свое имя),—приходите и послужите и сущую правду мнѣ (ему, ей) скажите...“ (Въ этомъ мѣстѣ знахарь излагаетъ сущность гаданія, примѣрно, въ такомъ видѣ:—„Если у меня раба Божія (имя рекъ), или у этого раба Божія, (имя рекъ) или у этой рабы Божьей (имя рекъ), украденный конь, или какое-либо краденое имущество найдется, если любовь добраго молодца, или дѣвницы, вернется, если такое-то предпріятіе удастся, и дастъ пользу и т. под.),—тогда пади легкая мѣдь на пяти головахъ и свѣтъ на лицо. Цари бобы“.

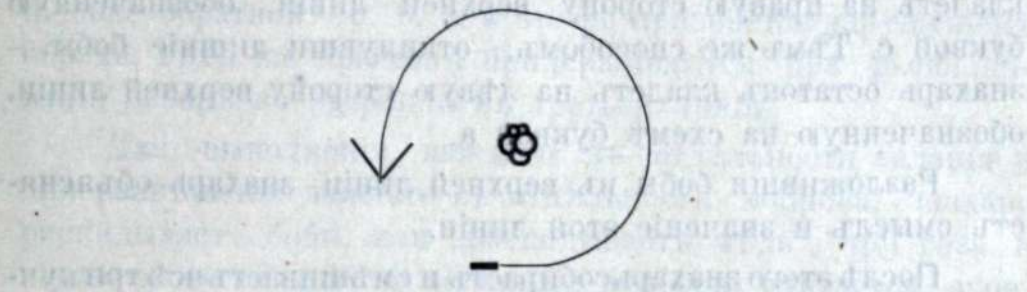
Посказитель же Заякинъ произноситъ такой наговоръ:—

—„Сорокъ одинъ бобъ, скажите сущую правду, не утайте, впередъ угадайте. Если исполнится мое такое-то желаніе (здѣсь надо высказать сущность гаданія, напримѣръ:—„если найдется краденое имущество“ или „если вернется ко мнѣ любовь такого-то или такой-то“, или „если будетъ мнѣ удача въ моемъ такомъ-то дѣлѣ“ и т. под.),—то пади легка мѣдь на самое сердце. Аминь“.

Самый же процессъ гаданія выполняется такъ. Знахарь высыпаетъ всѣ 41 бобъ кучкой на столъ и беретъ въ руку одинъ бобъ, подноситъ его къ устамъ и тихо произноситъ, „шепчетъ“ надъ этимъ бобомъ наговорное слово, образцы котораго приведены выше; произнося наговорное слово, посказитель, рукою съ наговореннымъ бобомъ дѣлаетъ круговое движеніе вокругъ всей кучки бобовъ, справа налево. Это круговое движеніе на языкѣ посказителей

называется—„взять бобы въ кругъ“. Взявши бобы въ кругъ, показитель наговоренный бобъ бросаетъ въ общую кучку бобовъ и смѣшиваетъ ихъ, такъ, что наговоренный бобъ теряется въ общей массѣ бобовъ.

Здѣсь я схематически изображаю круговое движеніе при забираіи бобовъ въ кругъ.

Далѣе, чтобы облегчить пониманіе и усвоеніе приѣмовъ гаданія, я представляю схему той таблицы, которая получается при раскладываніи бобовъ. Вотъ эта таблица.

Лѣвая рука,—или чужая сторона.	а	б	в	Правая рука,—или своя сторона.
	м	п	л	
		у	з	
	Голова			
	Сердце			
	Ноги			
	С е р е д и н а			

Изъ таблицы этой усматривается, что при гаданіи бобы раскладываются въ три горизонтальныя линіи, по три кучки бобовъ въ каждой линіи, всего девять кучекъ. Верхняя линія носитъ названіе—„голова“, средняя линія—„сердце“, и нижняя—„ноги“; правая вертикальная линія называется—„правая рука или своя сторона“, лѣвая вертикальная линія—„лѣвая рука или чужая сторона“, а средняя вертикальная линія особаго названія не имѣетъ, или же называется просто „серединой“.

Произнеся наговоръ и забравши бобы въ кругъ, знахаръ всю массу бобовъ дѣлитъ на три произвольныя кучки, распредѣляя кучки въ одну горизонтальную линію; за-

тѣмъ знахарь отъ средней кучки начинаетъ откидывать лишніе бобы, по 4 штуки заразъ, и послѣ такого откидыванія въ кучкѣ долженъ получиться остатокъ въ 4, 3, 2 и 1 бобъ, и этотъ остатокъ онъ кладетъ въ серединѣ верхней линіи, на нашей схемѣ обозначенной буквой b. Послѣ этого знахарь переходитъ къ кучкѣ на правой сторонѣ и откидываетъ лишніе бобы, отсчитывая по 4 боба, остатокъ же кладетъ на правую сторону верхней линіи, обозначенную буквой c. Тѣмъ же способомъ,—откинувши лишніе бобы,—знахарь остатокъ кладетъ на лѣвую сторону верхней линіи, обозначенную на схемѣ буквой a.

Разложивши бобы въ верхней линіи, знахарь объясняетъ смыслъ и значеніе этой линіи.

Послѣ этого знахарь собираетъ и смѣшиваетъ всѣ три кучки лишнихъ бобовъ въ одну общую массу и опять дѣлитъ ихъ на три произвольныя кучки и приступаетъ къ раскладыванію второй линіи, и при раскладываніи второй линіи онъ держится тѣхъ же пріемовъ, какъ и при раскладываніи первой линіи. Разложивши вторую линію, знахарь толкуетъ ея значеніе въ отдѣльности и въ связи съ верхней линіей.

Послѣ этого знахарь опять собираетъ всѣ три кучки лишнихъ бобовъ, смѣшиваетъ ихъ и опять дѣлитъ на три произвольныя кучки и указаннымъ способомъ раскладываетъ нижнюю и послѣднюю линіи.

Разложивши эту послѣднюю линію, знахарь толкуетъ ея значеніе въ отдѣльности, а затѣмъ уже углубляется въ изученіе всей таблицы полностью и приступаетъ къ раскрытію ея смысла и значенія, толкуетъ и объясняетъ ее заинтересованнымъ лицамъ.

Нужно при этомъ сказать, что при гаданіи должно строго соблюдать порядокъ раскладыванія линій въ таблицѣ, и ни въ какомъ случаѣ нельзя нарушать этого порядка:—всегда надо раскладывать сначала верхнюю линію, потомъ среднюю, а затѣмъ нижнюю линію, и ни въ какомъ случаѣ нельзя начинать съ нижней или средней линіи. Нарушеніе этого порядка признается настолько важнымъ, что, при наличности его, самое гаданіе считается недѣйствительнымъ и ничтожнымъ. Совсѣмъ другое дѣло—раскла-

дываніе бобовъ по отдѣльнымъ линіямъ, здѣсь допускается большой произволъ. Нами указанъ порядокъ раскладыванія такой:—въ срединѣ, направо и налево. Это наиболѣе употребительный способъ и признающійся наиболѣе правильнымъ. Но многіе посказители раскладываютъ бобы по линіямъ въ порядкѣ прямой послѣдовательности:—а. в. и с. и даже обратной:—с. в. а. и это не признается нарушеніемъ обряда, тѣхъ же приѣмовъ придерживаются при раскладываніи бобовъ во второй и въ третьей линіи.

Для выполненія каждаго въ отдѣльности гаданія и для разрѣшенія каждаго въ отдѣльности вопроса, знахарь раскидываетъ бобы, или „раскидываетъ мѣдь“, три раза, и послѣ этого гаданіе на заданный вопросъ считается оконченнымъ. При этомъ знахарь произноситъ, — „шепчетъ“ наговоръ надъ бобами и забираетъ бобы въ кругъ только одинъ разъ, именно передъ первымъ разомъ, передъ вторымъ же и передъ третьимъ разомъ наговоръ нечитается и бобы въ кругъ не забираются. Но если гадальщикъ задаетъ знахарю другой вопросъ для гаданія, тогда знахарь, приступая къ гаданію, вновь произноситъ наговоръ и забираетъ бобы въ кругъ. Такъ поступаетъ знахарь и при гаданіи одному и тому же лицу на третій вопросъ, на четвертый и т. д. Переходя же къ гаданію для другого лица, знахарь обязательно читаетъ наговоръ и забираетъ бобы въ кругъ.

Переходя къ изложенію подробныхъ приѣмовъ гаданія, необходимо преподать нѣкоторыя общія указанія, могущія послужить руководствомъ въ процессѣ гаданія.

Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что линіи въ гадательной таблицѣ не напрасно носятъ каждая свое особое обозначеніе и свое названіе, — такое названіе имѣетъ глубокой смыслъ и значеніе. Недаромъ же на это обстоятельство обратилъ свое вниманіе и это отмѣтилъ нашъ старый этнографъ И. П. Сахаровъ въ его „русскомъ народномъ черномъ книжѣ“, гдѣ онъ говоритъ, что бобы олицетворяются частями человѣческаго тѣла.

Верхняя горизонтальная линія называется „голова“. Это, конечно, потому, что эта линія опредѣляетъ и указываетъ собою движеніе мысли и думы, а равно рождающіеся

въ головѣ человѣка планы, предположенія и намѣренія, а равно всякіе замыслы и разсужденія.

Вторая линія—*„сердце“*—опредѣляетъ собою движеніе человѣческаго чувства и опредѣляетъ направленіе человѣческой воли. Вообще этой линіей разгадываются всѣ движенія человѣческаго сердца—любовь и ненависть, дружба и вражда, радость и печаль, блаженство и страданіе, а равно желаніе и влеченіе и т. под.

Третья линія—*„ноги“*—обозначаетъ собою движеніе дѣйствія во времени и пространствѣ, его потенціальность; этой линіей опредѣляется возможность и достижимость дѣйствія и его исполнимость. Къ этой именно линіи приурочиваютъ крайне характерное выраженіе:—*„нога на порогъ“* для указанія того, что загаданное дѣйствіе должно скоро исполниться.

Правая вертикальная линія называется—*„правая рука“*, или своя сторона. Показанія этой линіи, добрыя и худыя, относятся къ личности самого гадающаго и его сторонниковъ благожелателей. Въ практикѣ знахарей обычны выраженія:—интересъ на своей сторонѣ, или же препятствіе на своей сторонѣ и т. под.

Лѣвая вертикальная линія называется—*„лѣвая рука“*, или чужая сторона. Добрыя или худыя показанія этой стороны относятся къ чужой сторонѣ, т.е. имѣютъ значеніе для противной стороны, такъ сказать, для контрагентовъ гадающаго. Въ такихъ случаяхъ, въ практикѣ знахарей обычны такія выраженія:—интересъ отходить на чужую сторону, или что препятствія на чужой сторонѣ и тамъ оно испытывается и т. под.

Значеніе этихъ боковыхъ линій особенно ярко вырисовывается при гаданіяхъ объ отношеніяхъ, носящихъ, по существу своему, характеръ взаимности и двухсторонности: напримѣръ, въ гаданіяхъ для влюбленныхъ молодыхъ людей, или же для соперничающихъ и даже враждующихъ сторонъ, при кражахъ и другихъ преступленіяхъ, для обиженныхъ и обидчиковъ и т. под.

Средняя вертикальная линія называется—*„середина“*, она имѣетъ отношеніе только къ личности самого гадальщика, безъ отношенія его къ друзьямъ и сторонникамъ.

Въ томъ случаѣ, когда исходъ гаданія благопріятенъ для гадающаго, тогда говорятъ, что “легла хорошая или легкая мѣдь”, въ противномъ же случаѣ говорятъ, что “легла худая или тяжелая мѣдь”.

При раскладываніи бобовъ возможны самыя многочисленныя комбинаціи, допускающія самое разнообразное толкованіе, причемъ очень часто подсказители и знахари въ толкованіе бобовъ вносятъ свои варіаціи. Всѣ разнообразныя комбинаціи я подвожу подъ двѣ категоріи:—простыя и сложныя, и въ этомъ порядкѣ приступаю къ ихъ разсмотрѣнію, при чемъ значеніе бобовъ будетъ мною разсмотрѣно въ ихъ расположеніи по горизонтальнымъ линіямъ:—

А.) Простыя комбинаціи.

Значеніе одного боба.

Первая линія.

Средина. Ударъ—тяжелый и неожиданный. Тяжелыя и дурныя вѣсти. Тяжелая голова и мрачныя мысли и думы.

Направо. Показаніе хорошее. Хорошее и пріятное извѣстіе.

Налѣво. Хорошо:—ударъ переходитъ на противную сторону; вѣсти у противной стороны. Свиданіе на чужой сторонѣ.

Вторая линія.

Средина. Совсѣмъ плохо:—заколodило. Безнадежное и безвыходное положеніе:—некуда дѣваться.

Направо. Письмо. Повѣстка. Вѣсти, слухи, извѣстія, имѣющія отношеніе къ личности гадающаго.

Налѣво. Также письмо, вѣсти и извѣстія, но имѣющія отношеніе къ противной сторонѣ.

Третья линія.

Средина. Показаніе хорошее:—скорое исполненіе желаній. Скорое письмо и скорыя вѣсти.

Направо. Плохо:—корысти не будетъ.

Налѣво. Свиданіе на чужой сторонѣ

Значеніе двухъ бобовъ.

Первая линія.

Средина. Тяжелая голова. Мрачныя мысли и думы.

Направо. Хорошее показаніе. Веселые разговоры.

Налѣво. Также хорошее показаніе. Разговоры на чужой сторонѣ. Сплетни и пересуды, распространяемые на сторонѣ.

В т о р а я л и н і я.

Средина. На сердце дорога. Желаніе пуститься въ путь.

Направо. Дорога. Скорая вѣсти.

Налѣво. Нехорошо:—интересъ переходить на чужую сторону.

Т р е т ь я л и н і я.

Средина. „Ноги при дорогѣ“, „нога при порогѣ“, „нога на походѣ“. Это значить, что гадающему предстоитъ дорога въ скоромъ времени. Приѣздъ и прибытіе самого или другихъ близкихъ и желанныхъ людей.

Направо. Показаніе хорошее. Счастливая и хорошая дорога.

Налѣво. Дорога на чужую дальнюю сторону. Показаніе хорошее.

Значеніе трехъ бобовъ.

П е р в а я л и н і я.

Средина. Хорошая легкая мѣдь. Исполненіе желаній.

Направо. Всегда хорошее показаніе.

Налѣво. Хорошо.

В т о р а я л и н і я.

Средина. Плохо. Заколodило:—ни пути ни дороги. Затрудненія, препятствія.

Направо. Безразлично,—ни хорошо ни плохо.

Налѣво. Хорошо.

Т р е т ь я л и н і я.

<i>Средина.</i>	}	Хорошее показаніе.
<i>Направо.</i>		
<i>Налѣво.</i>		

Значеніе четырех бобовъ.

П е р в а я л и н і я.

Средина. Показаніе очень плохое. Тяжелая голова, мрачныя думы и мысли. Ударъ, непріятности. Болѣзнь и нездоровье. А равно—пьянъ или боленъ съ похмѣлья.

Направо. Хорошо:—интересъ на своей сторонѣ. Интересъ держать въ головѣ, т. е. думаютъ о немъ и строятъ планы.

Налѣво. Нехорошо:—корысть и интересъ переходятъ въ чужія руки. Есть завистники и злые люди, которые всячески стараются повредить интересамъ гадающаго.

В т о р а я л и н і я.

*Средина.*хлопоты и безпокойство. Худые разговоры и пересуды.

Направо. Очень хорошо:—интересъ на своей сторонѣ, и интересъ вѣрный и желанный.

Налѣво. Нехорошо:—интересъ въ чужихъ рукахъ, корысть переходитъ на сторону.

Т р е т ь я л и н і я.

Средина. Очень нехорошо,—свой интересъ затоптанъ ногами. Это значить, что гадающій лишается своего интереса по собственной винѣ или по своей небрежности. Полное неисполненіе желаній.

Направо. Очень хорошо:—получится вѣрный и скорый интересъ.

Налѣво. Совсѣмъ плохо:—весь интересъ уйдетъ на чужую сторону враговъ и противниковъ. Но иногда это означаетъ, что гадающаго ожидаетъ интересъ на чужбинѣ, на чужой сторонѣ.

Такимъ образомъ, изъ ознакомленія съ простыми комбинаціями усматривается, что наиболѣе яркое и опредѣленное значеніе имѣютъ одинъ и четыре боба, значеніе же двухъ и особенно трехъ бобовъ въ таблицѣ иногда неопредѣленно и неясно. Это несомнѣнно происходитъ потому, что два и три боба часто имѣютъ не самостоятельное зна-

ченіе, а только подсобное, а именно—ими усиливается или ослабляется значеніе другихъ, сосѣднихъ бобовъ.

Въ частности, относительно четырехъ бобовъ, надо сказать, что значеніе ихъ неодинаково понимается разными посказителями. Такъ, Д. Н. Плехановъ четыремъ бобамъ всегда придаетъ значеніе корысти и интереса, т. е. онъ придаетъ четыремъ бобамъ всегда хорошее значеніе, и плохо бываетъ лишь тогда, когда бобы ложатся налѣво, ибо это означаетъ, что интересъ переходитъ на чужую сторону. По мнѣнію же посказителя Заякина—четыре боба всегда имѣютъ отрицательное и худое значеніе:—четыре боба всегда означаютъ неисполненіе желаній, препятствіе и затрудненіе въ дѣлахъ. И только если 4 боба ложатся налѣво, то говорятъ, что затрудненіе и препятствіе перешло въ чужія руки, на чужую сторону. Интересъ же и корысть, по мнѣнію Заякина, обозначаются тремя бобами.

Б. Сложныя комбинаціи.

Описать сложныя комбинаціи крайне трудно, въ виду ихъ многообразія, а также и въ виду того, что толкованіе ихъ разнообразно и субъективно, и зависитъ отъ опытности и настроенія посказителя и знахаря. Здѣсь можно указать на слѣдующія, наиболѣе устойчивыя комбинаціи.

Девять бобовъ въ первой линіи, въ какихъ угодно комбинаціяхъ, всегда означаютъ собою тяжелую мѣдь, особенно если въ срединѣ или направо ляжетъ одинъ бобъ, или 4 боба лягутъ въ срединѣ. Въ такихъ случаяхъ гаданіе всегда неблагопріятно для гадающаго и говорятъ, что дѣло плохо:—тяжелыя думы и мысли въ головѣ и плохія дѣла.

Наоборотъ, пять бобовъ въ первой линіи, въ какихъ угодно комбинаціяхъ, всегда обозначаютъ собою легкую мѣдь и предсказываютъ добрыя и веселыя мысли, а въ дѣлахъ хорошій и желанный успѣхъ; особенно хорошо, если 1 бобъ лежитъ на лѣвой сторонѣ, а не въ срединѣ и не направо.

Если на среднюю линію падутъ 9 бобовъ, по три боба въ рядъ, тогда говорятъ, что вышла „одномысленная дума.“ Это значитъ, что обѣ соперничающія или враждающія стороны думаютъ объ одномъ и томъ же дѣлѣ, или пред-

метѣ, и желаютъ получить одинъ и тотъ же интересъ,—соперничаютъ объ одномъ и томъ же интересѣ.

Если на среднюю линію падутъ 12 бобовъ, по четыре въ рядъ, то говорятъ, что вышли „Сердечные цари“ или „Цари бобы“. Эта комбинація всегда даетъ худое показаніе,—она предвѣщаетъ неисполненіе желанія и неудачу въ дѣлахъ, а равно горе, тоску и печаль.

Если падутъ 12 бобовъ на третью линію, то говорятъ, что вышли „Цари въ ногахъ“. По мнѣнію посказителя Заякина, эта комбинація вызываетъ неопредѣленное положеніе, для выясненія котораго требуется другое, такъ сказать, подсобное гаданіе, состоящее въ подслушиваніи у дверей сосѣда. Дѣлается это такъ. Гадающій беретъ въ руку всѣ двѣнадцать „Царей—бобовъ“ и съ ними идетъ,—одинъ или въ сопровожденіи знахаря къ сосѣднему дому, гдѣ еще не успѣли затушить огня и не легли спать, и черезъ двери избы, а въ крайнемъ случаѣ и черезъ окно, слушаетъ, что будутъ говорить въ избѣ:—если слышенъ добрый разговоръ, то и гаданіе благопріятно, а если разговоръ слышится дурной, то и гаданіе будетъ худое.

По мнѣнію же посказителя Плеханова, двѣнадцать бобовъ въ ногахъ никакого дополнительнаго гаданія не требуютъ и обозначаютъ собою просто—„разговоры“—худые или добрые разговоры,—это зависить отъ расположенія бобовъ въ верхнихъ линіяхъ.

Два боба въ простой комбинаціи почти всегда обозначаютъ дорогу, въ смежности же съ тремя бобами они означаютъ исполненіе желаній; въ соединеніи же съ четырьмя или съ однимъ бобомъ 2 боба означаютъ разговоры о возникающихъ непріятностяхъ, или же самую непріятность.

II.

Гаданіе на растани.

Гаданіе это совершается въ одну изъ святочныхъ ночей, всего же удобнѣе его выполнять подъ Новый Годъ; можно приступить къ гаданію и въ другое время, но только обязательно зимою. Гадать же лѣтомъ, весною и даже осенью, безусловно нользя. Гаданіе совершается обязательно на растани, т. е. на перекресткѣ двухъ пересѣкающихся дорогъ, въ мѣстѣ глухомъ и отдаленномъ отъ селенія, гдѣ бываетъ наименьшее движеніе и гдѣ бы не было помѣхи со стороны прохожихъ и проѣзжихъ.

Гаданіе слѣдуетъ совершать поздней ночью, всего лучше около полуночи, при этомъ желательно, чтобы ночь была тихая, а будетъ ли она темная или свѣтлая и лунная,—это безразлично.

Въ этомъ гаданіи должно участвовать нечетное число лицъ:—3, 5, 7 и т. д.,—включая и знахаря, руководителя гаданія.

Неудобно приступать къ гаданію съ малымъ числомъ участниковъ, въ виду того, что при этомъ гаданіи возможно появленіе такихъ феноменовъ, которые сильно дѣйствуютъ на нервную систему гадалыщиковъ, подавляютъ и устрашаютъ ихъ; но нежелательно и слишкомъ большое количество участниковъ, такъ какъ въ толпѣ людей трудно установить потребную въ этомъ гаданіи тишину и таинственность. Требуется такое количество лицъ, которое можно удобно закрыть скатертью, всего удобнѣе участвовать въ этомъ гаданіи 5 или 7 лицамъ.

Въ гаданіи этомъ могутъ участвовать мужчины и женщины. Требуется, чтобы гаданіемъ руководилъ опытный знахарь или знахарка и вообще лицо знающее, къ тому же обладающее сильной волей, сообразительностью и находчивостью, способное въ трудную минуту поддержать и ободрить участниковъ гаданія, умѣющее въ свое время принять мѣры противъ вреднаго вліянія гаданія.

Для выполненія этого гаданія требуется совершить нѣкоторыя предварительныя приготовленія. Прежде всего надо имѣть подъ руками— „подвѣнечную или вѣнчанную ска-

терть“,—т. е. такую скатерть, которая была накрыта на столъ въ день брачнаго пира, за каковой столъ сажаютъ новобрачныхъ, привезенныхъ изъ церкви изъ-подъ вѣнца. Затѣмъ надо заготовить огарки лучины (не свѣчи). Въ старыя времена, когда крестьянскія жилища освѣщались только лучиной, не было затрудненія въ заготовкѣ огарковъ лучины, ибо такихъ огарковъ было много во всякомъ домѣ. Теперь же, когда крестьяне перешли на керосиновое освѣщеніе, когда огарковъ лучины не встрѣтишь даже въ домѣ бѣднаго крестьянина,—уже приходится заранѣе озаботиться изготовленіемъ такихъ огарковъ. Разумѣется, заготовленіе такихъ огарковъ не представляетъ никакихъ трудностей,—огарки лучины заготавливаются такъ. Берутъ лучину длиною, примѣрно, въ полъаршина, лучину зажигаютъ съ одного конца и даютъ ей сгорѣть наполовину или на двѣ трети длины ея,—остатокъ обгорѣвшей лучины и будетъ составлять огарокъ, вполне пригодный для дѣла. Нужно также, чтобы каждый изъ участниковъ имѣлъ на себѣ тѣльный крестъ, на достаточно широкомъ и просторномъ гайтанѣ, т. е. на шнуркѣ.

Когда всѣ предварительныя приготовленія сдѣланы, тогда всѣ участники съ наступленіемъ ночи выходятъ за село и идутъ на растань. Тамъ на растаніи распорядитель—знахарь спрашиваетъ, кому и о чемъ надо гадать, и когда будетъ установлено, кому именно и о чемъ будетъ вестись гаданіе, тогда знахарь приступаетъ къ своимъ обязанностямъ. Прежде всего знахарь ставитъ всѣхъ участниковъ на самой растаніи въ кругъ, лицомъ внутрь круга, гдѣ они и стоятъ всѣ молча. Самъ же знахарь беретъ огарокъ лучины и начинаетъ огаркомъ чертить кругъ на снѣгу вокругъ всѣхъ гадалыщиковъ, идя посолонь, при чемъ онъ проводитъ черту такъ, что самъ все время остается внутри круга; замкнувши кругъ, знахарь оставляетъ огарокъ на мѣстѣ смыканія круга, а затѣмъ переходитъ къ гадалыщикамъ и предлагаетъ имъ:—„Опалывайтесь.“ И тогда всѣ вынимаютъ изъ-за пазухи тѣльные кресты, просовываютъ правую руку черезъ гайтанъ, а затѣмъ каждый изъ участниковъ гаданія опускается на своемъ мѣстѣ на корточки и правой рукой начинаетъ полоть снѣгъ вокругъ себя самого, дѣлая сплошную бороздку; опалываніе ведется также по-

солонь. Слѣдовательно, каждый участникъ опалываетъ только самого себя.

Опалываясь, каждый изъ участниковъ шопотомъ произноситъ такую наговорную формулу:—„Полю я бѣлый снѣгъ. Привидься мнѣ (или ему, ей) то-то.“ При этомъ гадающіе должны изложить сущность гаданія, примѣрно, такъ: „Привидься мнѣ, нужно ли мнѣ (если опалывается самъ гадающій), нужно ли ему, ей (если имѣется въ виду другое лицо) вступать въ бракъ съ такимъ то лицомъ и будетъ ли этотъ бракъ счастливымъ.“ Или: „Привидься мнѣ (или ему), попаду ли я (или онъ) въ военную службу и буду ли въ ней счастливъ.“ Или же такъ:—„Нужно ли мнѣ (или ему) заводить такое-то торговое дѣло или хозяйственное предпріятіе и будетъ ли изъ него польза“ и т. п. Словомъ, предметы гаданія могутъ быть разнообразны.

Опалываться должны всѣ участники гаданія, но знахарь-руководитель гаданія, можетъ, по его желанію, и не опалываться, и лишь въ томъ случаѣ, когда онъ самъ хочетъ для себя гадать, тогда и онъ долженъ ополоться. Когда гадалыщики ополотились, тогда они уже не встаютъ съ корточекъ, но, оставаясь каждый въ своемъ кругѣ, который онъ сдѣлалъ въ формѣ бороздки при опалываніи,—гадалыщики составляютъ цѣнь такимъ образомъ, что всѣ они схватываютъ другъ друга мизинцами, и лишь два крайнихъ гадалыщика имѣютъ по одному свободному мизинцу. Когда, такимъ образомъ, гадалыщики составили цѣнь, тогда знахарь всѣмъ гадалыщикамъ накидываетъ на головы подвѣчную скатерть и такимъ образомъ совершенно закрываетъ ихъ, а затѣмъ самъ подлѣзаетъ подъ скатерть, опускаясь на корточки, и затѣмъ цѣпляется своими мизинцами за мизинцы обоихъ крайнихъ участниковъ гаданія и тѣмъ замыкаетъ цѣнь.

Въ такомъ состояніи всѣ остаются, соблюдая глубокую тишину и полное молчаніе и терпѣливо выжидая появленія феноменовъ гаданія. Обычно не приходится долго ждать, и самое больше черезъ четверть часа гадающіе начинаютъ видѣть и слышать что-либо, имѣющее отношеніе къ предмету гаданія. Слѣдовательно, гаданіе это вызываетъ галлюцинацію зрѣнія и слуха, при чемъ на обязанности знахаря

лежитъ выяснитъ и растолковать смыслъ и значеніе видѣннаго и слышаннаго.

Когда гаданіе кончилось и видѣніе прекратилось, или же когда гадаальщики слишкомъ угнетены и уstraшены представившимся имъ видѣніемъ, и они просятъ знахаря прекратить гаданіе,—тогда знахарь, не поднимаясь съ корточекъ и не выѣзая изъ-подъ скатерти, громко вслухъ произноситъ:—„Очурайтесь“.—и затѣмъ тутъ же громко произноситъ формулу заклинанія:—*„уи-куру пель, уи-куру полно“*. Всѣ гадаальщики немедленно, вслухъ и громко, повторяютъ ту же формулу:—*„уи-куру пель, уи-куру полно“*. Послѣ этого знахарь поднимается на ноги во весь ростъ, и сдергиваетъ скатерть съ гадаальщиковъ.

Гаданіе кончилось,—и всѣ могутъ подняться на ноги и отдохнуть; можно перемолвиться словомъ и подѣлиться мыслями. Но если гаданіе еще не окончено, или же послѣ перваго гаданія надо перейти къ гаданію для другого лица, тогда участники гаданія не могутъ выйти изъ круговъ, сдѣланныхъ ими опалываніемъ.

Отдохнувши, всѣ участники гаданія вновь опускаются на корточки и вновь цѣпляются мизинцами, образуя цѣпь; знахарь опять покрываетъ всѣхъ скатертью, садится самъ и замыкаетъ цѣпь. А затѣмъ, по окончаніи гаданія, всѣ чураются, т. е. произносятъ формулу заклинанія и поднимаются на ноги.

Сообщившій обрядъ этого гаданія, знахарь Лука Леонтьевичъ Заякинъ, нынѣ уже умершій, въ своей жизни нѣсколько разъ руководившій этимъ гаданіемъ, говорилъ, что гаданіе это такъ тягостно дѣйствуетъ на нервы участниковъ, что даже мужчины не выдерживаютъ болѣе одного сеанса въ вечеръ.

Нужно еще замѣтить, что при гаданіи этомъ въ галлюцинаціи зрѣнія и слуха принимаютъ одинаковое участіе всѣ гадающіе, и всѣ они одинаково видятъ одну и ту же картину и слышатъ одни и тѣ же рѣчи и звуки.

Признаю нужнымъ указать еще на то, что при изложеніи порядка гаданія, между старикомъ Заякинымъ и его сыномъ произошло разногласіе и споръ, которыхъ примирить не удалось, и спорящія стороны остались каждая при своемъ мнѣніи; споръ же касался порядка проведенія чер-

ты вокруг гадающих:—старикъ Заякинъ заявилъ, что достаточно вокруг гадающих провести одну черту однимъ огаркомъ лучины, а сынъ его настаивалъ на томъ, что вокруг гадающих надо провести три концентрическихъ круга тремя огарками лучины, причемъ знахарь проводитъ сначала наружный кругъ огаркомъ, оставаясь внутри круга и когда кругъ этотъ готовъ, знахарь оставляетъ на немъ огарокъ лучины, а затѣмъ, слегка отступивши внутрь круга, знахарь другимъ огаркомъ чертитъ другой кругъ, и на немъ оставляетъ другой огарокъ, а послѣ всего этого онъ тѣмъ же способомъ чертитъ третій кругъ и оставляетъ на немъ третій и послѣдній огарокъ лучины.

Старикъ Лука Заякинъ основывалъ свой способъ очерчиванія на его собственномъ личномъ опытѣ, а сынъ его, въ подтвержденіе тройного способа очерчиванія, ссылаясь на авторитетъ дѣда Леонтія Заякина давно уже умершаго, глубокія оккультныя познанія котораго признавалъ и съ благоговѣніемъ вспоминалъ и самъ старый Лука Заякинъ.

Здѣсь я приведу со словъ покойнаго посказителя Луки Леонтьевича Заякина два случая гаданія, въ которыхъ онъ лично принималъ участіе и которыми самъ же онъ и руководилъ. Оба эти гаданія были произведены уже давно, лѣтъ около пятидесяти тому назадъ, когда посказитель былъ еще молодымъ мужикомъ.

Въ первый разъ гаданіе совершалось для молодого парня, которому предстояло идти въ военную службу; парень боялся военной службы и не хотѣлъ идти въ нее. Разрѣшенію предстоялъ вопросъ,—попадетъ ли парень въ военную службу и благополучно ли ее отбудетъ. Во время гаданія представилась такая картина. Въ лѣтнюю пору, въ ясный солнечный день, представилась обширная площадь върѣе—поле; вдали слышалась полковая музыка и показался отрядъ солдатъ пѣхотинцевъ, шедшихъ обычнымъ строемъ, въ нѣсколько рядовъ. Солдаты съ музыкой шли черезъ площадь прямо на гадающихъ и подошли очень близко, такъ что гадающіе видѣли, что солдаты между собою громко разговаривали и смѣялись. Солдаты подошли такъ близко, что гадающимъ казалось, что они растопчутъ гадальщиковъ, и потому знахарь прервалъ гаданіе.

Гаданіе это было истолковано такъ, что парень попадетъ въ военную службу, и что служба эта будетъ для него благопріятна. И дѣйствительно, парень попалъ въ военную службу, былъ даже на войнѣ и вернулся домой благополучно, даже съ военной наградой и съ орденомъ.

Въ другой разъ гадали для молодой крестьянки, вдовы; она сошлась съ молодымъ парнемъ и хотѣла выйти за него замужъ, но родители парня этому противились. Разрѣшенію предстоялъ вопросъ о томъ, — состоится ли этотъ бракъ и будетъ ли онъ счастливъ. При гаданіи вышла такая картина. Представился высокій, крутой и пустынный берегъ большой рѣки, повидимому, Тобола, въ лѣтнюю пору. Въ дали показалась большая собака, темнорыжей масти, бѣжавшая легкой рысью прямо къ берегу рѣки; собака часто останавливалась и при остановкахъ жалобно выла, поворачивая голову въ сторону и въ даль; подбѣжавши къ рѣкѣ, собака опять остановилась и опять принялась выть, поворачивая голову въ ту же сторону. Затѣмъ собака повернула отъ берега и побѣжала въ ту сторону, куда она выла; по временамъ она останавливалась и жалобно выла. Такъ собака и скрылась въ дали. Гаданіе было прервано. Гаданіе это давало неблагоприятныя показанія. И дѣйствительно, бракъ не состоялся и крестьянка ушла на заработки въ Восточную Сибирь, на золотые прииска, да тамъ и пропала безъ вѣсти.

Тюмень. VIII—15 г.

А. Новоселовъ.

Задачи сибирской этнографіи.

Едва ли еще въ какой другой области положительныхъ наукъ объектъ изученія столь непостояненъ, какъ то можно видѣть въ этнографіи. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ ли мы геологію, біологію, химію и т. п., мы всюду находимъ положенія, вытекающія изъ самой природы предмета, которыя выполняя законъ міровой эволюціи, все же постоянны настолько, что не лишаютъ изслѣдователя возможности получить полную картину въ любой моментъ. Предполагая, что всѣ условія того или другого открытія, кромѣ времени, одинаковы, Ньютонъ ни на іоту не былъ бы дальше отъ истины, открой онъ законъ тяготѣнія триста лѣтъ спустя или раньше, какъ точно опозданіе на тысячелѣтіе съ открытіемъ основныхъ элементовъ не огорчило бы химика исчезновеніемъ или перерожденіемъ какихъ либо ихъ свойствъ. Но, переходя къ болѣе сложнымъ формамъ органическаго, а именно животнаго міра, уже приходится считаться и съ болѣе частымъ темпомъ смѣны эволюціонныхъ періодовъ, не говоря о совершенномъ исчезновеніи нѣкоторыхъ видовъ, какъ то приходится наблюдать даже въ самое послѣднее время. На верхней же ступенькѣ всего живого эволюція столь интенсивна, столь сложна и многообразна, что здѣсь уже далеко не безразлично, когда зафиксировано данное явленіе.

Въ частности, этнографъ постоянно рискуетъ упустить возможность непосредственныхъ наблюденій того или другого явленія.

Человѣческая община, какъ носительница въ ней самой созданныхъ обычаевъ, обрядовъ и, вообще, всего того, изъ чего складывается этнографическій образъ, консервативна лишь до той поры, пока, вѣками налаженный, организмъ ея не выведенъ изъ равновѣсія. Это всего ярче обозначается въ процессѣ внутривременной ассимиляціи. Чѣмъ

ниже та ступень, на которой стоит данная этнографическая подгруппа, тѣмъ послѣдняя консервативнѣй и тѣмъ съ большимъ трудомъ уступаетъ она каждую мелочь изъ неписаннаго кодекса обычаевъ. Но на каждую послѣдующую ступень та же группа поднимается все съ меньшимъ сопротивленіемъ, и каждое новое поколѣніе ея, теряя черты областническія, постепенно вливается въ общую массу племени. Такимъ образомъ, когда то этнически единое племя, разбитое вслѣдствіе историческихъ причинъ на области, опять становится этнически однороднымъ, лишь только сотрутся грани областей. У насъ губерніи Московская, Тамбовская, Нижегородская и т. д. все еще сохраняютъ свои характерныя черты, такъ остроумно отмѣченныя народной поговоркой, но, несомнѣнно, съ развитіемъ общественности, съ усиленіемъ циркуляціи жизненныхъ силъ страны, черты эти вотъ-вотъ исчезнутъ.

Это обычный эволюціонный процессъ. Онъ длителенъ и сложенъ.

Совершенно иную картину даетъ процессъ катастрофическій, самъ вызванный къ жизни тѣмъ или инымъ *force majeure*.

Именно такой процессъ или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ ихъ, совершенно самостоятельныхъ въ своемъ развитіи, мы наблюдаемъ сейчасъ въ Сибири. Такъ всегда бываетъ со странами молодыми—взять хотя бы Америку, Австралію и многія болѣе мелкія колоніи—такъ же случилось и съ Сибирью, но въ послѣдней процессъ ассимиляціи пріобрѣтаетъ особую усложненность.

Несомнѣнно, ассимиляція совершалась и въ ту пору, когда туземныя племена были полными хозяевами страны, но при относительномъ равенствѣ сталкивавшихся культуръ она не имѣла той интенсивности, какую сообщило ей появленіе индо-европейской расы въ лицѣ русскихъ.

Ко времени проникновенія за Уралъ восточныхъ славянъ многочисленныя группы урало-алтайцевъ и палѣазіатовъ почти уже закончили циклъ своихъ передвиженій и заняли тѣ мѣста, на которыхъ ихъ застали выходцы съ западной равнины. Лишь на югѣ подъ давленіемъ сосѣднихъ государствъ, имѣвшихъ болѣе устойчивыя обществен-

ныя формы, совершались нѣкоторыя передвиженія, хотя и тамъ уже силою обстоятельствъ намѣчалась тенденція осѣсть.

Чрезвычайно интересно было представить себѣ идеальную картину Сибири, предположивши отсутствіе вліянія русскихъ, но передъ нами стоитъ болѣе жизненный вопросъ — что представляетъ Сибирь въ этническомъ отношеніи теперь, когда расселеніе бѣлой расы по ея территоріи стало фактомъ, имѣющимъ многовѣковую давность.

Даже при бѣгломъ знакомствѣ съ повседневными проявленіями общественной жизни страны мы на каждомъ шагу наталкиваемся на тотъ или другой фактъ, краснорѣчиво свидѣтельствующій о коренной реорганизаціи поколѣніями налаженного уклада. А вѣдь бѣлая раса не только не закончила своего движенія на востокъ, нѣтъ, она его неизмѣнно развиваетъ, и, слѣдовательно, многогранный процессъ ассимилированія находится въ полномъ расцвѣтѣ. Повторяю, онъ чрезвычайно сложенъ, и задача настоящей статьи — не разобратъ въ немъ, а только отмѣтить тѣ главные вѣхи, по которымъ онъ идетъ и на которыхъ неизбежно придется остановиться этнографу — изслѣдователю.

Если мы представимъ себѣ мысленно карту Сибири въ этническомъ отношеніи, то увидимъ, что бѣлая раса, постепенно просачиваясь въ глубь сибирскихъ равнинъ, шла опредѣленнымъ русломъ, и именно тамъ, гдѣ природныя условія отвѣчали уровню ея матеріальной культуры. Еще не такъ давно немногочисленное (абсолютно) русское населеніе занимало районы по бывшему Московскому тракту и долинамъ рѣкъ, продвигаясь по послѣднимъ къ сѣверу до предѣльной полосы произрастанія злаковыхъ, къ югу же отъ тракта расселеніе захватило плодороднѣйшіе районы Томской и Енисейской губерніи, да въ степныхъ областяхъ*) узкой лентой протянулась прииртышская казачья линія, упираясь въ Алтай и заходя къ Зайсану, На всемъ остальномъ необъятномъ пространствѣ Сибири русскія колоніи были только вкраплены въ чрезвычайно рѣдкую массу мѣстнаго населенія. Но движеніе съ запада, начавшись нѣсколько вѣковъ назадъ едва замѣтнымъ теченіемъ, въ послѣднія десятилѣтія принимаетъ характеръ бурнаго

*) Акмолинскій и Семипалатинской, которыя обычно не относятся къ Западной Сибири, съ чѣмъ нельзя согласиться.

потока. Если въ 50—60 г. г. прошлаго столѣтія, когда по инициативѣ гр. П. Д. Киселева переселеніе въ Сибирь по мотивамъ экономическаго свойства лишь зарождалось—если тогда уже въ два-три года Тобольская и Томская г. г. приняла по нѣскольку десятковъ тысячъ переселенцевъ, то за девятилѣтіе съ 1885 по 1893 г. въ Сибирь прошло уже 260 тыс. д. *), не считая Стенныхъ областей, съ которыми цифра, несомнѣнно, должна возрасти до 300 тысячъ; а въ періодъ съ 1893 г. по 1912 г. въ Сибири водворено только муж. пола: въ Томской губерніи—554,6 тыс. д., Акмолинской обл.—320,4 т., Тургайской и Уральской—232,3 т.; Енисейской—186,3 т., Тобольской—159,3 т., Приморской—89,1 т., Иркутской—58,5 т., Семипалатинской—50,7 т., Амурской—43,2 т., и Забайкальской—3,2 т., а всего—1,697,600 д. м. п. **)

Этотъ мощный потокъ новыхъ людей хлынулъ по Великому Сибирскому пути, заполняя всѣ пустоши среди старожильческаго населенія и проникая въ такія области, гдѣ раньше шумѣла тайга да спокойно гуляли по ковыльнымъ степямъ конскіе табуны.

Столь интенсивное массовое вливаніе представителей самыхъ разнообразныхъ областныхъ группъ восточнаго славянскаго племени придадо ассимиляціонному процессу въ Сибири ту остроту, съ которой онъ проходитъ и которой—можно съ положительностью утверждать—больше нигдѣ не наблюдается. Здѣсь на лицо всѣ явленія, характерныя для жизни человѣческаго общества, сдвинутаго социально-экономическими факторами съ прежнихъ позицій и поставленнаго въ необходимость строить новую жизнь на совершенно новыхъ основаніяхъ. Здѣсь мы видимъ особенно ярко выраженное явленіе борьбы за существованіе во всѣхъ его градаціяхъ, видимъ взаимодействіе различныхъ культуръ, смѣну обрядовъ и обычаевъ, метисацію, поглощеніе одного племени другимъ и даже полное исчезновеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, причемъ каждое изъ этихъ явленій идетъ параллельно по нѣсколькимъ группамъ и, сообразно съ этнической фізіономіей послѣднихъ, носитъ въ различныхъ случаяхъ совершенно особый характеръ. Именно этотъ па-

*) „Сибирь, и ея нужды“, подъ ред. Мельника, изд. Девріенъ 1908 г. стр. 90.

**) „Азіатская Россія“, изд. Главн. Переселенч. Управленія.

раллелизмъ и усложняетъ работу сибирскаго этнографа, ставя передъ нимъ чрезвычайно запутанныя задачи.

Въ этническомъ составѣ сибирскаго населенія прежде всего поражаетъ крайняя пестрота его. Для иллюстраціи позволительно будетъ вспомнить хотя бы одни имена различныхъ племенъ, населяющихъ Сибирь. Къ числу урало-алтайцевъ здѣсь относятся: I) Тюркская группа—киргизы, якуты, телеуты, алтайцы, татары черневые, тобольскіе и т. д. II) Финно-угорская группа—а) остяки и б) вогулы. III—Самоѣдская группа—а) юраки, б) енисейскіе самоѣды, в) тавгійцы, г) остяко-самоѣды, д) камасинцы. IV) Монгольская группа—а) монголы, б) буряты, в) калмыки. V) Тунгусская группа—а) мангуны (ольчи), ороки, негда, мамагиры, б) дауры, в) манчжуры, гольды, ороchi, г) ламуты, ороchоны и манегры. Палэазіатовъ представляютъ: а) айны, б) алеуты, в) гиляки, г) камчадалы, коряки, чукчи, чуванцы, юкагиры, азіатскіе экспимсы и енисейскіе остяки.

Этотъ богатѣйшій этнографическій музей теперь безпрерывно пополняется за счетъ бѣлой расы, главнымъ образомъ, восточныхъ славянъ. Въ Европейской Россіи нѣтъ ни одной губерніи, включая даже крайній сѣверъ, которая не выкинула бы въ Сибирь болѣе или менѣе многочисленную группу своихъ представителей.

А вмѣстѣ съ тѣмъ усложняется и процессъ ассимиляціи.

Расчленяя его, мы должны будемъ взаимовліянія различныхъ этническихъ группъ представить въ слѣдующей схемѣ:

- I) взаимная ассимиляція туземныхъ племенъ,
- II) ассимиляція послѣднихъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ,
- III) ассимиляція коренныхъ сибиряковъ и переселенцевъ,
- IV) ассимиляція въ средѣ переселенцевъ, представляющихъ не менѣе пестрый составъ.

Но ассимилированіе—слишкомъ узкое понятіе и оно не можетъ съ достаточной полнотой охарактеризовать тѣ измѣненія, какія происходятъ въ обликѣ даннаго племени.

Съ доисторическихъ временъ сѣверъ Сибири служилъ какъ бы запаснымъ райономъ, совершенно негоднымъ для жизни племенъ съ болѣе или менѣе высокой культурой, но достаточно обширнымъ для расселенія бродячихъ дикарей-охотниковъ и скотоводовъ. Силою историческихъ событій въ этотъ колоссальнѣйшій пустырь отодвигались всѣ не выдержавшіе борьбы, всѣ тѣ, кому въ движеніи съ востока на западъ по южнымъ степямъ и равнинамъ не оказывалось мѣста. Уже это одно съ большой силой говоритъ о весьма невысокой жизнеспособности сѣверныхъ инородцевъ. Оставленные на произволъ судьбы, далеко ушедшими впередъ, главными массами своихъ расъ, отгороженные отъ остального міра тайгой, тундрами, всеубивающимъ морозомъ и—главное—разстояніемъ, многочисленныя подгруппы когда то могучихъ племенъ выработали свою культуру. Культуру примитивную и неустойчивую. Достаточно было небольшого давленія со стороны авангардныхъ рядовъ бѣлой расы, какъ уже не оказалось ни физическихъ, ни духовныхъ средствъ самозащиты. Здѣсь огромное значеніе имѣла поразительная малочисленность аборигеновъ края и та грубая сила, при помощи которой русскій піонеръ прокладывалъ себѣ путь. Трудно было бы ожидать гуманности и широкаго пониманія момента отъ людей, пришедшихъ съ одной цѣлью—такъ или иначе создать свое благополучіе. Истинные носители болѣе высокой культуры, обычно, приходятъ позднеѣ, уже послѣ того, какъ кадры культуртрегеровъ-хищниковъ вытянуть жизненные соки изъ слабаго племени и отравятъ его отбросами той самой культуры, при помощи и подъ флагомъ которой они проникаютъ.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на послѣднихъ печальныхъ страницахъ исторіи сибирскаго сѣвера, но весьма поучительно вспомнить хотя бы общіе итоги соціально-экономической жизни этого края. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ западныхъ культуртрегеровъ сѣверные инородцы быстро пошли къ упадку: укоренившіеся въ ближайшихъ съ ними мѣстностяхъ русскіе колонисты вскорѣ же широко организовали самую утонченную эсплоатацію. Въ результатъ—обнищаніе, алкоголизмъ, сифилисъ, вырожденіе и даже вымираніе. По этому поводу такъ много уже написано и сказано различными изслѣдователями и путешествен-

никами, что, дѣлая сводку ихъ свѣдѣній, неизбежно пришлось бы повторяться, и потому мы позволимъ себѣ остановиться лишь на позднѣйшихъ по времени данныхъ г. В. Зензинова*). Правда и онъ не даетъ намъ чего либо новаго, но, опираясь на его показанія, мы болѣе увѣренно можемъ утверждать, что въ судьбѣ сѣверныхъ сибиряковъ до послѣднихъ дней не произошло улучшенія. „Каждый годъ—говоритъ г. Зензиновъ—въ журналахъ общихъ присутствій областного и губернскаго управленія сибирскихъ и сѣверныхъ губерній приходится то и дѣло встрѣчаться съ помѣтками: „исключается изъ оклада такой то инородческій родъ, какъ совершенно выбывшій“. Такъ сухимъ канцелярскимъ языкомъ зафиксирована драма цѣлыхъ народностей, обреченныхъ на неизбежную гибель, на полное вымираніе при современномъ укладѣ жизни. По изслѣдованіямъ этнографа А. А. Макаренко, командированнаго музеемъ имени Александра III, быстрыми шагами идутъ къ полному вымиранію кочующіе по рѣкамъ Нерчѣ, Керенгѣ и верховьямъ Битима орохоны. „За послѣднія два столѣтія въ Сибири вымерло многочисленное племя омоки между Яной и Колымой; не менѣе многочисленное племя юкагирь, затѣмъ анаулы, кочевавшіе по Анадырю, также исчезли. Вымираютъ, всѣ племена, причисляемые къ арійцамъ—арины, ассаны, котты—исчезаютъ и енисейскіе остяки. Вымираніе замѣчается и среди наиболѣе культурныхъ и стойкихъ туземцевъ Сибири. Быстрому вымиранію отъ туберкулеза подвержены якуты Олекминскаго округа и буряты Иркутской губерніи. Факты вымиранія не отрицаетъ и мѣстная административная власть. Вотъ что, напримѣръ, писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ за 1912 годъ Якутскій губернаторъ: „За послѣднія 18 лѣтъ число ламутовъ сократилось на одну треть, число чукчей за послѣдніе 12 лѣтъ сократилось втрое; за 100 лѣтъ сохранилась только одна пятая часть юкагирскаго племени; чучанцевъ отъ цѣлаго племени осталось всего пять человѣкъ, тогда какъ еще въ 1890 г. ихъ значилось 143 человѣка, а въ 1862 г.—259 человекъ“.

*) В. Зензиновъ.—Русская Культура на далекой окраинѣ.—„Русскія записки“ № 6,—15 г.

И такъ, одни изъ ослабѣвшихъ племенъ вымираютъ, другія весьма близки къ этому. Во всякомъ случаѣ, исчезновеніе ихъ—вопросъ нѣсколькихъ десятилѣтій. Немного лучше обстоитъ дѣло съ племенами хотя и не вымирающими въ буквальномъ смыслѣ, но уже теряющими свой этническій образъ. Какъ и во всякомъ процессѣ поглощенія народностями болѣе сильными народностей слабыхъ, здѣсь мы имѣемъ возможность наблюдать потерю языка (нарѣчія)—фактъ, наличіе котораго свидѣтельствуетъ о безповоротности судьбы племени, ибо ему должно предшествовать полное подчиненіе матеріально-экономическое и сопутствовать духовное.

Сухія цифры послѣдней переписи въ обработкѣ С. Патканова даютъ намъ въ этомъ отношеніи много интереснаго. Оказывается, нѣкоторыя племена уже утратили или почти утратили родное нарѣчіе, въ зависимости отъ степени удаленности даннаго племени и его изолированности. Въ общемъ итогъ изъ 87,536 д. инородцевъ Сибири*) утратили родную рѣчь и говорятъ либо по-русски либо на нарѣчіяхъ другихъ своихъ сосѣдей 109,162 д. или 12,6%. Подъ „другими“ сосѣдями здѣсь нужно понимать якутовъ и бурятъ, успѣшно подчиняющихъ менѣе культурныхъ собратьевъ.

Не все сибирскіе инородцы стоятъ на пути къ исчезновенію. Якуты, буряты и, особенно, киргизы въ борьбѣ съ культурой поработорительницей проявляютъ большую жизнеспособность. Побѣжденные, сдвинутые съ прежнихъ позицій по всей линіи ихъ жизненнаго уклада, они все же имѣютъ достаточно силы противостоятъ губительному дѣйствію отрицательныхъ сторонъ западной цивилизаціи и, переживши весьма острый кризисъ, совершаютъ сейчасъ сложную работу перевоспитанія своей національной психологіи.

Здѣсь мы сталкиваемся съ болѣе сложными формами ассимиляціи, захватывающей все стороны жизни даннаго племени. Тогда какъ на сѣверѣ мелкія племена или цѣликомъ вымираютъ или постепенно сливаются съ болѣе сильными представителями человѣческихъ расъ, здѣсь племя продолжаетъ свою самостоятельную жизнь, но какъ въ

*) С. Паткановъ.—Сводныя таблицы и краткіе выводы.—Записки П.Р.Г.О. по отдѣл. статистики, т. XI, в. I.

области духовной, такъ и матеріальной культуры оно получаетъ столь значительныя наслоенія (если не полное измѣненіе), что на протяженіи немногихъ десятилѣтій этнографическій образъ его можетъ измѣниться до неузнаваемости.

Напримѣръ, многочисленный киргизскій народъ переживаетъ въ данное время фазу перевоспитанія.

Подъ давленіемъ сначала завоевателей казаковъ, затѣмъ російскихъ переселенцевъ киргизское хозяйство усиленнымъ темпомъ пережило всѣ стадіи отъ кочевого-скотоводческаго до осѣдло-денежнаго. Но степь велика, и на необъятныхъ равнинахъ ея это вліяніе отразилось не вездѣ одинаково, почему мы можемъ наблюдать одновременно и первобытно-кочевыя формы и формы характерныя для осѣдлаго земледѣльца. Такъ называемый, киргизскій вопросъ съ каждымъ годомъ, съ каждой переселенческой семьей и отрѣзанной ей десятиной пріобрѣтаетъ все большую остроту. А вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ миллионнымъ народомъ встаетъ диллема—или принять всѣ требованія жизни или вычеркнуть себя изъ списковъ племенъ, способныхъ къ дальнѣйшему развитію.

Вконецъ нарушенное, неизвѣстными дотолѣ, экономическими факторами, степное хозяйство потребовало коренной реорганизаціи. Изъ года въ годъ уменьшается площадь кочевій, уходя подъ надѣлы новоселамъ, сокращаются въ зависимости отъ того стада, и киргизское хозяйство рушится. Но, разрушаясь въ прежнихъ своихъ формахъ, оно ищетъ выхода на дорогу современности. Мы видимъ, какъ цѣлыя волости, оставаясь кочевниками, засѣваютъ хлѣбомъ большія площади, находя въ этомъ необходимое подспорье. Правда, киргизская пашня еще не способна дать излишки продуктовъ хотя бы для ближайшаго внутренняго рынка, но она уже далеко не та, что имѣла мѣсто съ давнихъ поръ на югѣ степи, гдѣ воздѣлываніе почвы подъ просо и—позднѣе—подъ пшеницу было унаслѣдовано отъ туркестанскихъ тюрковъ. Въ настоящее время трудно встрѣтить аулъ, гдѣ бы не было нѣсколькихъ земледѣльческихъ орудій новаго типа. Что же касается сѣнокосилокъ, то ихъ можно видѣть въ любомъ мало-мальски состоятельномъ хозяйствѣ. При сокращеніи пастбищной площади, сѣнокосилка, съ помощью которой теперь выкашиваются такіа мѣста,

гдѣ раньше и не думали итти съ литовкой,—спасла скотоводческое хозяйство.

Та приспособляемость, какую проявилъ киргизскій народъ, съ полной убѣдительностью свидѣтельствуетъ объ его жизнеспособности. Подтвержденіе этого мы находимъ и въ духовномъ ростѣ киргизскаго племени. Киргизская молодежь составляетъ значительный процентъ во многихъ, особенно специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ края. За послѣдніе два-три года въ ея средѣ намѣчается стремленіе къ объединенію культурныхъ силъ націи, къ направленію ихъ въ одно русло. Нѣтъ сомнѣнія, что дружныя усилія лучшей части киргизской молодежи въ близкомъ будущемъ принесутъ свои плоды и помогутъ разрѣшить такіе кардинальные вопросы, какъ переходъ къ осѣдлости, насажденіе просвѣщенія въ степи и пѣлый рядъ мѣръ по борьбѣ съ экономическимъ кризисомъ. Вопросы эти живо трактуются въ двухъ киргизскихъ газетахъ, но разрѣшеніе ихъ требуетъ широкаго участія сознательныхъ культурныхъ силъ.

Перейти къ осѣдлости! Это шагъ, длительность котораго, обычно, измѣряется столѣтіями, а киргизская степь поставлена въ необходимость совершить его чуть ли не въ одинъ сезонъ.

Это съ одной стороны, а съ другой—какъ прямой результатъ экомического кризиса,—развитіе пролетаріата. Послѣднее явленіе по своимъ размѣрамъ и значенію даже доминируетъ надъ призракомъ форсированнаго перехода къ осѣдлости.

Уже нѣсколько лѣтъ подрядъ мы въ такихъ узловыхъ пунктахъ, какъ Омскъ, наблюдаемъ необычную картину. Съ пароходскихъ пристаней къ вокзалу тянутся толпы степняковъ, направляющихся въ чужіе края, на заработки. На всѣхъ строящихся желѣзныхъ дорогахъ Западной и даже Восточной Сибири, въ шахтахъ степныхъ областей, въ пароходскихъ кочегаркахъ и. т. д.—всюду черной рабочей силой является киргизъ. Еще въ 1909 году я высказывалъ мысль, что „можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ мы будемъ свидѣтелями исключительно интереснаго процесса—перехода степняка со скотоводческаго хозяйства прямо на пролетарскій паекъ, мимо хлѣбопашества, мимо дворовой

освѣдлости“*). Жизнь подтвердила это предположеніе въ значительной степени. Но даже и здѣсь, въ области социально—экономической, киргизъ проявляетъ большую приспособляемость. Наряду съ переходомъ въ кадры пролетаріата, наряду съ джатачествомъ мы должны отмѣтить существованіе особо стоящей группы киргизовъ—извозчиковъ, составляющихъ значительный, а мѣстами и подавляющій, процентъ изъ числа занимающихся этимъ промысломъ во всѣхъ степныхъ городахъ. Тамъ на дальнихъ улицахъ можно видѣть цѣлые кварталы, застроенные киргизскими жилищами, по наружному виду мало отличающимися отъ русскихъ.

Невозможно здѣсь даже съ приблизительной полнотой освѣтить весь грандіозный процессъ переустройства степи, да это и не входитъ въ наши заданія. Но даже при бѣгломъ обзорѣ степной жизни мы находимъ длинный рядъ положеній, обусловливающихъ коренную ломку и въ сферѣ духовной жизни. Киргизскій народъ, не имѣющій въ непосредственномъ сосѣдствѣ племень съ приближающейся по уровню культурой и лишь однажды поднавший подъ вліяніе исламисткаго востока, духовно растетъ вполне самостоятельно, самъ въ себѣ. Но это ничуть не умаляетъ значенія тѣхъ измѣненій и наслоеній въ духовномъ обликѣ, о которыхъ говорится выше.

Во всѣхъ областяхъ жизни—хозяйственной, общественно—правовой и семейной—радикальное переустройство: новыя формы хозяйства, новыя приемы и орудія, умаленіе обычнаго права за счетъ государственнаго кодекса и. т. д. А все это, вмѣстѣ взятое, создаетъ то новое, что закрываетъ передъ этнографомъ самобытный этнографическій образъ племени и тѣмъ лишаетъ его драгоценнѣйшей возможности непосредственныхъ наблюденій.

Въ степи рѣзко мѣняются нравы—уже нѣтъ, наприкладъ, прежняго гостепріимства, новымъ складомъ жизни вытѣсняются и другіе національные обычаи, забывается эпосъ, видоизмѣняется орнаментъ и. т. д. и. т. д.

Переходя ко второму пункту нашей схемы, мы увидимъ, что и здѣсь, въ области взаимовліяній культуръ высшей—за-

*) „Иртышскіе очерки“.—„Сибирскіе Вопросы“, 1909 г. № 13.

падной и низшей—туземной, совершается процессъ ассимилированія. Казалось бы, процессъ этотъ, въ силу крайняго неравенства столкнувшихся культуръ, долженъ былъ вылиться въ форму односторонняго поглощенія одной изъ нихъ, но въ дѣйствительности наряду съ этимъ приходится наблюдать и то, какъ представители высшей цивилизаціи подпадаютъ подъ частичное или полное вліяніе значительно ниже стоящихъ туземцевъ. Вызывается это странное, если не сказать ненормальное, явленіе мѣстными сибирскими условіями. На Иртышѣ, наиримѣръ, казаки—потомки того всесловнаго сброда, который былъ посаженъ въ крѣпостцы и редуты,—подчинивши степняка юридически и экономически, сами не устояли передъ вліяніемъ его и восприняли многое изъ уклада степной жизни. Тому въ значительной степени способствовалъ недостатокъ національнаго самосознанія и изомированность отъ культурныхъ центровъ, а постоянныя дѣловыя сношенія со степью побуждали къ сближенію. Во всей массѣ коренныхъ казаковъ весьма трудно найти хотя бы одного, не знающаго киргизскаго языка, который нерѣдко употребляется въ домашнемъ обиходѣ, что служить признакомъ извѣстнаго шика. По киргизски отлично говорятъ всѣ казачата школьнаго возраста.

Но справедливость требуетъ отмѣтить, что, широко пользуясь чужимъ нарѣчіемъ, прииртышскій казакъ не только не утратилъ своего, но сохранилъ его въ полной чистотѣ. Нельзя того же сказать относительно нѣкоторыхъ обычаевъ и порядковъ въ области соціальной и хозяйственной, гдѣ отсутствіе устойчивыхъ наслѣдственныхъ формъ явилось благопріятной почвой для воспріятія мѣстныхъ нравовъ. Такъ, на Иртышѣ до послѣднихъ дней, когда волна переселенчества заставила взяться за соху, считалось весьма предосудительнымъ выполнить какую-либо черную работу по хозяйству. Казакъ, въ роли побѣдителя воспитанный на казенномъ пайкѣ, не выработалъ привычки къ черному труду и въ подражаніе степнымъ нравамъ изъ всѣхъ силъ старался быть „баемъ“. Онъ не могъ поступиться тѣмъ, чѣмъ всегда импонировалъ наивному кочевнику. Онъ зналъ, что достаточно ему протянуть руку къ сохѣ, какъ ореоль барства растаетъ, и киргизъ поведетъ себя съ нимъ за панибрата. Казачье хозяйство было всецѣло поручено

киргизу джатаку, а это много способствовало позаймствованію у киргизовъ не только типа скотскихъ пригоновъ (навозныя стѣны, открытые дворы и т. д.), но и самага характера скотоводческаго хозяйства. Искорененіе такихъ привычекъ потребуеть длительной борьбы. До сихъ поръ, несмотря на широкое развитіе маслодѣлія и наличность поучительныхъ примѣровъ, скотскій дворъ остается прежнимъ, мало укрывая отъ жестокихъ морозовъ, а коровы все еще доятся „по-киргизски“, т.-е. съ теленкомъ, что ощутительно отзывается на удоѣ.

Позаймствованія имѣли мѣсто и въ костюмѣ, правда, только мужскомъ: многіе казаки русскому тулупу и шапкѣ предпочитаютъ „кону“ и „малахай“.

Останавливаясь на взаимномъ вліяніи казаковъ и киргизовъ, нельзя пройти мимо факта метисаціи, нерѣдко наблюдавшейся особенно въ первое время занятія степи.

Тогда на Иртышѣ ощущался большой недостатокъ въ женщинахъ, и сожителство съ киргизками не представляло рѣдкости. Конкретнымъ послѣдствіемъ этого осталось значительное измѣненіе антропологическаго типа казака, если не въ общей массѣ, то въ тѣхъ группахъ, въ недалекомъ прошломъ которыхъ метисація имѣла мѣсто.

Фактъ вліянія инородческой низшей культуры на столь сильную группу представителей господствующаго племени, явившагося, къ тому же, въ роли завоевателя—доказываетъ лишній разъ, какое значеніе имѣеть духовная сплоченность, отсутствіе которой не можетъ быть возмѣщено ни военной мощью, ни правомъ господина. Явленіе это представляетъ большой интересъ. Но въ другомъ концѣ Сибири оно вылилось еще въ болѣе крайнія формы.

Немногочисленное русское населеніе нѣкоторыхъ пустынныхъ мѣстъ сѣвера, на протяженіи долгаго времени совершенно изолированное отъ родной среды, постепенно подчинилось вліянію инородческой культуры. Вліяніе послѣдней проникло настолько глубоко, что потомки завоевателей края не только восприняли полностью туземные приемы въ веденіи хозяйства, что еще понятно, но усвоили мѣстные обычаи, костюмъ, архитектуру и—мало того—утратили нарѣчіе, испортили антропологическій типъ.

Это явленіе отмѣчаютъ всѣ путешественники и невольные посѣтители Сибирскаго сѣвера. Напримѣръ, въ очеркахъ Тана мы находимъ цѣлую галерею типовъ изъ среды „города Пропадинска“, представляющихъ яркій образецъ уродливаго скрещиванія русскихъ съ инородцами. Отъ западной культуры здѣсь остался лишь жаргонъ, немногими словами напоминающій о русскомъ языкѣ. То же говоритъ и, цитированный выше, г. В. Зензиновъ: „Тѣ немногіе русскіе (7—8⁰/₀ всего населенія Якутской области; изъ нихъ огромное большинство живетъ въ самомъ Якутскѣ), которые вкраплены въ инородческую массу—чиновники, часть купечества, потомки пришельцевъ, ссыльные,—не только не смогли оказать какого-либо воздѣйствія на инородцевъ, но сами подпали подъ ихъ вліяніе и въ настоящее время настолько слились физически и духовно съ инородческимъ населеніемъ (якуты составляютъ 94⁰/₀ всѣхъ инородцевъ), что не всегда могутъ быть отличены отъ нихъ ни по своему физическому виду, ни по своимъ внутреннимъ качествамъ. Русскіе здѣсь настолько утратили свою національную физиономію, что между собой съ гораздо большей охотой, чѣмъ по русски, разговариваютъ по якутски, на этомъ разговорномъ языкѣ сѣвера. Почти исключительно якутскую рѣчь вы слышите въ русскомъ домѣ среди членовъ семьи, состоящихъ только изъ русскихъ, по якутски же будутъ разговаривать между собою встрѣтившіеся другъ съ другомъ въ дорогѣ казаки, состоящіе на дѣйствительной службѣ у русскаго государства, потомки русскихъ завоевателей, пришедшихъ на далекую окраину изъ коренной Россіи. Нерѣдко можно встрѣтить русскихъ выдающихъ себя за якутовъ и стыдливо скрывающихъ свое русское происхожденіе“.

Ассимиляція въ средѣ русскаго населенія, какъ старожильческаго, такъ и вновь прибывающаго, не можетъ вылиться въ столь рѣзкія формы, но процессъ ея болѣе сложенъ въ деталяхъ. Коренной сибирякъ не представляетъ собой какой-либо особой вѣтви славянскаго племени, но нельзя оспаривать того, что все же онъ образуетъ особый этнографическій типъ, созданный путемъ извѣстнаго отбора. Создала его и ссылка и безграничная любовь къ свободѣ—въ равной степени, а воспитала и укрѣпила суровая сибирская природа. Борьба съ этой природой, вытекающая отсю-

да привычка къ самостоятельности и независимости выковали не только здоровое тѣло, но и надиво здоровый духъ. А то культурное—независимо отъ его цѣнности—богатство, что принесено было съ родины, преломилось подъ вліяніемъ сибирской дѣйствительности, вылилось въ новыя формы, нерѣдко значительно уклоняющіяся отъ основныхъ. Явились свои привычки въ постройкѣ жилища, въ манерѣ одѣваться, выработался своеобразно сибирскій укладъ семейной и общественной жизни, создались тѣ нравы, по которымъ даже поверхностный наблюдатель отличить сибиряка отъ „лапотника“.

И вотъ въ эту своеобразную среду могучей струей приливаетъ русское крестьянство, само далеко не однородное въ своемъ составѣ. Начинается ассимиляція. Вначалѣ она не выходитъ за рамки матеріальной культуры: совершается позанмствование методовъ обработки почвы, типа построекъ и т. д., что обуславливаетъ знакомство съ невиданными дотолѣ орудіями. Роли той и другой стороны постоянно чередуются. Если, допустимъ, переселенецъ воспринялъ нѣкоторыя мелочи домашняго обихода, то, какъ бы въ обмѣнъ, сибирякъ учится у него саманной постройкѣ (въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ) производству кизяка, привыкаетъ къ пароконной бричкѣ и т. д. Путемъ родственныхъ связей и повседневнаго общенія ассимиляція постепенно получаетъ полное развитіе, захватывая область духовной культуры. Кто въ этой борьбѣ окажется побѣдителемъ и поскольку—зависитъ въ каждомъ данномъ случаѣ отъ численнаго соотношенія и состава обѣихъ группъ, но рядъ наблюдений позволяетъ вывести слѣдующее: русскій переселенецъ, воспитанный въ рабствѣ экономическомъ и юридическомъ, несетъ въ Сибирь лишь вѣковую привычку къ тяжелому труду, и эта привычка на просторномъ сибирскомъ надѣлѣ получаетъ широкое примѣненіе, научая сибиряка тѣмъ пріемамъ, съ какими всего легче поставить на твердую почву хотя бы и экстенсивное хозяйство; сибирякъ же подчиняется пришельца духовно.

Надо видѣть, съ какимъ пренебреженіемъ относится тотъ же иртышскій казакъ къ домашнему обиходу и чрезвычайно неряшливой, неприхотливой кухнѣ переселенца. Даже киргизъ, избалованный пышной сибирской „шаньгой“,

нерѣдко отказывается итти по найму въ російскую семью, гдѣ его ожидаетъ заквапленный на гущѣ каравай. Пренебреженіе это невольно переносится и вообще на все, что принесъ съ собой зауральскій единоплеменникъ. Лишь путемъ болѣе близкаго знакомства сибирякъ научается отдѣлять истинно цѣнное отъ продуктовъ нищенства и рабства.

Трудно еще судить о степени интенсивности и характерѣ ассимиляціи въ средѣ, сталкивающихся представителей Россіи и Сибири, но несомнѣнно, что, начинаясь съ пустяковъ, она быстро распространяется на всѣ области жизни, и если въ сближеніи матеріальныхъ культуръ главную роль играетъ хозяйство, то проводникомъ духовныхъ теченій служитъ молодежь съ ея „посидѣнками“, „вечерками“ и „супрядками“. Здѣсь молодежь слышитъ новыя пѣсни, видитъ и облюбовываетъ новые свадебные и семейные обычаи; здѣсь создаются нравы того поколѣнія, которое не будетъ уже цѣльно російскимъ или сибирскимъ и ближайшее потомство котораго явится первымъ звеномъ, строго говоря, безусловно новаго этнографическаго типа.

Итакъ, не вдаваясь въ детали, мы все же имѣемъ возможность представить картину чрезвычайно сложнаго процесса ассимиляціи, который совершается по всѣмъ группамъ сибирскаго населенія. О силѣ и распространеніи его можно судить по тому, что онъ захватилъ уже наиболѣе консервативные слои, къ которымъ прежде всего должно быть отнесено старообрядчество, особенно алтайское.

Было время, когда именно Сибирь съ ея сказочнымъ пространствомъ обезпечивала сохраненіе типа Алтай въ этомъ отношеніи стоялъ въ особо благопріятныхъ условіяхъ, во-первыхъ потому, что онъ до самаго послѣдняго времени былъ въ полномъ смыслѣ слова окраиной Великой Окраины и потому, что природа его—снѣговые края и глубокія долины—въ ассимиляціи населенія играла ту же роль, что и переборки въ океанскомъ суднѣ. Но вліяніе внѣшняго міра, незамѣтно просачиваясь по проселкамъ и оживленнымъ трактамъ, всколыхнуло старину, подточило ее. Патріархальный бытъ вытѣсняется, а вмѣстѣ съ нимъ уходитъ и весь жизненный укладъ старой Руси со всѣми обрядами и обычаями, на смѣну которымъ прививаются новые. При изслѣдованіяхъ быта алтайскимъ старовѣровъ мнѣ пришлось, про

тивъ ожиданій, многое, уже забытое, воскрешать въ памяти стариковъ и только такимъ способомъ добывать свѣдѣнія, необходимыя для возстановленія полной картины недавняго прошлаго. Съ подобнымъ же явленіемъ, только еще въ болѣе рѣзкой формѣ долженъ встрѣтиться изслѣдователь и другихъ этнографическихъ группъ, не говоря о цѣлыхъ племенахъ, уходящихъ со сцены половиной своего бытія или даже совершенно.

Достаточно одного этого, чтобы говорить о широтѣ и серьезности задачъ, какія встанутъ передъ сибирскимъ этнографомъ. Но значеніе и срочность ихъ становится особенно очевидны, если принять во вниманіе крайнюю разнородность состава сибирскаго населенія и то, что многія племена все еще находятся на той ступени культуры, природу которой едва ли еще гдѣ-либо, кромѣ Сибири, можно изучать въ натурѣ, а не по археологическимъ даннымъ. Въ связи съ этимъ задачи этнографа должны подраздѣляться на частныя, поскольку дѣло касается отдѣльныхъ группъ, и общія, широкая постановка которыхъ будетъ серьезнымъ шагомъ въ созданіи философіи предмета.

Вся та огромная работа, что стоитъ на первой очереди, не можетъ быть выполнена сколько-нибудь удовлетворительно безъ надлежащей организаціи. Самый серьезный и добросовѣстный изслѣдователь при всей эрудиціи не сможетъ охватить развертывающихся переднимъ заданій, и въ то время, какъ специализировавшись на изученіи какой-либо одной группы, онъ потратитъ на нее быть можетъ цѣлый рядъ лѣтъ, другія группы далеко уйдутъ по пути ассимиляціи или даже полного исчезновенія.

На первый взглядъ кажется, что въ этой области у насъ дѣлается много. Но, ознакомившись съ выпусками специальныхъ изданій за длинный рядъ лѣтъ, нельзя не прийти къ заключенію, что все это въ большинствѣ, сырой, да, зачастую, и сомнительный по научной достовѣрности, матеріаль. Вѣрнѣе, мы имѣемъ обрывки сырыхъ матеріаловъ, для серьезной работы надъ которыми надо долго еще ждать ихъ пополненія. А не будетъ ли упущено время даже и для такого чисто случайнаго пополненія?..

Ввиду особой важности вопроса необходима немедленная организація этнографическихъ изслѣдованій въ Сибири.

Инициативу и руководство должно взять на себя одно изъ тѣхъ ученыхъ обществъ, въ программу дѣятельности которыхъ входитъ интересующая насъ область науки, и намъ кажется, что ближе другихъ къ ней стоитъ Географическое Общество. Одной изъ очередныхъ его задачъ должна быть широкая постановка систематическихъ изслѣдованій по этнографіи Сибири.

Характеръ предмета позволяетъ вести изученіе не только путемъ специальныхъ экспедицій, но оставляетъ широкую возможность пользоваться наблюденіями сотрудниковъ на мѣстахъ, правильная сѣть которыхъ должна охватывать всю страну. Помимо постоянной связи съ ними центральный органъ долженъ снабдить своихъ агентовъ хорошо разработанными программами, пользуясь которыми, они могли бы, при отсутствіи научной дисциплинированности, наиболѣе продуктивно примѣнять свой добровольный трудъ. А прежде всего въ сознаніи мѣстныхъ работниковъ—въ большинствѣ, интеллигентной молодежи—надо воспитать убѣжденіе въ необходимости и важности собиранія сырого матеріала, какъ бы подчасъ онъ не казался малозначительнымъ и незаслуживающимъ вниманія. Рядомъ съ этимъ, должно всѣми силами бороться съ укореняющимся среди молодежи мнѣніемъ, что въ Сибири все обследовано и дѣлать тамъ уже нечего. Каждому хочется быть первымъ, но свойственная многимъ, юношеская мечта сдѣлаться знаменитымъ путешественникомъ, непремѣнно несущимъ наукѣ новыя открытія, цѣнная какъ показатель высокаго искаательства, заслоняетъ болѣе скромныя задачи, выполненіе которыхъ, тѣмъ не менѣе, принесетъ огромную помощь наукѣ.

Пусть каждый изъ сельской интеллигенціи, каждый изъ учащейся молодежи поставитъ себѣ обязанностью—подъ руководствомъ центральной организаціи не упускать ни малѣйшаго случая зафиксировать то или другое явленіе мѣстной жизни, будь-то пѣсня, наговоръ, загадка, характерное для мѣстнаго нарѣчія слово и т. д., пусть каждый въ часъ досуга заноситъ въ свою памятную книжку повседневныя наблюденія надъ мѣстнымъ бытомъ, не стѣсняясь ихъ мелочностью.

Это одна сторона дѣятельности въ выполненіи тѣхъ задачъ, какія ставятъ передъ нами сибирская этнографія.

Параллельно съ подготовительной работой по собиранію этнографическихъ матеріаловъ должна идти работа и въ мѣстныхъ ученыхъ обществахъ, дѣйствія которыхъ необходимо координировать, что при скудости средствъ дастъ возможность очередныя экспедиціи направить въ тѣ районы, гдѣ обстоятельства требуютъ безотлагательныхъ излѣдаваній.

Только при этихъ условіяхъ—при условіи мобилизаціи этнографовъ любителей и постояннаго руководства ими, при условіи оживленія дѣятельности мѣстныхъ ученыхъ обществъ и координированія ихъ дѣятельности—можно надѣяться, что для науки будетъ спасено еще многое, обреченное современными условіями сибирской жизни на забвеніе.

Надо помнить, что каждый годъ бездѣятельности лишаетъ науку такихъ цѣнностей, какія уже не могутъ быть пріобрѣтены, разъ онѣ утрачены.

Августъ, 1915 г.

СПИСОКЪ

астрономическихъ пунктовъ, опредѣленныхъ въ 1905—9—10—12 годахъ въ Алтайскомъ округѣ геодезистами Подп. Павловымъ, Полк. Алексѣевымъ и Кап. Максимовичемъ.

Съ развитіемъ въ Западной Сибири межевыхъ, картографическихъ, гидротехническихъ и т. п. работъ спросъ на астрономическіе пункты Военнаго вѣдомства со стороны различныхъ учреждений и отдельныхъ лицъ значительно возросъ. Между тѣмъ результаты астрономическихъ работъ печатаются въ малодоступныхъ для большинства работающих въ указанныхъ отрасляхъ лицъ изданіяхъ.

Поэтому мы считали полезнымъ помѣстить результаты астрономическихъ работъ послѣднихъ лѣтъ въ органѣ, обслуживающемъ географическія нужды Западной Сибири.

Н. Д. Павловъ.

•

Долгота отъ Пункта отъ Пункта 80 градуса восточна	Востокъ или западъ	Широта или высота	Названіе вновь опредѣленныхъ астрономическихъ пунктовъ
139 22'	В	54 23'	1. Ножевинный заводъ М-В. Новошниковой Камня съ вост. Астр. пунктъ 1905 г. востокъ Камня вост. В. 60 саж. и вост.
139 22'	В	54 23'	отъ завода и 40 саж. востокъ отъ Бутарки
139 22'	В	54 23'	2. Зиневые Риндигатъ. Кам- ня съ востокъ и вост. в. 20 саж. в. востокъ отъ зиневыхъ и в. 30 саж. в. востокъ отъ р. Бут-
139 22'	В	54 23'	арки
139 22'	В	54 23'	3. Тамоненный пунктъ. Кам- ня съ востокъ и вост. в. 20 саж. в. востокъ отъ зиневыхъ и в. 30 саж. в. востокъ отъ р. Бут-
139 22'	В	54 23'	арки
139 22'	В	54 23'	4. Усть-Нардигатъ. Кам- ня съ востокъ и вост. в. 20 саж. в. востокъ отъ зиневыхъ и в. 30 саж. в. востокъ отъ р. Бут-
139 22'	В	54 23'	арки
139 22'	В	54 23'	5. Усть-Саманъ. Камня съ востокъ и вост. в. 20 саж. в. востокъ отъ Бутарки (вост. в. 20 саж. в. востокъ отъ р. Бутарки)
139 22'	В	54 23'	6. Усть-Баян-Кок-су. Кам- ня съ востокъ и вост. в. 20 саж. в. востокъ отъ зиневыхъ и в. 30 саж. в. востокъ отъ р. Бут-
139 22'	В	54 23'	арки
139 22'	В	54 23'	7. Озеро Кара-Куль. Болотъ Камня съ востокъ и вост. в. 20 саж. в. востокъ отъ зиневыхъ и в. 30 саж. в. востокъ отъ р. Бут-
139 22'	В	54 23'	арки

СПИСОКЪ

астрономическихъ пунктовъ, опредѣленныхъ въ 1905 г.
Генеральнаго Штаба Подполковникомъ ПАВЛОВЫМЪ.

Названіе вновь опредѣленныхъ астрономическихъ пунктовъ	Широта	Вѣроятн. ошибка широты	Долгота къ востоку отъ Пулкова	
			Во времени	Въ дугѣ
1. Кожеевный заводъ Мѣ- новщицкой Камень съ надп. „Астр. пунктъ 1905 г.“ вокругъ камня ровъ. Въ 60 саж. къ зап. отъ завода и 40 саж. къ югу отъ Бухтармы	49°12'29"3	$\pm 0^{\circ}50$	3 ^h 45 ^m 29 ^s 04	55°22'15"
2. Зимовье Чиндыгатуй. Ка- мень съ надписью и ровъ въ 25 саж. къ востоку отъ зимовья и въ 30 саж. къ сѣверу отъ р. Бух- тармы	49 13 28.0	± 0.50	3 47 12.53	56 48 8.0
3. Таможенный пикетъ Унокъ. Камень съ надписью и ровъ на лугу въ 25 саж. къ югу отъ пикета и въ 50 саж. къ западу отъ р. Бѣлой Алахи	49 18 33.6	± 0.37	3 49 8.03	57 17 0.5
4. Усть-Ильдигемъ. Камень съ надписью и ровъ около 80 саж. къ западу отъ слиянія р.р. Ильдигема и Исытры и въ 20 саж. къ сѣв. отъ р. Исытры	49 39 31.3	± 0.50	3 49 19.41	57 19 51.5
5. Усть-Самака. Камень съ надписью и ровъ въ 20 саж. къ востоку отъ обрыва (русло р. Са- маки) и 40 саж. отъ р. Кок-су. Къ востоку степь	49 44 14.8	± 0.25	3 47 45.41	56 56 21.5
6. Усть Бѣлая-Кок-су. Ка- мень съ надписью и ровъ около 80 саж. къ с.-в. отъ слиянія р.р. Бѣлой и Кок-су и 60 саж. къ вост. отъ моста черезъ р. Бѣлую . .	49 38 41.9	± 1.0	3 46 12 47	56 33 7.0
7. Озеро Кара-Куль. Большой камень съ надписью и ровъ около 120 саж. къ западу отъ сѣверн. края озера Кара-Куль	49 34 24.6	± 0.50	3 43 56.83	55 59 12.5

Азимуты, считая от сѣвера че- резъ востокъ	Предметы, на которые взяты направленія	Примѣчаніе
0.21	139°22' 273 2 322 42	На трубу дома управляющаго. На правый край бѣлой киргиз. могилы. На уголь камеры для окурки кожъ.
0.22	277 36 344 17 117 9	На окно Зимовья. На вершину с.-з. горы (камень). На сѣжную ю. в. вершину горы.
0.19	39 70.5 7 48.5 233 16.5	На трубу пикета. На сѣверную гору. На сѣжную вершину горы Канасъ.
0.20	286 46 114 14 239 44	На запад. сѣж. вершину въ ущельи. На правый край киргиз. могилы. На выступъ въ западной горѣ.
0.19	322 21.5 70 0.5 80 39.5	На вершину горы въ ущельи. На сѣжную вершину На вершину горы Іикту.
0.19	22 25 292 42 1 26	На С.-С.-В. пикъ. На западный лѣвый камень на горѣ. На сѣверную гору (пикъ).
0.20	45 35.5 71 7 167 44	На пикъ С.-В. горы. На пикъ С. В.-В. горы. На правый камень ю. в. холма на горѣ.

Названіе вновь опредѣенныхъ астрономическихъ пунктовъ	Широта	Вѣроятн. ошибка широты	Долгота къ востоку отъ Пулкова	
			Во времени	Въ дугѣ
8. Село Берельское. Камень съ надписью и рвомъ у с.-в. края села	49°22'23".4	$\pm 0''25$	3 ^h 44 ^m 25 ^s 15	56° 6'17"
Крестъ колокольни	49 22 17.7	—	3 44 25.00	56 6 15
9. Озеро Чернавинское. Большой камень (плита) съ надписью и рвомъ на леревалѣ, между озерами Чернавинскомъ и Хайрюзовымъ	49 25 13.2	± 0.50	3 43 3.93	55 45 59
10. Дер. Фыкалка. Камень съ надписью и рвомъ къ востоку отъ деревни на холмѣ	49 21 20.2	± 0.37	3 41 3.10	55 15 40
11. Дер. Коробиха. Камень съ надписью и рвомъ на площади къ сѣверу отъ хлѣбнаго магазина въ разстояніи около 25 саж.	49 27 35.8	± 0.37	3 38 55.23	54 43 40
12. Усть-Сухая. Камень съ надписью и рвомъ около 100 с. къ западу отъ впаденія р. Сухой въ р. Тихую въ 20 саж. къ югу отъ р. Сухой	49 32 19.3	± 0.50	3 40 9.40	55 2 20
13. Усть-Тихая. Камень съ надписью и рвомъ въ 30 саж. къ югу отъ впаденія р. Тихой въ р. Катунь	49 40 12.3	± 0.37	3 41 19.77	55 19 50
14. Озеро Тальменье. Камень съ надписью и рвомъ на холмикѣ у истока р. Озерной изъ озера Тальменьяго	49 48 4.6	± 0.37	3 41 52.28	55 28 .
15. Истоки р. Зайчихи. Деревянный столбъ со рвомъ въ 28 саж. къ востоку отъ большого камня (скала) съ надписью	49 58 49.6	± 0.37	3 40 56.34	55 14 .

Азимуты, считая от сѣвера че- резъ востокъ	Предмѣты, на которые взяты направления	Примѣчаніе
0° 20	210° 34' На крестъ колокольни. 221 28 На камень на Нарымскомъ хребтѣ. 358 54 На сѣверный пикъ.	
0° 23	59 14 На камень на восточной горѣ. 117 28 На Ю.-В. камень на горѣ. 263 24 На западн. камень на горѣ.	
0° 24	256 13 На гребень крыши школы. 49 22 На пикъ С.-В. горы. 74 22 На пикъ С.-В.-В. горы.	
0° 21	351 6 На сѣверный сѣжный пикъ. 148 43 На Ю.-В. сѣжный пикъ. 182 44 На гребень крыши хлѣбнаго магазина.	
0° 20	121 54 На Ю.-В.-В. западную сопку. 146 24 На Ю.-В. сопку. 31 14 На правый уголъ избушки пасѣчника.	
0° 18	71 25 На С.-В.-В. пикъ. 106 50 На восточный пикъ. 206 11 На Ю.-З. пикъ.	
0° 19	43 19 На С.-В. пикъ. 64 38 На С.-В.-В. пикъ. 296 22 На С.-З. камень на горѣ.	
0° 22	206 26 На Ю.-Ю.-З. пикъ. 271 14 На камень на западной горѣ.	

Названіе вновь опредѣленныхъ астрономическихъ пунктовъ	Широта	Вѣроятн. ошибка широты	Долгота къ востоку отъ Пулкова	
			Во времени	Въ дугѣ
16. Дер. Кок-су. Камень съ надписью и рвомъ у восточнаго края деревни въ 20 саж. отъ обрывистаго берега рѣки Катунь	50°15'46"0	± 0"37	3 ^h 41 ^m 14 ^s 33	55°18' 5"
17. Сліяніе р. р. Бирюксы Большой камень съ надписью въ 50 саж. къ востоку отъ сліянія р. р. Уймонской и Красноярской Бирюксы (ровъ).	50 4 45.4	± 0.50	3 39 13.57	54 48 23.
18. Перевалъ. Камень съ над- писью и рвомъ и деревянный столбъ, у верховой тропы, на перевалѣ у верховья р. р. Тихой Бирюксы и Шахалихи.	49 53 9.5	± 0.37	3 38 55.28	54 43 49.
19. Дер. Быкова. Камень съ надписью и рвомъ у восточнаго края деревни въ 10 саж. отъ р. Мельничихи. На лугу, къ восто- ку — р. Бухтарма	49 42 43.6	± 0.25	3 36 59.69	54 14 55.1
20. Дер. Козлушка. Камень съ надписью и рвомъ у восточ- наго края деревни на площади, къ югу отъ дома лѣснаго объѣз- дника	49 55 37.7	± 0.37	3 36 19.06	54 4 45
21. Красноярка. Большой ка- мень съ надписью и рвомъ въ 15 с. къ западу отъ сліянія верх- нихъ истоковъ рѣки Красноярки	50 6 47.7	± 0.50	3 38 11.52	54 32 52.
22. Село Абай. Камень съ надписью и рвомъ у западнаго края дер. на церковной площади	50 25 48.5	± 0.37	3 38 56.34	54 44 5.
Крестъ колокольни	50 25 46.2	—	3 38 56 52	54 44 7.

Ятн. бк оты ре- ни	Азимуты, считая отъ сѣвера че- резъ востокъ	Предметы, на которые взяты направленія	Примѣчаніе
0.22	343°45' 164 58 239 31 151 23	На пирамиду на горѣ. На пирамиду на горѣ за р. Катунью. На пирамиду на горѣ за р. Кок-су. На лѣвый пикъ горы.	Пирамид. постро- ены чинами позе- мельно-устроител. партіи.
0.22	48 53 96 58 136 35	На С.-В. пикъ. На восточный камень на горѣ. На Ю.-В. уступъ.	
0.19	155 1 105 15 45 10	На Ю.-В. пикъ. На восточный пикъ. На С.-В. пикъ.	
0.22	320 51 349 8 102 27	На С.-З. пикъ. На сѣверный пикъ за горой. На восточный пикъ.	
0.23	12 5 316 45 175 42	На правое окно дома мѣстн. объѣзд. На С.-З. пикъ. На камень на южной горѣ.	
0.25	282 36 179 6	На западный столбъ на горѣ. На южный пикъ.	
0.20	118 42 128 51 21 26	На крестъ колокольни. На пирамиду на горѣ. На вѣху на горѣ.	Пирамида и вѣха поставлены чина- ми позем.-устрои- тельн. партій.

Названіе вновь опредѣленныхъ астрономическихъ пунктовъ	Широта	Вѣроятн. ошибка широты	Долгота къ востоку отъ Пулкова	
			Во времени	Въ дуг
23. Дер. Нижній Уймонъ. Камень съ надписью и рвомъ къ сѣверу отъ деревни Н. Уймонъ у дорога въ д. Катанду на выгонѣ	50°12' 0"6	$\pm 0^{\circ}37'$	3 ^h 42 ^m 32 ^s 27	55°38'
25. Заимка Тюнгуръ. Камень съ надписью и рвомъ на площади къ С.-В. отъ заимки. Къ югу Моральникъ къ западу въ 100 саж. р. Тюнгуръ	50 9 37 8	± 0.25	3 43 29.60	55 52 2
25. Еломанъ. Большой камень съ надписью и рвомъ у р. южный Еломанъ, у кочевья калмыковъ, верст. въ двухъ сѣвернѣе впаденія р. Тотъ въ Еломанъ	50 25 3.8	± 0.50	3 43 58.28	55 59 3
26. Село Онгудай. Деревянный столбъ противъ земской квартиры	50 41 57.3	± 0.50	3 43 12.87	55 48 1
Крестъ колокольни	50 45 0.0	—	3 43 12.62	55 48
27. Поселокъ Кеньга. (Теньга) Деревянный столбъ противъ управл. Зайсана	50 50 48.7	± 0.50	3 41 19.64	55 19 5
28. Хуторъ Ябаганъ. Деревянный столбъ у воротъ при въѣздѣ въ хуторъ	50 53 49.2	± 0.37	3 39 26.68	54 51 4
29. С. Усть-Канъ. Деревянный столбъ со рвомъ на церковной площади	50 56 3.1	± 1.0	3 37 46.87	54 26 4
Крестъ колокольни	50 56 46	—	3 37 46 98	54 26 4

Азимуты, считая от севера че- рез востокъ	Предметы, на которые взяты направлѣнія	Примѣчаніе
183°40'	На камень на южной Красной горѣ.	
10 6	На сѣверный пикъ.	
20 33	На пирамиду.	
176 34	На южный пикъ.	
224 58	На Ю.-В. камень на горѣ.	
208 54	На трубу дома.	
280 40	На западный пикъ (камень).	
35 2	На С.-В. пикъ.	
42 2	На вершину горы въ ущельи.	
295 2	На крестъ колокольни.	Столбъ постав- ленъ въ 1904 г. Кап. Харман- скимъ.
144 42	На трубу каменнаго дома.	
212 47	На желѣзную трубу.	
293 40	На С.-З. вершину.	Т о ж е.
356 24	На сѣверный пикъ.	
129 0	На раму правого окна.	
58 46	На крестъ колокольни.	
146 32	На часовню.	
338 53	На крестъ на горѣ за рѣкой.	

Названіе вновь опредѣленныхъ астрономическихъ пунктовъ	Широта	Вѣроятн. ошибка широты	Долгота къ востоку отъ Пулкова	
			Во времени	Въ ду
30. Кудеты Карагай. Камень съ надписью и рвомъ у берега р. Кок-Су, около 150 саж. къ С.-З. отъ впаденія рѣки Кудеты-Карагай въ р. Кок-Су. На сѣв. зап. кочевья калмыковъ . . .	50°26'28"9	± 0"37	3 ^h 37 ^m 45 ^s 23	54°26'
31. Дер. Поперечная. Столбъ со рвомъ на улицѣ около земской квартиты	50 23 42.1	± 0 50	3 33 57.71	53 29
32. Село Ридерское. Столбъ со рвомъ на церковной площади	50 20 58.9	± 0 37	3 32 48.05	53 12
Крестъ колокольни	50 21 1.1	—	3 32 48.12	53 12
33. Дер. Черемшанка. Камень съ надписью и рвомъ на площади къ востоку саж. въ 30-ти отъ сельскаго училища . . .	50 16 30.0	± 0.37	3 30 52.12	52 43
34. Село Бобровское. Камень съ надписью и рвомъ на церковной площади	50 9 44.9	± 0.37	3 29 34.32	52 23
Крестъ колокольни	50 9 43.8	—	3 29 34.42	52 23

тн. ка гы е- 1	Азимуты, считая от сѣвера че- резъ востокъ	Предметы, на которые взяты предметы	Примѣчаніе
19	209°17' 266 22 86 40	На Ю.-З. пикъ. На западный пикъ. На камень на восточной горѣ.	
18	48 17 57 12 339 4	На раму окна земской квартиры. На С.-В. сопку. На С.-С.-З. сопку.	
19	9 17 36 55 107 11	На сѣверный пикъ. На крестъ колокольни. На восточный камень на горѣ.	
18	350 15 181 1 261 17	На сѣверный пикъ. На южный камень на горѣ. На западный пикъ.	
24	16 16 38 34 115 9	На отдельное дерево на горѣ. На С.-В. вершину. На крестъ колокольни.	

СПИСОКЪ

координаты астрономических пунктовъ, опредѣленныхъ въ 1907, 1909 и 1910 годахъ Полковникомъ **АЛЕКСѢЕВЫМЪ**.

Вновь опредѣленные астрономическіе пункты		Широта	ρ	Долгота Во време
О п р е д ѣ л е н і				
Усть-Каменогорскъ, крестъ колокольни крѣпостной церкви . .		49°56'43"4	---	3 ^h 29 ^m
Приведеніе къ чугунной трубѣ на мѣстѣ наблюденій подполк. Павлова въ 1905 году		+ 1.8		--
1	Красноярская станица. Деревянный столбъ у церкви	50 14 7.4	$\pm 0''16$	3 27 3
	Приведеніе къ кресту колокольни	+ 0.7		--
	" къ мѣсту наблюд. 1907 г.	+ 1.2		+
2	Шемонаевское село. Деревян. столбъ у церкви	50 37 30.1	± 0.22	3 26 2
	Приведеніе къ кресту колокольни	+ 0.9		+
3	Екатерининская деревн. Дер. столбъ у церкви	50 54 59.8	± 0.27	3 26 4
	Приведеніе къ кресту колокольни	+ 0.5		+
4	Змѣиногорскъ, гор. Солнечн. часы на площади у церкви	51 9 17.3	± 0.37	3 27 2
	Приведенія къ кресту колокольни .	— 2.2		+
	Приведеніе къ вѣхѣ на Караульной сопкѣ	+ 1.9		+
5	Караульная сопка. Вѣха на вершинѣ	51 9 19.1	± 0.19	3 27 3
6	Верхне-Убинская, станица. Дерев. столбъ у церкви	50 28 33.6	± 0.17	3 28 2
	Приведеніе къ кресту колокольни	— 1.1		+
7	Верхъ-Алейская станица. Деревян. столбъ у церкви	50 50 51.6	± 0.10	3 28 2
	Приведеніе къ кресту колокольни .	+ 3.0		+

отъ Пулкова		Баромет- рическая высота въ саженяхъ	Азимуты на мѣстные предметы		
Въ дугѣ			Предметы, на которые даны азимуты	Разсто- янія	Азимуты отъ S че- резъ W
07 года.					
0° 23' 52" 16' 38" 25			Со столба подл. Павлова на крестъ колокольни	32° 6'	144° 9' 4"
— 2.10	132° 0'				
0.02 51 54 23.85	137.9		Крестъ колокольни церк.		
— 3 90			(со столба)	37.7	105 45.8
+ 1.95			Вершин. конусов. кам. сопки	ок. 5 в.	287 49.8
0.05 51 35 29 10	144.9		Крестъ колокольни церк. .	49.4	254 8.9
+ 5.10			Отдѣльн. камень на сопкѣ Мохнатой	ок. 5 в.	276 57.7
0.04 51 41 42.75	142.7		Каменистая сопка	" 3 "	27 46.3
+ 0.90			Отдѣльная вершина	" — "	109 5.0
			Крестъ колокол. церкви . .	10° 9'	232 14.8
0 06 51 52 9.30	189.5		Труба виннаго склада . . .	—	154 7.5
+ 1.95			Пожарная каланча	105° 7'	221 33.0
			Вѣха на караульн. сопкѣ .	853 6	268 11.0
+ 93.75			Крестъ колокол. церкви . .	36.1	333 13.5
0.05 51 53 40.35	283.6		Крестъ колокол. церкви . .	—	85 59.3
			Солнечные часы (А. П.) . . .	—	88 11.3
			Пожарная каланча	784° 3'	93 43.5
0.03 52 5 29.70	166.1		Вершина сопки	ок. 3 в.	293 2.3
+ 1.35			Крестъ колокол. церкви . .	20° 8'	322 6.8
0.03 52 5 19.80	204.1		Вершина острокоя. сопки .	ок. 4 в.	45 1.2
+ 2.25			Крестъ колокол. церкви . .	48° 6'	204 54.2
			Верстовой столбъ	—	248 30.2

	Вновь опредѣленные астрономическіе пункты	Широта	ρ	Долгота
				Во время
8	Тегерекскій поселокъ. Дер. столбъ у церкви	51° 8'46"9	$\pm 0''19$	3 ^h 30 ^m 48
	Приведеніе къ кресту колокольни	— 0.5		+ 0
9	Колыванское село. Плоскій камень на западной окраинѣ села	51 18 54.4	± 0.23	3 28 57
	Приведеніе къ кресту колокольни	+ 1.8		+ 0
10	Усть Бѣлая деревня, Дер. столбъ у церкви	51 27 28.0	± 0.15	3 30 27
	Приведеніе къ кресту колокольни	— 0.5		+ 0
11	Чарышская станица. Дерев. столбъ у церкви	51 24 13.7	± 0.06	3 32 54
	Приведеніе къ кресту колокольни	+ 0.3		+ 0
12	Маральевскій поселокъ. Дер. столбъ на сѣв. окраинѣ поселка (у мо- ста черезъ р. Моралиху) . .	51 44 12.8	± 0.27	3 32 40
13	Антоніевская станица. Дер. столбъ у церкви	51 59 40.4	± 0.41	3 34 34
	Приведеніе къ кресту колокольни	+ 0.9		+ 0
14	Паутово село. Дер. столбъ на холмѣ „Дѣвичій Мысъ“	52 12 44.9	± 0.19	3 35 43
	Приведеніе къ кресту колоко. во- вой кам. церкви	+ 15.1		+ 2
15	Смоленскій поселокъ. Дер. столбъ у церкви	52 13 57.6	± 0.17	3 37 35
	Приведеніе къ кресту колокольни	— 0.5		+ 0
	Бійскъ городъ. Кам. столбъ у п.-те- легр. конторы	52 32 45.6	± 0.16	3 39 35
	Приведеніе къ кресту колоко. Ус- пенскаго соб.	— 10.9		+ 0

отъ Пулкова		Баромет- рическая высота въ саженяхъ	Азимуты на мѣстные предметы		
	Въ дугѣ		Предметы, на которые даны азимуты	Разсто- янія	Азимуты отъ S че- резъ W
07	52°42'10"05 + 0.75	223.2	Лѣвый край отвѣсн. скалы	ок. 5 в.	29°56'1
			Отдѣльно стоящее дерево .	" 3 "	135 19.1
			Крестъ колок. церкви . .	9°6	315 24.6
09	51 14 20.40 + 13.95	237.9	Крестъ колок. церкви . .	129°8	258 40.1
			Конусов. вершина сопки	ок. 15 в.	340 11.1
			Скала на гор. Синюхъ . .	" 7 "	340 45.6
10	52 36 49.20 + 0.60	143.9	Отдѣл. камень на сопкѣ .	" 6 "	46 46.3
			Вершина острог. сопки	" 8 "	187 17.8
			Крестъ колок. церкви . .	9°6	319 52.3
06	53 13 38.70 + 0.90	201.8	Столбъ на вершинѣ горы .	ок. 5 в.	9 5 7
			Крестъ колок. церкви . .	9°9	242 23.7
			Триг. знакъ на верш. соп.	ок. 8 в.	341 28.7
14	53 10 1.50	181.2	Середина моста	—	26 36.0
			Столбъ—указатель . . .	—	171 31.9
			Вершина конусов. сопки .	ок. 7 в.	306 7.9
02	53 38 34.05 + 1.35	111.3	Столбъ—указатель	—	81 53.4
			Крестъ колок. церкви . .	—	224 10.9
			Пирамида на верш. горы .	" 15 "	315 17.6
06	53 55 55.35 + 42.15	93.0	Крестъ прав. колок. въ н. Николаевскомъ	" 8 "	174 32.6
			Вѣтряная мельница . . .	19°2	177 58.6
			Крестъ колок. церкви . .	433.4	239 46.6
			Вершина сопки	ок. 40 в.	344 6.6
01	54 23 59.85 + 1.05	81.2	Вершина конус. сопки . .	" 40 "	8 40.9
			Межевой столбъ	—	100 49.9
			Крестъ колок. церкви . .	12°1	309 30.9
125	54 53 58.95 + 10.65	76.6	Крестъ колок. кафедр. соб.	—	237 7.0
			Крестъ кол. Успен. собор.	184°0	329 28.0

Вновь опредѣленные астрономическіе пункты		Широта	ρ	Долгота Во время
16	Быстрый Истокъ село Дерев. столбъ на берегу р. Оби	52°22'49"8	± 0.30	3 ^h 36 ^m
	Приведеніе къ кресту колокольной церкви	— 27.0		+
17	Коробейниково село. Дерев. столбъ въ оградѣ церкви	52 11 29.0	± 0.28	3 33
	Приведеніе къ крест. колок. новой кам. церкви	— 14.5		—
18	Буранова деревня. Дер. столбъ у зап. конца деревни	52 1 4.1	± 0.19	3 30
	Приведеніе къ шпигу вѣтряной мельницы	+ 1.7		+
19	Бѣлоглазово село. Дерев. столбъ у ю.-зап. угла церковной ограды .	52 6 37.6	± 0.05	3 28
	Приведеніе къ кресту колокольной церкви	+ 1.1		+
20	Курьинское село Дер. столбъ на церковной площади	51 36 0.9	± 0.18	3 27
	Приведеніе къ крес. кол. новой цер.	— 0.6		—
	Приведеніе къ кр. кол. старой цер.	— 2.1		+
21	Калмыцкіе мысы село. Дер. столбъ у ю.-в. угла церковн. ограды .	51 53 27.7	± 0.10	3 27
	Приведеніе кресту колок. церкви .	+ 0.6		—
22	Безголосова деревня. Дер. столбъ у ю.-в. угла церковн. ограды .	52 30 56.2	± 0.23	3 30
	Приведеніе къ кресту колок. церк. .	+ 0.5		—
23	Малманская деревня. Дер. столбъ у ю.-з. угла церковной ограды .	52 53 54.8	± 0.33	3 32 5
	Приведеніе къ крес. колок. церк. .	+ 0.7		+
	Приведеніе къ столбу солнечныхъ часовъ	+ 2.4		—

отъ Пулкова		Баромет- рическая высота въ саженяхъ	Азимуты на мѣстные предметы		
р	Въ дугѣ		Предметы, на которые даны азимуты	Разсто- янія	Азимуты отъ S че- резъ W
0.06	54° 3' 24" 00 + 24.60	73.7	Рѣчной знакъ на перек. Крестъ колок. церкви Межевой столбъ	ок. 8 в. 447° 3 ок. 60 с.	61° 18' 5 330 49.5 337 20.5
0.02	53 22 13.80 — 1.80	76.1	Крестъ кол. нов. кам. цер. Крестъ кол. стар. дер. цер.	213° 5 4.8	47 19.7 244 40.0
0.05	52 36 16.95 + 0.30	84.6	Шпицъ вѣтрян. мельниц. Остнов. верст. столба Середина вѣтрян. мельн. Дымъ трубъ на крыш. отд. дом.	ок. 1 в. " 1 " 24° 4 ок. 8 в.	319 42.2 88 8.8 186 7.8 206 15.3
0.05	52 14 25.65 + 1.50	87.5	Конус. вершина г. Синюхи Крестъ колок. церкви Столбъ на мѣстѣ стар. цер.	" 70 " 21° 0 141° 1	19 50.2 219 17.7 324 52.2
0.07	51 57 46.35 — 3.00 + 1.35	117.2	Крестъ кол. новой церк. Столбъ указатель Крестъ кол. стар. церк.	29° 0 16.1 32.8	73 28.1 177 43.0 338 45.1
0.06	51 56 41.40 — 1.65	89.3	Крестъ колок. церкви Верстовой столбъ Лѣвая конусовид. вершина	17° 1 — —	120 28.8 191 39.8 341 21.8
0.03	52 37 55.50 — 1.65	75.0	Крестъ колок. церкви Крестъ церкви въ селѣ Кол- паковѣ	16° 5 —	118 38.9 202 58.9
0.05	53 13 15.60 + 1.05 — 1.65	69.5	Вѣтряная мельница Столбъ солнечн. часовъ Крестъ колок. церкв. Крестъ церкви за рѣкой	ок. 1 в. 37° 6 13° 6 ок. 2 в.	81 26.9 156 31.9 224 26.9 314 5.9

	Вновь определённые астрономическіе пункты	Широта	ρ	Долгота к
				Во времени
	Барнаулъ городъ. Остатки кирпич- наго столба во дворѣ дома Анд- роновскаго, близъ почт.-тел. конторы	53°20'17"5	$\pm 0''15$	3 ^h 33 ^m 52 ^s
24	Вяткино село. Дер. столбъ у ю. з. угла ограды новой церкви	52 30 58.8	± 0.33	3 33 13
	Приведеніе къ кресту колоко. новой церкви	+ 0.5		+ 0.
25	Убинская станица. Дер. столбъ у юж- ной стороны церковной ограды	50 15 33.8	± 0.23	3 25 17.
	Приведеніе къ кресту колоко. церк.	+ 0.6		— 0.
26	Талицкій поселокъ. Дер. столбъ въ сѣвер. окраинѣ поселка	50 22 31.0	± 0.32	3 21 57.
	Приведеніе къ кресту часовни	— 7.8		+ 0.
	Семипалатинскъ городъ. Крестъ ко- локольни крѣпостного собора	50 24 25.9	—	3 19 40
	Приведеніе къ мѣсту наблюд. 1907 г.	— 1.2		+ 0.
О п р е д ѣ л е н і е				
	Унокъ таможенный пикетъ. Камень съ надписью на лугу въ 25 саж къ югу отъ пикета	49°18'33"6	$\pm 0''37$	3 ^h 49 ^m 8 ^s
	Онгудай Дерев. столбъ противъ зем- ской квартиры у церкви	50 44 59.7	± 0.33	3 43 13
	Приведеніе къ кресту кол. к. ста- рой церкви	+ 2.4		— 0.
	Приведеніе къ кресту колоко. но- вой церкви	— 1.7		+ 0.
1	Керкучи. Дерев. столбъ съ загородк. у почтовой станціи, при спу- скѣ къ парому	50 35 59.8	± 0.25	3 44 43.

отъ Пулкова		Баромет- рическая высота въ саженяхъ	Азимуты на мѣстные предметы		
	Въ дугѣ		Предметы, на которые даны азимуты	Разсто- янія	Азимуты отъ S че- резъ W
0 ^s 11	53°23'13"05	66°3			
0.04	53 18 15 60	85.8	Столбъ указатель	ок. 1 в.	15°54'5
	+ 0.90		Крестъ кол. новой церк.	11°0	230 17.0
			Крестъ кок. старой церкви	ок. 1 1/2 в.	312 12.0
0.05	51 19 18.00	117.3	Предпол. мѣсто старой цер.	64°3	18 13.4
	— 0.15		Крестъ колокол. церкви	8°8	174 57.9
			Вершина сопки	ок. 4 в.	308 29.4
0.04	50 29 18 90	106.2	Верстовой столбъ	" 5 "	118 57.5
	+ 2.85		Конекъ крыши въ усад. лѣс.	" 4 "	186 58.5
			Крестъ часовни	116°2	282 47.5
0.23	49 55 10.50	—			
	+ 3.45				
09 г о д а .					
0 ^s 19	57°17' 0"45				
0.22	55 48 17.10	402°0	Вершина конус. сопки	—	98° 0'5
	— 8.10		Колок. стар. (Успенск.) цер.	82°3	115 32.0
	+ 0.30		Кол. нов. (св. Пивок.) цер.	24°1	354 43.0
0.22	56 10 45 60	335.7	Отдѣл. камень на хреб.	ок. 3 в.	157 52.5
			Правый уголъ дома	13°0	165 40.0
			Вершина сопки	ок. 10 в.	320 2.5

	Вновь опредѣленные астрономическія пункты	Широта	ρ	Долгота къ	
				Во времени	
2	Иедра. Дер. столбъ съ загородк. на бугрѣ, у почтовой станціи . . .	50°23'31"9	$\pm 0"16$	3 ^h 46 ^m 35 ^s	
3	Чибитъ. Дер. столбъ на восточ. ок- раинѣ поселка	50 19 2.8	± 0.24	3 48 48.	
	Приведеніе къ кресту церкви . . .	+ 1.2		— 0.	
4	Курай. Дер. столбъ у почтовой стан- ціи, вблизи церкви	50 13 5.9	± 0.25	3 50 25.	
	Приведеніе къ кресту церкви . . .	+ 0.3		+ 0.	
5	Кошъ-Агачъ. Дер. столбъ на В. ок- раинѣ селенія, базисная точка . . .	49 59 16.7	± 0.21	3 53 21.	
	Приведеніе къ солнечнымъ часамъ въ тамож.	+ 12.0		— 1.	
	Приведеніе къ кресту колоко. церк. . .	+ 39.5		+ — 4.	
6	Куэхтонарь. Дер. столбъ у почтовой станціи	50 9 11.6	± 0.23	3 51 52.	
7	Буйлюкемъ. Дер. столбъ при устьи ручья Буйлюкемъ	50 3 1.1	± 0.17	3 55 33.	
8	Оюкъ. Мулушка изъ камней на лѣвомъ берегу ручья у тропы	50 10 7.1	± 0.23	3 56 40.	
9	Джулу Куль. Мулушка изъ камней при выходѣ изъ озера р. Чулыш- манъ, на правсѣмъ берегу по- слѣдняго	50 30 12.9	± 0.17	3 57 14.	
10	Юстыдъ. Дер. столбъ у тамож. пункта . . .	49 45 47.8	± 0.20	3 55 47.	

отъ Пудкова		Баромет- рическая высота въ саженяхъ	Азимуты на мѣстные предметы		
Въ дугѣ			Предметы, на которые даны азимуты	Разсто- янія	Азимуты отъ S че- резъ W
0°23'56"38'55"05	423°3		Правый уголъ дома	35.0 с.	52°29'1
			Камень	ок. 6 в.	172 10.6
			Конус. вершина на скалѣ	" 6 "	219 2.1
0.23 57 12 8.55	589.7		Куча камней на верш.	" 4 "	67 33.8
— 3.60			Верш. конусовид. сопки	" 15 "	114 53.8
			Крестъ церкви	36.8 с.	116 56.8
0.24 57 36 17.70	706.1		Скала	ок. 10 в.	42 16.4
+ 3.00			Крестъ церкви	28.9 с.	189 31.5
			Отдѣльн. каменист. сопка	ок. 4 в.	206 16.4
0.24 58 20 16.65	824.0		Столбъ солнечн. часовъ двор.		
			таможни	300.2 с	125 19.0
— 26.25			Крестъ колод. церкви	865.0 "	130 54.8
— 69.45			Сухое дерево, конецъ базиса		
			съемщиковъ	—	274 35.0
0.24 57 58 5.85	812.7		Мулушка на острокон. сопк.	ок. 12 в.	352 46.8
			Конецъ крыши дома	31.5 с.	33 43.3
			Камень на скатѣ	ок. 3 в.	136 43.8
0.24 58 53 21.45	945.8		Вершина сопки	" 15 "	70 29.6
			Верш. сопки изъ за горизонт.	" 30 "	82 31.0
			Вершина сопки на скатѣ	" 6 "	230 24.0
0.25 59 10 9.30	1068.1		Правый край скалы	" 1 "	47 38.7
			Высшая точка на хребтѣ	" 6 "	89 0.7
			Уступъ на скалѣ	" 6 "	92 35.2
0.25 59 18 30.60	1018.9		Конусова. вершина сопки	" 20 "	65 22.7
			Острокон. вершина изры- той сопки	" 7 "	182 24.8
			Вершина сопки	" 10 "	257 21.7
0.24 58 56 56.40	979.0		Вершина свѣжн. сопки	" 50 "	310 7.2
			Вѣха на концѣ базиса	—	113 47.0
			Мулушка изъ кам. на вершин.	" 20 "	214 46.0
			Мулушка на вершинѣ ос- троконечной сопки	" 30 "	246 37.0

	Вновь опредѣленные астрономическіе пункты	Широта	р	Долгота к
				Во времен
11	Джумалы. Мулушка изъ камней на лѣвомъ берегу рѣчки	49°33' 0"3	± 0"24	3 ^h 50 ^m 37
12	Тархаты. Мулушка изъ камней на лужайкѣ, у тропы	49 37 32.8	± 0.17	8 52 31
О п р е д ѣ л е н і е в				
	Чиби́тъ поселокъ. Дер. столбъ на восточной окраинѣ поселка	50°19' 2"8	± 0"24	3 ^h 48 ^m 48
	Приведеніе къ кресту церкви	+ 1.2		+ 0
1	Усть Улаганъ урочище. Дер. столбъ у нов. церкви	50 37 55.5	± 0.24	3 50 30
	Приведеніе къ кресту колокольни	— 1.2		— 0
2	Кодегелю Куль озеро. Дер. столбъ у зап. конца озера, у тропы	50 29 59.7	± 0.16	3 49 17
3	Саратанъ рѣчка. Дер. столбъ въ 30 с. вост. моста	50 31 11.9	± 0.23	3 51 45
	Приведеніе къ кресту часовни	— 9.2		— 0
4	Устье Ильдугема. Дер. столбъ на правомъ берегу Башкауса, про- тивъ устья р. Ильдугемъ	50 19 30.7	± 0.20	3 52 41
5	Юлузу урочище. Въ долину р. Чу- лышманъ. Дер. столбъ	50 55 31.7	± 0.20	3 51 26
	Приведеніе къ кресту часовни	— 0.7		— 0
6	Устье Чульчи. Дер. столбъ на лѣв берегу Чулышмана, противъ устья р. Чульчи	51 5 9.0	± 0.18	3 50 39

отъ Пудкова		Баромет- рическая высота въ саженяхъ	Азимуты на мѣстные предметы		
р	Въ дугѣ		Предметы, на которые даны азимуты	Разсто- янія	Азимуты отъ S че- резъ W
	0°25'57"39'22"95	1000°0	Вершина соп. Чуйск. хреб.	ок. 60 в.	151°46'9
			Вершина острок. сопки . .	" 1 1/2 "	178 48.8
	0 25 58 7 48.45	1032.5	Стволъ кривого дерева . .	" 300 с.	173 38.9
			Лѣвый край кучи камней . .	" 3 в.	221 1.4
10 году.					
	0°23'57"12' 8"55	583°3			
	— 3.60				
	0.23 57 37 35.85	588.9	Вершина Курайскихъ бѣлк.	ок. 60 в.	29°55'3
	— 2.10		Крестъ колод. церкви . .	26 с.	49 49.3
			Передній конекъ крыши зданіе бывшей школы . .	ок. 1/2 в	244 29.8
	0.24 57 19 16.20	944.1	Отдѣльная лиственница . .	8 с.	25 35.5
			Вершина	ок. 10 в.	333 41.0
			Снѣгов. вершин. за хребтом.	" 25 "	344 0.5
	0 24 57 56 18 15	622.2	Крестъ часовни	135°1	8 32.6
	— 2.10		Расщелина въ скалѣ . . .	ок. 1 1/2 в.	124 38.1
			Вершина лѣсистой сопки . .	" 15 "	313 11.1
	0.24 58 10 29 70	746.5	Вершина изъ-за лѣса . . .	" 20 "	20 2 8
			Отдѣльно-стоящ. дерево . .	10.3 с.	175 31.8
			Камень на скатѣ	ок. 3 в.	335 16.8
	0.24 57 51 30.00	330.6	Крестъ часовни	10.3 с.	12 51.1
	— 0 30		Отдѣльный камень	ок. 1 1/2 в.	12 51.1
			Скала на скатѣ	" 2 "	302 19.1
	0.25 57 39 58.80	252.0	Крыша аила въ горахъ . .	" 6 "	160 8.7
			Ущелье по Чульчѣ	" 10 "	237 21.2
			Отдѣльный камень	17.9 с.	337 22.0

	Вновь опредѣленные астрономическіе пункты	Широта	ρ	Долгота к
				Во времени
7	Усть Башкаускій посёлокъ. Дер. столбъ у церк. въ оградѣ усадьбы Приведеніе къ кресту колокольни .	51°11'57"6 — 0.1	$\pm 0''38$	3 ^h 49 ^m 43 ^s — 0
8	Курсай урочище на берегу Телецкого озера. Дер. столбъ у амбара купца Тренихина	51 21 57.0	± 0.19	3 49 42
9	Устье Шавлы. Дер. столбъ на пр. берегу Чулышмана, саж. въ 100 отъ устья р. Шавлы	50 48 21.2	± 0.28	3 53 3
10	Язлу урочище. Дер. столбъ у часовни Приведеніе къ кресту часовни .	50 37 7.1 — 0.5	± 0.25	3 53 43 + 0
11	Мюштуайры рѣчка. Дер. столбъ на правомъ берегу рѣчки, саж. въ 100 отъ устья	50 35 7.9	± 0.21	3 54 48
12	Озунъ-Оюкъ рѣчка. Мулушка изъ камней на обрывистомъ лѣвомъ берегу, саж. въ 300 отъ устья Джулу-Куль озеро. Мулушка изъ кам- ней при выходѣ изъ озера р. Чулышманъ, на пр. берегу посл.	50 38 6.4 50 30 12.9	± 0.18 ± 0.17	3 55 48 3 57 14
13	Арбышъ-Ту урочище. Мулушка на водораздѣлѣ системы Чулыш- мана и Шавлы, на перевалѣ .	50 45 42.8	± 0.20	3 55 7
14	Сайгонышъ озеро. Дер. столбъ у вост. конца озера	51 13 31.0	± 0.28	3 52 35
15	Иты-Куль озеро. Дер. столбъ на бугрѣ у сѣв. н. конца озера .	51 22 20.1	± 0.18	3 53 56

от Пулкова		Баромет- рическая высота въ саженяхъ	Азимуты на мѣстные предметы		
р	Въ дугѣ		Предметы, на которые даны азимуты	Разсто- янія	Азимуты отъ S че- резъ W
± 0 ^s 25 57° 25' 54" 00	— 0.75	228 ^c 7	Крестъ колокольни	7.6 с.	11° 9' 4
			Отдѣльн. каменный столбъ на скатѣ	ок. 2 в.	150 47.2
			Плоская вершина	„ 30 „	325 18.9
± 0.25 57 25 30.45		216.9 (у воды)	Ю.-В. уголь амбара	2.4 с.	91°
			Выдающ. на гориз. вершин.	ок. 20 в.	190 44.4
			Прав. вершина. двугорб. соп.	„ 10 „	239 27.4
± 0.26 58 15 51.30		451.6	Отдѣльный камень на скатѣ	ок. 2 в.	300 43.4
± 0.27 58 25 53.85	+ 0 60	651.8	Отдѣльный камень на скатѣ	ок. 15 в.	121 52.3
			Крестъ часовни	90 с.	321 20 1
			Отдѣльное дерево на скалѣ	ок. 1 в.	339 5.1
± 0.26 58 42 12.90		797.8	Отдѣльн. камень на верш.	ок. 10 в.	43 47.3
			Отдѣл. стоящ. кривое дерев.	63 с.	86 46.3
			Уступъ на скалѣ	ок. 5 в.	188 4.3
± 0.25 58 57 10.20		926.5	Лѣвая остроков. вершина	„ 15 „	184 5.7
			Вершина конической сопк.	„ 20 „	279 9.5
± 0.25 59 18 30.60		1023.8			
± 0.26 58 46 45.90		1091.6	Отдѣльный камень	„ 200 с.	270 13.4
			Наивысшая вершина	„ 50 в.	293 12.9
± 0.27 58 8 56.70		759.7	Вершина	„ 6 „	144 44.7
			Отдѣльно стоящій кедръ	9.6 с.	199 53.0
			Вершина	ок. 6 в.	213 45.9
± 0.28 58 29 13.80		796.6	Плоская вершина внизъ по Чульчѣ	„ 20 „	42 41.3
			Скала	„ 10 „	117 38.3

	Вновь опредѣленные астрономическія пункты	Широта	ρ	Долгота кт
				Во времен
16	Устье Кокши. Дер. столбъ на правомъ берегу рѣки, близъ устья ея	51°34'32"8	± 0.19	3 ^h 49 ^m 23'
17	Яйля урочище. Дер. столбъ на берегу озера, противъ поселка, при устьи ручья Чичике	51 45 59.1	± 0.35	3 49 05
18	Артубашъ урочище. Дер. столбъ на берегу Телецкого озера, въ 110 саж. отъ выхода р. Бии .	51 47 24.1	± 0.27	3 47 40
19	Устье Таштынына. Дер. столбъ на лѣвомъ берегу р. Чебдаръ, противъ устья р. Таштыны .	51 7 43.8	± 0.58	3 48 30
20	Тайозе рѣчка. Дер. столбъ на лѣв. берегу р. Тайозе, у тропы на Кара-Куджуръ	50 47 0.4	± 0.31	3 48 3

отъ Пулкова		Баромет- рическая высота въ саженяхъ	Азимуты на мѣстные предметы		
Въ дугѣ			Предметы, на которые даны азимуты	Разсто- янія	Азимуты отъ S че- резъ W
0° 26' 57" 20' 55" 65	—		Главная каменистая сопка	ок. 15 в.	44° 32' 9"
0.26 57 16 16.95	—		Конусовидная воршина . . .	" 40 "	36 49.9
			Каменистая сопка . . .	" 25 "	298 26.4
			Знакъ экспедиціи 1901 года на скалѣ	" 4 "	333 42.9
0 26 56 55 11.25	—		Мысъ у выхода Бѣи изъ озера	110 с.	окол. 45°
			Конекъ крыши крайняго дома въ поселкѣ	ок. 2 в.	251 18.7
			Верш. лѣсис. соп. Караташъ	" 15 "	279 27.7
0.29 57 7 36.75	498° 2		Устье Таштыгна	" 20 с.	окол. 12°
			Скала за рѣкой	" 200 "	321 46.0
0.28 57 0 58.95	700.1		Устье Тайгозе	" 80 "	окол. 78°
			Отдѣльное кривое дерево въ прогалинѣ	" 2 в.	94 21.5
			Вершина на плеском. хребт.	" 10 "	195 26.5

СПИСОКЪ

географическихъ координатъ астрономическихъ пунктовъ, опредѣленныхъ въ Алтайскомъ округѣ въ 1912 году капитаномъ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

Названія астрономи- ческихъ пунктовъ	Широта	Долгота отъ Пулкова		Абсолютная высо- та надъ уровнемъ моря въ сажняхъ	Азимуты отъ N до 360	На какой пре- метъ
		Во времени	Въ дугѣ			
1 Барнаулъ г. (исх.) дер. стол. въ домѣ Андронов- скаго	53°20'16"9	3 ^h 33 ^m 52 ^s 869	53°28'13"1	74		
2 Бійскъ г. (исх.) въ ус- тупѣ Татарской улицы .	52 32 47.3	3 39 35.934	54 53 59.0	—		
3 Карабинское с. а) дер. ст. у церкв.	52 41 3.1 ± 0.1	3 43 42.439	55 55 36.6	104	215°14'	На верш. Лябя сопки.
б) колокол. церкви	52 41 4.3	—	55 55 36.3	—	352. 9	На крестъ ю церк. (17.7
4 Верхъ-Ненинское с. а) дер. ст. воз. церк.	53 4 9.1 ± 0.3	3 44 22.775	56 5 41.6	154	340. 9	На кр. колок. 1
б) колокол. церкви	53 4 10.0	—	56 5 41.0	—	—	
5 Кузедѣва с. а) дер. ст. воз. церк.	53 20 4.6 ± 0.2	3 47 22.459	56 50 36.9	118	358. 9	На дер. крест горѣ ок. 25
б) колокол. церкви	53 20 5.2	—	56 50 35.7	—	—	
6 Кузнецкъ г. (исх.) а) дер. ст. на площ.	53 46 5.8 ± 0.4	3 47 25.970	56 51 29.5	100	187. 8	На кр. кол. цер Бож. Мат.
б) кол. собор. церк.	53 46 5.7	—	56 51 14.2	—	269.26	На кр. кол. с
в) кол. церк. Бож. М.	53 46 5.3	—	56 51 22.2	—	341.40	На кр. тюр. 1
7 Терентьевское с. (Терешкино): а) дер. ст. въ оград. церкви	54 5 18.6 ± 0.4	3 46 25.123	56 36 16.8	95	149.42	На крестъ час въ 700—80
б) колокол. церкви .	54 5 18.8	—	56 36 17.0	—	—	
8 Борисово с. а) дер. ст. у ограды церкви	54 48 40.1 ± 0.4	3 44 53.333	56 13 20.0	93	259.43	На кр. кол. це
б) колокол. церкви .	54 48 39.8	—	56 13 17.4	—	—	

Названия астрономических пунктов	Широта	Долгота отъ Пулкова		Абсолютная высота надъ уровнемъ моря въ сажняхъ	Азимуты отъ N до 360	На какой предметъ
		Во времени	Въ дугѣ			
Усть-Искитимъ с. (Щеглово):						
а) дер. ст. у церкви	55°21' 9" ± 0.5	3 ^h 43 ^m 1 ^s 010	55°45' 15" 2	51	8°25'	На шпиль могил. кр. Малахова.
б) колок. церкви	55 21 9.6	—	55 45 14.5	—	276.52	На кр. колок. церк.
Усть-Сосновское с.						
а) дер. ст. у церкви	55 13 21.4 ± 0.4	3 38 36.853	54 39 12.8	65	211.28	На кр. час. за рѣ-кой въ 750-800 с.
б) колокол. церкви	55 13 21.6	—	54 39 10.0	—	277.37	На кр. колок. церк.
Брюханово с.						
а) дер. ст. у общест. амбара	54 36 17.9 ± 0.5	3 40 13.456	55 3 21.8	83	239.3	На кр. кол. церк. въ 81.8 с.
б) колок. церкви	54 36 15.0	—	55 3 13.5	—	—	
Салаирскій рудникъ						
а) дер. ст. у камен. церкви	54 13 46.2 ± 0.1	3 41 51.229	55 27 48.5	146	43.23	На кр. часовни у дороги.
б) кол. кам. церкви	54 13 46.8	—	55 27 51.5	—	72.31	На кр. кам. церкви
в) памятникъ Императора Алек. II.	54 13 48.6	—	55 27 48.2	—	110.52	На кр. кладбищ. церкви.
Томскій заводъ, с.						
а) дер. стол. у перекрестка улицъ.	53 36 24.0 ± 0.2	3 44 38.107	56 9 31.6	165	64.27	
б) колок. церкви	53 36 27.0	—	56 9 42.1	—	—	На кр. кол. церкви 100.8 с.
Тогульское с.						
а) дер. ст. у церк.	53 27 52.7 ± 0.3	3 42 20.181	55 35 2.7	98	72.32	На кр. часовни Св. Ник. Чудотв.
б) колок. церкви	53 27 52.3	—	55 34 59.1	—	260.40	На кр. кол. церк.
Сорокино с.						
а) дер. ст. на церк. площади	53 45 16.9 ± 0.1	3 38 22.915	54 35 43.7	75	51.35	На кр. кол. дер. церкви.
б) колок. церкви	53 45 20.9	—	54 35 52.2	—	59.36	На край стр. к. ц.

Названия астрономических пунктовъ	Широта	Долгота отъ Пулкова		Абсолютная высота надъ уровнемъ моря въ сажняхъ	Азимуты отъ N до 360	На какой предметъ
		Во времени	Въ дугѣ			
16 Тальменское с. а) дер. ст. у церкви дома	53°48'24"8 ± 0.3	3 ^h 32 ^m 52 ^s 152	53°13' 2"3	62	96°15'	На кр. кол. церк
б) колок. церкви	53 48 24.3	—	53 13 9.8	—	—	
17 Медвѣдское с. а) дер. ст. у церкви	54 23 49.2 ± 0.3	3 32 53.372	53 13 20.6	90	336.35	На трубу дома кр. Епанчинцева (120—140)
б) колок. церкви	54 23 48.7	—	53 13 19.8	—	342.26	На трубу дома кр. Доронина (600—700)
18 Мосты, с. а) дер. ст. у церкви площади	54 46 23.1 ± 0.6	3 34 6.493	53 31 37.5	66	325. 9	На кр. часовни (куполъ) въ 73.8 с.
б) колок. часовни	54 46 27.2	—	53 31 32.5	—	—	
19 Шипунова, с. а) дер. ст. у церкви	53 59 54.6 ± 0.1	3 29 3.918	52 15 58.5	77	28.30	На кр. кол. церк
б) колок. церкви	53 59 26.9	—	52 16 0.6	—	—	
20 Ордынское, с. а) дер. ст. у Волос. Правленіе	54 21 35.9 ± 0.3	3 26 26.516	51 36 37.7	48	184.36	На кр. кол. церк с. Каменка (3-3)
б) колок. церкви св. Николая	54 21 36.3	—	51 36 33.7	—	—	
21 Камень, с. а) дер. ст. у камен. собора	53 47 15.3 ± 0.3	3 24 7.356	51 1 50.4	54	285.19	На вѣт. мельн. в горѣ.
б) колок. церкви	53 47 15.0	—	51 1 45.7	—	326.29	На Флагшток. дом кр. Пудовкин
22 Индерское с. а) дер. ст. у общест. амбара	54 31 28.4 ± 0.6	3 18 39.295	49 39 49.4	58	220.23	На кр. кол. церк
б) колок. церкви	54 31 23.7	—	49 39 42.5	—	—	

Названія астрономических пунктовъ	Широта	Долгота отъ Пулкова		Абсолютная высота надъ уровнемъ моря въ сажняхъ	Азимуты отъ N до 360	На какой предметъ
		Во времени	Въ дугѣ			
Карасукское, с.						
а) дер. ст. у церкви дома . . .	53°58'29"0 ± 0.2	3 ^h 15 ^m 39 ^s 461	48°54'51"9	60	111°12'	На кр. кол. церк.
б) колок. церкви .	53 58 28.2	—	48 54 55.3	—	—	
Славгородъ, г.						
а) дер. ст. у пам. Импер. Алексан. II. .	52 59 58.2 ± 0.5	3 13 15.203	48 18 48.0	51	6.32	На кр. кол. церк. въ (2—2) вер.
б) памятникъ . .	52 59 58.3	—	48 18 47.3	—	—	
Ключевая, с.						
а) дер. ст. у огр. цер. .	52 15 5.0 ± 0.5	3 15 22.579	48 50 38.7	57	35.53	На кр. кол. церк.
б) колок. церкви .	52 15 5.8	—	48 50 39.7	—	—	
Волчиха, с.						
а) дер. ст. у Волост. Правленія . .	52 0 44.0 ± 0.2	3 20 9.162	50 2 17.4	90	61.59	На кр. кол. церк.
б) колок. церкви .	52 0 47.9	—	50 2 29.3	—	226.51	На вѣтр. мельн.
Локтевскій заводъ с.						
а) дер. ст. дома лѣсн. .	51 10 55.5 ± 0.3	3 23 29.682	50 52 25.2	111	43.58	На кр. кол. клад. церкви.
б) колок. церкви .	51 10 59.1	—	50 52 24.6	—	343 24	На кр. кол. камен. церкви.
Змѣиногорскъ г. (исход.)						
солнечные часы .	51 9 16.4 ± 0.3	3 27 28.620	51 52 9.3	172		
Бутырское, с.						
а) дер. ст. у церков. ограды . . .	52 42 19.7 ± 0.1	3 25 13.205	51 18 18.1	95	238.24	На сред. отдушины кам. дома въ 100—120 с.
б) колок. церкви .	52 42 19.3	—	51 18 17.8	—	—	
Баева, с.						
а) дер. ст. у общест. амбара . . .	53 15 58.7 ± 0.6	3 21 47.841	50 26 57.6	82	256.54	На кр. кол. церк.
б) колок. церкви .	53 15 58.0	—	50 26 52.8	—	—	
Шелаболиха, с.						
а) дер. ст. на площад. .	53 24 39.8 ± 0.3	3 29 10.672	52 17 40.4	75	336.54	На кр. кол. церк.
б) колок. церкви .	53 24 42.7	—	50 41 35.3	—	—	

Боянь-сулу и Кузу-курпешъ (поэма).

ПРОЛОГЪ.

Алатавскій хребетъ*).

Конечно, вамъ, читатель мой,
Случалось лѣтомъ и зимой
Немало видѣть облаковъ,
Которы будто изъ снѣговъ
Бѣлѣютъ въ небѣ голубомъ,
А къ горизонту ужъ потомъ,
Темнѣя длинной полосой,
Какъ будто сходятся съ землей.
Вотъ такими жѣ облаками
Видъ Алатавскаго хребта:
Онъ съ вѣковѣчными снѣгами
Бѣлѣетъ точно облака.
Его не тронетъ лѣтній зной—
Онъ вѣчно съ зимней бѣлизной,
На немъ, подъ ледянымъ ковромъ,
Спитъ вся природа вѣчнымъ сномъ.
Въ зной вся вершина у хребта
Блеститъ, какъ серебромъ облита,
И съ бѣлизной своей она
Вдали, какъ облако, видна.
Передъ ненастьемъ въ лѣтній жаръ
Хребетъ закроетъ густой паръ,
Который въ небо отъ снѣговъ
Слетаетъ стаяй облаковъ.
Такъ для дождя и даже вѣтра
Онъ служить вмѣсто барометра:
Лишь только стоитъ примѣниться—
Когда и какъ онъ закурится.
Со льдовъ—безбрежной дали видъ
Взоръ утомляетъ и давить:

*) Намъ доставленъ русскій переводъ въ стихахъ этой знаменитой поэмы. Помѣщаемъ прологъ поэмы—описание Алатавскаго хребта, производившаго на всякаго путешественника, въ томъ числѣ и на Г. Н. Потанина, сильное впечатлѣніе. Съ этими горами связаны походы героев поэмы. Переводъ сдѣланъ киргизомъ, владѣющимъ русскимъ языкомъ, поэтому особенности поэмы передаются достаточно удовлетворительно; фамилія переводчика неизвѣстна, рукопись принадлежитъ г. Сеитову.

Вся Семирѣченска страна,
Какъ на ладони, вся видна,
А ниже льдовъ, по скатамъ горъ,
Сначала—каменны громады,
Потомъ кустарникъ, потомъ боръ,
Потомъ ужъ льются водопады;
И здѣсь рожденіе многихъ рѣкъ,
Что подъ названьемъ „Семирѣкъ“
Лепсу, Акъ-Су, Біенъ, Копаль,
Таль, Баскаль, Или и Кара-Таль.
Всѣ эти рѣки ото льда
Идутъ ущельями съ хребта.
Чѣмъ дальше внизъ онѣ идутъ,
Тѣмъ больше, больше все растутъ
И, наконецъ, ужъ подъ горой
Бурлятъ сердитою рѣкой.
И изо всѣхъ изъ этихъ рѣкъ
По всѣмъ долинамъ Семирѣкъ
Идутъ арыки по полямъ
И орошаютъ пашни тамъ.
Я, вообще, нагорнымъ краемъ
Любуюсь, назвалъ его-бы раемъ:
Тамъ причудливости горъ
Къ себѣ приковываютъ взоръ;
И вообще—нагорный видъ
И восхищаетъ и дивитъ:
Солнце жарче какъ то грѣтъ,
Зелень ярче зеленѣтъ,
И воздухъ свѣжъ, сноснѣе зной,
Какъ будто раннею весной
Все зеленѣтъ, да цвѣтетъ
И соловей громчей поетъ.
Но и нагорный чудный видъ
Въ ненастье тожъ не веселитъ:
Въ ненастье холодно бываетъ,
И снѣгъ нерѣдко выпадаетъ;
Тогда и горный чудный видъ
Ужъ не прельщаетъ, не дивитъ.
Зелень снѣгомъ всю покроетъ,
По ущельямъ—вѣтеръ воетъ,
Шумитъ ужасно темный боръ,
И не слышать пернатыхъ хоръ.
Не слышно пѣсенъ пастуховъ—
Лишь лай собакъ, да вой волковъ
Погодѣ вторять наразладъ,
Нестройно, дико, невпопадъ.
Къ созерцанью ужъ не манитъ:
Все, какъ осенью, повянетъ,

Не зеленѣть, не цвѣтеть
И соловей ужъ не поетъ.
Какъ въ ненастьѣ непріятно,
То для всякаго понятно,
А особливо тамъ въ горахъ—
Такъ и не дай святой Аллахъ!
Выходитъ втрое непріятно:
Ужъ лучше и не выходи--
Заприся въ юртѣ и сиди,
А то снѣгъ хлопьями съ вѣтвей
Какъ разъ промочить до костей!
Страшно всѣмъ надоѣдаетъ,
Но за то вознаграждаетъ:
Когда ненастьѣ вдругъ пройдетъ
И мигомъ мокрый снѣгъ сойдетъ,
Тогда разомъ все проснется,
Вся природа улыбнется,
Все зеленѣть, да цвѣтеть
И хоръ пернатый запоетъ.
А изъ-подъ влажности снѣжной,
Какъ будто ранною весной,
Струится мутный ручеекъ,
И дуетъ свѣжій вѣтерокъ.
Такъ сразу сдѣлается весна,
И тѣмъ пріятнѣе она,
Что черезъ часъ послѣ зимы
Вдругъ виденъ полный блескъ весны:
Зелень ярче зеленѣть,
Солнце жарче будто грѣть
И благотворнѣе лучъ лить,
И снова все растеть, цвѣтеть!
Быстрѣй въ ущельяхъ льютъ ручьи,
Засвищутъ громче соловьи,
Пріятнѣй шепчетъ темный боръ
И всюду слышенъ птичій хоръ.
Въ это время въ Алатавъ
На привольномъ на джайлявѣ
У всѣхъ кочующихъ киргизъ
Съ наслажденіемъ пьютъ кумысъ.
Зимой никто тамъ не бываетъ,
Одна лишь вьюга обитаетъ,
Да снѣгъ ужасной глубины
Царить до матушки весны.
Такъ всегда по полугоду
Не бываетъ тамъ народу,
За то ужъ лѣтомъ этотъ край
Для всѣхъ киргизовъ просто рай.

Гр. Туркинъ.

Алтайскія сказанья о Сартакпай *).

На рѣкѣ Катунѣ пониже р. Чобы у дороги лежитъ бѣлый камень пудовъ въ пять: это по словамъ моего проводника Ивана—Паламерова и другихъ алтайцевъ, его бросилъ богатырь Сартакпай съ береговъ рѣки Енисея. А бросилъ потому, что увидѣлъ летящихъ гусей. Когда пришелъ Сартакпай на Алтай и пошелъ вверхъ по рѣкѣ Катунѣ, то увидѣлъ свой брошенный камень. Отъ рѣчки Чобы прошелъ версты двѣ до долины Тельтекпена и здѣсь вздумалъ построить чрезъ Катунь мостъ.

Мостъ началъ Сартакпай строить вмѣстѣ съ сыномъ. И сказалъ онъ сыну, чтобы онъ не ходилъ въ эту ночь спать съ женой своей. Но сынъ не могъ соблюсти этого. Утромъ мостъ развалился. Остатки камней Сартакпай разбросалъ по долинѣ. Сынъ и сноха Сартакпая за ослушаніе окаменѣли, превратились въ горы. Это они, гора „Ак-кая“, стоятъ теперь на лѣвомъ берегу Катунѣ, ниже долины Тельдекпена противъ Чобы. Потомъ Сартакпай ушелъ въ Хобдо (въ Монголію). Тамъ онъ копалъ арыкъ, соединялъ два озера.

Умеръ Сартакпай отъ укуса собаки.—„ѣткэ туттырып ѳльгѳн.“

Записано въ Катунской долинѣ выше „Тыт-Кескен“ рассказчикъ Иванъ Паламеровъ изъ Айлы 1912 г. іюня 19-го.

Сартакпай богатырь сошелъ съ неба съ дождемъ и молніей. Онъ сынъ неба. Ходилъ онъ по лицу земли, устраивалъ народы и государства. Понравилась ему земля на Востокѣ и онъ тамъ основалъ Китайское государство, гдѣ жилъ не долго.

*) Сартакпай (или Сартактай) по преданію Алтайцевъ, есть богатырь, который сошелъ съ неба вмѣстѣ съ дождемъ, громомъ и молніей. На Алтай онъ пришелъ съ береговъ рѣки Енисея.

Съ Китая онъ направился на западъ, ѣхалъ на лошади. Доѣхалъ до рѣки Хобды, поднялся по ней до самыхъ вершинъ горъ, откуда она беретъ начало, т. е. до бѣлковъ—снѣжныхъ полей. Тамъ онъ увидѣлъ подъ крутыми склонами бѣлковъ нѣсколько озеръ, изъ которыхъ вода никуда не вытекала. Съ горъ въ нихъ вода льется, а изъ нихъ нѣтъ. Самая высокая гора изъ нихъ называется „Сундарыкъ“. Сартакпай, какъ богатырь того времени, былъ въ кольчугѣ, въ рукахъ у него крѣпкій лукъ, а за спиной колчанъ со стрѣлами. И вздумалъ Сартакпай изъ этихъ озеръ провести „Арыкъ“—оросительный каналъ, чрезъ песчанную, безводную степь „Хобе“ по направленію къ городу Пекину-столицѣ Китая. „Пусть оросится пустыня и увеличатся блага людей, живущихъ около“ подумалъ онъ. Слѣзъ богатырь съ коня, поводъ „чумбуръ“ заткнулъ за поясъ, вынулъ изъ колчана стрѣлу, и отъ озера повелъ глубокую борозду. Саадак-пыла олѣ Комдынын бажіандагы кѡльдѡн-Ырып једініп праткан једініп праадала Санаган: „Су пѡкѡ-пѡкѡ деп андатан, бу суунын пѡкѡзі кайда“?—теген „Меніпсаадагынынјзі-біле ечіпбарып-јат(лаш). Бурундуку пука ошкош, пійлалу тѡѡ ошкош!“ т. е. когда онъ повелъ борозду и вода спокойно пошла изъ озера „Комды“*) вслѣдъ за стрѣлой, то Сартакпай подумалъ: „Вотъ говорятъ, что вода сильна—сильна, а гдѣ же ея сила? Вотъ она покоряется моей силѣ и идетъ слѣдомъ за моей стрѣлой, какъ быкъ ведомый на поводкѣ-веревочкѣ продѣтой сквозь его ноздрю (бурундукъ), или какъ послушный верблюдъ“. И только лишь проговорилъ такъ, какъ смотритъ, а вода ужъ остановилась и на этомъ мѣстѣ образовалось большое озеро. По алтайски это озеро называется „Тікѡ-арал“, т. е. озеро поросшее вокругъ густой чащей. Алтайцы и теперь говорятъ: „Јюу келерде кіжі кѡрѡле Тікѡ Аралга секірген, кедегезі чічканныц куйругы ошкош, сырас эдип калган“ т. е. „Увидя идущее войско человекъ такъ быстро скакнулъ въ чащу, что у него только коса мелькнула. Подобно хвосту мыша“.—По монгольски это озеро называется „Харяусун“— что означаетъ скопище водъ. И тутъ только созналъ Сартакпай, что похвалился. Но все-таки еще сильнѣе

*) „Комды“ по Алтайски, а по Монгольски „Хобда“.

второе озеро. Получилось два озера соединенных каналомъ. Дальше рылъ богатырь, но вода не пошла, только образовалась согра-болото, разстояніемъ на два на три дня ѣзды, верстъ на 150. Вода изъ этихъ озеръ ни куда не выходитъ. Сартакпай сѣлъ тогда на коня и поскакалъ вверхъ по Хобдѣ. Слѣдъ отъ копытъ его коня и теперь виденъ около „Улан-Хосун“*) (тамъ гдѣ стояла Китайская Аршановская фирма). Этотъ слѣдъ, глубокія ямы съ обвалившимися краями, обросшими травой, на разстояніи одна отъ другой по полъ-версты и съ версту. Подѣхавъ къ „Улан-Хосун“ Сартакпай остановился, вынулъ изъ ноженъ мечъ и однимъ ударомъ срубилъ всю рощу съ половины стволовъ. Срубилъ и сказалъ: „когда эти березки отрастутъ, тогда и я вернусь сюда“. Пришпорилъ коня и уѣхалъ неизвѣстно куда.

А вотъ Абаканскіе инородцы говорятъ, что Сартакпай изъ Монголіи пришелъ къ нимъ пѣшкомъ (безъ лошади). Сталъ перебродить рѣку Абаканъ, да тамъ посреди рѣки и окаменѣлъ.

На этомъ мѣстѣ по срединѣ рѣки стоитъ каменный столбъ, похожій на человѣка. Онъ настолько высокъ, что въ большую воду весной его не заливаетъ. Шорцы шаманисты и до сего времени почитаютъ этотъ камень. На берегу вблизи его они устраиваютъ весной празднества. Кропятъ его молокомъ, виномъ (аракой) и „потко“. И на лѣсу вѣшаютъ „яламу“. Они вѣрятъ и ждутъ, что этотъ камень — Сартакпай оживетъ, выйдетъ изъ воды и оснуетъ свое царство.

На Алтай богатырь Сартакпай пришелъ съ женой и сыномъ и шелъ вверхъ по рѣкѣ Катунь. Видитъ онъ, что бурлива и многоводна Катунь и что опасно чрезъ нее переправа и трудно на конѣ переплыть чрезъ нее. И когда онъ дошелъ до долины Тель-декпенъ, ниже устья рѣчки Едегана, то сказалъ сыну, хочу сдѣлать мостъ „Курь“ чрезъ Катунь. И начали отецъ съ сыномъ укрѣплять берега для моста. Носятъ камни съ обѣихъ сторонъ. Съюзилась бурная рѣка. Ширина ея не больше, какъ пять сажень! Остается только Сартакпаю оторвать отъ „Ак-каи“ скалу и по-

*) „Улан-Хосун“ — Красная березовая роща.

сталъ бороздить еще сильнѣе надавилъ стрѣлу. Немного вода опять пошла, и снова остановилась и образовалось ложить чрезъ рѣку: Неуспѣлъ, день прошелъ, закатилось солнце. Ночь. Оглушительно реветъ и кипитъ Катунь, какъ въ котлѣ! Отецъ говоритъ сыну: „не спи сегодня съ женой“. Прошла ночь, утромъ Сартакпай набралъ въ подолъ Кулчуги камней и несетъ къ постройкѣ. И вдругъ!—Какъ ножомъ, какъ острымъ копьемъ, какъ молніей рѣзануло по спинѣ. Вышла—оборвалась богатырская сила, вскинулъ руками и вылетѣли изъ подола камни—разсыпались по доли-нѣ. Гдѣ стоялъ тутъ и сѣлъ—и сдавилась земля, гдѣ сѣлъ богатырь. И на камняхъ остались слѣды отъ ногъ, какъ на мягкой глинѣ. Вынулъ Сартакпай изъ колчана стрѣлу, стрѣлилъ въ летящихъ подъ облаками гусей. Мимо проле-тѣла стрѣла и падая ударилась въ гору „Каскак-Туу“ (что противъ Унурлю). Пробила насквозь скалу-гору и назва-лось это мѣсто: „ѵер богочі“—т. е. низкій земляной пере-валъ“. А гуси ужъ летятъ назадъ—на встрѣчу вверхъ по Катунѣ. Напугались они, когда отъ стрѣлы разорвалась гора—„Каскак-туу“. Взялъ лежащій около круглый камень Сартакпай и ударилъ имъ онъ тѣхъ трехъ гусей. Опять не угодалъ. Упалъ камень „болчок-Таш“ въ долину „Мѵѵн“ на рѣкѣ Чуѣ. „Кѵдурге-таш“ тамъ и теперь лежитъ. Силь-ный человекъ его подыметъ до сѣдла лошади, если толь-ко сильно понатужится.—А простой человекъ и пошеве-лить этотъ камень не можетъ.

Всталъ потомъ Сартакпай—перестала болѣть спина. Сѣлъ на коня и поѣхалъ на вершину горы „Сандарыкъ“. Бросилъ на Катунѣ онъ жену и сына. Они окаменѣли, ста-ли горою „Ак-кая“. т. е. „бѣлая-скала“.

Разсказчикъ Никита Бор-лоновъ изъ Муюты.

Записано въ вершинѣ рѣч-ки Аноса въ юртѣ алтайца Кудачи. 1913 г. 27 октября.

Канбакъ-шалъ (старикъ—перекати-поле).

Киргизская сказка.

Въ очень отдаленныя времена жили старикъ со старушкой; у нихъ не было ни одной скотинки; была лишь одна пестрая кошка.

Старикъ каждый день ходилъ работать, а старушка сидѣла дома и пряла пряжу. Дома старушка не скучала, такъ какъ кошка-пеструшка все играла около нея, забавлялася: то кувыркалася, то бѣгала изъ угла въ уголъ, иногда задѣвая старушку своимъ хвостикомъ, чѣмъ старушка оставалась очень довольна и даже разговаривала съ ней. Старикъ иногда цѣлыми недѣлями не приходилъ домой. Это бывало тогда, когда дулъ вѣтеръ: старикъ до того былъ легокъ и безсиленъ, что малѣйшій вѣтерокъ пересиливалъ его и, какъ перекати-поле, уносилъ въ овраги.

Однажды старикъ шелъ домой съ пойманной рыбой, но вдругъ подулъ небольшой вѣтерокъ, и старикъ, какъ перекати-поле, сталъ катиться на степи, по горамъ и по доламъ. Катился, катился и, наконецъ попалъ въ большое ущелье. Горы были высокія и большія, заросшія густымъ лѣсомъ. Старикъ посидѣлъ немного, отдохнуль, а потомъ пошелъ домой. Шелъ онъ по горной тропинкѣ,—вдругъ на встрѣчу лиса. „Стой“, кричитъ она старику: „Отдай мнѣ рыбу!“ Старикъ отдалъ ей чебака и говоритъ: „нѣтъ лисанька, больше не дамъ, ибо у меня дома старушка да кошка-пеструшка голодны“. Съѣла лиса чебака и опять просить: „отдай, а то я сейчасъ же позову дху(овъ) (циклоповъ), которые тебя съѣдятъ!“ Старикъ испугался и бросилъ ей алабугу (окуня). Лиса разсердилась на старика, что тотъ даетъ мало и пошла позвать дху (овъ). Идетъ старикъ да оглядывается кругомъ. Вдругъ изъ глубины ущелья выходятъ трое циклоповъ и бѣгутъ въ сторону старика. Шагнули разъ-два и очутились около старика.

„Стой, кричатъ циклопы: „стой! все равно отъ насъ не убѣжишь и живымъ не будешь“. Старикъ остановился и говоритъ: „мнѣ некогда съ Вами говорить, дома старушка и кошка-пеструшка голодныя сидятъ. Пойду домой, покормлю ихъ, а съ Вами потомъ ужъ поговорю.“

Дху (ы) разгнѣвались и хотѣли съѣсть старика, а старикъ кричитъ имъ: „постойте, сначала лучше помѣряемся силами и тогда видно будетъ, кто и кого съѣсть. „Но только не сегодня, а завтра. Старикъ назначилъ мѣсто, гдѣ должны помѣряться силами и спокойно отправился домой. Обо всемъ этомъ дома разсказалъ своей старушкѣ. Она стала плакать: „что-жъ намъ теперь дѣлать? у тебя силы то нѣтъ, чтобы побѣдить дху (овъ), они тебя съѣдятъ, мой милый старичокъ!“ — Не плачь, говоритъ ей старикъ: „Побѣда будетъ на моей сторонѣ, но только простись съ кошкой-пеструшкой; она спасетъ насъ обоихъ.“ Старикъ убилъ кошку, досталъ кишки и мозгъ и отправился на назначенное мѣсто, гдѣ ждали его страшные людоеды дху (ы).

„Что такъ поздно“, закричали дху (ы) на старика. „Что у Васъ силы котломъ кипятъ? насмѣшливо спросилъ Старикъ: „Такъ давайте, выдавимъ изъ земли кишки. „А можно ли это сдѣлать?“ сердито спросили дху (ы).

„Конечно, можно, если у Васъ только имѣется сила“, отвѣтилъ старикъ. — А, какъ выдавить? Спросили дху (ы).

„Ударишь ногой объ землю, и кишки выскочатъ. Дху (ы) такъ ударили объ землю ногой, что образовалась яма и показалась вода, но кишокъ не было видно. Очередь была за старикомъ. Онъ топнулъ объ землю ногой и подбросилъ подъ ноги кошачьи кишки, спрятанныя въ рукавъ. Дху (ы) испугались. „Я значить сильнѣе Васъ?“ спросилъ старикъ. — „Н-н.....ѣтъ, еще не доказано!“ отвѣтили дху (ы). „Ну давайте тогда разобьемъ утесъ такъ, чтобы изъ него выскочилъ мозгъ!“ Дху (ы) начали первые, и глыбы камней разбивались въ дребезги, но мозга не оказывалось. Тогда старикъ ударилъ кулакомъ объ утесъ и положилъ кошачій мозгъ. „Вотъ видите“, говоритъ старикъ: „Какъ я выбилъ мозгъ!“ Дху (ы) испугались пуще прежняго, стоятъ, какъ истуканы, и ничего не говорятъ. — Чему Вы такъ удивились? Не думаете-ли Вы, что это вся моя сила?! Идемте вырывать изъ земли „байтерекъ“ (сказочное очень

большое дерево) съ корнями. Пришли въ байтереку. „Ну вырывайте съ корнями,“ предложилъ старикъ дху (ам), которые, не смотря на всѣ усилія, вырвать не могли, хотя, правда, гнули его какъ молодой „чиликъ.“ Старикъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, засучилъ рукава и кричить: „пустите меня, пустите! И обхватилъ старикъ дерево и сталъ торжественно говорить: „въ сторону солнца, или въ сторону луны? Если брошу въ сторону солнца, то вышибу солнце, а если въ сторону луны, то вышибу луну! — „Дѣденька, дѣденька, ради Бога, дѣденька, не бросай ни въ ту, ни въ другую сторону, ибо намъ нужны и солнце и луна, безъ нихъ нельзя жить на свѣтѣ!—кричали дху— „Ну, ладно, такъ и быть,“ уважу,“ важно проговорилъ старикъ. А дху (ы), убѣдившись въ силѣ своего противника, стали просить о пощадѣ. Старикъ простилъ. Дху (ы) успокоились и, переговоривъ между собой, стали приглашать старика въ гости. Старикъ согласился. Дху (ы) приготовили для старика ужинъ изъ баранины, а для самихъ изъ человѣчьяго мяса. Послѣ ужина для старика дху (ы) постлали постель, (по обыкновенію у дху (овъ) была каменная, т. е. большая плоская четырехъ-угольная, доска. Подушкой послужилъ тоже камень. Старикъ молча и важно легъ на эту постель. Потушили огонь. А старикъ притворился спящимъ: храпѣть на всю дху (скую) избу. „Слушай, говорятъ двое изъ дху (овъ) третьему: „пойди, принеси желѣзную дубину, а мы убьемъ старика-богатыря, а то съ нимъ намъ житья не будетъ. Вишь, какой онъ сильный? Онъ сейчасъ спитъ.“ Третій принесъ дубину.

Въ это время старикъ оставилъ постель и отошелъ въ сторону. Старшій дху взялъ дубину, тихохонько подойдя ударилъ со всѣхъ плечъ по пустой постели, ударилъ разъ, два, и говоритъ: „Ну, ужъ, навѣрно, черепъ раздробилъ въ порошокъ!“. Всѣ трое братьевъ обрадовались и легли спать. Утромъ встаютъ они и видятъ, что старикъ давно уже на ногахъ.

Они очень удивились: „какъ же онъ остался невредимъ отъ удара желѣзной палкой?“. А старикъ для пущей важности говорить имъ: „У васъ, должно быть, много мухъ въ избѣ? Ночью въ это мѣсто (показывалъ на голову) какая-то муха укусила.“ Дху (ы) подумали, что это онъ ударъ дуби-

ной называетъ укушеніемъ мухи, еще пуще испугались. Старикъ собирався домой, а дху (ы), что бы угодить старику, сдѣлали ему богатый подарокъ. Такъ вернулся старикъ домой. Старушка всю ночь не спала, плакала, но при видѣ мужа сильно обрадовалась.

Спустя нѣсколько времени дху (амъ) попадаетеся навстрѣчу лиса и спрашиваетъ, какъ они покончили со старикомъ. Дху (ы) рассказали.

„Эхъ, вы, толстоголовые! нашли кому вѣрить и кого бояться. Ступайте къ нему (старикъ) поймите его и съѣшьте. У него силы никакой нѣтъ. Онъ даже въ вѣтренную погоду ходить не можетъ, оттого его и зовутъ канбак-паль (старикъ-перекати-поле) Дху (ы) повѣривъ пошли къ старику. Увидѣла старушка дху (овъ) и кричитъ: „Старичокъ мой, старичекъ мой! Что намъ теперь дѣлать: дху идутъ! Не бойся, говоритъ старикъ: сиди спокойно да исполняй, что я тебѣ скажу. — „Хорошо, исполню,“ плачетъ старушка.

„Вотъ, слушай! Когда придутъ дху (ы), я ихъ буду принимать, какъ будто ласково, по-дружски, попрошу ихъ войти въ мою лачужку, затѣмъ я тебѣ буду говорить: „Жена! приготовь для гостей обѣдъ, а ты мнѣ скажешь въ отвѣтъ: изъ чего я буду готовить, больше ничего, остальное я самъ знаю“. Пришли дху (ы). Старикъ принялъ ихъ ласково и даже сказалъ: добро пожаловать, друзья! войдите въ мою лачужку. Я очень радъ Вашему приходу.“ А дху (ы) такіе сердитые, но все же вошли и сѣли на почетное мѣсто. Старикъ говоритъ женѣ: „Жена приготовь обѣдъ.“ Изъ чего буду готовить обѣдъ, „спросила она. — „Изъ головы старшаго дху (а) и изъ грудины средняго а если этого будетъ мало, то (указывая на средняго) изъ всего этого дху (а). Дху (ы) пустились бѣжать. Но такъ какъ изъ двери всѣ разомъ выйти не могли, перебросили лачужку черезъ себя, и бѣжать! бѣгутъ, бѣгутъ, а навстрѣчу опять лиса: „куда, вы бѣжите? Эхъ, вы, глупые! онъ васъ перехитрилъ. Пойдемте къ нему. Онъ совсѣмъ безсиленъ. Идемте, идемте! Дху (ы) повѣрили и идутъ обратно. Старушка напугалась, а старикъ идетъ имъ навстрѣчу и кричитъ „Лисанька, лисанька хорошо ты ихъ ведешь ко мнѣ, они какъ разъ мнѣ на обѣдъ нужны. Веди ихъ, голубушка, веди!“ Дху (ы) бросились бѣжать, а лиса не отстаётъ, и все

твердить: „напрасно вы боитесь его, онъ безвреденъ..... А
Дху (ы) разсердились на лису, взяли ее за хвостъ и таки
ударили о землю, что лисанька духъ испустила.

Старикъ содралъ съ лисаньки шкурку, продалъ ее и
купилъ овцу: овца стала размножаться: отъ нея два ягнен-
ка, отъ двухъ четыре ягненка, отъ четырехъ восемь и. т. д
до сотни, до тысячи.

Старикъ пасъ овецъ, а старушка доила, курт-май го-
товила, а изъ шерсти кошмы-тесемки дѣлала.

Такъ у старика образовалась новая бѣленькая юрта.
Дху (ы) съ тѣхъ поръ скрылись, и старикъ со старушкой
стали мирно поживать и за овцами ухаживать. Вотъ и
всей сказкѣ конецъ.

До XVI столѣтія Мезенскіе самоѣды были извѣстны подъ названіемъ Печора и только въ послѣдствіи получили общее названіе самоѣдовъ. Въ лѣтописяхъ и старинныхъ приказныхъ книгахъ назывались „самоядью и сыроядцами“, сами себя они называютъ *pénša* (люди) и *xàsowo* (мужи).

Самоѣды жили нѣкогда южнѣе, но въ послѣдствіи были оттѣснены остяцкими и татарскими племенами къ сѣверному Ледовитому Океану. Различаютъ четыре самоѣдскихъ племени: изъ которыхъ юраки и тавги — кочевые оленеводы; Енисейскіе самоѣды занимаются, сверхъ того, еще охотой и рыбной ловлей, а такъ называемые остяко-самоѣды преимущественно рыболовствомъ.

Оскаръ Пешель въ книгѣ „Сибирскіе инородцы“ говоритъ: „лѣтая вѣтвь, такъ называемый Алтайской группы, получившая отъ русскихъ названіе „самоѣды“, имѣла свою родину, по всей вѣроятности, у подошвы Саянскихъ горъ равно какъ при источникахъ Енисея и Оби.“

Тамъ мы видимъ и теперь, въ мѣстности между источниками р. Кобдо и Селенгою, Сайотовъ (или Сайгоновъ), далѣе у сѣвернаго склона Саянскаго хребта — Карагасовъ и и на востокъ отъ Енисея — Кайбаловъ. Отъ этихъ, своихъ южныхъ соплеменниковъ отдѣлились въ свое время самоѣды и отправились, какъ оленеводы, на сѣверъ въ тундры, гдѣ распространились по всей площади отъ Бѣлаго моря до Хатангской губы. Въ древней Югріи по обѣимъ прибрежьямъ Обскаго залива живетъ и теперь племя юраковъ, а далѣе на востокъ — Тавги. Такъ какъ у этихъ самоѣдовъ встрѣчаются тѣже фамиліи, что и у южныхъ Камасиновъ, то упомянутое переселеніе навѣрно совершилось вдоль по теченію р. Енисея.

Судя по языку самоѣдовъ, ближайшихъ родственниковъ ихъ слѣдуетъ искать среди народовъ финской вѣтви, а именно больше всего сходства съ ними и болгарскимъ отросткомъ. Но пока, при настоящей классификаціи народовъ, самоѣды занимаютъ отдѣльное мѣсто, какъ особая вѣтвь Алтайской группы.

Названіе Алтайцевъ, какъ извѣстно, впервые употреблено Кастреномъ. Предположеніе, что финны нѣкогда жили на Алтаѣ, основывается на томъ фактѣ, что имена водъ Енисейскаго бассейна напр. *Oj'a kola Colba*, на финскомъ

и Лапландскомъ языкахъ означаютъ: ручей, вода, рыбная вода; да и самый Енисей, въ верхнемъ своемъ теченіи называется Кемь, каковое слово на финскомъ языкѣ, въ видѣ Кемі и Кимі значитъ рѣка*).

Въ лѣтописяхъ и старинныхъ приказныхъ вѣдомостяхъ они называются „самоядью“ или „сыроядцами“. Мѣстное русское населеніе края называетъ ихъ „Самоядь“. Кривошапкинъ въ своемъ сочиненіи „Енисейскій округъ и его жизнь“, также употребляетъ названіе „Самояды“, а не Самоѣды, на томъ основаніи, что Самоядь происходитъ отъ Лапландскихъ словъ и въ 4-й главѣ Галстрема описанія Шведской Лапландіи, доказывается, что жители сѣвера Финляндіи называли себя Сѣме, Сѣбле, а землю свою Самеядна или Самеладне, а отсюда слово Самеядна (самоядь) перешло на другихъ жителей сѣвера, подвигавшихся исподволь на востокъ. Енисейскіе самоѣды обитаютъ въ восточной половинѣ Туруханскаго края и по западной части его. Въ восточной половинѣ бродятъ четыре рода Тавгійскихъ самоѣдовъ: Карасинскій, Хантайскій, Авамскій и Вадѣевскій. Хантайскій и Карасинскій роды бродятъ отъ Хантайки на сѣверѣ по тундрамъ, лежащимъ по обѣимъ сторонамъ Енисея, но уходятъ отъ рѣки въ глубь тундръ не дальше 400 верстъ. Авамскій родъ бродитъ по сѣверо-восточнымъ тундрамъ края между р. Дудынтой, Авамомъ и озеромъ Таймырь, но вообще кочуетъ на всемъ обширномъ пространствѣ отъ р. Енисея по р. р. Пясиной, Аваму, Хатанга, Анаборъ и до устьевъ этихъ рѣкъ.

Вадѣевскій родъ бродитъ въ вершинахъ р. Дудынты, Балахны и по р. Баганидѣ. Общая численность этихъ родовъ по переписи 1897 года достигаетъ до 1324 душъ об. пола (687 м.). Всю западную половину края занимаютъ исключительно остяко-самоѣды и юраки. У остяко-самоѣдовъ различаютъ Карасинскій, Баихинскій и Тымско-Караконскій роды общей численностью до 824 душъ об. пола (464 м.). Они занимаютъ юго-западную территорію по р. Тазу и его притокамъ. Юраки раздѣляются на два рода: Береговой и Тазовскій. Первый бродитъ по западнымъ тундрамъ, отъ р. Таза до Тазовской Губы Ледовитаго океана, а

*) Kastren, 1 с р. 82, 84, 107.

второй по обѣимъ сторонамъ полярнаго теченія р. Енисея. Переписью 1897 года въ Тазовскомъ родѣ юраковъ зарегистрировано 366 душъ об. пола (202 м.) и 94 души обоого пола (48 м.) въ Береговомъ родѣ.

Послѣ переписи 1897 года самоѣды Туруханскаго края вслѣдствіе эпидемическихъ болѣзней, главнымъ образомъ отъ оспы, сильно уменьшились. *)

А Береговой родъ Юраковъ, этотъ весьма интересный отростокъ Енисейскихъ самоѣдовъ, дошелъ уже до послѣдней точки его исторической судьбы до полного вымиранія. Это обстоятельство и побудило автора, работавшаго въ Туруханскомъ краѣ по порученію Музея Антропологии и Этнографіи Императорской Академіи Наукъ надъ тунгусами, попутно обратить вниманіе и на этотъ отростокъ Енисейскихъ самоѣдовъ. По произведенной авторомъ спеціальной переписи за время обследованія (съ августа 1907 г. по 1908 г.) коренныхъ юраковъ Берегового рода оказалось 16 душъ об. пола (10 м.) при чемъ всѣ они оказались метисами съ отуземившимся русскимъ населеніемъ. За это же время автору удалось собрать лингвистическій матеріалъ и по экономической и духовной культурѣ этого безслѣдно исчезающаго рода. *)

I.

Численность—Территорія—Типъ.

Береговой родъ юраковъ бродитъ по обѣимъ сторонамъ полярнаго теченія р. Енисея. Этотъ небольшой отростокъ Енисейской самояди, занимая весьма выгодныя позиціи, дошелъ до послѣдней точки его исторической судьбы, до поголовнаго вымиранія.

1) К. Рычковъ. Оспа въ Туруханскомъ краѣ. Сибирскіе Вопросы 08, 19—20.

2) Сибирскій Торгово-Промышл. календ. за 1094⁵ г. К. Рычковъ. Оспа въ Турух. краѣ. (Сибир. вопросы) 1908 г. № 5—19—20.

3) Переданъ въ Азіатскій музей Импер. Акад. Наукъ.

*) Очеркъ о береговомъ родѣ юраковъ является дополненіемъ къ матеріалу о Тазовскомъ родѣ юраковъ, собраннымъ авторомъ съ 1903 г. по 1906 годъ и поступившимъ для дальнѣйшей обработки. Музей Антропологии и Этнографіи Император. Академіи Наукъ.

Многіе, совершенно обнищавшіе, изъ береговыхъ юраковъ, живутъ у русскаго отуземившагося населенія, въ качествѣ работниковъ, или въ качествѣ членовъ семьи. По десятой переписи работниковъ изъ рода береговыхъ юраковъ, въ низовьяхъ р. Енисея насчитывалось 14¹⁾.

Этотъ родъ юраковъ, главнымъ образомъ, и способствовалъ измѣненію національнаго типа русскаго низовика-крестьянина. Общая численность юраковъ берегового рода, по 8-й переписи, была 75 д. м. п., и 69 ж. п. По 10-й переписи—29 м. п. и 23 ж. п. По церковнымъ книгамъ за 1907 г. юраковъ берегового рода числилось 55 м. и 31 ж. п., а по переписи 1897 г. 48 м. п. 46 ж. п.¹⁾.

По произведенному мною подсчету въ 1907—08 г. общая численность береговыхъ юраковъ не достигала и до полутора десятка душъ.

Удѣль юраковъ берегового рода—совершенное исчезновеніе съ лица земли.—Таковъ приговоръ мѣстныхъ старожиловъ, мой, на основаніи обслѣдованія и всѣхъ, кто имѣлъ случай ознакомиться съ жизнью этого безслѣдно исчезающаго отростка Енисейской самояди.

Береговые юраки называютъ себя „нѣнечя“, что въ буквальномъ смыслѣ слова означаетъ-человѣкъ. Такъ же называютъ себя и юраки Тазовскаго рода. Русскихъ, какъ береговой родъ, такъ и Тазовскіе юраки называютъ „Lysa“, остяковъ „хабі“ самоѣдовъ—„манто“²⁾, долганъ—„tynhysto“, тунгусовъ—„vtyнhy“; въ свою очередь, остяки называютъ юраковъ „dbihohot“, долгановъ—„джүрак-тар“, тунгусовъ „tóha“.

Считать занимаемая позиціи юраками берегового рода исконнымъ ихъ мѣстожителествомъ нѣтъ основаній.

Судя по сохранившимся историческимъ отголоскамъ, границы кочевьевъ юраковъ берегового рода по лѣвой сторонѣ Енисея остаются неизмѣнными въ теченіи 3-хъ вѣковъ.

Въ одномъ изъ преданій береговыхъ юраковъ говорится: „что очень давно нѣсколько семей юраковъ вышли съ

¹⁾ ²⁾ С. Паткановъ „о приростѣ инородческаго населенія Сибири“ 45—1911 г.

³⁾ Третьяковъ „Ван“ 179 стр.

западныхъ тундръ и р. Таза на Енисей, гдѣ и остались навсегда“.

Весьма возможно, что какія либо экстраординарныя причины, въ родѣ эпидемій оспы и др. заставили юраковъ бѣжать въ отдаленное, отъ обычной территоріи мѣсто. Авамскіе и Хантайскіе самоѣды хотя считаютъ ихъ своими соплеменниками, но говорятъ, что они зашли на р. Енисей случайно „подобно дикимъ оленямъ“ и, что родиной ихъ нужно считать западныя тундры по р. Тазу. Такимъ образомъ, юраки берегового рода, хотя и принадлежатъ къ одной изъ вѣтвей Енисейскихъ самоѣдовъ, имѣя много отличительныхъ признаковъ и особенностей, чуждыхъ самоѣдамъ населяющимъ Сѣверо-восточную половину края, но, во всякомъ случаѣ, они не были участниками въ передвиженіи самоѣдовъ и въ занятіи ими настоящихъ территорій, а являются въ данной мѣстности болѣе позднѣйшими пришельцами. Если взглянуть на географическую карту Сѣвера Сибири, то не трудно видѣть, какъ они достигли предѣловъ настоящей территоріи: достаточно было передвинуться на СВ. и дать въ этомъ направленіи не больше 15—20 „аршшей“¹⁾, чтобы выйти съ р. Таза на Енисей. Сначала эмигранты обитали по лѣвой „наволòшной“ сторонѣ р. Енисея, которая до сихъ поръ сохранила за собой характерное названіе „юрацкой стороны“, а затѣмъ, значительно позднѣе, эмигрировавшіе юраки перешли на правую, каменную сторону р. Енисея и распространились по обѣимъ сторонамъ его до Енисейной губы.

Въ настоящее время береговые юраки занимаются, исключительно, рыболовствомъ и охотой, что явилось не естественнымъ теченіемъ ихъ экономической жизни, а лишь слѣдствіемъ необходимости добывать себѣ пищу. Юраки, обитающіе по р. Тазу и западнымъ тундрамъ отъ него, по преимуществу оленеводы. И группа эмигрантовъ рѣшилась странствовать въ періодъ своей скотоводческой жизни.

На новой территоріи эмигранты сначала кочевали только по лѣвой сторонѣ Енисея, избѣгая столкновеній съ сосѣдними племенами, всегда готовыми къ враждебнымъ дѣй-

¹⁾ Дневныхъ перѣздовъ на оленяхъ.

ствіямъ. Благодаря такому ограниченію, за группой эмигрировавшихъ юраковъ призналось фактическое право на владѣніе территоріей по лѣвую сторону Енисея, а затѣмъ, это право признано было обычаемъ.

Оленоводство, на новой территоріи эмигрантовъ, совершенно упало вслѣдствіе, какъ нужно полагать, невозможности пополнять убыль скота отъ ежегодныхъ эпизоотій, уничтожавшихъ разомъ, подобно урагану, огромное число оленей. Прогрессирующій упадокъ оленеводства, составлявшій, нѣкогда, главный источникъ благосостоянія выходцевъ, заставилъ послѣднихъ сосредоточивать вниманіе на другихъ видахъ промысла — рыболовствѣ и охотѣ; а послѣ окончательнаго уничтоженія ихъ стадъ, эмигрантамъ оставался только одинъ исходъ — приискивать себѣ новые способы пропитанія, въ зависимости отъ условій данной мѣстности, почему болѣе бѣднѣйшіе изъ нихъ и поступили въ работу къ русскому населенію въ низовьяхъ Енисея, окончательно слились съ послѣдними, оставляя послѣ себя „назытки“¹⁾ другіе же занялись, исключительно, рыболовствомъ.

Обладая стадами оленнаго скота и получая отъ него огромную пользу, у нихъ бы не было импульса переходить къ другимъ, какимъ либо, средствамъ существованія.

Этимъ обстоятельствомъ и объясняется тотъ крупный агрессивный передомъ экономической жизни эмигрантовъ, отъ скотоводческаго быта, къ болѣе первобытному способу добыванія себѣ пищи, каковой привлекъ къ неустойчивости, къ полнѣйшему кризису экономической жизни, довольно трудно переживаемому и въ результатъ — къ вымиранию.

Потомки эмигрировавшихъ юраковъ уже мало интересовались пріобрѣтенной и обычаемъ признаваемой за ними территоріей „юрацкой стороны“, а все свое вниманіе направили на пространство береговыхъ линій Енисея и начали передвигаться, сосредоточиваться, намѣчать мѣста, гдѣ въ разное время года скопляется наибольшее количество рыбы, которыя, къ извѣстному времени, перешли въ „насиженные“ и „родовыя“ стойбища. Съ перемѣнной образа жизни

¹⁾ Назытки — приплодъ — по выговору русскаго отуземившагося населенія въ низовьяхъ р. Енисея.

береговой родъ юраковъ теряетъ уже право на лѣвую „наволошную“ территорію—„юрацкую сторону“, взявъ ея приобрѣтаетъ, сообразно новому, болѣе первобытному укладу жизни, право на владѣніе рыболовными родовыми мѣстами по берегу р. Енисея.

Такихъ родовыхъ рыболовныхъ мѣстъ, въ зависимости отъ условій, на каждую семью бываетъ отъ 3-хъ до 5 и больше, но они неопредѣленны и къ нимъ передвигаются весной, лѣтомъ, зимой и осенью.

Такова, въ высшей степени, интересная и поучительная эволюція экономической жизни береговыхъ юраковъ, приведшая ихъ къ болѣе первобытному состоянію, налагающему существенныя особенности, которое и повело къ вырожденію и вымиранію.

Юраки берегового рода, сравнительно съ юраками Тазовскими, болѣе низкорослы, хуже упитаны и отличаются меньшей мышечной силой. Глаза, болѣею частію, черные или сѣрые, съ длинными рѣсницами, волосы и брови черные, носъ прямой, лицо круглое, съ такимъ же подбородкомъ. У женщинъ черты лица мягче и ростомъ онѣ ниже.

Наблюденія надъ физическими признаками берегового рода юраковъ, какъ многіе факты и соображенія, даютъ основаніе заключить, что нормальный юрацкій типъ, среди юраковъ берегового рода сгладился, погибъ среди болѣе сильныхъ сосѣднихъ народностей, благодаря постепенной метисаціи и скрещиванію съ сосѣдями, посредствомъ между племенныхъ браковъ.

Средній типъ юраковъ берегового рода, какъ продуктъ смѣси составныхъ частей, представляетъ собою комплексъ, нѣсколько смягченныхъ монгольскихъ чертъ, съ отклоненіемъ къ русскому типу, но, въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ передъ собой помѣсь, легко исчезающую по времени по своему характеру нестойкую, склонную быстро распадаться на первоначальные элементы.

II.

**Географическое положеніе—Характеръ мѣстности—
Окружающій міръ.**

По обѣимъ сторонамъ полярнаго теченія р. Енисея, который юраки называютъ „Дедосі“, тянутся тундры—огромныя, плоскія пространства, гдѣ взоръ теряется, какъ въ морѣ. Лѣтомъ тундры усѣяны множествомъ озеръ—наполненныхъ водой углубленій, какъ свѣтлыя зеркала, разбросанныхъ по безпредѣльному ковру грязновато-зеленаго цвѣта изъ мховъ и лишайниковъ. Зимой тундры („вы“) представляютъ необозримыя снѣжныя равнины, надъ которыми царить покой могилы или съ дикимъ воемъ и свистомъ несутся безконечныя тучи снѣга, поднимаемая бурями. Нигдѣ, кажется, природа весной такъ скоро не пробуждается, какъ на сѣверѣ: изъ оцѣпененія, вдругъ, какъ бы по волшебству просыпается все. Едва сошелъ снѣгъ, какъ уже показалась зелень, зацвѣли цвѣты, лиственницы одѣлись въ свѣтло-зеленую хвою, потянуло запахомъ багульника. Свободныя отъ льда озера, рѣчушки—кишатъ гусями, лебедями, разныхъ породъ утками, гагарами и прочей дичью. Жизнь бьетъ ключемъ..

Но съ наступленіемъ холода опять наступаетъ мертвая тишина,—покой могилы. Небо почти всега обложено свинцовыми тучами. Здѣсь, за полярнымъ кругомъ, ночь продолжается 65 сутокъ, но, за то и незакатный день столько же времени. Морозы достигаютъ страшной силы: желѣзо становится хрупкимъ и при ударѣ брызжетъ обломками, какъ стекло, сырое дерево дѣлается тверже желѣза и только сухое можетъ раскалываться, огонь стелется по дровамъ, жметъ къ нимъ, какъ бы боясь подняться. Въ такое время путнику слышится непрерывный шорохъ отъ собственнаго дыханія; съ страшнымъ гуломъ трескается земля, образуя широкія рзселины. Въмѣсто солнечнаго свѣта на небосклонѣ вспыхиваетъ слабый багрянецъ; луна замѣняетъ солнце, а звѣзды блестятъ съ невиданной яркостью.

Время отъ времени играетъ „сполохъ“¹⁾, пробуждая какую то тревогу въ истомленныхъ мракомъ людяхъ и животныхъ.

¹⁾ Сѣверное сіяніе.

Во время пурги горизонтъ быстро затягивается мглой, вихри снѣжныхъ хлопьевъ несутся въ воздухъ, настаетъ непроницаемая тьма и ужасный вой вьюги. Послѣ пурги мѣстность принимаетъ видъ взволнованнаго моря, всюду покрытаго снѣжными валами „застругами“, расположенными по вѣтру.

Зимній холодъ полезенъ, если температура устойчива, но сырость лѣтомъ, когда всюду выступаетъ вода изъ покрывающаго ее мха, какъ изъ губки, дѣйствуетъ вредно на организмъ, вызывая различные растройства, а зимній мракъ и вьюга крайне тяжело дѣйствуютъ на психику.

Изъ животныхъ, имѣющихъ промысловую цѣнность, являются: песецъ, лисица, волкъ, заяцъ, дикій олень и др. Въ водахъ Енисея вкусныя и цѣнныя рыбы изъ семейства лососевыхъ: нельма, чирь, муксунъ, сельдь и др. Таковы тѣ окружающія условія, которыя въ связи съ особенностями, пріобрѣтенными еще въ мѣстахъ первоначальнаго обитанія—опредѣлили судьбу описываемаго мною рода береговыхъ юраковъ.

III.

Образъ жизни. — Основные промыслы: рыболовство и охота.

Юраки берегового рода ведутъ бродячій образъ жизни. Лѣтомъ они живутъ обыкновенно по берегамъ Енисея, на зиму же устраиваются въ болѣе защищенныхъ мѣстахъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ. — Даже лѣтомъ, слѣдуя за рыбой, они мѣняютъ до 5 разъ свое мѣстожительство.

Самые насущнѣйшіе вопросы, самые животрепещущіе среди береговыхъ юраковъ—это заботы о доставленіи себѣ пропитанія. Главной основой существованія имъ служить ходовая рыба, которую можно добывать въ достаточномъ количествѣ посредствомъ самыхъ примитивныхъ способовъ, какіе были возможны первобытному человѣку въ очень отдаленное время. Наловленная и вывяленная на солнцѣ рыба „юкола“ замѣняетъ имъ хлѣбъ въ теченіи долгой зимы.

Свѣжая рыба, которая ловится круглый годъ, служить только дополненіемъ къ зимнему запасу.

Эволюція способовъ рыболовства трудно поддается опредѣленію въ деталяхъ, во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что ловля рыбы руками, остававшейся послѣ убыли воды по берегамъ, стрѣляніе изъ лука рыбы въ водѣ, ловля крючками изъ кости или рога, глушеніе и пр., что сохранилось и до настоящаго времени, какъ переживаніе, предшествовало рыболовству съ помощью приспособленій.

Эти первобытные приемы примѣняются по скольку этого требуютъ условія и объектъ ловли.

Въ настоящее время, менѣе практичныя способы, не имѣющіе выдающагося значенія въ экономической жизни, оставляются, и если нѣкоторые изъ нихъ и сохранились, то не болѣе какъ переживаніе и переходятъ въ забаву. Съ стремленіемъ получить возможно больше добычи, при наименьшей затратѣ труда, прогрессируютъ болѣе сложныя приспособленія: устраиваютъ частоколы при отливахъ, за которыми остается много рыбы, устанавливаютъ запоры поперекъ рѣчекъ; въ оставленный проходъ вставляется огромный плетеный изъ прутьевъ тальника „котець“, формой своей похожій на обыкновенную „морду“ или „корчажку“, но только несравненно большихъ размѣровъ, вмѣщающій въ себя до 50 пудовъ рыбы. Этотъ способъ ловли наиболѣе распространенъ и предпочтителенъ въ сравненіи съ другими. Изъ сѣтовыхъ орудій употребляютъ „пуцальны“, невода, приготовляя ихъ изъ нитокъ, выдергиваемыхъ изъ мучныхъ мѣшковъ. Раньше для этой цѣли употреблялись грубыя растительныя волокна.

Каждый родовичъ имѣетъ свое родовое мѣсто для ловли рыбы, имъ онъ пользуется при жизни и по смерти передаетъ въ наслѣдство дѣтямъ или ближайшимъ родственникамъ. Рыбный промыселъ у юраковъ берегового рода существуетъ круглый годъ, а добытая рыба—главнымъ запасомъ, замѣняя хлѣбъ.

Осенью, послѣ окончанія хода рыбы, наступаетъ сезонъ охоты. Начинается устанавливаніе петель, капкановъ, черкановъ, главнымъ образомъ, по правому берегу Енисея, и устройство западней, также по каменной сторонѣ. Этотъ сезонъ вноситъ интересъ и нѣкоторое разнообразіе въ общемъ однообразную годовую дѣятельность береговыхъ юра-

ковъ. Днемъ они обходятъ ловушки и западни, а на ночь приходятъ въ свои чумы.

Но юракъ берегового рода не охотникъ,—онъ ихтиофагъ по преимуществу, почему охота имѣетъ для него значеніе подсобнаго элемента. Кромѣ простого выслѣживанія дичи,—искусства, въ которомъ береговой юракъ достигъ совершенства, наблюдается замѣчательная способность приноравливаться къ привычкамъ животныхъ. Покрытие себя шкурой животного, чтобы имѣть возможность подойти къ нему, широко распространено среди юраковъ берегового рода. Западни разнообразныхъ видовъ, наиболѣе простой изъ нихъ—видъ ямы, различныя приспособленія въ видѣ: черкана, кляпца, капкана, плашки, распорки, всевозможныя петли и силки также известны и распространены среди юраковъ берегового рода.

Практикуется и групповый способъ охоты, который не требуетъ приспособленій, но вынуждается несовершенствомъ имѣющихся орудій. Къ этому виду охоты относится ловля дикихъ оленей. Большого вниманія заслуживаетъ охота на песца, какъ имѣющая промысловую цѣнность. Ловятъ песцовъ кляпцой, капканомъ, пастью; вмѣсто песца изрѣдка попадаютъ лисицы, на „пометь“ иногда добываютъ волковъ, черканами промысляютъ горностаевъ.

Къ числу способовъ охоты, путемъ перехватыванія животныхъ, слѣдуетъ отнести ловлю петлей, тенетами, арканомъ. Въ послѣднемъ способѣ движущаяся петля накидывается на шею животного и затягивается,—этотъ способъ вошелъ и въ хозяйственное употребленіе при поимкѣ домашнихъ оленей.

Важнѣйшими помощниками при охотѣ являются собаки. Рыболовство и охота это главные источники пропитанія юраковъ берегового рода, а потому мысль ихъ работаетъ только въ этой области, имѣющей выдающееся значеніе въ экономическомъ укладѣ жизни. Береговой родъ юраковъ, живущій исключительно рыболовствомъ и охотой, выработалъ все главныя орудія и довелъ ихъ, насколько это возможно, при грубомъ состояніи его орудій, до совершенства. Знакомство съ металлами дало возможность, вмѣсто каменнаго или костяного наконечника стрѣлы дѣлать желѣзные, рыболовные крючки и т. д.

Огнестрѣльное орудіе вытѣснило копье и лукъ со стрѣлами, пріобрѣтеніе пряжи привело къ нѣкоторому усовершенствованію первобытныхъ сѣтовыхъ орудій изъ грубыхъ растительныхъ волоконъ и пр. Такимъ образомъ орудія охоты и рыболовства усовершенствовались, но способы и приемы охоты и рыболовства остались тѣже.

IV. **Домашнія животныя—собака и олень.—Жилище.—Очагъ.**

Занимаясь по преимуществу рыболовствомъ и, какъ подспорнымъ промысломъ—охотой, береговой родъ юраковъ стремился имѣть всегда подъ рукою животныя, которыя могли бы доставить въ случаѣ нужды пропитаніе. Однимъ изъ первыхъ прирученныхъ животныхъ для береговыхъ юраковъ является собака, это животное несетъ весьма цѣнную службу—помощника при охотѣ, сторожа, перевозить тяжести, за что она не только живетъ въ одномъ жилищѣ съ хозяевами, но принимаетъ участіе даже въ общей трапезѣ.

Другимъ единственнымъ, выносящимъ климатъ, полезнымъ животнымъ является сѣверный олень, который несетъ разнообразную службу, но главное назначеніе его быть готовымъ провіантомъ, дабы обезпечить себя на случай голодовки.

Однако юраки пользуются оленемъ, не болѣе, какъ средствомъ передвиженія; для пропитанія же пользуются рыбой, на добываніе которой имъ приходится тратить большую часть времени года.

Матеріалъ для одежды береговые юраки пріобрѣтаютъ у сосѣднихъ племенъ, посуду же изготовляютъ изъ шкурокъ добытыхъ птицъ и рыбъ. Слишкомъ незначительное количество оленей—отъ 2 до 5 на семью—не позволяетъ имъ использовать скотоводство, какъ источникъ благосостоянія. И нѣтъ основаній предполагать, что скотоводство у нихъ разовьется и возстановитъ ихъ прежній кочевой бытъ, болѣе обезпечивающій ихъ существованіе.

Внѣшняя обстановка юраковъ берегового рода не затѣлива. Жилищемъ для нихъ служитъ чумъ; зимою изъ олень-

ихъ шкуръ, лѣтомъ же изъ ровдуги,¹⁾ или просто шалашъ. Чумъ конической формы, осто́въ его состоитъ изъ 18-25 штукъ прямыхъ, ровныхъ, тонкихъ, портативныхъ жердей, что даетъ возможность дѣлать конусъ болѣе правильнымъ. Жердями этими юраки, ввиду отсутствія лѣса, очень дорожатъ и въ передвиженіяхъ переносятъ ихъ съ собой. Прислоненныя другъ къ другу жерди держатся собственною тяжестью.

Лѣтомъ осто́въ чума покрываютъ ровдугой. Теперь ровдужные нюки²⁾ ввиду безоленности и сравнительной ихъ дороговизны, совершенно выходятъ изъ употребленія и замѣняются парусиной. Зимой такого прикрытія недостаточно, поэтому осто́въ чума покрывается оленними шкурами, шерстью внутрь, для тепла, а сѣверная часть чума для тепла, иногда покрывается шкурами въ два дѣда. Чумъ имѣетъ отверстіе въ верху для выхода дыма, которое во время пурги или сильнаго холода наглухо закрывается какъ и отверстіе для входа, въ последнее едва можетъ пройти человѣкъ, оно всегда закрыто шкурою. Отверстій для свѣта не дѣлаютъ, ихъ замѣняетъ дымовое.

Въ настоящее время, влѣдствіи трудно переживаемаго кризиса, до крайности обѣднѣвшіе юраки уже начинаютъ искать себѣ защиту отъ холода путемъ выкапыванія снѣжныхъ ямъ.

Изъ послѣднихъ, съ теченіемъ времени, могла бы обростаться землянка, какъ наиболѣе соответствующій типъ жилища въ мѣстности съ суровымъ климатомъ, при чемъ землянка служила бы преимущественно зимнимъ жилищемъ, покидаемымъ въ теплое время года въ пользу шалаша, но къ сожалѣнію этого не должно случиться, — отъ берегового рода юраковъ, къ тому времени не останется и слѣда.

Существенною принадлежностію cadaго жилища и могучимъ орудіемъ въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ является очагъ. Огонь раскладываютъ въ центрѣ чума, въ приготовленной ямѣ, имѣя въ виду оградить свои пожитки отъ пожара. Въ ямѣ накапливается большое количество

¹⁾ Выдѣланная оленья кожа.

²⁾ Покрывала.

пепла, чѣмъ достигается возможно большее сохраненіе тепла, обычай же ставить очагъ въ центрѣ чума, противъ дымового отверстія, есть ничто иное, какъ приспособленіе для выхода дыма, хотя дымъ отъ очага сначала расходится по всему помѣщенію и затѣмъ лишь, медленно выходитъ черезъ дымовое отверстіе. Сохраняя пріемъ варки надъ огнемъ, береговые юраки приспособили очагъ только для приготовленія пищи, хотя въ основѣ его нужно считать идею экономіи тепла.

Топливомъ служитъ плавникъ, который ежегодно приносится теченіемъ Енисея и горами накапливается по берегамъ; за неимѣніемъ плавника топятъ ерникомъ, таломъ и иногда мхомъ.

Отдѣльныхъ приспособленій для освѣщенія жилища, кромѣ очага, не употребляютъ.

Вверху надъ очагомъ прикрѣпляютъ горизонтально двѣ перекладки, къ которымъ навѣшиваютъ крючья для котловъ и кромѣ того онѣ служатъ и для просушки одежды. Полъ устилается ерникомъ, а сверху около стѣнъ оленними шкурами, замѣняющими собою постели. Изъ мебели имѣютъ только маленькіе столики и небольшіе ящички, служащіе для храненія чайной посуды. Въ нѣкоторыхъ чумахъ можно встрѣтить дѣтскую люльку; по своему устройству цѣлесообразнѣе нашихъ колыбей. Въ общемъ береговые юраки не признаютъ ни опрятности ни чистоты: обильное накопленіе въ чуму грязи, нечистотъ, развитіе всевозможныхъ паразитовъ—обыкновенное явленіе въ каждомъ жилищѣ.

V.

Пища и напитки.

Пищей для юраковъ берегового рода служитъ исключительно животная и, болышею частью, въ сыромъ видѣ.

Сыроеденіе широко распространено не только среди юраковъ берегового рода и прочихъ туземныхъ народностей, но и среди русскихъ аборигеновъ края. Зимую животную пищу: рыбу, мясо, кровь, сало и молоко употребляютъ въ

мороженномъ видѣ и называютъ „строганиной“, а лѣтомъ, живую рыбу, свѣжее теплое мясо и кровь и называютъ „сугудиной“. Казалось бы, подъ вліяніемъ культуры должны были ограничиться продукты, употребляемые въ пищу въ сыромъ видѣ, но въ данномъ случаѣ, если не считать нѣкоторыхъ приспособленій для приготовленія пищи, при помощи огня, сыроеденіе осталось въ первобытномъ видѣ. Изъ способовъ приготовленія пищи при помощи огня извѣстны жаренье и копченье: варить хотя и умѣютъ, но приобѣгаютъ къ этому, сравнительно, весьма рѣдко. Способы эти также весьма первобытны.

Жарятъ рыбу такъ: пойманную рыбу, не очищая отъ кожи и внутренностей, цѣликомъ кладутъ на угли, обугленные покровы придаютъ пищѣ менѣе приторный вкусъ и замѣняютъ собою соль. Копченье достигается путемъ простаго подвѣшиванія пищи надъ очагомъ. Происхождение этого способа слѣдуетъ искать въ случайности, такъ какъ жилища береговыхъ юраковъ настолько наполняются дымомъ, что находящаяся въ жилищѣ пища, подвергаясь дыму, прокапчивается и безъ намѣренія.

Простое жареніе на огнѣ привело береговыхъ юраковъ къ развитію способовъ жаренія при помощи вертеловъ и подвѣшиваній. При помощи вертеловъ пекутъ хлѣбъ. Изъ несѣянной муки дѣлаютъ крутое тѣсто, укатываютъ изъ него колобъ и отрѣзаютъ ножомъ тонкіе пласты, подпекая ихъ на вертелѣ съ обѣихъ сторонъ у очага.

Если имѣется соль, тоири правяють ею, большинство же обходится безъ нея. Искусство жаренія важно не только съ точки зрѣнія фізіологическаго дѣйствія на организмъ жареной пищи, но и съ точки зрѣнія культурной, экономической, т. к. жареная и копченая пища сохраняется дольше, поэтому юраки могли-бы приучиться къ заготовленію запасовъ впрокъ, хотя бы посредствомъ копченія, что избавляло-бы ихъ отъ ежедневнаго добыванія пропитанія; но они этому не научились и для заготовленія запаса пользуются естественными способами. Единственная пища и то, какъ лакомое блюдо, заготавливаемая ими впрокъ, это „варка“ — срѣзанныя у рыбъ брюшки и вываренныя въ собственномъ жирѣ.

Всю остальную пищу лѣтомъ заготовляютъ впрокъ посредствомъ вяленія, которое достигается вывѣшиваніемъ ея на еолнцѣ; зимою та же цѣль достигается замораживаніемъ.

Преимущественной пищей береговыхъ юраковъ служитъ рыба, которую заготовляютъ впрокъ „юкалой“ и „порсой“. Для „юкалы“ рыба распластывается пополамъ, мелко надрѣзывается вдоль и поперекъ затѣмъ вывѣшивается связками на солнцѣ. Всѣ туземцы Туруханскаго края юкалу дымятъ, юраки же не практикуютъ дымленія. Для порсы употребляютъ только мелкую рыбу, которую сушатъ надъ очагами и мелко толкутъ. Приготовленную такимъ образомъ впрокъ рыбу, сохраняютъ въ мѣшкахъ изъ кожи налима. Повидимому, береговые юраки не особенно стараются готовить запасы пищи болѣе усовершенствованными способами, такъ какъ съ большой охотой употребляютъ гніющую пищу.

Къ сознательному употребленію гніющей пищи, нужно полагать, ихъ привела необходимость. Сохраняющіеся запасы портились, отсутствіе новыхъ вынуждало употреблять гніющую пищу, при чемъ отъ наблюдательности ихъ не могло ускользнуть, что пища дѣлается болѣе мягкой и легко перевариваемой.

Такимъ образомъ возникъ сознательный обычай, — дать питательному продукту подгнить, чему способствуютъ ямы, устраиваемыя для храненія пищи, въ которыхъ все содержимое портится и гніетъ.

Лучшей пищей считаются жиры животныхъ и рыбъ, а также нѣкоторыя внутреннія части ихъ: почки, сердце, языкъ, — у рыбъ икра, молоки, при чемъ части эти обязательно подаются сырымъ. При ѣдѣ обходятся безъ соли: суррогатами служатъ зола и уголь.

Ѣдятъ береговые юраки непомѣрно много, съ замѣтной животной страстью. Хлѣбъ очень любятъ, приобрѣтая его отъ мѣстныхъ торговцевъ. Но отъ ссуды хлѣбомъ изъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ отказываются вслѣдствіе злоупотребленій, связанныхъ съ выдачей хлѣба.

Въ случаѣ недостатка пищи, — къ мукѣ примѣшиваютъ мохъ. Нѣкоторые счастливы, имѣющіе оленей, употребляютъ въ пищу довольно густое вкусное оленье молоко. Любимой пищей считается также всевозможная дичь, напр.

гуси, утки, бѣлая куропатки, жиръ олений съ брусничкой, варка, свѣжая, горячая кровь удушенныхъ животныхъ и головки свѣже — убитыхъ птицъ. Исключеніе составляетъ запретная пища, при обрядахъ шаманства, похоронахъ, свадьбахъ, рожденіяхъ и пр. Въ такихъ случаяхъ животное закалываютъ, посвящаютъ въ жертву духамъ; голову съ внутренними частями животного и шкуру оставляютъ, а остальное поѣдается. Закалываются олени только при обрядахъ шаманства, во всѣхъ же другихъ случаяхъ береговые юраки удувливаютъ животное, въ цѣляхъ сбереженія крови. Закалываніе оленя всегда производится по разъ установленнымъ приѣмамъ. Придерживая животное за рога, быстро, съ силой, втыкаютъ ножъ въ затылокъ оленя, который тотчасъ же падаетъ, затѣмъ, ножомъ стараются перерѣзать лень; минутъ черезъ шесть олень, обыкновенно издыхаетъ; оставляютъ его на 14 часа, остынуть, послѣ чего уже „опускаютъ“ шкуру или „свѣжують“.

При шаманствахъ, какъ выше сказано, голову внутренности и конечности оставляютъ въ шкурѣ, свѣжують только ребра и лопатки. Для ѣды свѣжують обыкновенно такимъ образомъ: сдѣловъ надрѣзъ у горла, прорѣзываютъ прямую брюшную линію до задняго прохода: послѣдній вырѣзывается кругомъ, затѣмъ надрѣзываютъ голени и опускаютъ „камасы“, ¹⁾ дальше, отнимаютъ шкуру отъ головы, разрѣзомъ около ушей, и надавливая кулакомъ снимаютъ шкуру влѣво и вправо — олень тогда лежитъ на рогахъ.

По снятіи шкуры, отрѣзается голова, вываливается брюшина, вырѣзывается половой органъ, лопатки, — вынимаютъ: печень, сердце, почки, кишки и „рубашку“, вырѣзываются жилы и на прочь отнимается шкура и камасы, послѣ всего „опускаютъ“ голову со лба.

Лучшей рыбой считается подледная, т. е. добытая осенью. Изъ рыбы береговые юраки вытапливаютъ жиръ, который очень любятъ. Нуждаясь въ жирахъ, небрезгуютъ свѣчнымъ саломъ и даже мыломъ. — Удѣляютъ нѣкоторое вниманіе и растительной пищѣ: ѣдятъ нѣкоторые виды клубней и корней, не брезгаютъ содержимымъ желудка оленя:

¹⁾ Шкуры съ ногъ оленей.

въ большомъ количествѣ истребляютъ ягоды: морошку, бруснику, чернику и не вкусную жесткую воронику.

Самая лучшая пора года для юраковъ берегового рода—это зима. Къ запасамъ рыбы на драгоценныя шкурки добытыхъ песцовъ вымѣниваются чай, табакъ, хлѣбъ, сушки, вино и прочее. Възять въ гости, усиленно питаются. Но въ мартъ уже начинается результатъ зимней расточительности. Съ первой же ходовой рыбой они снова оживаютъ.

Главная масса пойманной рыбы проматывается на вино, потому они и прозябаютъ въ грязной нищенской обстановкѣ и, зачастую, умираютъ съ голоду.

Напиткомъ служить чай, за неимѣніемъ послѣдняго суррогаты: наросты на деревьяхъ, брусничникъ, бѣлоголовникъ, собираемый на калтусахъ.¹⁾

Къ вину и табаку предаются съ животной страстью, пьютъ и курятъ поголовно, не исключая женщинъ и дѣтей.

Посуду изготовляютъ изъ рыбьихъ шкуръ, изъ шкуръ птицъ и животныхъ. Въ достаточномъ количествѣ распространена и деревянная посуда, близкіе къ первобытнымъ формамъ цилиндрическіе выдолбки изъ дерева и коры. Вынужденные, по свойству своего образа жизни, часто мѣнять мѣста жительства, предпочитаютъ употреблять посуду изъ болѣе легкаго матеріала, какъ уже сказано, изъ рыбьихъ, птичьихъ и животныхъ шкуръ, коры и т. п. Какъ ни первобытны ихъ сосуды, но юракъ дорожить ими, потому что они, какъ нельзя лучше, приспособлены къ его образу жизни. Нѣкоторыя изъ нихъ украшаются тонкими орнаментами. Глиняными издѣліями юраки совершенно не пользуются, а предпочитаютъ посуду металлическую, какъ котелъ, ковшъ и прочее.

VI

О д е ж д а .

Весьма могущественнымъ средствомъ борьбы съ суровыми климатическими условіями является одежда. Переходъ отъ скотоводческаго быта къ рыболовческому не измѣнилъ

¹⁾ Перелѣсье—болото.

ни матеріала ни покрою одежды. Шкура сѣвернаго оленя служить главнымъ матеріаломъ и до настоящаго времени. Покрой одежды также ни чѣмъ не отличается отъ юраковъ оленеводовъ, не только основной, но даже и детали тѣ же. Береговые юраки не выработали индивидуальнаго вкуса, могущаго зародиться въ связи съ новымъ укладомъ ихъ жизни и мѣстной фауной, напр. въ украшеніяхъ и пр.

Необходимую одежду до сего времени составляютъ: „малица“ — „сокуй“ и „бокари“. Шьютъ одежду жилами и тонкими полосками кожи, вмѣсто иглы употребляютъ острия рыбы кости. Одежды свои любятъ украшать лентами яркихъ цвѣтовъ, костями, вышивкой и мѣдными блестящими бляхами, эта потребность настолько сильна, что они цѣнятъ только тѣ одежды, которыя имѣютъ на себѣ украшенія, благодаря чему въ мѣнновой торговлѣ украшенія играютъ большую роль чѣмъ одежда.

Мужская одежда зимняя: верхняя — „мальца“ и „сокуй“, — мальца похожа на длинную рубаху безъ разрѣза, съ пришитымъ къ вороту чепцомъ для головы изъ пыжей, шерстью наружу; сокуй одѣвается на малицу, — покрой тотъ же только шерстью наружу.

Обувь: „тяжи“ и „бокари“, — первые шьютъ изъ паховъ оленьей шкуры или пыжей, шерстью внутрь, вторые одѣваютъ поверхъ тяжей и шьютъ ихъ изъ выдѣланныхъ камасовъ. Носокъ юрацкихъ бокарей дѣлается острый. У мужскихъ малицъ подолъ обшиваютъ опушкой изъ собачьихъ бѣлыхъ шкуръ. Чулки или „тяжи“ весьма часто замянютъ собою трава. Порты или хорьки зимнія шьютъ изъ пыжей или паховъ оленьей шкуры, лѣтнія изъ ровдуги, покрою очень короткаго, которыя обнимаютъ только задъ и не доходятъ до колѣнъ. За голеница всегда закладывается трубка, а къ поясу, вышитому бисеромъ или украшенному металлическими пластинками, всегда привѣшивается ножъ, иногда табакерка изъ оленьяго рога.

Юрачки одѣваются красиво, парки женскія шьются изъ пыжей, съ разрѣзомъ впереди и двойной мѣнновой подкладкой, съ таліей и украшаются разноцвѣтными сукояными полосками и вышивкой; подолъ окоймляютъ узкой опушкой изъ собачьихъ бѣлыхъ шкуръ. На головѣ

носятъ чепецъ мѣховой, сверху обшитый цвѣтнымъ сукномъ, мѣховая подкладка бываетъ песцовая или лисья.

Женскія „хорьки“ имѣютъ подобіе калсонъ съ лифомъ и шьются зимой изъ пыжей, а лѣтнія изъ ровдуги, украшаются кистями, мѣдными подвѣсками и бляхами. Постоянное женское украшеніе „niese“—круглая мѣдная бляха съ кольцами и пуговицами носится на груди. Отъ пояса по обѣимъ сторонамъ опускаются вышитыя цѣпочки, или скрученные ремни поддерживающія „лимы“. Поясъ также какъ и мужской вышивается бисеромъ, на мѣдныхъ колечкахъ, къ нему прикрѣпленъ ножикъ въ ножнахъ.

Лѣтнія одежды готовятся изъ ровдуги или же приобрѣтаютъ отъ торговцевъ широкія длинныя рубахи, обувь замѣняютъ длинными чулками изъ ровдуги. Большею частію, лѣтомъ, мужчины и женщины обходятся одними только портами. Одежды дѣвушекъ ни чѣмъ не отличаются отъ одеждъ женщинъ, лишь только большими украшеніями. Дѣвушки обязательно оставляютъ на лбу спереди косички, волосъ украшая ихъ пуговицами и бисеромъ; въ ушахъ также какъ и женщины носятъ длинныя серыги, пальцы рукъ любятъ украшать кольцами и перстнями, а шею бисернымъ ожерельемъ.

Для дѣтей одеждой служатъ только покрывальца, въ которыя обертываютъ дѣтей до способности ходить, послѣ чего одежда дѣлается какъ и у взрослыхъ и изъ того же матеріала. Изрѣдка встрѣчаются дѣтскія одежды изъ птичьихъ шкуръ—утинныхъ, гагарьихъ, лебяжьихъ и мужскія рубахи изъ налимьей кожи.

Шитьемъ одежды и обуви занимаются исключительно женщины при помощи дочерей. При кройкѣ избѣгаютъ рѣзки, принаравливая шить костюмъ изъ цѣлыхъ шкуръ. Жилы для шитья сначала распариваютъ въ кипяткѣ, затѣмъ отдѣляютъ тонкія волокна и слегка скручиваютъ на колѣняхъ руками. Шитью одежды предшествуетъ обработка шкуръ, что также составляетъ исключительное занятіе женщинъ. Для одеждъ, главнымъ образомъ, употребляютъ шкуры оленей, зайцевъ и собакъ.

Выдѣлка ихъ производится слѣдующимъ образомъ: съ лѣвой стороны шкуру скоблятъ острымъ желѣзнымъ скребкомъ, затѣмъ намазываютъ жиромъ и оставляютъ

такъ на нѣкоторое время, потомъ мнутъ особо устроеннымъ для этого инструментомъ. Ровдугу обрабатываютъ тѣмъ же способомъ, срѣзая шерсть. Тѣмъ же способомъ выдѣлываются птичьи шкурки и рыбъ, онѣ помимо дѣтской одежды идутъ на изготовленіе посуды, для храненія табака, муки, порсы и проч., имѣя свойство предохранять содержимое отъ сырости. Растительное царство не даетъ береговымъ юракамъ никакого матеріала для одежды, заключеніемъ травы „нуте“, для обертыванія ногъ и древесныхъ стружекъ, замѣняющихъ вехотку и полотенце. Юраки мало и обращаютъ вниманія на пріисканіе себѣ легкой одежды, такъ какъ теплое время года продолжается не долго, а зимою имъ не приходится мѣнять одежды по причинѣ холода. Въ настоящее время береговые юраки пріобрѣтаютъ матеріалы для одежды отъ сосѣднихъ народностей.

VII.

Способы и средства передвиженія.—Перекочевки.

Для преодоленія водныхъ пространствъ у юраковъ въ настоящее время служить „вѣтка“—весьма малаго размѣра лодочка, выдолбленная либо выжженная изъ дерева. Для большей прочности внутри ея устраниваютъ поперечины. Въ ней можетъ уместиться только одинъ человѣкъ; управлять ей для непривычнаго человѣка представляетъ большую трудность. „Вѣтка“—необходимѣйшая принадлежность каждаго юрака (приготавливается изъ осины и кедрового дерева). При ней всегда находится двухлопастное весло, которымъ, сидя по срединѣ ея, соблюдая строгій балансъ, правятъ и гребутъ. Благодаря чрезвычайной легкости суденышка, на немъ преодолеваютъ огромныя пространства. Въ болѣе позднее время юраки пользовались „вѣтками“ изъ березовой коры. Какъ ни простъ описанный типъ лодки, но все же нельзя не признать полнѣйшую пригодность его къ образу жизни. Что касается пріемовъ и способовъ передвиженія на сушѣ, то они зависятъ отъ животныхъ, сила которыхъ утилизируется.

Прирученными животными служатъ собака и олень. Лѣтомъ оленемъ пользуются въ качествѣ вьючнаго и для

верховой ѣзды. Създа примитивнаго устройства, безъ стремянъ. Санная упряжь, надъ вліяніемъ климатическихъ условій, которая вызвали и употребленіе ея, развилась сравнительно, до нѣкотораго совершенства, напр. санки для легкой ѣзды легки и портативны. Санка отличается отъ нарты большей легкостью, т. к. предназначена для легкой скорой ѣзды. Дѣлается она изъ 4—6 высокихъ коньльевъ, съ тонкими легкими полозьями и сидѣньемъ для одного человѣка. У женской санки сидѣнье защищается небольшими стѣнками, иногда прицѣпляется отдѣльный деревянный щитъ отъ вѣтра, который сообразно вѣтру прикрѣпляется къ одной изъ сторонъ при ѣздѣ. Санки покрываются оленьими шкурами. Нарта больше приспособлена для перевозки домашняго скарба и тяжестей. Какъ санка такъ и нарта привязываются къ животнымъ кожаными поводками, свободно передвигающимися въ челнокахъ. На шею оленей одѣваютъ лямки съ петлями на концахъ, въ которыя продѣваютъ концы поводка. Спину оленя опоясываютъ широкимъ кожанымъ поясомъ, притянутымъ къ поводу, справа у пояса прицѣпляется костяной крючекъ—для поддержки возжа. Олений недоуздокъ дѣлаютъ изъ двухъ согнутыхъ подъ прямымъ угломъ костяныхъ дужекъ, связанныхъ ремнями. Недоуздокъ плотно охватываетъ лобъ оленя и завязывается подъ горломъ, къ нему привязывается длинная ременная возжа. Запрягаютъ оленей всегда по царѣ. Правятъ только передовымъ оленемъ, къ которому привязывается возжа, другой олень привязывается къ поясу передоваго. Для погонки оленей служатъ „хорей“, хорошо обдѣланный, тонкій длинный до 1½ сажень деревянный шестъ, къ тонкому концу котораго прикрѣпленъ шарикъ изъ кости мамонта или оленьяго рога, а на противоположный конецъ одѣвается конькообразный желѣзный наконечникъ. Перекочевки носятъ названіе „аргишей“, самый поѣздъ называютъ „аргишъ“ и разстояніе считаютъ аргишами т. е. дневными переѣздами. Неимѣющіе оленей мѣняють мѣста стоянокъ рѣже, причемъ сами идутъ на лыжахъ, а пожитки свои перевозятъ на собакахъ. Въ передвиженіяхъ юраки руководствуются покровомъ рѣки, застругами, сбитою корою съ деревьевъ, помятою вѣтромъ травой, звѣздами проч. Имѣють много условныхъ знаковъ,

напр. ущемленный сучек означает близость жилища, стрѣла, воткнутая остриемъ внизъ—близость поставленнаго снаряда, воткнутая стрѣла вверхъ означаетъ, что обитатель мѣстности уѣхалъ съ мѣста стоянки и проч. При передвиженіяхъ въ пути встрѣчается масса затрудненій по рѣкамъ, часто подъ слоемъ снѣга стоитъ вода, въ такомъ мѣстѣ ноги животныхъ и полозья экипажей обмерзаютъ, приходится скребать полозья и оббивать обледенѣлыя ноги животныхъ. Немалыми препятствіями бываютъ холода, отсутствіе топлива, въ такихъ случаяхъ доходятъ до того, что жгутъ срѣзанную шерсть оленя и этимъ отогрѣваютъ заоченѣвшіе руки; много мѣшаютъ переѣздамъ сильные вѣтра, которые сбиваютъ съ ногъ животныхъ и опрокидываютъ экипажи. Во время ужасныхъ сѣверныхъ пургъ юраки довѣряются тонкому чутью животныхъ, съ надеждою выѣхать въ безопасное мѣсто. Когда же ѣхать станетъ невозможно, то отпрягаютъ оленей, пускаютъ ихъ на волю, а сами ложатся въ снѣгъ; хлопья снѣга заносятъ ихъ, скотъ и экипажи. Въ такомъ положеніи остаются на все время пурги. Если же пурга съ сѣвернымъ, пронизывающимъ и леденящимъ вѣтромъ, то аргишу угрожаетъ серьезная опасность быть заживо погребеннымъ подъ обледенѣлымъ снѣгомъ. Но юраки отлично знаютъ время появленія пургъ, поэтому, въ большинствѣ случаевъ, избѣгаютъ аргинить передъ пургой, пережидая дурную погоду у домашнего очага, иногда даже и безъ топлива.

VIII.

Орудіе и Оружіе.—Употребленіе металловъ.

Стремленіе обезпечить свое существованіе, заставило юраковъ ревниво оберегать себя и даже вторгаться въ земли сосѣднихъ племенъ. Какъ видно изъ сохранившихся преданій, береговой родъ юраковъ почти все время находился въ хроническомъ враждебномъ отношеніи къ сосѣднимъ племенамъ, къ самоѣдо-остякамъ на р. Тазу и къ самоѣдамъ, русскимъ и долганамъ—на новой территоріи. Отношенія эти обострялись обидами и убійствами при взаимныхъ столкновеніяхъ, которыя, въ свою очередь, вы-

зываютъ мести: новыя убійства, нападенія, грабежи и прочее. Войны эти велись, какъ видно изъ преданій, тѣми же способами, какъ и охота: старались выслѣдить врага, какъ выслѣживаютъ дичь, устроить засады, употребить хитрость и проч. Между орудіемъ и оружіемъ, какъ и вообще на низшихъ ступеняхъ развитія, рѣзкаго различія не существовало и не существуетъ до сего времени. Лукъ, стрѣлы, отказы служили одинаково, какъ на войнѣ, такъ и на охотѣ, рыбной ловлѣ и. т. д. Даже и въ настоящее время при знакомствѣ съ металлами, употребленіе которыхъ позволяетъ разнообразить и приспособить орудія къ определенной цѣли, юраки остались при прежнемъ вооруженіи. Они имѣютъ: лукъ (теперь уже выходящій изъ употребленія), хорей съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, украшеннымъ искусной гравировкой, употреблявшійся какъ копье, отказы, топорь, ножи и въ недавняго времени кремневое оружіе. Топорь насаживаютъ на длинный, до 6 четвертей, деревянный черенъ. Ножи выдѣлываютъ изъ подпиковъ и остро оттачиваютъ на лѣвую сторону. Лукъ дѣлается изъ одного куска согнутаго дерева, размѣромъ до 2-хъ аршинъ; при стрѣльбѣ держатъ его вертикально, опускаясь на колѣни. Наконечники для стрѣлъ употребляются костяные или желѣзные, листообразные, вильчатые, шилообразные; вставляются они въ ращепъ древка и перевязываются, для крѣпости, бѣленьей жилой. Ранѣе юраки употребляли пращу, теперь она вышла изъ употребленія и сохраняется только въ дѣтскихъ играхъ, какъ переживание. Изъ преданій береговыхъ юраковъ видно, что они стремились почти всегда перехитрить врага, напасть на него врасплохъ, побѣгать направленными стрѣлами за деревьями, вѣтвями и прочее. Когда же запасъ стрѣлъ истощался, то они бросались въ рукопашныя схватки, въ которыхъ часто, за отсутствіемъ какого либо оружія, пускали въ ходъ зубы. Побѣду въ поединкахъ юраки приписываютъ своимъ шаманамъ. Появленіе металловъ дало толчекъ къ развитію ихъ матеріальной культуры. Какъ нужно полагать, береговые юраки перешли отъ камня и кости къ обработкѣ мѣди и, наконецъ, позднѣе къ желѣзу. Но подобный переходъ совершился благодаря вліянію живущихъ въ той же стадіи

сосѣднихъ народностей. На территории прежде и теперь занимаемой юраками, мѣди верѣчается на поверхности. Легкость обработки и позволила употреблять ее въ дѣло, больше всего на предметы украшеній. Переходъ отъ мѣди совершился также, благодаря вліянію живущихъ въ стадіи желѣзнаго вѣка сосѣдей. Преимущество желѣзныхъ издѣлій конечно, было замѣчено, и поэтому желѣзо начало вытѣснять мѣдь. Вытѣсненіе новымъ, удобнымъ матеріаломъ предшествующаго совершалось также постепенно. Не только мѣдныя, но и каменные издѣлія продолжаютъ существовать и въ настоящее время. Отсутствіе желѣзной руды на мѣстѣ помѣшало имъ научиться плавкѣ и они умѣютъ только ковать желѣзо. Орудія кузнечнаго мастерства у береговыхъ юраковъ первобытны: молотокъ, топоръ, щипцы и камень, замѣняющій наковальню. Мѣхъ дѣлается изъ шкуръ оленя и приводятъ его въ движеніе руками. Искусствоковки заимствовано, вѣроятно, у сосѣдей. Изъ желѣза береговые юраки особенно хорошо готовятъ ножи и топоры, оттачивая ихъ на одну лѣвую сторону, наконечники для хореевъ, скребки и буравы.

Въ отношеніи формы и украшеній, имѣющихъ религіозное значеніе, кузнецы проявляютъ много оригинальнаго вкуса, поэтому эти произведенія считаютъ священными предметами, обладающими чудодѣйственными силами.

Благородные металлы, въ жизни берегового рода юраковъ, не имѣютъ никакого значенія, если не принять во вниманіе слишкомъ ничтожное количество украшеній: колець, серегъ и прочее.

IX.

Украшенія. — Татуировка. — Деформація тѣла. — Орнаменты. — Скульптура.

Обычай украшать себя очень распространенъ у юраковъ берегового рода. Украшенія ихъ не являются исключительно пустымъ, немѣющимъ значенія хвастовствомъ, — нѣкоторыя изъ нихъ при крайне несовершенномъ производствѣ орудій развились въ довольно сложныя формы. Украшеніями пользуются, какъ мужчины такъ и женщины.

Детальное обследованіе и изученіе видовъ украшеній имѣетъ большой этнографическій интересъ. Оно можетъ освѣтить еще многіе остающіеся темные вопросы и открыть новую интересную сторону ихъ психики.

Береговой родъ юраковъ украшаетъ почти всѣ части тѣла. Снимаемая украшенія дѣлятся на украшения: головы, лица, носа, ушей, груди, рукъ, ногъ и проч.

Кромѣ обычныхъ украшеній у обоихъ половъ—ношенія серегъ, браслетовъ на рукахъ, однимъ изъ непремѣнныхъ украшеній у женщинъ является украшеніе шеи мѣдными обручами и цѣпами. У женщинъ вниманіе обращено на украшеніе платья.

Одежды украшаютъ разноцвѣтными полосками суконъ, четырехугольными и треугольными кусочками, чередуя кусочки мѣховъ, располагаютъ различными оттѣнками, стараются по возможности разнообразить орнаментъ вышивокъ бисеромъ. Женскія одежды болѣе украшены, сравнительно съ мужскими. Очевидно, что не однѣ практическія цѣли, а зародившееся чувство изящества заставляетъ береговыхъ юраковъ придавать нѣкоторую симметрію въ расположеніи украшеній и выбирать изъ имѣющагося матеріала то, что признается красивымъ. При этомъ проявляется богатая фантазія и индивидуальность*).

Переходнымъ типомъ отъ украшеній снимаемыхъ къ неснимаемымъ слѣдуетъ считать татуировку. Этотъ обычай возникъ изъ соображеній практическихъ. Съ развитіемъ культуры онъ постепенно исчезаетъ, вслѣдствіи развитія одежды и разнообразныхъ снимаемыхъ украшеній. Въ настоящее время къ татуировкѣ прибѣгаютъ исключительно при болѣзняхъ--напр., опухоли, что производится слѣдующимъ образомъ: натирается углемъ нитка, которая проводится подъ кожей, когда проходитъ воспаленіе, на кожѣ выступаютъ черно-синія линіи. Больные выносятъ эту операцію съ большою стойкостью. Этотъ способъ леченія часто примѣняютъ шаманы: въ этомъ случаѣ татуировка пріобрѣтаетъ уже религіозное значеніе. Къ числу постоянныхъ украшеній тѣ-

*) Насколько различно проявляется ихъ индивидуальность въ выборѣ украшеній, можно судить изъ собранной коллекціи украшеній и орнаментовъ поступившихъ въ музей Этнографіи и Антропологіи Императорской Академіи наукъ въ 1907—8 году отъ автора.

ла слѣдуетъ отнести деформацию отдѣльныхъ частей тѣла, напр. головы, ногъ и проч., можетъ быть этотъ обычай заимствованъ ими отъ тюркскихъ племенъ.

Въ часы досуга береговые юраки любятъ рисовать вырѣзывать изъ дерева различныя фигуры, при этомъ они стремятся удовлетворить исключительно собственному эстетическому чувству.*) Образцы гравированія на кости и произведенія скульптуры изъ дерева и кости мамонта, собранныя авторомъ для музея Антропологии и Этнографіи Императорской Академіи Наукъ въ 1907—8 году, представляютъ чрезвычайно интересный матеріалъ для изученія ихъ психологій, проявленій эстетическихъ запросовъ и способовъ ихъ удовлетворенія. По моей просьбѣ они очень охотно дѣлали карандашомъ рисунки на бумагѣ, хотя владѣли карандашомъ плохо, вырѣзывали на деревѣ человѣческія фигуры и изображенія животныхъ. Первые имъ удавались довольно плохо; эти первыя попытки кажутся грубыми, дѣтскими, но они во всякомъ случаѣ тѣ зародыши, которые можно разсматривать, какъ первоисточники ихъ искусства. Большое количество данныхъ свидѣтельствуетъ о широкомъ примѣненіи рисунка, они предпочитаютъ вырѣзывать рисунки на кости мамонтовой и рогъ сѣвернаго оленя. На деревѣ чаще всего изображаютъ: оленей, рыбъ, птицъ и рѣдко человѣка, всѣ эти рисунки, въ большинствѣ случаевъ, грубые—схематичные. На мамонтовой кости вырѣзываютъ различныя орнаменты, состоящіе изъ зигзаговъ, линій изображающихъ букву X, повторяющуюся нѣсколько разъ, волнистыхъ линій, фигуръ круга и треугольника, причемъ они вдохновляются окружающею фауною, съ которой вели и ведутъ постоянную борьбу, иногда въ мотивахъ ихъ встрѣчаются изображенія взятые и изъ окружающей флоры. Издѣлія изъ кости и дерева, изображаютъ какъ человѣка, такъ и животныхъ. Въ художественныхъ произведеніяхъ юраковъ не мало самостоятельнаго. На неопытный глазъ орнаменты ихъ представляютъ лишь комбинацію отдѣльныхъ линій, которыя при однообразіи кажутся геометрическими. Что-бы опредѣлить значеніе того

*) Объ этомъ можно судить по коллекціи, доставленной авторомъ въ Музей Антроп. и Этнографіи И. Ак. Наукъ.

или другого орнаментнаго мотива, надо вникать во внутренній смысл изображаемых фигуръ.

Тогда выясняется, что юраки видятъ въ своихъ орнаментахъ сходство, непонятное для насъ съ опредѣленными предметами, т. е. видятъ въ нихъ не то, что они дѣйствительно изображаютъ. Орнаментъ береговыхъ юраковъ носитъ рѣзкій геометрический характеръ, а между тѣмъ онъ ничего общаго съ нимъ не имѣетъ. При опросѣ о значеніи геометрическихъ фигуръ, всѣ они оказались стилизованными изображеніями животныхъ или отдѣльных частей ихъ. Напр. ромбъ съ зачерченными углами изображаетъ видъ рыбы, зигзаги, крестики, точки, оригинальные ромбы, прерывчатые меандры, квадраты, треугольники, круги — имѣютъ въ своей основѣ конкретные предметы, главныя и характерныя черты которыхъ стилизованы въ орнаментѣ. Большинство орнаментовъ изображаютъ, преимущественно, одни лишь части животныхъ.

Изъ упомянутыхъ образцовъ черпаютъ себѣ мотивы женщины для украшенія одежды. Этотъ видъ орнамента является условно — подражательнымъ.

Удовлетворяя свои эстетическія потребности, береговые юраки держатся при этомъ строго реальнаго направленія.

Какъ бы ни бѣдны казались орнаменты береговыхъ юраковъ, однако и въ нихъ видна уже степень сравнительнаго развитія первобытнаго искусства, имѣющаго свою долгую исторію. Изображенія человѣческихъ фигуръ, какъ видно, хотя бы изъ собранныхъ образцовъ на бумагѣ, довольно плохи; лицо en-face, на немъ обозначаетъ только носъ, глаза и ротъ. Руки свѣшиваются внизъ, пальцы отмѣчены штрихами. Имѣющіеся у автора рисунки людей, животныхъ, птицъ, орудія, сцены изъ ихъ жизни, говорятъ за то, что и въ данномъ случаѣ они остаются натуралистами. Сами фигуры большею частію миниатюрны.

Изображенія окрашиваютъ охрой или тертымъ углемъ, иногда смѣшивая его съ жиромъ. Окраска однотонна. Характеръ жизни, а главное окружающая фауна налагаетъ особый отпечатокъ на ихъ художественныя произведенія и искусство. Небольшія скульптурныя произведенія изъ дерева и кости представляютъ собою животныхъ и людей. Последнія изображенія не могутъ быть названы особенно удачными,

тогда какъ первыя сравнительно съ большей точностью изображаютъ рыбъ, собакъ, лисицъ, оленей, птицъ—словомъ всѣхъ представителей фауны, съ которыми имъ приходится сталкиваться, причемъ, умѣютъ въ такихъ произведеніяхъ выразить характерныя черты даннаго животнаго, типичную, для него позу и прочее. Довольно интересны разныя изображенія идоловъ. Вообще объектами изображеній юраковъ берегового рода, служить, почти исключительно, фауна, мотивы же взятые изъ растительнаго царства встрѣчаются только въ орнаментахъ на одеждахъ, что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что украшенія къ одеждамъ готовятъ исключительно женщины, которыя больше знакомы съ флорой и изъ нея черпаютъ мотивы для своихъ орнаментовъ, мужчины же, занимаясь охотой, прекрасно знаютъ внѣшность и привычки животныхъ и то, что они видятъ часто, что имъ бросается въ глаза и служить имъ мотивами для изображеній, почему въ орнаментахъ на деревѣ и кости мотивы изъ растительнаго царства совершенно отсутствуютъ. Въ общемъ, какъ не общедоступны и какъ ни просты рисунки и орнаменты береговыхъ юраковъ, но они обнаруживаютъ удивительную вѣрность глаза, огромную наблюдательность и твердость руки.

Характерной чертой искусства берегового рода юраковъ является то обстоятельство, что оно составляетъ общее достояніе, а недостояніе только отдѣльныхъ лицъ, хотя есть и между ними лица, работы которыхъ лучше другихъ, но рисовать и вырѣзывать они умѣютъ безусловно всѣ.

Х Семейный бытъ.—Калымъ.—Сватовство и свадьба.—Роды. Болѣзни. Смерть—и погребеніе.

Живутъ юраки отдѣльными чумами, при чемъ въ одномъ чуму помѣщается не всегда одна семья, бываетъ по двѣ и по три семьи вмѣстѣ. Отецъ пользуется неограниченною властью—жену, дѣтей онъ имѣетъ право продать или даже убить—семья собственность. Болѣе состоятельные имѣютъ по нѣсколько женъ,—которыя живутъ въ одномъ чуму, старшая уважается. Иногда юраки вымѣниваютъ себѣ женъ

на родныхъ сестеръ или племянницъ. По смерти старшаго брата жена переходитъ въ собственность къ младшему брату, а средніе не имѣютъ на это права. При женитьбѣ обязательенъ калымъ.

Обычная сумма калыма 5—10 оленей, лисица, песецъ, два волка и росомаха. Невѣста должна быть не моложе 10 лѣтъ. Сожительство жениха съ невѣстой не возбраняютъ. Съ передачей дочери жениху прекращается всякая власть отца надъ ней.

Задумавъ жениться, юракъ засылаетъ свата; послѣдній, вооружившись посохомъ, —пріѣзжаетъ въ чумъ невѣсты и подноситъ подарокъ волка или лисицу.

Понявъ въ чемъ дѣло, хозяинъ или отказывается или принимаетъ дары; въ послѣднемъ случаѣ свать на другой день снова даритъ родителей и невѣсту, объявляя положительную цѣль своего пріѣзда. Условившись о калымѣ—свать оставляетъ посохъ и возвращается къ жениху. Но прежде чѣмъ зайти въ чумъ невѣсты, свать спрашиваетъ, много-ли нужно заплатить за право входа. Назначенныхъ въ калымъ оленей свать приводитъ на длинномъ ремнѣ,—впереди всегда олени лучшіе. Бываетъ такъ, что калымъ уплачиваютъ въ 3 и въ 5 лѣтъ.

Выдавая дочь, родители не спрашиваютъ ея согласія, а выдаютъ по своему усмотрѣнію; иногда женихъ, заплативъ калымъ, увозитъ невѣсту привязанной къ санкѣ. По окончательномъ сговорѣ, въ назначенный день достаточная невѣста въ лучшемъ уборѣ, съ покрытой головой, въ сопровожденіи матери и свата, пріѣхавъ къ жениху, ставитъ особый чумъ, который объѣзжаетъ три раза, и если изъ упряжи ничего не порвется, то молодые будутъ жить счастливо. Въ этомъ чуму молодые и проводятъ первую брачную ночь. Иногда эта ночь проводится въ чуму родителей. Постель и платье должны быть новые. Невѣста ложится подъ одѣяло, куда присоединяется и женихъ, если же невѣста не раздѣвается, то значитъ, ей не нравится женихъ. Когда невѣста оказывается цѣломудренной, то мужъ даритъ тещу хорошею лисицею и отвозитъ ее къ ея жилищу на лучшихъ бѣлыхъ оленяхъ; въ противномъ случаѣ, тещу отправляютъ домой на одномъ оленѣ, въ плохой нартѣ, покрытой лохмотьями старой одежды. Но дочери, въ общемъ,

мало заботятся о сохраненіи невинности. Послѣ брачной ночи женихъ угощаетъ родню своей жены лучшими кушаньями.

Дѣвушка, за которую платятъ дорогой калымъ, приноситъ мужу необходимую для хозяйства посуду, достаточное количество съѣстныхъ припасовъ, санку съ тремя оленями и пару новаго платья для мужа.

Иногда отецъ, имѣя двухъ дочерей, предоставляетъ право получить калымъ своему старшему сыну. По выходѣ замужъ молодая только черезъ годъ можетъ посѣтить родителей и родственниковъ. Если жена бесплодна, то мужъ можетъ бросить ее и жениться на другой, а оставленная юрочка вновь можетъ выйти замужъ и если у ней стануть рождаться дѣти, тогда первый мужъ ея требуетъ отъ новаго сожителя уплаты калыма.

Предчувствуя роды, жена заранѣе говоритъ объ этомъ мужу, который немедленно приглашаетъ бабку (не), послѣдняя съ помощью другихъ женщинъ ставитъ для родильницы особый чумъ, въ который и увозитъ роженицу. Прежде всего бабка не даетъ спать и лежать роженицѣ, а старается ее держать на ногахъ, а иногда на колѣняхъ, подвязавъ ремнемъ подъ мышки, концы же ремня укрѣпляютъ къ чумовымъ шестамъ, въ такомъ положеніи оставляютъ ее до разрѣшенія отъ бремени. Пуповину у младенца отрѣзаетъ отецъ, а ножъ, употребляемый для этого, идетъ въ даръ бабкѣ. Роженица считается нечистой, лежитъ у дверей чума, принимаетъ пищу изъ рукъ бабки до 4-хъ дней, послѣ чего роженица раздѣвается до ноги, переходитъ черезъ разведенный огонь, принимаетъ отъ мужа новое платье, а старое сжигается. Пока не отпадетъ пупъ у новорожденнаго ребенка - отецъ не тронется съ мѣста. Ребенка помѣщаютъ въ зыбку (bèbe). Если случатся роды зимою, то бабка новорожденнаго ребенка катаетъ по снѣгу, чтобъ лучше терпѣль стужу. По очищеніи черезъ огонь женщина можетъ опять участвовать въ общихъ домашнихъ работахъ и переходить въ общій чумъ. Во время мѣсячныхъ очищеній женщина ничего не дѣлаетъ для мужа, когда же окурить себя дымомъ богульника, то снова раздѣляетъ его ложе. Въ только что поставленный чумъ женщина первая не можетъ входить, не позволяется ей также и обходить вокругъ чума, ѣсть оленью

голову, переходить черезъ дорогу, перешагивать черезъ сбрую, принадлежности мужской одежды и промысла.

Лѣченіе болѣзней большею частью производитъ шаманъ. При этомъ ставятъ идола, приносятъ ему кровавыя жертвы, а кровью убитаго животнаго мажутъ больного. Во время эпидемій—запрещается громкій разговоръ и игры. Болѣзни, по мнѣнію береговыхъ юраковъ, это—духи злые; дѣлятся они на собственные и русскіе—послѣдніе не уловимы и не поддаются лѣченію даже и шамановъ.

Покойника называетъ бодырба—сначала его трясутъ, приподнимаютъ и крикомъ стараются вызвать къ жизни, затѣмъ обмываютъ, а сомкнутые глаза покойного покрываютъ лоскутомъ ровдуги, на которомъ противъ глазъ нашиваютъ два крупныхъ бисера.

Одѣваютъ покойника въ лучшія одежды, увертываютъ въ оленьи шкуры и увязываютъ плетеными ремнями. Выносятъ изъ чума не въ дверь, а въ особое отверстіе въ западную сторону, на полночь, ногами впередъ. Дѣти и женщины не участвуютъ въ похоронахъ. Покойника кладутъ на священную санку, на которой возились его идолы и отвозятъ подальше отъ чума. Хоронятъ покойника на особо устроенный для него лабазъ, лицомъ къ землѣ и головой на полночь. Съ покойникомъ кладутъ различныя принадлежности его домашняго обихода при жизни, въ поломанномъ видѣ. Сверху покойникъ заваливается хворостомъ. Олени, на которыхъ везли покойника, тутъ же убиваются ударомъ топора по лбу, въ бока и взадъ втыкаютъ по три деревянныхъ кола, головы ихъ вытягиваютъ назадъ, а ноги подгибаютъ, санки оборачиваютъ вверхъ полозьями и надкалываютъ ихъ; хорей втыкаютъ въ землю, привязывая къ нему колокольчикъ. При похоронахъ женщины соблюдаютъ тѣ же обряды, только оленей убиваютъ больше. Всѣ участники въ похоронахъ непременно окуриваются дымомъ. Чтобы уничтожить всякія опасности, часто приглашается шаманъ. Передъ разведеннымъ огнемъ у чума, по возвращеніи съ похоронъ, шаманъ—камлаетъ. Смысль этого шаманства заключается въ просьбѣ къ покойнику, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ сородичей. Въ заключеніе—шаманъ обходитъ огонь три раза, колотитъ надъ нимъ въ бубенъ и дуетъ, а участвовавшіе въ похоронахъ въ этотъ моментъ бросаютъ

въ огонь свои рукавицы, топорыща и проч. вещи, имѣвшія прикосновеніе къ покойнику. Послѣ этого имя покойника никогда не упоминаютъ—осмѣлившійся считается врагомъ своего рода. Въ память по усопшемъ не подвязываютъ, нѣсколько времени, ремни у бокарей, а вдовы, сверхъ обыкновенныхъ двухъ косъ, на всю жизнь на вискъ носятъ прядь волосъ не заплетая. Послѣ похороновъ тотчасъ снимаются съ мѣста и только черезъ годъ навѣщаютъ могилу, привозя съ собой новую одежду для покойнаго.

На другой годъ приносятъ покойнику оленій жиръ, а на третій годъ, не доѣзжая до могилы (біба), пускаютъ въ нее по стрѣлѣ и больше никогда не навѣщаютъ покойника (халимер).

XI.

Религіозныя міровозрѣнія. Шаманство.

Около 300-тъ лѣтъ береговой родъ юраковъ обложенъ ясакомъ и около 100 лѣтъ, какъ принялъ христіанство, но тѣмъ не менѣе, до настоящаго времени не утратилъ своихъ вѣрованій и обычаевъ, принесенныхъ имъ съ далекой прародины. Правда, его міровозрѣнія и обычаи ослабли, утратились, но, во всякомъ случаѣ, причиной тому было не одно только христіанство. Последнее не вырвало міровозрѣній береговыхъ юраковъ изъ той связи, въ которой они не менѣе разумны, чѣмъ абсолютная религія.

По міровозрѣнію своему юраки анимисты. Вселенную они обозначаютъ словомъ ја. Человѣка подобнаго бога хе́хе. Имъ неизвѣстно что такое добродѣтель и вообще моральныя понятія въ философскомъ смыслѣ.

Всякій предметъ чѣмъ либо выдающійся есть мѣсто присутствующаго божества, независимо отъ хозяина.

Все хорошее, благопріятное человѣку объединено словомъ садо, а неблагопріятное о́јо. Все доброе приписывается хе́хе или Нум—на́ра, а вредное ра́пиде—нум. Верховное божество юраковъ хе́хе или Нум—на́ра—мѣстопребываніе его на небѣ. Небо—нум. Небесъ насчитываютъ шесть. На первомъ небѣ, думаютъ они, находятся озера, на второмъ все

лайды¹⁾, на третьемъ небѣ сплошныя сопки, на четвертомъ кругомъ ледъ, отъ котораго висятъ ледяныя сосульки, на пятомъ небѣ есть огромное озеро, изъ котораго вытекаетъ Енисей, а на шестомъ пребываетъ верховное божество—Нум—на́ра.

Солнце хăјар—sáli—божество. Луна іры также божество. Про луну у юраковъ существуетъ слѣдующее преданіе: „давно, одинъ большой (великій) шаманъ—вздумалъ вступить въ единобожество съ луною, но едва до нея коснулся, какъ прильнулъ къ ней вмѣстѣ съ бубномъ; изображеніе шамана на лунѣ видно и въ настоящее время“... Ущербъ этой планеты юраки объясняютъ похищеніемъ ея подземнымъ дьяволомъ сыр нанта. Земля ја—божество. Земля имѣетъ такое же раздѣленіе, какъ и небо, также считаютъ шесть земель, отдѣленныхъ другъ отъ друга водою, самый нижній слой земли—ледъ. Въ подземномъ царствѣ обитаютъ: на второй землѣ сыр нăнту, на третьей землѣ Si-mu kontyà, на четвертой fiyella—послѣдніе два имѣютъ образъ женщины, simu kontya одержима lidibo nimia состоитъ изъ глины, лежитъ на спинѣ, разставивъ ноги, всегда готовая для coitus. Кромѣ означенныхъ подземныхъ божествъ подземное царство населено множествомъ вредныхъ духовъ чело́вкоподобныхъ и звѣроподобныхъ. Утренняя и вечерняя зори также божества. Млечный путь береговые юраки называютъ Нум—мо́на т. е. божья спина. Полярную звѣзду называютъ нуа мынта или Нуа міа, т. е. божій гвоздь. Большая медвѣдица у нихъ носитъ названіе fôpede. Нѣкоторыя явленія природы они объясняютъ такъ: громъ—это полетъ дьявола ка́је, который весь состоитъ изъ желѣза, а отъ его чиханія является дождь. Сѣверное сіяніе—дѣнду—происходитъ отъ сильнаго морского волненія, во время прихода рыбы. Мамонтъ кіпа́на—копая рогами понадѣлалъ овраги, а тяжестью своей продавилъ землю, почему образовались озера и рѣчушки. Теперь мамонтъ ушелъ въ землю и тамъ обитаетъ. Происхожденіемъ міра, равно какъ и чело́вка, береговые юраки не интересуются. Основой для зарожденія религіозныхъ вѣрованій служить реальный міръ.

Одними изъ главныхъ божествъ считаются божества родовые—изображеніе родовыхъ божествъ sadaí ху́пинада

¹⁾ Перелѣсья.

имѣются обязательно у каждого юрака—это домашнія родовыя божества. Каждый юракъ дѣлаетъ себѣ болванчика, одѣваетъ его въ одежды—это покровитель. На каждый новый мѣсяцъ они кормятъ идола жиромъ чистаго животнаго; случается, что вмѣсто болванчика чтится какой нибудь обрубокъ, камень и прочее. Въ этомъ случаѣ они до сего времени не отличаютъ духовъ отъ матеріальныхъ божествъ, такъ какъ такое изображеніе и есть именно божество,— божество въ изображеніи, божество существуетъ нераздѣльно съ изображеніемъ его. Огонь „ту“—божество доброе, мужескаго пола. Кромѣ всѣхъ этихъ божествъ у юраковъ существуетъ поклоненіе животнымъ,— сюда относится медвѣдь (орка) тотемное животное, къ которому юраки относятся съ паническимъ страхомъ и въ тоже время съ уваженіемъ, оказывая медвѣдю—почести пляской и пѣснями, устраивая въ честь его торжества. Клятва именемъ медвѣдя одна изъ самыхъ сильныхъ. Почитаются и хищныя птицы, напр. орелъ имѣетъ опредѣленное отношеніе къ религіознымъ вѣрованіямъ юраковъ.

Новорожденнымъ выбираютъ имена по какимъ либо особенностямъ въ самомъ ребенкѣ или въ событіяхъ, совпавшихъ съ появленіемъ его на свѣтъ, что привело ихъ къ признанію нѣкоторыхъ животныхъ покровителями.

Шаманъ юрацкій *tádahe*. Шаманство у юраковъ берегового рода передается по наслѣдству. Безъ шамана юраки не обходятся ни въ одномъ важномъ случаѣ въ жизни, напр. при рыбномъ промыслѣ, при рожденіи ребенка, похоронахъ, свадьбахъ, а также и болѣзняхъ, гдѣ шаманы, стараясь умиловить злыхъ духовъ, приносятъ имъ жертвы. Жертвы бываютъ двухъ родовъ—кровавыя и безкровныя. Кровавыя жертвы приносятся всѣмъ божествамъ, за исключеніемъ верховнаго человекоподобнаго божества. Жертвы имѣютъ характеръ умиловленія, обмѣна, сдѣлки. Между шаманомъ и духомъ обыкновенно бываетъ сдѣлка, во время которой шаманъ старается перехитрить различными способами и взять душу больного взаменъ же даетъ душу животного. Душа *jda*, жизнь *maida*; душа *jda* — съѣдобна. Прежде чѣмъ шаманить (*sambutòrshê*) шаманъ *tádahe* продѣлываетъ нѣкоторыя испытанія на себѣ, а затѣмъ уже приступаетъ къ шаманству. Бубень юрацкаго шамана

вается пѣнтер. При смерти шамана приглашается шаманъ, который возвращаясь съ погребенія, оставляет на караулъ духовъ, на обязанности которыхъ лежитъ не пропускать этой дорогой обратно умершаго шамана.

Смерть происходитъ отъ того, что человѣка похищаетъ діаволъ, чтобы съѣсть его душу. Загробный міръ реальный. Родину свою они переносятъ въ жизнь загробную ни чуть не измѣняя ея дѣйствительной природы—прямая противоположность того фантастическаго спиритуализма, который въ человѣкѣ видитъ „какого то бродягу, равнодушнаго къ землѣ и перебѣгающаго отъ одной здѣзды къ другой“. ¹⁾ Будущая жизнь таже, что и настоящая—непрестанность дѣйствительной жизни.

По характеру береговой юракъ довольно скупъ и негостепріименъ. Взаимопомощь же весьма развита.

Въ пѣсняхъ юраковъ много поэзіи, а въ сказкахъ говорится о междоусобныхъ войнахъ, богатыряхъ, въ числѣ которыхъ были и женщины.

¹⁾ Фейербахъ.

П р и л о ж е н і е.

Литературные источники по этнографіи Туруханскаго края.

- 1) Паткановъ „О приростѣ инород. населенія Сибири“. Изд. Импер. Акад. Наукъ 1911 г.
 - 2) Семеновъ „Географо-статист. словарь“.
 - 3) „Иъвѣст. Архангел. Общ. изученія русскаго сѣвера“. 1809 г.
 - 4) Кривошапкинъ „Енисейскій округъ и его жизнь“. СПб. 1865 г.
 - 5) Миддендорфъ, А. „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“.
 - 6) Третьяковъ „Туруханскій край, его природа и жизнь“. Зап. Импер. Рус. Географ. О-ва, т. II 1869 г.
 - 7) Шашковъ „Сибир. инородцы въ XIX ст.“ („Истор. этюды“ т. II стр. 169—292).
 - 8) Ядрищевъ „Сибир. инородцы“. 1891 г.
 - 9) Абрамовъ „Березовскій край“. (Зап. Импер. Русскаго Географ. О-ва, XII, 1859 г.)
 - 10) Якобій „Остяки сѣверной части Тобольской губ.“ (ежегодникъ Тобольскаго музея, IX).
 - 11) Дунинъ-Горковичъ „Тобольскій сѣверъ“. 1904 г.
 - 12) Степановъ „Енисейская губернія“, 1835 г.
 - 13) А. Castren „Reiseberichte u. Briefe aus d. J. 1845—49, 1865 г.
 - 14) Radlof „Aus Sibirien“ 1893 г.
-

Г. Е. Катанаевъ.

Н. И. Потанинъ

**и его русскіе предшественники по развѣдкамъ въ
киргизскихъ степяхъ и Средней Азіи.**

Извѣстный своимъ путешествіемъ въ Кокандское ханство Хорунжій Николай Ильичъ Потанинъ (отецъ еще болѣе извѣстнаго сибирскаго публициста, ученаго и путешественника по Китаю и Монголіи Григорья Николаевича Потанина) былъ родомъ также сибирякъ и сословный казакъ Сибирскаго казачьяго войска. Изъ послужнаго его списка, сохранившагося въ Омскихъ архивахъ, видно, что и онъ былъ самъ казакъ-же редута Островнаго Петропавловскаго уѣзда; родился въ 1801 году и обучался (повидимому не закончивъ курса) въ Войсковомъ училищѣ сибирскаго войска въ Омскѣ (что нынѣ 1-й Сибирскій кадетскій корпусъ), откуда выпущенъ въ 1816 году казакомъ въ конно-артиллерійскую бригаду своего войска.

Въ 1821 году произведенъ въ урядники, въ 1822 г. въ прапорщики съ переводомъ во 2-й конный полкъ того-же войска, а въ 1828 году переименованъ въ Хорунжіе. За время обученія въ войсковомъ училищѣ (какъ видно изъ того-же послужнаго списка) усвоилъ: Законъ Божій, русскую исторію и географію, ариметыку, алгебру („до пропорцій гармоническихъ“), геометрію, тригонометрію, грамматику („до сопряженія глаголовъ“), практику, т. е. военную топографію, артиллерію (задачи), фортификацію долговременную, ситуацию перомъ, рисованіе и фортификаціонное, артиллерійское и архитектурное черченіе перомъ и кистью.

Строевую службу относилъ въ киргизской степи, по возвращеніи откуда въ 1829 году, былъ командированъ съ однимъ урядникомъ и 12-ю казаками въ городъ Кокандъ для сопровожденія Кокандскаго посольства, возвращавшаго-

ся изъ Петербурга черезъ киргизскія степи сибирскаго вѣдомства въ свои предѣлы. Во время слѣдованія посольства отъ линіи русскихъ поселеній на Иртышѣ до самой столицы ханства, молодому казацкому офицеру поручено было наблюдать за всѣмъ заслуживающимъ вниманія и записывая въ путевой дневникъ, представить по возвращеніи изъ командировки письменный отчетъ и маршрутную съемку съ описаніемъ пути.

Несмотря на малую подготовленность къ выполненію столь серьезной задачи и знакомство съ русской „грамматикою“ лишь до „сопряженія глаголовъ“ (какъ значилось въ его послужномъ спискѣ) даровитый офицеръ выполнилъ возложенное на него важное порученіе блестяще. — „Записка“ о путешествіи въ Кокандъ, представленная имъ въ 1830 году своему начальству, по полнотѣ наблюденій и литературности изложенія обратила на себя общее вниманіе. Въ подлинникъ она представлена была въ Военное Министерство, а копии съ нея сообщены въ Министерство иностранныхъ дѣлъ и Оренбургскому генералъ-губернатору.

Въ томъ-же году она полностью напечатана была въ „Военномъ Журналѣ“. — Въ 1856 году въ виду научной ея цѣнности и крайней ограниченности распространенія этого спеціальнаго журнала въ публикѣ перепечатана въ „Вѣстникѣ Императ. Русск. Географ. Общ.“ (кн. VI), съ нѣкоторыми несущественными измѣненіями, главнымъ образомъ редакціоннаго характера.

Приложенные къ Запискѣ — „Маршрутъ движенія отряда отъ Семипалатинска чрезъ киргизскую степь до города Кокана“ и „Описаніе военно-топографическое“ того-же пути, не обратили на себя такого-же вниманія какъ „Записка“ и по настоящее время въ копіи хранятся въ одномъ изъ дѣлъ Архива Штаба Омскаго военнаго округа. — Маршрутная карта пути слѣдованія Потанина, составленная и начерченная имъ самимъ, почему-то попала въ библіотеку Императ. Русск. Географич. Общества въ Петроградѣ, гдѣ и хранится по настоящее время.

Нынѣ Западно-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества, посвящая очередную книжку своихъ „Записокъ“ чествуемому въ этотъ годъ по случаю восьмидесятилѣтія рожденія почетному своему члену Григорію Николаевичу

Потанину, постановилъ включить въ эту книжку вновь перепечатаваемую съ подлинника „Записку“ его отца Николая Ильича, — съ присовокупленіемъ къ ней нѣсколькихъ выносокъ или примѣчаній автора настоящихъ строкъ къ тѣмъ мѣстамъ Потанинской записки, которыя признавалось полезнымъ дополнить или пояснить въ связи съ имѣющимися по этимъ пунктамъ новѣйшими свѣдѣніями.

Впервые также печатаются въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ, только что помянутыя приложенія къ Запискѣ — „Маршрутъ“ и „Описаніе“. Измѣненіе вызвано неудобствомъ и несоотвѣтствіемъ формъ этихъ приложеній, принаровленныхъ къ специально даннымъ путешественнику военнымъ вѣдомствомъ задачамъ, тѣмъ историко-географическимъ даннымъ, которыя интересуютъ Географическій Отдѣлъ. Измѣнена собственно форма, а не содержаніе, изъ котораго выкинуты только многочисленныя повторенія (обусловленныя формой вѣдомости) и данныя чисто военного характера для Отдѣла значенія не имѣющія. Интересующіеся подлинниками могутъ видѣть ихъ въ Архивѣ Омскаго Окружнаго Штаба: Раздѣлъ I-й, разрядъ III, по описи № 232.

Поѣздка Хорунжаго Потанина въ Кокандъ, по свѣдѣніямъ, которыя она даетъ и обстоятельствамъ при которыхъ была свершена, не утратила своего научнаго значенія и въ настоящее время. Она и теперь представляетъ цѣнный вкладъ въ сравнительно небольшую сокровищницу нашихъ историко-географическихъ свѣдѣній о киргизскихъ степяхъ и среднеазіатскихъ ханствахъ до присоединенія ихъ къ Россіи, особенно если свѣдѣнія, сообщаемыя потанинской запиской, сравнить и дополнить таковыми-же свѣдѣніями, добытыми другими нашими путешественниками за время предшествовавшее его поѣздкѣ въ Кокандъ.

Справедливость требуетъ сказать, что какъ ни мало любознательны и предпримчивы были русскіе люди въ отношеніи своихъ сосѣдей въ средней Азіи, они и въ старину не были для нихъ совершенною неизвѣстностью. Торговые караваны и посольства туда и обратно не были въ рѣдкость и въ давно прошедшія времена.

Особенно участившись они, когда мы благодаря старанію и предвидѣнію Великаго Петра и Екатерины, стали къ средне-азіатскимъ ханствамъ въ непосредственную близость.

Въ подготовляемомъ для напечатанія въ Запискахъ Зап.-Сиб. Отдѣла Географическаго общества изслѣдованіи моемъ „Киргизскія степи, Средняя Азія и Сѣверный Китай, по развѣдкамъ Сибирскихъ служилыхъ людей“ — мною въ свое время будетъ подробно указано на интересныя въ научномъ отношеніи экспедиціи этого рода, — здѣсь же я кратко коснусь лишь времени непосредственно предшествовавшаго путешествію въ Кокандъ Хорунжаго Потанина. Въ вступленіи къ названному изслѣдованію говорилось уже, что Западно-Сибирское высшее начальство, какъ въ воеводское, такъ и въ послѣдующее время, не упуская случаевъ провѣдать о „новыхъ земляхъ“ и „заграничныхъ обстоятельствахъ“ весьма широко пользовалось для этого послугами мѣстныхъ служилыхъ людей, особенно казаковъ, составлявшихъ въ первые столѣтія занятія Сибири русскими главную воинскую нашу силу въ краѣ. — Припомнимъ экспедиціи этого рода въ XVII столѣтіи: Тарскаго казацкаго атамана Василья Тюменца (1616—1618) къ Алтынъ — хану монгольскому; Томскаго казака Ивана Петлина (1618—1620 г.) въ Монголію и Китай; Тобольскаго атамана Грозы Иванова (1626—1628 г.) въ верховья Иртыша; Кузнецкаго атамана Дорофѣева (1639—1642) на Телецкое озеро и въ верховья р. р. Бій и Катуні; тарскаго сына боярскаго Байкова и вслѣдъ за нимъ казаковъ Малинина и Перфильева, прослѣдовавшихъ вдоль Чернаго Иртыша чрезъ Монголію въ Пекинъ; Гречанина и Старкова съ томскими атаманами и казаками въ верховья р. Енисея въ Монголію; тобольскихъ казаковъ Скибина, Трошина и Кобякова свершившихъ въ 1692—1696 г. г. полный приключеній кружный путь отъ Тобольска степями на Туркестанъ, Ташкентъ, Бухару, Хиву, Аюки-хановы улусы на Яикъ и обратно чрезъ Уфу на Тобольскъ.

Провѣдывая „новыя земли“ и „заграничныя обстоятельства“ — эти западно — сибирскіе землепроходцы независимо отъ оказанныхъ ими за это время мужества, выносливости и искусства въ выполненіи возложенныхъ на нихъ практическихъ служебныхъ задачъ, оставили въ назиданіе потомству не мало полныхъ интереса „доѣзжихъ записей“ — „статейныхъ списковъ“ — и „сказокъ“, рисующихъ положеніе тогдашнихъ дѣлъ и природу пройденныхъ ими „землицъ“. — На основаніи этихъ записей и сказокъ составленъ

въ концѣ XVII столѣтія въ Tobольскѣ боярскимъ сыномъ Ремезовымъ и дошедшій до насъ историческій памятникъ глубокаго научнаго интереса—„Чертежная книга Сибири“ одинъ изъ 18-ти листовъ, который, носящій названіе—„Чертежъ земли всей безводной и малопроездной каменной степи“,—изображаетъ собою все пространство, занимаемое нынѣ киргизскими, барабанскою и кулундинскою степями, бывшими ханствами средней Азии, Джунгаріи и почти всю Монголію.

Съ нѣсколько меньшею, но столь-же постоянною энергіей продолжается дѣло провѣдыванія заграничныхъ обстоятельствъ и въ слѣдующемъ XVIII столѣтіи, касаясь главнымъ образомъ—Джунгаріи и киргизъ кайсацкихъ степей. На ряду съ выписными академиками—нѣмцами Миллеромъ, Гмеленомъ, Палласомъ, Георги и Фалькомъ, работавшими главнымъ образомъ въ русской и инородческой Сибири, на окраинахъ послѣдней работали и русскіе люди: служилый дворянинъ Трушниковъ ѣздивъ въ страну тангутъ, Лихаревъ и Колмаковъ на Зайсанъ и Черный Иртышъ, Унковскій и Угрюмовъ къ Джунгарскому контайшѣ, Брянцевъ и Бѣлоусовъ въ Туркестанъ, тарскій казацкій голова Иванъ Чередовъ (1715—1720 г.) двукратно къ тому-же контайшѣ Джунгарскому; братъ его атаманъ Василій Чередовъ туда же (1717 г.), сотникъ Ерофѣевъ (1745 г.) въ ставку средней кайсацкой орды Аблай-хана на р. Нуру; атаманъ Григорій Волошанинъ (1769—1774 г.) въ Джунгарію и Китай; атаманъ Телятниковъ въ киргизскія степи (1789 г.) для прискаканія полезныхъ ископаемыхъ и въ Ташкентъ въ 1797 году. Наблюденія и подробныя записи Ивана Чередова, Унковскаго и Волошанина имѣютъ и доселѣ глубокій историко-географическій интересъ. Въ ученомъ архивѣ Главнаго Штаба хранится весьма интересная карта пути слѣдованія Волошанина въ Кульджу и всего При-Иртышско-Илійскаго края.

Начало XIX столѣтія было временемъ наибольшаго оживленія сношеній Западно-Сибирскихъ властей съ средне-азіатскими ханствами.—Послѣ столѣтняго почти „стоянія“ на условной грани Сибири съ степью, числившейся принадлежностью киргизъ-кайсаковъ, правительство наше рѣ-

шило въ эти года присоединить эти степи и самихъ киргизъ къ Россіи.

Началось съ свободнаго безданнаго пропуска средне-азіатскихъ торговыхъ каравановъ черезъ киргизскія степи въ Семипалатинскъ и Петропавловскъ и обратно,—подъ конвоемъ казаковъ. Одновременно съ пропускомъ каравановъ участилась и посылка съ нашей стороны служилыхъ „развѣдчиковъ о заграничныхъ обстоятельствахъ“ подъ видомъ конвоировъ, а со стороны ханствъ посольствъ, нерѣдко проникавшихъ до самаго Петербурга.—Чаще всего нашими развѣдчиками въ этихъ случаяхъ являлась и теперь какъ въ старину тѣ же казаки, въ началѣ XIX столѣтія сформированные на регулярный образецъ, въ одно „Сибирское линейное казачье войско“.—Благодаря открытію въ Омскѣ въ 1787 г. для дѣтей казаковъ такъ называемаго Азіатскаго училища (съ преподаваніемъ въ немъ татарскаго, арабскаго и персидскаго языковъ), а въ 1813 году Войскового училища (нынѣ кадетскій корпусъ) съ образованіемъ при немъ отдѣленія для подготовки военныхъ топографовъ, западно-сибирское начальство получило въ это время возможность имѣть въ лицѣ мѣстныхъ казаковъ, и достаточно образованныхъ офицеровъ, и урядниковъ и свѣдущихъ съемщиковъ и толмачей и переводчиковъ съ среднеазіатскихъ языковъ; на киргизскомъ же языкѣ говорили можно сказать всѣ тогдашніе линейные казаки. Не мудрено по этому что за всю первую четверть прошлаго столѣтія казаковъ мы видимъ не только въ составѣ конвоировъ торговыхъ каравановъ и переводчиковъ мѣстныхъ языковъ, но и во главѣ цѣлыхъ экспедицій и посольствъ въ Кульджу, Кашгаръ, Туркестанъ, Ташкентъ, Бухару, Кокандъ и даже Кашмиръ. Не говоримъ, пока, о военныхъ экспедиціяхъ и поискахъ въ степь которые съ введеніемъ въ степи положеній о Сибирскихъ киргизахъ 1822 года и обложеніемъ послѣднихъ ясакомъ въ доходъ русской казны, сдѣлались постоянными и исполнялись исключительно тѣми-же казаками.

Укажемъ на болѣе важныя по научнымъ результатамъ экспедицій, посольства и командировки, въ которыхъ за это время участвовали казаки. Такова была въ 1800 году поѣздка унтеръ-шихтмейстера Бурнашова и переводчика Безпосикова въ Ташкентъ. Еще въ 1794 году они-же пота-

еннымъ образомъ, въ сопровожденіи переодѣтыхъ киргизами нѣсколькихъ казаковъ, побывали въ Бухарѣ, прослѣдовавъ туда изъ Омска степью на Троицкъ, Тургай, Сары-су, Куванъ-Дарью, Яны-Дарью, и пески Кызыль-Кумы, вынуждены были возвратиться не достигнувъ Ташкентъ и не закончивъ возложеннаго на нихъ порученія по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Повторивъ свою поѣздку въ 1800 г. другимъ путемъ огъ Семіарской станицы сѣвернѣе Балхаша черезъ р. Чу и Туркестанъ они благополучно достигли Ташкента, и ласково принятые тогдашнимъ ташкентскимъ владѣльцемъ Юнусъ-ходжей, пробыли въ его владѣніяхъ три мѣсяца и благополучно возвратились на Иртышскую линію въ Ямышевъ, — обогащенные массою собранныхъ ими о всемъ видѣнномъ и слышанномъ свѣдѣніями, которыя и изложены въ обстоятельномъ отчетѣ о той и другой поѣздкѣ.

Въ 1804 г. тотъ-же Безносиковъ свершаетъ служебную поѣздку черезъ Тарбагатай на Чугучакъ вдоль береговъ озеръ Ала-куль, Эби-норъ и Сайрамъ Норъ въ Кульджу. — Въ 1811 году тѣмъ-же путемъ свершаетъ поѣздку въ ту-же Кульджу другой переводчикъ — казакъ Путинцевъ. Обѣ поѣздки опасаны въ интересныхъ отчетахъ этихъ путешественниковъ.

Еще большій интересъ представляетъ маршрутное описаніе пути каравана, прослѣдовавшаго въ 1814 году изъ Семипалатинска въ Кашгорію въ сопровожденіи переводчика Бубеннова и сотника Старкова съ командою казаковъ. Это были первые изъ русскихъ людей, перевалившихъ снѣжные хребты Тань-шаня въ самыхъ высокихъ ихъ перевалахъ восточнѣе озера Иссыкъ-куль вдоль его берега, мимо мѣстъ, гдѣ теперь находятся гор. Пржевальскъ и памятникъ знаменитому русскому путешественнику. Самый южный перевалъ хр. Кок-шала, черезъ который перешли смѣльчаки едва дыша въ холодныхъ мертвенно-пустынныхъ громадахъ скалъ былъ повидимому Бедель. Круто спустившись отсюда къ пикету Уй-талъ, караванъ остановился для таможеннаго осмотра, а Старковъ съ частью казаковъ, чтобы закончить возложенное на него порученіе прослѣдовалъ еще далѣе на Турфанъ и вдоль берега р. Ак-су до самаго города того-же названія. — Въ свое время маршрутъ этотъ

будетъ напечатанъ въ Запискахъ Зап.-Сиб. Отд. Геогр. Общества.

Непосредственными предшественниками Хорунжаго Н. И. Потанина по путешествію собственно въ Кокандъ, были также переводчикъ при тогдашнемъ главномъ начальникъ сибирскихъ линій генералъ Глазенапъ Ф. Назаровъ съ пятью состоявшими при немъ казаками и сотникъ Безъязыковъ, прослѣдовавшій съ нимъ съ командою только до Ташкента. За годъ до командировки въ Кашгаръ Бубенова и Старкова, Назаровъ съ своими спутниками, сопровождая по приказанію Глазенапа, возвращавшееся изъ Петербурга, кокандское посольство прослѣдовало въ Кокандъ степью чрезъ нынѣшній Кокчетавскій уѣздъ, на Нуру, вдоль Сарысу, черезъ Чу, на Сузакъ, хребетъ Кара-тау, Чемкентъ, Ташкентъ и Ходжентъ. — Въ Кокандъ посланецъ нашъ пробылъ почти цѣлый годъ, задержанный тамъ подъ разными предлогами владѣльцемъ ханства. Продолжительное пребываніе въ ханствѣ и посѣщеніе многихъ тамошнихъ городовъ, дало возможность Назарову достаточно основательно ознакомиться какъ съ природою и населеніемъ ханства, такъ и политическими дѣлами его въ связи съ положеніемъ дѣлъ въ сосѣднихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. — Обстоятельный отчетъ Назарова о своемъ пребываніи въ Кокандскомъ ханствѣ напечатанъ въ 1821 году при Императорской Академіи наукъ. Вмѣстѣ съ помянутыми выше путешествіями въ ханства средней Азіи въ первую четверть XIX столѣтія Бурнашова, Безпосикова, частью Телятникова и печатаемыми въ настоящей книжкѣ „Записками“ Потанина отчетъ Назарова поистинѣ драгоцененъ въ историко-географическомъ отношеніи. — Особенно интересными и поучительными при сравненіи отчеты Назарова и Потанина написанные въ промежутокъ времени всего 15-ти лѣтъ. Сходясь и подтверждая одинъ другого въ описаніи основныхъ особенностей природы и чертъ быта населенія оба автора записокъ дополняютъ другъ друга въ изложеніи историческихъ событій того времени и нравовъ и обычаевъ разноплеменныхъ народовъ, населявшихъ обширныя осмотренныя ими страны и пути. Въ отчетахъ Потанина особенно цѣнно

впервые печатаемое въ настоящей книжкѣ топографическое описаніе его пути со всѣми встрѣчавшимися при этомъ урочищами, горами, рѣками и проч.

До сихъ поръ, сколько извѣстно автору настоящихъ строкъ, изслѣдованіями, записками и отчетами перечисленныхъ здѣсь русскихъ служилыхъ путешественниковъ, какъ наши такъ и иностранные ученые излѣдователи Азіи пользовались очень мало, если не сказать совсѣмъ не пользовались. И это очень жаль ибо, при всей непритязательности этихъ неученыхъ путешественниковъ, личная ихъ наблюдательность и пунктуальность отмѣтокъ о всемъ ими видѣнномъ, испытанномъ и слышанномъ дали—бы драгоцѣнный матеріалъ для общихъ выводовъ заправскихъ ученыхъ и поправокъ въ этихъ выводахъ основанныхъ на недостаточно полныхъ, точныхъ и правдивыхъ данныхъ.

Цѣнны эти записки неученыхъ людей и по той обстановкѣ и обстоятельствамъ, при которыхъ они производились. Не нужно упускать изъ виду, что въ тѣ времена, т. е. не только въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, но и въ первую половину прошлаго столѣтія страны, описанныя нашими служилыми путешественниками въ смыслѣ удобствъ и безопасности слѣдованія по нимъ были совсѣмъ не тѣмъ, что они представляютъ теперь. Нужно помнить, что почти до половины прошлаго столѣтія киргизскія степи непосредственно за линіею казачьихъ поселеній (по Уралу и далѣе, отъ Верхнеуральска на Троицкѣ, Звѣриноголовскѣ, Петропавловскѣ, Омскѣ и по Иртышу до Устькаменогорска и далѣе) представляли собою полупустыни, населенныя дикими еще тогда кочевниками—киргизами; ни одного не только русскаго но и какого-бы то ни было осѣдлаго поселенія не было на всемъ этомъ пространствѣ вплоть до озеръ Зайсана, Аля-куля, Балхаша и рѣки Чу.—И сами кочевники были тогда не тѣми мирными скотоводами, какими мы ихъ знаемъ теперь, а на половину хищниками, не знавшими другого занятія кромѣ родовой баранты, грабежа торговыхъ каравановъ и разбоя среди осѣдлыхъ жителей, кто-бы они ни были—татары, сарты, каракалпаки, таранчи, китайцы, или русскіе.

Не менѣе ужасны были по своимъ внутреннимъ порядкамъ и слѣдовавшія за киргизскими кочевьями мелкія среднеазіатскія независимыя владѣнья и ханства, постоянно между собою враждовавшія и безпощадно истреблявшія другъ друга цѣлыми тысячами, селами и городами. Звѣрству и произволу владѣльцевъ этихъ ханствъ не было границъ.

Въ такихъ-то условіяхъ приходилось нашимъ путешественникамъ проѣзжать по этимъ странамъ и наблюдать, испытывая всевозможныя невзгоды, за всѣмъ, что вокругъ нихъ дѣлалось.

Въ частности по отношенію къ хорунжему Потанину слѣдуетъ замѣтить, что путешествіе его происходило во время начала волненій киргизъ политическаго характера, послѣ того какъ въ степи стало вводиться положеніе или уставъ о сибирскихъ киргизахъ 1822 года, съ упраздненіемъ ханской власти, ограниченіемъ произвола султановъ и водвореніемъ внутри самой степи русскихъ поселеній (хотя въ 1820-хъ годахъ ихъ было всего лишь три: въ Кокчетавѣ, Каркаралахъ и Баянаулѣ; не было еще ни Акмоловъ, ни Атбасара и ни одной казачьей станицы, не говоря о крестьянскихъ поселеніяхъ).

Не безъ сопротивленія и не безъ борьбы подчинились киргизы русскому управленію. Потомки бывшихъ хановъ средней орды и вліятельнѣйшіе изъ султановъ не сразу сложили съ себя власть и не сразу перешли къ той ничтожной роли, какую они играютъ въ ордѣ теперь. Первымъ открытъ враждебныя дѣйствія противъ новыхъ русскихъ порядковъ сынъ бывшего послѣ Аблая ханомъ средней орды Вали Аблаева, принявшаго одно время подданство Китая—Габайдулла Валихановъ, вошедшій въ сношенія съ китайскими властями въ Кульджѣ о принятіи его съ киргизскимъ народомъ въ подданство Богдыхана.—Уже самъ султанъ выѣхалъ было съ большою свитою и вооруженнымъ конвоемъ на встрѣчу, высланному изъ Кульджи въ степь для приведенія его къ присягѣ, китайскому Амбаню съ трехсотеннымъ отрядомъ; какъ извѣщенный объ этомъ начальникъ казачьяго отряда, находившагося въ

степи сотникъ Карбышевъ. *) быстрымъ и искуснымъ движеніемъ между китайскимъ и киргизскимъ отрядомъ предупредилъ готовившійся церемоніаль пріянія султаномъ китайскаго подданства; китайскій отрядъ долженъ былъ удалиться изъ предѣловъ русскихъ степей, а арестованный Габайдула подъ конвоемъ препровожденъ въ Омскъ.

Вслѣдъ за Габайдулою однако-же выступаютъ и другіе, сородичи-султаны Сарджанъ Касимовъ и Сартай Чингисовъ, которые съ шайками приверженцевъ продолжаютъ производить безпорядки въ степи: грабятъ наши и слѣдующіе къ намъ бухарскіе торговые караваны, нападаютъ на аулы киргизъ, признавшихъ русскіе порядки управленія степью, угоняютъ у нихъ скотъ, громятъ и разоряютъ не послушныхъ и проч. Безпорядки эти незамедлили превратиться въ открытый мятежъ, для усмиренія котораго пришлось дѣйствовать оружіемъ.

Здѣсь не мѣсто описывать всѣ перипетіи этого движенія, разыгравшагося въ 30-хъ годахъ того столѣтія, когда во главѣ киргизъ сталъ знаменитый Кенисара Касимовъ; въ формальное возстаніе, охватившее не только Среднюю, но и Малую и часть Большой киргизской орды. Ко времени командировки Потанина черезъ волнующіяся степи въ Коканъ опасность слѣдованія ими не была еще велика, такъ, какъ въ кенисаринскія времена, тѣмъ, не менѣе требовалась не малая рѣшимость и распорядительность, которую Н. И. Потанинъ и показалъ въ подробно описанномъ въ его Запискахъ случаѣ вооруженнаго отраженія имъ разбойнической шайки киргизъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, напавшей на сопровождаемый имъ караванъ и кокандскихъ посланниковъ при переправѣ черезъ рѣку Чу въ ночь съ 2-го на 3-е ноября 1829 года.

*) Впослѣдствіи полковникъ, начальникъ русскаго отряда основавшаго городъ Вѣрный. Въ составъ этого отряда между прочимъ входилъ и сынъ хорунжаго Н. И. Потанина, знаменитый теперь Гр. Ник. Потанинъ.

Записки о Коканскомъ ханствѣ хорунжаго Н. И. Пота- нина. (1829—1830 г. г.).

„По волѣ высшаго начальства я былъ назначенъ въ 1829 г. Мая 17 дня, для сопровожденія до города Ташкента коканскихъ посланниковъ, бывшихъ въ С. Петербургѣ и кромѣ сего порученія имѣлъ обязанностью дѣлать съемку и описывать, по мѣрѣ возможности, положеніе и свойство тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя мнѣ проходить надлежало.

Зная коль мало извѣстны европейцамъ страны лежація въ независимой Татаріи,—страны по многимъ отношеніямъ достопримѣчательныя и ознаменованныя кровавыми слѣдами Аттилъ, Чингисовъ и Османовъ, наполнявшихъ нѣкогда ужасомъ всю Европу, я необходимо поставилъ, сообщить моимъ соотечественникамъ нѣкоторыя о нихъ свѣдѣнія, полученныя мною во время прохожденія оныхъ и во время немаловременнаго моего пребыванія въ городахъ Ташкентѣ и Коканѣ.

Городъ Семилатинскъ былъ назначенъ мѣстомъ, изъ котораго я съ отрядомъ казаковъ долженъ былъ выступить за границу и 12 Августа 1829 г. я, оставя Омскъ, прибылъ туда.

6-го Сентября, переправясь чрезъ р. Иртышъ и простоявъ за нею 4 дня, для приготовленія къ продолжительной и трудной дорогѣ, направилъ путь свой въ предѣлы Коканскіе. Отъ р. Иртыша до называемой Голодною или *Батпакъ-Дола*, около 817 верстъ разстояніемъ, мы проходили держась къ юго-западу мѣстами гористыми, но удобными для прохода каравановъ. Къ населенію мѣста эти не весьма способны, по недостатку воды, по малому количеству мѣстъ удобныхъ для хлѣбопашества, и по немнѣшному строевому лѣсу исключая дровянаго, который растетъ по

горамъ и состоитъ изъ хвойнаго лѣса и изъ кустарника, называемаго по татарски караганомъ.

Изъ большого числа горъ, находящихся на пространствахъ отъ Семипалатинска до Голодной степи и лежащихъ по нашему тракту, достопримѣчательнѣйшія, по высотѣ своей въ сравненіи съ прочими суть: Абралы, Темирчи и Кизыль-Рай*).

Всѣ онѣ состоятъ изъ дикаго камня, а послѣднія двѣ покрыты лѣсомъ, высота ихъ простирается до 40 сажень. По сторонамъ дороги видны были другія горы; но не осматривая ихъ я не могу ничего сказать о нихъ.

Около горы Темирчи видѣлъ я, аршина въ три вышиною, каменный столбъ съ изображеніемъ лица человѣческаго; а подлѣ горы Кизыль-Рай, надъ ключемъ Бегаты-Булакъ, также нѣсколько столбовъ съ изображеніемъ-же лицъ человѣческихъ и четырехугольныя плиты, вдавшіяся въ землю боками своими и стоящія косвенно. Въ нихъ находятся многіе выходы въ видѣ дверей. Плиты сіи и столбы близъ горы Кизыль-Рая, представляющіе видъ разрушившихся здавій, но кажется съ большею вѣроятностью можно положить, что первыя служили надгробными камнями,**) а послѣдніе памятниками прославившихся мужей тѣхъ народовъ, которые прежде населяли эти страны, и которые, должно думать, были образованнѣе киргизовъ, ибо изображенія на столбахъ сдѣланы довольно искусно. Магометане почитаютъ мѣсто это священнымъ и киргизы и тапкентцы и другіе народы, исповѣдующіе магометанскую религію, проѣзжая мимо онаго останавливаются и приносятъ молитвы***). Невысокая гора *Койлюбой-болатъ*, примѣчательна потому, что при подошвѣ ея находится небольшое пространство, имѣющее сажени 3 въ окружности, которое наполнено жидкою грязью и въ которое мы опускали шесть аршинъ въ 15 длиною, но не могли достать дна.

*) Болѣе подробное перечисленіе горъ и описаніе ихъ см. въ прилагаемомъ маршрутѣ слѣдованія автора Записокъ.

**) Т. наз. каменные бабы.

***) Интересно знать что осталось отъ этихъ памятниковъ въ наше время. Судя по описанію они представляли подобіе извѣстной и многократно описанной могилы „Баянъ-Сулу и Кузу-Курпеша“ по тракту между Семипалатинскомъ и Сергіополемъ прославленной легендою объ удивительныхъ приключеніяхъ двухъ влюбленныхъ киргизъ. Г. К.

Рѣкъ примѣчательныхъ по широтѣ и глубинѣ своей и по изобилію рыбы, совсѣмъ нѣтъ, исключая рѣчки *Токрау*, имѣющей сажени 2 ширины и изобилующей маринкою, плотвою и другою мелкою рыбою*).

Не доходя до Голодной степи, почти въ 600 верстахъ отъ Семипалатинска, встрѣтили мы при рѣчкѣ *Чумекъ* киргизовъ Конгратовской волости, которые бѣжали съ рѣки *Чуи*, отъ тягостныхъ по ихъ словамъ податей, взимаемыхъ съ нихъ Коканскимъ владѣтелемъ и шли къ Каркаралинскому округу, желая отдаться подъ покровительство Россіи. Киргизы сіи, которыхъ число простиралось до 300 юртъ, кромѣ верблюдовъ и небольшого количества скота, не имѣютъ ни лошадей, ни барановъ (ибо кочуя зимою около р. Чуя, въ пескахъ), гдѣ вовсе не находится луговъ, они не имѣютъ способа доставать имъ кормъ.

По 43-хъ дневномъ шествіи, достигли мы такъ называемую Голодную степь, безводной и необитаемой пустыни, по которой пролегалъ нашъ кратчайшій путь чрезъ урочище *Тюсъ—Булакъ*.

Степь сія состоитъ частью изъ солянцеватаго грунта, частью-же мелкаго песку пепельнаго цвѣта, который во время вѣтра поднимается кверху, подобно густому туману, а въ ненастное время превращается въ грязь много затрудняющую ходъ каравановъ. Взоръ путешественника не встрѣтитъ на семъ безплодномъ пространствѣ ни тучныхъ пажитей, ни долинъ, испещренныхъ цвѣтами, ни прохладныхъ рощицъ, которыя бы укрыли его отъ солнечнаго зноя подъ тѣнью своею; здѣсь, кромѣ кустарниковъ: караганы, сексаула и преимущественно боялыша, нѣтъ ни какихъ произрастаній. Кустарникъ боялышъ, весьма низко стелящійся причиняетъ большое неудобство для каравановъ, прокалывая ноги верблюдамъ и дѣлая ихъ чрезъ это не способными къ дальнѣйшему шествію; въ лѣтнее время скрываются подъ нимъ черепахи, которыхъ здѣсь множество. Кулановъ (дикихъ лошадей) и сайгъ на степи сей также очень мно-

*) Перечисленіе мелкихъ рѣчекъ, ключей и ручьевъ, при которыхъ останавливался путешественникъ, и болѣе или менѣе подробное описаніе такихъ крупныхъ источниковъ какъ Токрау, Мукуръ, Чаганъ, Казанганъ, Джаманчи, Чумекъ, Монаты и др. на пути отъ Семипалатинска чрезъ горы и Голодную степь до р. Чу, смотри въ маршрутѣ автора Записокъ.

го: мы часто видали ихъ большими стадами и послѣднихъ стрѣляли, употребляя въ пищу и находя мясо ихъ вкуснымъ. Лѣтняя Голодная степь не можетъ быть проходима по причинѣ безводія, нестерпимыхъ жаровъ и дальняго мѣжду собою разстоянія колодцевъ, на ней находящихся, а зимой по причинѣ недостатка въ кормѣ. Путь лежащій чрезъ эту степь, заключаетъ въ себѣ около 200 верстъ.

Кончивъ затруднительное шествіе по безплодной степи, мы приблизились къ рѣкѣ Чу и (Чу). Рѣка эта вытекающая изъ горъ *Алтау**, и впадающая въ озеро *Кабанъ-куль***), имѣетъ въ ширину не болѣе 10 сажень; но разлитіе ея бывающее весною и осенью простирается отъ 100 сажень до 8 верстъ. Глубина ея отъ 2-хъ до 7-ми аршинъ; а во время сильныхъ жаровъ, она почти пересыхаетъ и содержитъ довольно количество бродовъ. Въ ней ловятся: сомы, щуки, язи, омули, плотва и маринка. Переправою черезъ рѣку Чуи, мы дошли до другого ея рукава; ибо она въ 40 верстахъ выше нашей переправы раздѣляется надвое, а въ 50-ти ниже опять соединяется. Все ея теченіе простирается до 500 верстъ. При этой второй переправѣ встрѣтился съ нами караванъ Ташкентцевъ и русскихъ татаръ, идущій изъ Ташкента въ Семипалатинскъ. Мы переправились по сдѣланному ими изъ камыша мосту, въ 5 часу пополудни. На другой день, т. е. 2-го числа Ноября, караванъ отправился въ путь свой, а мы остановились здѣсь до свѣта. Около 9-го часа вечера, казаки, бывшіе въ караулѣ

*) Алтау. Несомнѣнно, что еще въ весьма недавнее (въ геологическомъ смыслѣ) время р. Чу вытекала непосредственно изъ озера Иссыль-куль и представляла собою весьма могучій водный источникъ, соединявшійся съ рѣкою Сары-су и вливавшійся непосредственно въ Сырь-Дарью. Въ одно изъ перѣдкихъ въ хребтахъ Тянь-шаня окружающихъ Иссыль-куль, землетрясеній уровень водъ послѣдняго понизился и истокъ р. Чу обмелѣлъ. Въ настоящее время въ обрывистыхъ берегахъ бывшей рѣки, протекаетъ до соединенія съ рѣкою Кошкаръ (главнымъ образомъ питающей теперь верховья Чу) лишь маловодный ручей посящій названіе Кутемалды. Слабое теченіе этого ручья въ зависимости отъ состоянія водъ въ Иссыль-куль и Кошкаръ направляется то въ Иссыкуль, то въ Буамское ущелье, гдѣ его воды вмѣстѣ съ водами Кошкарки получаютъ названіе—Чу. Непосредственно изъ хребта Алтау втекаетъ въ Чу, въ ея верховьяхъ, Большой Кебынь, который вѣроятно и былъ по разпросамъ выданъ Потанину за начало р. Чу.

**) Чаше именуемое теперь Саумаль-куль.

при лошадяхъ, извѣстили меня, что они слышали конскій топотъ и при свѣтѣ луны видѣли вдали толпящихся киргизъ. Для предосторожности я приказалъ немедленно переловить лошадей и построить вагенбургъ изъ находящагося при мнѣ обоза, окруживъ его изнутри лошадьми нашими и верблюдами и поставивъ въ средину его, посылаемые отъ нашего двора къ коканскому владѣльцу, подарки. Киргизы въ числѣ 300 или болѣе человекъ, окружили насъ съ трехъ сторонъ (съ четвертой мы были защищены р. Чуй), въ намѣреніи разграбить насъ, старался приблизиться къ нашему укрѣпленію, быстро дустремляясь на насъ съ пронзительнымъ визгомъ, стрѣляя изъ ружей съ фитилями и безпрестанно осыпая насъ стрѣлами своими. Имѣя небольшой отрядъ, состоящій только изъ 12-ти человекъ казаковъ и одного урядника, 12 человекъ изъ свиты коканскихъ посланниковъ и 15 человекъ изъ каравана присоединившагося къ намъ въ городѣ Семипалатинскѣ, я опасался, чтобы дикари эти, закаленные въ грабительствахъ, не причинили намъ вреда и рѣшился употребить въ дѣйствіе оружіе свое. Защищаясь до самого разсвѣта, я употребилъ на это 276 боевыхъ патроновъ и не допуская хищниковъ приблизиться къ себѣ на 50 сажень. Киргизы, увидѣвъ предпріятіе свое пустымъ, и узнавъ, что это ташкентскій караванъ, на который они хотѣли, по моему мнѣнію, сдѣлать нападеніе, мало по малу разсѣялись и мы не видавъ ни кого до 10-го часу по полудни, отправились по совѣту посланниковъ, въ дальнѣйшій путь, не потерпѣвъ ни малѣйшаго ущерба отъ нападенія хищныхъ обитателей степей. Направивъ путь свой отъ этой переправы къ югу*), мы вышли на песчанную степь**). Степь эта представляетъ еще болѣе затрудненій для прохода каравановъ, нежели Голодная, ибо песокъ первой (хотя и крупнѣйшій противу песку послѣдней), воздымаясь отъ вѣтра густыми облаками, составляетъ большіе бугры***), застилаетъ дорогу и иногда, по словамъ проходящихъ каравановъ, заноситъ верблюдовъ, лежащихъ для отдохновенія. Здѣсь мы видѣли еще болѣе черепахъ, неже-

*) На урочище Тума.

**) Пески: Уяъ-кокчаны, Джуванъ-тубе, Суокъ-джаль и др. носящі, общее названіе Муюнъ-кумъ.

***) Такъ наз. барханы.

ли въ степи Голодной. Пройдя по песчаной степи 65 верстъ, мы достигли озера Караколь. Сюда прѣзжали къ намъ киргизы Конграатовской и Юсумовской волости для смѣны верблюдовъ; но мы, не находя въ томъ надобности, отпустили ихъ.

Отсюда отправились мы къ пограничному мѣстечку Коканскаго владѣнія Чолакъ-Корганъ (Чолакъ по кокански значитъ мѣсто или урочище, а корганъ—деревня или селеніе. Здѣсь я увидѣлъ тѣхъ же волостей Киргизовъ, которые прѣзжали къ намъ для смѣны верблюдовъ, ибо кочевья ихъ находились въ этомъ мѣстѣ. Мужчины ихъ, одѣтые въ нарядное платье, сидѣли на лучшихъ киргизской породы лошадяхъ, а женщины, украшенныя отличными издѣліями Востока, ѣхали на украшенныхъ чепраками лошадяхъ, ведя за собою верблюдовъ. Не доѣзжая 6 верстъ до Чолакъ-Коргана, посланники наши отправили въ оный нарочнаго, для приготовленія намъ квартиръ. Близъ мѣстечка, правитель его Исмаиль Дуанъ бекъ*), при которомъ было человекъ 5 свиты, выѣхалъ встрѣтить насъ, и сказалъ, что квартиры уже намъ отведены.

Не желая стоять въ селеніи, я просилъ правителя для насъ отвести удобное мѣсто въ полѣ, онъ согласился на это, и мы, проѣхавъ мимо мѣстечка, остановились за нимъ въ 200 саженьяхъ, кромѣ старшаго посланника, который захотѣлъ стоять въ квартирѣ. На другой день управляющій Чолакъ-Корганомъ просилъ посланниковъ и меня къ себѣ, и мы отправились къ нему часу въ 10 утра: онъ угощалъ насъ чаемъ, виноградомъ, дынями, курительнымъ табакомъ и пилавомъ и спрашивалъ посланниковъ о Россіи и о пріемѣ, сдѣланномъ имъ Дворомъ нашимъ.

Мѣстечко Чолакъ-Корганъ, основанное послѣ покоренія Туркестанскаго владѣнія Коканцами, имѣетъ около 70 домовъ, весьма близко одинъ отъ другого построенныхъ и имѣющихъ вверху небольшія окошки во дворъ. Мечетей здѣсь не находится: жители производятъ моленіе въ домахъ, а во время постовъ отправляются въ Туркестанъ. Дома дѣлаются изъ глины, съ деревянными потолками и безъ крышъ. Мѣстечко это окружено глиняною стѣною и расположено на высокой, отдѣльно стоящей, горѣ, вокругъ кото-

*) Дуанъ-Бекъ: достоинство или чинъ. (Примѣчаніе автора).

рой проведенъ каналъ**), сажени въ три шириною; черезъ него сдѣланъ одинъ только мостъ, и потому мѣстечко имѣетъ одинъ выѣздъ.

Большая часть жителей Чолакъ-Коргана состоитъ изъ служащихъ Ташкентцевъ, взимающихъ дань съ каравановъ, проходящихъ черезъ это мѣстечко съ россійскихъ и китайскихъ границъ въ Туркестанъ, ибо съ каравановъ, идущихъ въ Ташкентъ, здѣсь не берется пошлины. Окрестности Чолакъ-Коргана представляютъ обширную равнину, на которой видны, съ горъ, пашни и разсѣяныя юрты бѣдныхъ киргизовъ. Жители, какъ служащіе, такъ и не служащіе, занимаются хлѣбопашествомъ и мѣною товаровъ съ сосѣдственными киргизами; нѣкоторые уже изъ нихъ отправляются къ рѣкѣ Чуй и горѣ Кара-Тау, для ловли звѣрей.

Здѣсь вымѣняли мы на товаръ лошадей вмѣсто тѣхъ которыя пали на песчаной стени; каждая лошадь обошлась намъ по 88 рублей. Въ близкомъ разстояніи отъ сего мѣстечка находятся города Туркестанъ и Сузакъ; первый въ 100 (?), а послѣдній въ 50 верстахъ.

Туркестанское владѣніе, до покоренія, въ 1814 году Коканцами, ни отъ кого не зависѣло, имѣя особеннаго правителя; нынѣ-же, составя область Коканіи, управляется намѣстниками ея. Владѣніе это граничитъ къ сѣверу съ Киргизскими песчаными степями, къ западу съ Бухаріею, къ югу съ Черными Дикокаменными Киргизами, называемыми Бурутами, а къ востоку съ рѣкою Чуемъ. Областной городъ Туркестанъ, называемый иначе Азретъ—Султаномъ, почитается магометанами священнымъ мѣстомъ, ибо въ немъ находятся множество памятниковъ и гробницъ, заключающихъ въ себѣ прахъ святыхъ. Сюда стекаются во множествѣ сосѣдственные Азіатцы для поклоненія угодникамъ, а богатые привозятъ тѣла родственниковъ своихъ, чтобъ погребсти ихъ вмѣстѣ съ оными. Климатъ въ Туркестанскомъ владѣніи гораздо лучшій, нежели въ мѣстахъ пройденныхъ нами. Зима здѣсь теплая, но съ частыми и жестокими вѣтрами; она продолжается около двухъ мѣсяцевъ. Во время лѣта бываютъ сильныя жары и вѣтры.

**) Арыкъ.

Пробывъ двое сутокъ въ Чолакъ-Корганъ, мы отправились въ путь и дошли до урочища Чолакъ-Атау (короткій переродъ), гдѣ соединяется гора Боролдай съ Каратау (Черная гора), и откуда мы видѣли въ юго-западной сторонѣ отъ Чолакъ-Коргана, въ 15 верстахъ отъ нашей дороги, другое селеніе.—Джырыкъ-Корганъ *). Переночевавъ на этотъ мѣстѣ, мы на другой день перешли гору Кара-тау и имѣли ночлегъ на другой ея сторонѣ, при урочищѣ Мынъ-Булакъ (тысяча ключей).

Съ сего ночлега коканскіе посланники командировали изъ свиты своей находящагося при нихъ въ качествѣ, вожатаго Джалбарскаго, сына караванъ-баши Ганжелды къ ташкентскому кушпеку (губернатору) съ письмамъ, въ которомъ извѣщали его о благополучномъ прибытіи въ свои предѣлы изъ Россійской имперіи, упомянувъ при семъ объ отрядѣ, сопровождающемъ ихъ, и о подаркахъ отъ двора нашего къ коканскому владѣтелю.

Отсюда продолжали мы путь къ туркенстанскому городу Чемкетю, **) по небольшимъ плоскимъ возвышенностямъ, покрытымъ благоухающими травами и цвѣтами, изобилующимъ живописными мѣстоположеніями и орошаемымъ прозрачными струями ключевыхъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ высокой и каменистой горы Боролдай. Взорамъ путешественника представляются въ странахъ этихъ уже не дикія, бесплодныя пустыни, не народы, безпрестанно переходящіе съ подвижными жилищами и многочисленными стадами съ одного мѣста на другое, не имѣющіе понятія о выгодахъ благоустроенныхъ обществъ и поставляющіе славу свою—въ грабежѣ сосѣдей, и проходящихъ каравановъ, а благополучіе—въ безпечной и праздной жизни здѣсь онъ видитъ повсюду поля, обработанныя трудолюбивою рукою земледѣльца, видитъ обширные города и многія селенія, видитъ народъ, соединенный въ политическое тѣло, достигшій нѣкоторой степени гражданской образованности, повинующійся благодѣтельному гласу властей и законовъ, и занимающійся торговлею, полезными

*) На сороковерстной картѣ Главнаго Штаба, въ настоящее время такого селенія не значится.

**) Чемкенту.

ремеслами и художествами, служащими къ спокойствію и пріятностямъ жизни.

Отъ урочища Мынь-Булакъ и до города Чемкетя достойна примѣчанія предъ прочими, по чрезвычайной быстротѣ своей и не малой противъ другихъ рѣчекъ широтѣ, рѣка Арысь, вытекающая съ большимъ шумомъ, изъ горъ Боролдай и впадающая въ рѣку Сырь-Дарью*); ширина ея простирается отъ 3 до 5 сажень, а глубина отъ 2 до 4 аршинъ; въ ней находятся щуки, окуни, маринка и плотва. На этой рѣкѣ, при устьяхъ рѣчекъ Боролдая и Чубарьсу, впадающихъ въ нее почти другъ противъ друга, видѣли мы юрты Киргизовъ Большой Орды, которые занимаются хлѣбопашествомъ.

По пятидневномъ шествіи, дошли мы до города Чемкетя, который нынѣ зависитъ отъ ташкентскаго Губернатора. За сугки ѣзды до города, посланники, находящіеся со мной, отправили къ чемкетскому правителю-Беку**) письмо, которымъ просили приготовить для насъ квартиры. Когда мы приблизились къ городу, онъ выслалъ къ намъ навстрѣчу чиновника, который и показалъ намъ квартиры, для насъ назначенныя. Не располагались останавливаться нигдѣ до города Ташкента, я, какъ и прежде, просилъ управляющаго Чемкентемъ назначить мѣсто въ полѣ для меня и отряда моего и расположился въ 1^{1/2} верстѣ отъ города, при небольшой рѣчкѣ Бадамъ, которая вытекаетъ изъ горы Казыкуртъ-Ата и впадаетъ въ рѣку Арысь, и которая кромѣ маринки и плотвы, никакой другой рыбы не имѣетъ. На другой день посланники и я были приглашены къ правителю, который угостилъ насъ чаемъ, курительнымъ табакомъ, виноградомъ, дынями и пилавомъ. Онъ спрашивалъ меня о Россіи, объ образѣ нашей жизни, о нравахъ и обычаяхъ русскихъ. Городъ Чемкетъ расположенъ при рѣчкѣ Бадамъ въ лощинѣ, посреди которой на возвышенномъ

*) Всю восточную часть хребта Кара-тау начиная съ верховьевъ р. Мынь-Булакъ до истоковъ р. Боролдай авторъ записки именуетъ горами Боролдай.

**) Бекъ-коканское достоинство или иное выше Дуапъ-Бека (примѣчаніе автора).

мѣстѣ находится небольшая крѣпостца (по ташкентски орда), обнесенная со всѣхъ сторонъ высокою стѣною, сдѣланною изъ глины и имѣющая въѣздъ со стороны рѣчки, по узкой дорогѣ, по которой можно ѣхать только въ одну лошадь. Въ крѣпостцѣ выкопаны многіе каналы, наполненные водою, втекающею въ нихъ изъ рѣчки, посредствомъ окошекъ, сдѣланныхъ въ стѣнѣ; на каналахъ этихъ выстроены мельницы. Домъ начальника также находится въ крѣпостцѣ, въ которой, кромѣ того помѣщается до 250 человѣкъ войска. Домовъ въ Чемкетѣ находится до 600; мечеть одна въ крѣпости; улицы въ городѣ узкія и неправильныя. Дома выстроены такимъ же образомъ какъ и въ мѣстечкѣ Чолакъ-Корганъ; нѣкоторые изъ нихъ довольно порядочны. Жители преимущественно занимаются хлѣбопашествомъ и частію торговлею съ кочующими поблизости Киргизами Большой Орды. Женскій полъ довольно красивъ, обходителенъ и не скрывается отъ мужчинъ; но это только можно сказать о простонародьи, ибо жены чиновниковъ и даже богатыхъ людей мужчинамъ не показываются. Въ Чемкетѣ по большей части берутъ въ замужество у зажиточныхъ Киргизовъ: оттого-то женщины ихъ и не почитаютъ неприличнымъ показываться мужскому полу.

Пробывъ двое сутокъ въ этомъ мѣстѣ, мы пошли между плоскихъ возвышенностей и достигли до конца горы Казыкуртъ-Ата, которой высота простирается до 40 сажень. Ночевали при урочищѣ Атъ-Булакѣ. Здѣсь построенъ по распоряженію начальства, дворъ съ домомъ для пріюта проѣзжающимъ во время зимы. На гору Казыкуртъ-Ата можно въѣзжать; но, не получивъ о ней никакихъ достопримѣчательныхъ свѣдѣній, я не имѣлъ надобности быть тамъ. Перейдя плоскій хребетъ горъ, простирающійся отъ вышеупомянутой горы, мы достигли до рѣчки Келеса, имѣющей съ ширину отъ 3 до 5 сажень и въ глубину отъ 2 до 3 аршинъ и изобилующей рыбою: щуками, окунями, плотвою и маринкою. Рѣчка эта имѣетъ довольноное количество бродовъ.

Переночевавъ на семъ мѣстѣ мы отправились на другой день къ городу Ташкенту внизъ по теченію оной. Не дойдя 4 верстъ до сего города остановились при рѣчкѣ

Кара-Камышѣ. Сюда прибылъ къ намъ Джолбарсханъ, посланный къ ташкентскому губернатору съ письмомъ, и объявилъ намъ, что этотъ послѣдній находится теперь по дѣламъ службы въ городѣ Коканѣ, что туда уже отправлено съ нарочнымъ и письмо посланниковъ, и что намъ приказано, исправляющимъ должность кушпека, біемъ-марямъ-баши, вступить въ городъ, гдѣ для насъ уже приготовлено мѣсто. На другой день, приказавъ людямъ осѣдлать лошадей по походному и одѣться во всю форму, я отправился съ отрядомъ и посланники пошли въ городъ. По сторонамъ верблюдовъ, везущихъ подарки, ѣхали по два казака, а съ остальными людьми вступалъ я фронтомъ. Насъ встрѣтилъ токсаба (достоинство или чинъ, выше бека), съ 50 человекъ, вооруженными копьями, саблями и стрѣлами. Причпну такого вооруженія можно, кажется, отнести къ желанію показать намъ, что и у нихъ находится войско, готовое защищать отечество свое отъ нападеній непріятелей. Воины были одѣты въ халаты различнаго цвѣта и въ чалмы, также разноцвѣтныя, и ѣхали безъ всякаго порядка; нѣкоторые изъ нихъ были на аргамакахъ; а нѣкоторые на киргизскихъ лошадяхъ. За ними слѣдовала многочисленная толпа жителей, пѣшихъ и конныхъ, и старыхъ и малыхъ.

Вступивъ въ городъ, мы увидѣли на домахъ, на заборахъ и на улицахъ множество народа какъ мужского, такъ и женскаго пола: всѣ старались увидѣть насъ какъ нѣкое чудо и удивлялись нашему порядочному шествію, нашей одеждѣ, лоснящимся киверамъ и столь грозному для нихъ вооруженію нашему; болѣе же всего изумляло ихъ то, что по сторонамъ верблюдовъ ѣхали казаки; многіе спрашивали даже людей, находящихся въ свитѣ посланниковъ, о причинѣ этого. Такъ-какъ мы проходили чрезъ базаръ, то весь народъ, бывшій тутъ, оставилъ торговлю и обратилъ на насъ все свое вниманіе. Насъ безпрестанно окружали, забѣгали впередъ и почти заграждали дорогу и производили такую пыль (ибо погода была ясная и сухая), что всѣхъ насъ покрывало ею, и даже съ трудомъ можно было переводить дыханіе. Токсоба провелъ насъ чрезъ весь городъ, и, по выходѣ изъ него, мы увидѣли крѣпость, окруженную очень высокою глиняною стѣною и

рвомъ. Оставивъ ее въ правой сторонѣ, мы шли подлѣ нея къ назначенному мѣсту, которое находилось въ 200 саженьяхъ отъ крѣпости, въ обширномъ саду кушпека, гдѣ были приготовлены для насъ три юрты: одна—для посланниковъ, другая—для меня, а третья—для казаковъ. Пріѣхавъ на мѣсто, мы слѣзли съ лошадей, развьючили верблюдовъ и поставили первыхъ къ коновязки противъ юртъ, для насъ приготовленныхъ.

Токсобы отправился къ бію-марямъ-башѣ съ докладомъ о прибытіи нашемъ на мѣсто; равнымъ образомъ и старшій посланникъ, сдавъ имѣющіеся у него отъ нашего двора подарки подъ присмотръ нашего караула, уѣхалъ квартировать въ городъ къ родственникамъ своимъ; а младшій имѣя привязаность къ Русскимъ остался съ нами. По положенію марямъ-баши, для меня и для отряда моего отпускалось въ сутки по одному барану и по двѣ прѣсныя лепешки, а для строевыхъ лошадей по два снопа сѣна на каждую и по два чарыка (ташкентская мѣра, содержащая въ себѣ два пуда) сарочинскаго ишена, на всѣхъ. Такого количества фуража было недостаточно, и я принужденнымъ нашелся прикупать къ нему отъ себя.

На слѣдующій день пріѣжалъ ко мнѣ, знакомиться, сынъ губернатора, молодой человекъ лѣтъ двадцати двухъ. Онъ извинился, что не можетъ, безъ отца, принять меня въ домъ свой, и просилъ показать нашу аммуницію, обращая на нее большое вниманіе.

Ташкентское владѣніе имѣло, такъ же, какъ и Туркестанское, особаго правителя, бывъ независимымъ, но теперь составляетъ область Коканскаго ханства. Владѣніе это имѣетъ предѣлами къ сѣверу область Туркестанскую, къ западу—Бухарію, къ югу—горы Кендырь-Тау, къ востоку—Черныхъ Дикокаменныхъ Киргизовъ. Климатъ въ Ташкеніи прекрасный, зимы тамъ почти вовсе не бываетъ; но лѣтомъ нестерпимые жары разслабляютъ тѣло и сгущая атмосферу, причиняютъ болѣзни. Хлѣбопашествомъ и садоводствомъ жители занимаются тщательно, и благодарная земля съ избыткомъ вознаграждаетъ труды ихъ. Впрочемъ, плодородію земли вспомошествуютъ здѣсь также искусствомъ, про-

вода по пашнямъ и садамъ, изъ протекающихъ рѣчекъ, каналы, для чего народъ этотъ по большей части производитъ хлѣбопашество на луговыхъ мѣстахъ, близъ рѣкъ и ключей. Сѣна Ташкентцы не косятъ, а пропитываютъ скотъ свой вязелью,*) которую они сѣютъ и два раза въ лѣто сжинаютъ серпами и вяжутъ въ снопы, скотоводства большого не имѣютъ, но довольствуются скотомъ, пригоняемымъ изъ Киргизской степи торговцами. Кромѣ выдѣлыванія различнаго рода шелковыхъ и бумажныхъ матерій и разведенія шелковичныхъ червей и хлопчатой бумаги, другія ремесла въ пренебреженіи.

Науками Ташкентцы почти вовсе не занимаются; однако же, есть у нихъ, при главныхъ мечетяхъ, училища, въ которыхъ обучаются только читать и писать по татарски, персидски, турецки, кокански и изъясняютъ Алкоранъ. Музыка, состоящая изъ трубъ различной величины, домбръ (родъ баллалаекъ), барабановъ и инструментовъ, похожихъ на наши кларнеты и флейты; не имѣетъ пріятности для слуха. Пляска у нихъ въ большомъ употребленіи и состоитъ изъ различныхъ кривляній и прыжковъ. Ташкентцы роста средняго, статны, любятъ роскошь и увеселенія, ласковы и чрезвычайно женолюбивы. Женщинъ ихъ строго запрещается видѣть, и каждый хозяинъ дома имѣетъ для пріема гостей особенныя комнаты, находящіяся въ отдаленіи отъ тѣхъ, въ которыхъ живутъ женщины. Если же онѣ ходятъ куда либо, то всегда подъ покрываломъ. Верхняя одежда ихъ состоитъ изъ халатовъ, которые накидываются на головы, и у которыхъ рукава столь узки, что нельзя въ нихъ просунуть руки, и столь длинны, что будучи связаны сзади (какъ это обыкновенно дѣлается) таскаются у нѣкоторыхъ по полу; когда имъ нужно что либо нести, то онѣ просовываютъ руки въ дыры, сдѣланныя противъ груди. На головѣ женщины носятъ чалмы, гораздо меньшія мужскихъ, а на лицо отпускаютъ сѣтки, смотря по состоянію, волосныя или шелковыя, которыя пришиваются къ халатамъ. Черезъ восемь дней по нашему прибытію въ Ташкентъ возвратился

*) Собирательное названіе всѣхъ видовъ Клевера, — люцерны, вика и вообще кормовыхъ травъ изъ семейства бобовыхъ.

губернаторъ города. По совѣту посланниковъ, я встрѣтилъ его съ отрядомъ своимъ за версту отъ города, съѣхавшись съ нимъ, слѣзъ съ лошади, что и онъ также сдѣлалъ и поздоровался со мною по своему обыкновенію, т. е. подаль мнѣ руку, которую я долженъ былъ взять обѣими руками и пожать. Послѣ этого, сѣвъ на лошадь, мы поѣхали съ нимъ рядомъ, я—съ правой стороны, младшій посланникъ—съ лѣвой, а по сторонамъ насъ—старшіе по немъ чиновники. Кушпекъ спрашивалъ меня о благополучномъ прибытіи и о здоровьи моемъ. Подѣхавъ къ воротамъ крѣпости, онъ раскланялся со мной и сказалъ, чтобъ я ѣхалъ въ свое мѣсто, и что онъ увидится со мной черезъ два дня. По прошествіи этого времени, я былъ точно приглашенъ съ отрядомъ казаковъ къ губернатору, почему, приказавъ людямъ одѣться во всю форму и оставивъ у подарковъ пристойный караулъ, отправился къ крѣпости, вмѣстѣ съ посланниками. У воротъ ея встрѣтилъ насъ курбаша (начальникъ города), и ввелъ въ крѣпость. Проходя тѣсною улицею, по сторонамъ которой находились глиняные заборы со многими переулками, мы повернули направо, къ губернаторскому дому, стоящему отдѣльно и обнесенному глиняною стѣною, но не столь высокою, какъ крѣпостная стѣна. Въѣхавъ на дворъ, мы слѣзли съ лошадей, отдали ихъ Ташкентцамъ и пошли къ комнатѣ, въ которой находился кушпекъ. Отрядъ остановился противъ его оконъ; а я, съ урядникомъ 1-го класса Бутаковымъ, который былъ у меня за толмача, и посланники, по приказанію его вошли въ продолговатую и обширную комнату, которая, какъ изнутри, такъ и снаружи, выштукатурена и устлана богатыми персидскими и бухарскими коврами; но въ ней не было ни дивановъ, ни лавокъ, кромѣ одного стула простой работы, нарочно для меня приготовленнаго. Кушпекъ принималъ меня ласково и, поздоровался со мной такимъ же образомъ, какъ и при встрѣчѣ нашей, посадилъ меня на стулъ, а самъ съ посланниками сѣлъ на полъ. Онъ довольно спрашивалъ меня о Россіи и, между—прочимъ, спросилъ, когда я отправлюсь въ Коканъ. На это я отвѣчалъ ему, что мнѣ приказано было начальствомъ моимъ препроводить посланниковъ только до этого мѣста. Отсюда же они уже обязаны доставить подарки отъ нашего двора

къ коканскому хану, а я, взявъ съ нихъ засвидѣтельство-
ванную квитанцію въ благополучномъ препровожденіи ихъ,
долженъ отправиться въ русскіе предѣлы; но губернаторъ
объявилъ мнѣ, что коканскій владѣтель, ханъ Свельды-Му-
хаметь Гали, непремѣнно хочетъ, чтобъ я, вмѣстѣ съ по-
сланниками и подарками, явился къ нему въ Коканъ.

Хотя мнѣ на сіе не было предписанія, но, опасаясь
непріятностей и дурныхъ послѣдствій, я принужденнымъ
нашелся рѣшиться на отправленіе въ городъ сей. Кушпекъ
угощалъ насъ очень хорошимъ чаемъ, курительнымъ таба-
комъ и пилавомъ; между прочимъ, поставлены были про-
тивъ меня двѣ головы сахару, дыни, арбузы, яблоки, вино-
градъ и другіе фрукты, въ тѣхъ странахъ произрастающіе.
Между—тѣмъ, какъ мы находились въ комнатѣ, казаки
мои сидѣли противъ оконъ на возвышенномъ мѣстѣ и на
разостланныхъ коврахъ тамошняго издѣлія, и также были
подчищаемы. Послѣ угощенія, Кушпекъ просилъ меня пока-
зать ему военную экзерцицію, и я, выстроивъ казаковъ,
заставилъ ихъ маршировать, дѣлать различные повороты,
сабельные приемы и фланкированіе пиками. Онъ былъ весь-
ма доволенъ этимъ, благодарилъ меня и много дивился
ловкости, скорому движенію и стройности казаковъ, при-
совокупивъ, что ханъ будетъ также очень доволенъ при-
бытіемъ нашимъ въ Коканъ, и что, по причинѣ худобы
лошадей нашихъ, онъ дастъ подъ каждого казака по ло-
шади, равнымъ образомъ велитъ отправить и экипажъ
нашъ на своихъ же лошадяхъ. Губернаторъ имѣетъ около
60 лѣтъ отъ роду, человѣкъ умный и обходительный. Про-
бывъ у него около трехъ часовъ, мы отправились въ свои
подвижныя квартиры; а вслѣдъ за нами прислуга его по-
несла на четырехъ подносахъ двѣ головы сахару и всѣ
стоявшіе передъ нами фрукты. Когда мы прибыли на свое
мѣсто и когда я увидѣлъ, что принесли всѣ упомянутые
вещи въ мою юрту и поставили посреди ея, то спросилъ
о причинѣ этого, и мнѣ объявили, что это всегда дѣлается,
по обыкновенію ташкентскому. Черезъ два дня, получивъ
лошадей, какъ для себя, такъ и для экипажа нашего, мы
выступили изъ Ташкента въ городъ Коканъ, 1 декабря.
Имѣя при себѣ тяжести, мы не могли отправиться прямымъ

трактомъ, лежащимъ черезъ горы Кендырь-Тау; но направили путь свой на югъ по дорогѣ, ведущей въ городъ Кожандъ*). Въ 1½ верстахъ отъ Ташкента мы переходили по мосту, черезъ рѣчку Саларку, вытекающую изъ горъ Кандырь-Тау**) и впадающую въ рѣку Чирчикъ; рѣка эта имѣетъ въ ширину отъ трехъ до пятидесяти сажень, а въ глубину отъ 2 до 3½ аршинъ, и содержитъ многіе броды; въ ней ловятся въ довольномъ количествѣ сазаны, окуни, плотва и маринка. Въ девяти верстахъ отъ города Ташкента переходили мы рѣку Чирчикъ бродомъ; рѣка эта вытекаетъ также изъ горъ Кандырь-Тау и впадаетъ въ рѣку Сыръ-Дарью, широта ея отъ 4 до 7 сажень, а глубина отъ 3 до 6 аршинъ. Рыба въ ней такая же, какъ и въ Саларкѣ, но при устьѣ своемъ имѣетъ и красную. Отъ этой рѣчки пройдя небольшую деревню Кара-Тубе, состоящую изъ 8 домовъ и расположенную при каналѣ, проведенномъ изъ рѣчки Кара-Су, достигли мы до селенія Тай-Тюбе, въ которомъ и ночевали. Селеніе это состоитъ изъ 50 домовъ и расположено при рѣчкѣ Кара-Су, впадающей въ Чирчикъ, и не имѣющей рыбы, кромѣ весьма малой. Мы остановились здѣсь въ постояломъ дворѣ, въ которомъ останавливается обыкновенно ташкентскій губернаторъ, объѣзжая это владѣніе. Домъ этотъ стоитъ отдѣльно и на довольно возвышенномъ мѣстѣ.

На другой день пришли мы въ деревню Крейучи, окруженную глиняною стѣною и имѣющую три выѣзда. Въ ней считается до 80 домовъ и до 300 жителей мужскаго пола; посреди ея протекаетъ рѣка Ангора***).

Отсюда прибыли мы ночевать въ городъ Крейучи****), не встрѣчая на пути ничего достопримѣчательнаго. Городъ этотъ находится при небольшомъ ключѣ, обнесенъ кругомъ глиняною стѣною, съ двумя выѣздами, и состоитъ изъ 200 домовъ и одной мечети. Жителей въ немъ считается

*) Ходжентъ.

**) См. маршрутъ слѣдованія пути до Ходжента.

***) Ангренъ.

****) Существовавшій еще тогда административный центръ всей Курамы.

до 600 душъ мужскаго пола, изъ числа которыхъ 200 чело-
вѣкъ служащихъ. Въ городѣ Крейучи находится прави-
тель датка (достоинство высшее токсобы), который управ-
ляетъ всѣми мѣстами, лежащими около этого города и за-
ключающими въ себѣ (исключая женскаго пола) до 1,000
душъ народа, называемаго карама, т. е. сборнаго, ибо онъ
состоитъ изъ разныхъ обитателей Независимой Татаріи. Во
время нашего пребыванія въ этомъ городѣ, правитель его на-
ходился на охотѣ. Жители всѣхъ этихъ мѣстъ занимаются
единственно хлѣбопашествомъ. Переночевавъ въ этомъ го-
родѣ, мы отправились къ селенію Самгаръ. На половинѣ
дороги встрѣтили мы мечеть, построенную изъ кирпича,
имѣющую довольно хорошій фасадъ. Мечеть эта основана
дѣдомъ нынѣшняго хана, для того, чтобъ проѣзжающіе со-
вершали въ ней моленіе. Потомъ, перейдя ущелье, раздѣ-
ляющее горы Кендыръ-Тау и Кожать-Тау, мы увидѣли, въ
10 верстахъ вправо отъ дороги, коканскій городъ Кожантъ.
Такъ-какъ намъ не лежалъ черезъ него путь, то я распро-
силъ о немъ посланниковъ. Онъ расположенъ на лѣвомъ
берегу рѣки Сыръ-Дарьи, между горою Кожантъ-Тау и от-
росями хребта Бельды-Дуана, простирающагося до Бухаріи.
Городъ этотъ не менѣе Ташкента и во всемъ имѣетъ сход-
ство съ этимъ послѣднимъ. Кромѣ хлѣбопашества, жители
Кожанта занимаются разведеніемъ шелковичныхъ червей
и хлопчатой бумаги и имѣютъ обширные фруктовые сады.

Прибывъ въ деревню Самгаръ, мы расположились въ
ней дневать. Она стоитъ при ключѣ и имѣетъ не болѣе 40
домовъ. Отсюда, поворотивъ на востокъ къ деревнѣ Камышъ-
Корганъ, пошли мы въ дальнѣйшій путь, и проходя уще-
линою ссыльных горъ, которыхъ бока въ нѣкоторыхъ мѣ-
стахъ имѣютъ подобіе двухъ высокихъ стѣнъ, мы видѣли
вытекающіе изъ отлогихъ мѣстъ ихъ густые соляные клю-
чи, которые, соединяясь въ одинъ, текутъ и потомъ прев-
ращаются въ соль. Для добыванія ея съѣзжается сюда боль-
шое количество людей изъ многихъ мѣстъ Коканскаго
владѣнія.

Переночевавъ въ селеніи Камышъ-Корганъ, подобномъ
предыдущему, мы отправились въ путь и достигли до
рѣки Сыръ-Дарьи, гдѣ остановились ночевать. Въ это вре-

мя пріѣхалъ къ намъ изъ города Кокана зять младшаго посланника, служащій токсабѣ, отъ котораго узнали мы, что ханъ-Гали за семь дней передъ симъ отправился на охоту къ городу Маріаланду*). Рѣка эта (Сырѣ-Дарья), вытекающая изъ Китайскаго государства и впадающая въ Аральское море), имѣетъ широты 200 сажень, а въ глубину отъ 3 до 8 аршинъ, и изобилуетъ какъ красною, такъ и бѣлою рыбою; мѣстъ же удобныхъ для сѣнокоса, по причинѣ песчано-солонцоватаго грунта береговъ ея вовсе нѣтъ. Сырѣ-Дарья удобна для судоходства; но оно не производится на ней, потому что Ташкентцы и Коканцы весьма худые знатоки въ мореплаваніи; важнѣйшая, впрочемъ, причина этого есть недостатокъ въ лѣсѣ, годномъ для строенія судовъ, хотя и можно доставлять его съ гребта горъ Алатау, изобилующаго разнаго рода лѣсомъ; но горы эти находятся во владѣніи Дико-Каменныхъ Киргизовъ большой орды, которые, по звѣрскому праву своему и чрезвычайной привязанности къ хищничеству, не допускаютъ пользоваться богатствами земли своей, даже и за плату.

Перевозъ на сей рѣкѣ содержится частными людьми и производится на большомъ плоскодонномъ суднѣ, слѣдующимъ образомъ: вмѣсто весель и руля употребляютъ трехъ, а иногда и болѣе лошадей, которыхъ привязываютъ за гривы веревками къ носу судна, и одну изъ нихъ пускаютъ впередъ онаго, а двухъ по сторонамъ. Лошадьми сими управляютъ люди, въ носу судна сидящіе. На судно это помѣщается до 300 багановъ, и лошади, не смотря на такую тяжесть, влекомую по довольно быстрой и широкой рѣкѣ, повидимому не чувствуютъ никакой усталости.

Пошлина въ пользу содержателя перевоза собирается перевозчиками, которыхъ числомъ до 15 человѣкъ. По переправѣ черезъ рѣку и по отправленіи впередъ пріѣхавшаго къ намъ таксобы, къ управляющему вмѣсто хана, съ возвращеніемъ о нашемъ прибытіи, мы около 8 верстъ шли ими плоскими возвышенностями, совершенно безплодными. Пройдя деревню Караполясы, мы шли безпрестанно встрѣчающимися кышлаками (хуторами) до самаго Кокана.

*) Стар. Маргелана въ 14 в. отъ Новаго Маргелана (Стебелева)

Версты за три отъ города выѣхали къ намъ на встрѣчу помянутый токсоба и около 10 человѣкъ другихъ чиновниковъ и увѣдомилъ, что квартира для насъ уже очищена. Я вступилъ въ Коканъ 8 декабря, въ 5 часовъ пополудни, въ такомъ же видѣ и порядкѣ, какъ и въ Ташкентѣ, кромѣ того, что при въѣздѣ въ городъ былъ встрѣченъ однимъ курбашею, который и повелъ насъ къ назначенной намъ квартирѣ. Переходя черезъ базаръ, гдѣ по случаю торговаго дня, было большое стеченіе народа, мы были окружены множествомъ любопытствующихъ, которые, кажется, еще болѣе удивлялись нашему костюму, нежели въ Ташкентѣ. Квартира наша была въ домѣ ташкентскаго губернатора. Прибывъ въ нее, мы увидѣли тутъ коканскій караулъ, приготовленный для насъ и состоящій изъ 20 человѣкъ и одного чиновника.

Посланники оставивъ вещи до прибытія хана подъ мой караулъ, поѣхали явиться къ кожѣ-дахтѣ (достоинство коканское) управляющему въ отсутствіе хана; а мы остались въ квартирѣ. Домъ квартиры нашей окруженъ глиняною стѣною, выштукатуренъ какъ изнутри, такъ и снаружи, алебастромъ и состоитъ изъ 5-ти комнатъ, раздѣленныхъ между собою двумя корридорами. Онъ построенъ изъ глины и не имѣетъ крыши, какъ обыкновенно бываетъ въ странѣ этой, начиная отъ двора ханскаго до хижины послѣдняго гражданина. Окна въ немъ сдѣланы въ два ряда, кои перваго ряда безъ рамъ и стеколъ и суть тоже что и двери, съ тѣмъ только различіемъ что затворяются извнѣ; второго-же ряда окна сдѣланы обыкновеннымъ способомъ; но вмѣсто стеколъ въ нихъ вставляются деревянные узорчатые рѣшетки. На дворѣ выкопанъ бассейнъ, чрезъ который протекаетъ вода каналами. При домѣ находится обширный садъ съ различными фруктовыми деревьями, посреди котораго сдѣланъ также бассейнъ. Намъ были назначены три хорошія и довольно просторныя комнаты, которыхъ полы устланы персидскими коврами; одну изъ сихъ комнатъ занималъ я, а другія двѣ—казаки, со мной находящіеся.

На другой день къ намъ прибыли младшій посланникъ и курбаша и объявили, что кожа-датка опредѣлилъ для насъ по одному барану, по 15 лепешекъ хлѣба, по 15

фунтовъ плодовъ свѣжихъ и сухихъ въ сутки; по фунту чаю, по головѣ сахару на 4 дня: сверхъ сего выдавалась намъ виноградная водка, крѣпостью равняющаяся съ кизлярскою, но имѣющая непріятный запахъ. Для лошадей нашихъ отпускалось также, достаточное количество фуража. Въ пятый день по прибытіи нашемъ въ Какань, посланники посѣтили меня и сказали, что они сейчасъ отправятся къ хану съ грамотою отъ нашего Двора.— До самаго прибытія хана, стража при насъ бывшая, совершенно не выпускала насъ изъ квартиры и любопытные жители безпрестанно вторгались къ намъ. Несмотря на то, что стража выгоняла ихъ изъ воротъ палками и безпощадно била, они ни мало не ропща на это, влазили на заборы, или опять старались какъ нибудь ворваться въ ворота, желая удовлетворить любопытству своему. Я занимался въ то время нашего заточенія, составленіемъ начерно путевого маршрута и по мѣрѣ возможности старался получить какія либо свѣдѣнія о Коканіи, отъ чиновника находящагося при стражѣ и другихъ ко мнѣ пріѣзжающихъ, не подавая имъ ни какого вида о занятіяхъ моихъ, ибо былъ предувѣдомленъ о томъ въ Ташкентѣ, отъ знакомаго мнѣ Петропавловскаго татарина муллы—Губая.

Коканское владѣніе, до присоединенія къ нему Ташкентской и Туркестанской областей, граничило къ сѣверу съ Черными Дико-каменными киргизами, къ западу съ горами Кендырь—Тау; къ югу съ хребтомъ Бельда—Дуань, а къ востоку съ Кошкаріею. Климатъ у Коканіи въ сравненіи съ нашимъ чрезвычайно жаркій, снѣговъ здѣсь почти никогда не бываетъ; но часто случается весьма сильныя вѣтры, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Поверхность страны этой прорѣзывается многими горами, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ особенную высоту. Земля производитъ почти тѣ—же произростанія какъ и въ Ташкентѣ, и тѣ—же самыя средства для увеличенія плодородія ея. Занятія жителей состоятъ въ хлѣбопашествѣ, садоводствѣ, разведеніи шелковичныхъ червей и хлопчатой бумаги. Это послѣднее производится здѣсь съ большимъ искусствомъ нежели въ Ташкентѣ и потому матеріи выдѣлываемыя въ Коканіи, превосходятъ ташкентскія. Торговля производимая съ Россіею, Китаемъ, Кашкаріею, Бухаріею, Хивою и киргизами, составляетъ так-

же не маловажный источникъ народнаго богатства. Жители въ обыкновеніяхъ въ образѣ жизни и въ степени образованій имѣютъ большое сходство съ Ташкентцами. Во всемъ Коканскомъ владѣніи, опредѣленныхъ податей не платится; а въ случаѣ необходимости, какъ обращается къ правителямъ городовъ, которые собравъ съ вѣрвннхъ управленію ихъ жителей требуемое количество денегъ, скота или другихъ вещей отсылаютъ уже къ хану; ему принадлежитъ также пошлина, взимается съ приходящихъ и выходящихъ каравановъ. Въ службу вступаютъ въ Коканіи не по набору, а по желанію. Въ мирное время войско ихъ живетъ домами по городамъ и деревнямъ и занимаются различными работами и ремеслами, какъ и не служащіе граждане; въ случаѣ—же надобности, оно собирается. Войско ихъ состоитъ изъ конницы, не знаетъ ни какихъ построеній, а идетъ толпою, и не имѣетъ единообразія ни въ одеждѣ ни въ оруженіи. Артиллеріи и пѣхоты нѣтъ. Во время походовъ оно раздѣляется на части, которыми управляютъ *иллю-баши* (пятидесятники), *джюсъ-баши* (сотники); *ток-собы*; *датки* и *кушпеки*. Воины получаютъ отъ казны по два халата въ годъ, провіантъ состоящій въ мукѣ и сарачинскомъ пшенѣ и лошадь, на которую отпускается фуражъ. Опредѣленнаго-же жалованья денежнаго, они начиная съ высшаго начальника до простаго воина не получаютъ, кромѣ наградъ жалуемыхъ отъ хана, смотря по заслугамъ каждаго. Письменныхъ законовъ нѣтъ, а руководствуются при рѣшеніи дѣлъ Алкоравомъ и древними обыкновеніями. Судопроизводство совершается не на письмѣ, а на словахъ, и потому самыя большія дѣла рѣшаются очень скоро; судная власть находится большею частью въ рукахъ духовныхъ особъ. Ханъ управляетъ самовластно; онъ безъ всякаго суда отрѣшаетъ отъ должностей или казнить чиновниковъ смотря по важности преступленія. По смерти хана наследуетъ престолъ старшій сынъ его, за малолѣтствомъ котораго управляетъ *мынъ-баша* (первоприсутствующій чиновникъ въ государствѣ). Если-же у хана есть братъ, тогда ему уже вручаютъ правленіе государствомъ, а не сыну. По пресѣченіи мужскаго пола избирается на престолъ изъ среды важнѣйшихъ чиновниковъ, ибо женскій полъ не наследуетъ его. Датки и кушпеки управляющіе отдѣльными го-

родами, также имѣютъ власть казнить преступниковъ, не докладывая о томъ предварительно хану. Монета коканская бываетъ золотая, которая называется *тилля* и вѣситъ одинъ золотникъ, серебряная, называется *теньга**) и вѣсящая $\frac{3}{4}, \frac{1}{8}$ золотника и наконецъ мѣдная именуемая *пулъ* и вѣсящая 1 золотникъ; *тилля***) имѣетъ 20 тенегъ, а эта послѣдняя 76 пуловъ. Вѣсь слѣдующій: *батмакъ* заключающій въ себѣ 8 нашихъ пудовъ и *чарыкъ*, содержащій въ себѣ 2 пуда.

Я слышалъ отъ коканцевъ, что охотники отправляющіеся за добычею въ горы, часто находили тамъ самородные слитки золота и серебра; по чему должно полагать, что въ нѣдрахъ своихъ заключаютъ золото, серебро и можетъ быть другіе металлы. Но жители не упражняются въ рудокопствѣ, не имѣя о немъ понятія, а получаютъ всѣ потребныя для нихъ металлы изъ Россіи, Китая, Бухаріи. Коканцы, Ташкентцы и Туркестанцы, по причинѣ малаго количества лѣсовъ, большею частью для приготовленія пищи употребляютъ вмѣсто дровъ камышъ.

Въ Коканскомъ владѣніи кромѣ городовъ Кокана, Ташкента, Чемкета и Крейучи, въ которыхъ я былъ, находятся еще слѣдующіе Кожантъ¹, Моргаландъ, Испара, Андышантъ², Ошъ, Наманганъ, Тюсь³, Джамъ, Хавасъ, Замуль⁴, Чнягоды, Сонъ, Пюре-Корганъ и Урю-Тюбе^{5***}), года за два передъ симъ присоединенный къ Коканіи и имѣвшій до сего времени особаго владѣтеля. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ гостиные дворы, и производятъ довольно значительную торговлю.

Черезъ четыре дня по отправленіи посланниковъ прибыли къ намъ по приказанію хана изъ города Маргаланда, чиновникъ (есауль) и купецъ для доставленія намъ всего

*) Теньга по усмотрѣнію хана часто измѣняется въ величинѣ, и смотря по оной имѣетъ меньшій или большій курсъ.

**) Въ торговыхъ оборотахъ полагается на тиллю по двѣ теньги лишнихъ противъ положенія. (Примѣчанія автора записки).

***) 1, 2, 3, 4, 5, — Ходжентъ, Андижанъ, Чустъ, Займыкъ, Ура-тюбе

нужнаго. Они остановились въ одномъ съ нами домѣ и проживали тутъ до выѣзда обратно въ г. Ташкентъ.

Наконецъ черезъ 8 дней по пріѣздѣ чиновника и купца т. е. 25 декабря, возвратился съ охоты ханъ, съ которымъ прибыли посланники. На другой день пріѣхалъ къ намъ чиновникъ (щегауль), который употребляется всегда при сношеніяхъ хана съ пріѣзжающими изъ-за границы и спросивъ меня о здоровьи моемъ и количествѣ отпускаемыхъ намъ припасовъ, приказалъ находиться при насъ есаулу а купцу доставлять вдвое противъ прежняго. Въ 6-й день по возвращеніи хана прибылъ ко мнѣ тотъ же чиновникъ, щегауль, съ посланниками и объявилъ что ханъ приказалъ вещи присланныя Государемъ Императоромъ ему въ подарокъ, раскупорить и завтрашній день явиться къ себѣ. Въ это-же время посланники отдали мнѣ грамоту, ибо ханъ отъ нихъ не принялъ и приказалъ представить ему самому мнѣ вмѣстѣ съ подарками. Съ пріѣзда хана Гали*) часто бывали у меня чиновники коканскіе и видя казака безотлучно стоящаго при вещахъ съ обнаженною саблею, удивлялись этому и спрашивали меня почему онъ не можетъ отлучиться съ своего мѣста. Я объяснилъ имъ что часовой въ Россійской имперіи, за самую кратчайшую отлучку отъ мѣста своего, подвергается строгому наказанію по законамъ.

1-го января сего 1830 г. въ два часа по полудни, прибылъ ко мнѣ щегауль съ посланниками, когда мы были уже во всей готовности. Разложивъ сукно, атласы, парчи, фарфоровую и хрустальную посуду на подносы, а четыре зеркала, кинжалъ, и ружье взявъ въ руки, 25 человекъ коканцевъ понесли всѣ эти вещи, слѣдуя другъ за другомъ; по сторонамъ ихъ шли 6 человекъ казаковъ, съ обнаженными саблями и по нѣскольку человекъ коканской полицейской стражи, а я съ щегауломъ и посланниками ѣхали верхомъ впереди. Направляя путь къ дому кожи-дакты, у котораго ханъ находился на праздникъ, мы были безпрестанно окружаемы народомъ, что съ трудомъ было можно

*) Извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Мадали-Хана или Мухаммедъ-Али тогда еще очень молодого человека, прославившагося въ послѣдствіи своей свирѣпостью и покореніемъ многихъ изъ сосѣднихъ владѣній закончившимся въ 1842 бунтомъ и убіеніемъ Али. Г. К.

идти, въ особенности же когда проходили черезъ базаръ гдѣ коканская стража, едва могла разчищать для насъ дорогу, разгоняя любопытствующую толпу палками; многіе взлѣзали даже на дома и заборы, дабы удобнѣе разсматривать вещи, а особенно блестящій кинжалъ и зеркала, которыхъ здѣсь никогда не видали. При подъѣздѣ къ дому шеггаулъ остановилъ насъ и велѣлъ мнѣ и посланникамъ слазить съ лошадей. Исполнивъ это я поставилъ коканцевъ несущихъ подарки во фронтъ, а казаковъ противу нихъ. Въ то время какъ я разставлялъ людей, провели къ хану Бухарскихъ посланниковъ.

Спустя нѣсколько времени вышли къ намъ первенствующій чиновникъ мынъ-баша и хозяинъ дома хожа-дотка, изъ которыхъ первый держалъ въ правой рукѣ коротенькое серебрянное копьеце съ позолоченнымъ черешкомъ, положивъ его на лѣвую руку; а второй такимъ-же образомъ несъ серебрянный съ позолоченнымъ черешкомъ топорикъ. Мынъ-баша спросилъ меня есть-ли при мнѣ переводчикъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ повелъ меня къ хану. Оставивъ казаковъ при вещахъ, мы вошли на дворъ гдѣ я увидѣлъ сидящихъ на разостланныхъ коврахъ гостей въ разноцвѣтныхъ халатахъ и чалмахъ. Войдя на другой дворъ на которомъ, также сидѣли на персидскихъ и бухарскихъ коврахъ гости, я увидѣлъ комнату съ двумя окнами и одною дверью, по сторонамъ которой стояли толпы коканцевъ, одѣтыхъ въ богатые халаты и чалмы различнаго цвѣта и держащихъ точно также какъ вышеупомянутые чиновники небольшіе топорики съ серебрянными черешками. Это была стража ханская, какъ я узналъ послѣ.—Здѣсь Мынъ-баша сказалъ мнѣ что въ этой комнатѣ я долженъ буду явиться къ хану, предупредивъ чтобъ я не снималъ предъ нимъ кивера.—Я развернулъ грамоту и положилъ ее на обѣ руки, а они подхвативъ меня подъ нихъ, повели въ означенную комнату и введя въ нее подвели къ хану. Онъ принялъ отъ меня грамоту, подалъ мнѣ руку, которую я долженъ былъ по ихъ обыкновенію пожать обѣими руками. Ханъ сидѣлъ на зеленыхъ канфовыхъ подушкахъ съ золотыми бахрамами, лежащихъ на небольшомъ диванѣ, обитыхъ также канфою; а противъ него сидѣли на полу, устланномъ богатыми персидскими коврами, бухарскіе пос-

ланники, о которыхъ я сказалъ выше. Ханъ имѣеть 22 года отъ роду, очень тученъ и около 2 аршинъ 12 вершковъ росту. На немъ были темно-зеленая канфова шуба, на собольемъ мѣху и чалма алаго цвѣта. Когда меня отвели отъ хана, не обращаясь къ нему спиною, и поставили къ двери, онъ спросилъ меня о здоровьи и благодарилъ за благополучное доставленіе посланниковъ. Такимъ-же образомъ вводили и урядника.

Послѣ того насъ вывели изъ комнаты на дворъ и велѣли ввести на него казаковъ. Какъ скоро я ввелъ ихъ и поставилъ во фронтъ, ханъ вставъ съ дивана, подошелъ къ окну, приказалъ казаковъ подвести ближе къ нему и долго смотрѣлъ на нихъ съ видомъ удовольствія; потомъ принесли вещи, которыя поставили противъ окна на разостланные ковры, а намъ велѣли отправиться въ свое мѣсто.

Вслѣдъ за нами кожа-датка прислалъ намъ четыре головы сахару, на 10 подносахъ разныхъ той страны фруктовъ и двухъ барановъ, извиняясь, чрезъ посланнаго при семъ чиновника, что не могъ угостить насъ въ своемъ домѣ. Съ того времени намъ уже позволено было ѣздить по всему городу, но только съ чиновникомъ, находящимся при насъ и стражею, и я пользуясь этимъ случаемъ осмотрѣлъ городъ Коканъ. Онъ расположенъ на ровномъ мѣстоположеніи, по обѣимъ сторонамъ небольшой отлогобереговой рѣчки Караталь, и не имѣеть никакого укрѣпленія. Черезъ рѣчку сдѣланы въ городъ два каменные, съ башнями при въѣздахъ и выѣздахъ, моста, изъ которыхъ одинъ противъ Ханскаго дворца. Городъ имѣеть въ окружности 25 верстъ число домовъ простирается до 3,000 изъ которыхъ есть много хорошихъ, и хотя изъ глины, но весьма искусно сдѣланныхъ. Двухъэтажный дворецъ хана стоитъ въ серединѣ города, окруженъ, со всѣмъ принадлежащимъ къ нему строеніемъ, высокою глиняною стѣною и построенъ частію изъ кирпича частію изъ глины и какъ изнутри, такъ и извнѣ выштукатуренъ алебастромъ. Въ городѣ находятся около 100 мечетей которыя имѣють довольно хорошіе фасады. Большая часть ихъ построена изъ кирпича, а не изъ глины. Жителей считается до 15,000, кромѣ женскаго пола; въ этомъ числѣ 4,000 войска. Дома зажиточныхъ людей штукатурены и получаютъ видъ каменныхъ. Улицы здѣшнія не вымощены,

очень тѣсны и кривы. Въ Коканѣ находится 6 рынковъ, съ каменными дворами (сараями), изъ которыхъ въ двухъ торгуютъ тамошніе жители, а остальные четыре всегда занимаются приходящими изъ разныхъ странъ караванами. Торги бываютъ три раза въ недѣлю: воскресенье, среду и четвергъ. Въ это время привозятъ изъ окрестныхъ городовъ и селеній, въ большомъ количествѣ, разные товары коканскаго издѣлія и разныя произведенія той страны. Шелковыя и бумажныя матеріи выдѣлываютъ здѣсь по домамъ, а фабрикъ не находится, кромѣ фабрики писчей бумаги и порохового завода. Какъ въ городѣ, такъ и въ окружающихъ его деревняхъ есть много фруктовыхъ садовъ. Жители, сверхъ садоводства и торговли, занимаются разведеніемъ шелковичныхъ червей, хлопчатой бумаги и хлѣбопашествомъ, отъ чего окрестности Кокана окружены полями, засѣянными разнымъ хлѣбомъ; скота имѣютъ немного, потому что большую часть луговыхъ мѣстъ употребляютъ подъ пашни. Въ городѣ находится довольно древнихъ намятниковъ, разрушающихся отъ времени. На другой день ханъ просилъ прислать къ себѣ одного казака во всей аммуниціи, почему я послалъ къ нему, съ урядникомъ Бутаковымъ, казака Запороженскаго.

Снявъ съ казака ружье и суму, онъ осматривалъ ихъ и потомъ прислалъ ружье, подаренное ему Государемъ Императоромъ, что-бы сдѣлать для него патроны и вернуть кремень.

Во время празднества, которое хожа-датка давалъ по случаю обрѣзанія сына своего, которое продолжалось съ 26 декабря 1829 по 10 января 1830 года, я былъ часто приглашаемъ шегауломъ, по приказанію хана, на фейерверкъ, который былъ составляемъ бѣглымъ Казанскимъ татаринѣмъ и состоялъ изъ ракетъ, шутихъ, бураковъ и колесъ. На празднество это, кромѣ жителей Кокана, съѣзжались еще изъ другихъ городовъ. Угощеніе обыкновенно состояло въ чаѣ, курительномъ табакѣ, различныхъ плодахъ и пилавѣ. Тутъ играла музыка, производилась пляска, борьба, бѣганье и безпрестанное стрѣлянье изъ ружей. По окончаніи празднества Хожа-датка дарилъ всѣхъ значительныхъ гостей халатами, и въ томъ числѣ меня. Въ это время къ намъ

на квартиру приводили слона, котораго коканскій ханъ получилъ отъ двора бухарскаго.

13 числа ханъ просилъ меня черезъ шегаула показать ему ученъе. Въ 3 пополудни я отправился во дворецъ его съ казаками одѣтыми во всю форму. При вѣздѣ въ ворота ханскаго дворца, подлѣ которыхъ лежали чугуныя и мѣдныя пушки, единороги и мортиры безъ лафетовъ, шегауль остановилъ насъ и поѣхалъ доложить хану о прибытіи нашемъ. Мы были окружены здѣсь множествомъ народа, смотрящаго на насъ съ удивленіемъ. Черезъ четверть часа шегауль возвратился и ввелъ насъ на дворъ, въ которомъ также лежали орудія. Подъ окномъ нижняго этажа дворца, состоящаго изъ двухъ отдѣленій, раздѣленныхъ между собой корридормъ, увидѣлъ я хана; внѣ комнать у окна стоялъ мынъ-баша, а подлѣ стѣны дома, подъ навѣсомъ, сидѣли многіе чиновники на коврахъ. Я заставилъ казаковъ своихъ маршировать, дѣлать различные обороты, сабельныя приемы, фланкированье пиками и стрѣлять изъ ружей. По окончаніи ученья мынъ-баша подошелъ ко мнѣ и благодарилъ меня отъ имени хана, сказавъ, чтобы мы отправились въ квартиру.

На другой день, въ 10 часовъ утра, ханъ прислалъ съ шегауломъ въ подарокъ китайскій и бухарскій халаты, кашмировый поясъ, бухарской породы аргамака и пятьсотъ тенегъ для меня и по два халата коканскаго издѣлія, по поясу и тысячу пятьсотъ тенегъ для казаковъ; при томъ шегауль объявилъ, что ханъ приказалъ намъ черезъ три дня отправится въ городъ Ташкентъ, въ сопровожденіи младшаго посланника (бокъ-чобора), изъ которыхъ первый долженъ проживать съ нами въ Ташкентѣ до отпращиванія нашего въ русскіе предѣлы, а послѣдній только проводить до упомянутаго города, присокупивъ къ этому, что подъ сѣздъ нашъ будутъ готовы лошади. 16 числа января мы отправились изъ Кокана по прежнему тракту до рѣки Сыръ-Дарьи, гдѣ остановились ночевать. Переправясь черезъ нее и взявъ прямую дорогу черезъ горы Кендыръ-Тау*) мы прибыли въ селеніе Шайдамъ. Оно расположено на ключѣ, при подошвѣ горы Кендыръ-тау, не имѣетъ никакого

*) Четкальскій хребетъ.

укрѣпленія и состоитъ изъ 95 домовъ. Жителей исключая женскаго пола, считается около 300 душъ, которые занимаются исключительно хлѣбопашествомъ. Отсюда пошли мы гористыми мѣстами до самой большой высоты горъ, чрезъ которую намъ должно было переходить, и ночевали въ деревняхъ Мулламиръ, состоящей изъ трехъ домовъ. До этого мѣста мы видѣли въ двухъ мѣстахъ, постоянные дома, построенные для укрытія проезжающихъ отъ бурановъ. На высоту хребта поднимались мы по узкой, крутой и весьма излучистой дорожкѣ, имѣя по лѣвую руку весьма глубокую пропасть, а по правую—гору, съ выдавшимися изъ покатостей ея огромными камнями, грозящими паденіемъ своимъ раздавить предпріимчивыхъ путешественниковъ. Дно пропасти поросло деревьями, между которыми протекалъ, съ большимъ шумомъ—ключъ; а съ крутого и каменистаго ея ската нависли большія каменные массы. Съ не малымъ трудомъ взобравшись на высоту, мы начали спускаться по чрезвычайно крутой и узкой тропинкѣ, имѣющей по обѣ стороны глубокія пропасти поросшія лѣсомъ. Скаты ихъ также имѣли много нависшихъ камней и по крутости своей уподоблялись стенамъ. Спускаясь съ горы мы должны были идти пѣшкомъ и вести за поводъ лошадей и верблюдовъ своихъ; но при всей осторожности, эти послѣдніе не рѣдко падали. Пройдя благополучно высоту Кендырь-Тау, мы вступили въ узкую мало по малу расширяющуюся ущелину, по которой извивался свѣтлый ручей и гдѣ росли можжевельныя деревья; по обѣ стороны мы имѣли крутыя и высокія каменные горы. При выѣздѣ изъ ущелины, въ которой находились два постоянные дома, построенные также для укрытія проезжающихъ отъ бурь, остановились мы ночевать. На слѣдующій день прибыли мы на ночлегъ въ деревню *Теляу-Корганъ*. Во время этого пріѣзда, мы встрѣтили каменную выстроенную нынѣшнимъ ташкентскимъ губернаторомъ, мечеть при которой находился караулъ. Деревня Теляу-Корганъ находится при рѣчкѣ Ангартъ, состоитъ изъ 80 домовъ и не имѣетъ укрѣпленія. Потомъ имѣя ночлеги въ деревнѣ Кара-Китай-Корганъ расположенной при рѣчкѣ Ангоръ и имѣющей около 100 домовъ, и въ небольшой деревнѣ Карасу, стоящей при рѣчкѣ того-же имени мы прибыли 24 января

ря въ городъ Ташкентъ. Жители всѣхъ этихъ деревень занимаются хлѣбопашествомъ. *).

Чиновникъ отправленный съ нами до Ташкента, сдавъ насъ кушпеку, возвратился въ Коканъ; а мы остались до удобнаго времени къ отправленію. Квартира наша находилась въ Крѣпости въ домѣ вновь выстроенномъ для сына своего. Къ намъ былъ высланъ караулъ при одномъ чиновникѣ. Здѣсь отпустилось намъ по приказанію хана, тоже самое количество провіанта которое мы получали въ Коканѣ до его пріѣзда и позволялось выѣзжать въ городъ, но съ чиновникомъ.

Ташкентъ расположенъ при рѣчкѣ *Саларкѣ*, въ лощинѣ образуемой небольшими возвышенностями; окруженъ со всѣхъ сторонъ глиняною стеною, разрушающеюся отъ времени, и содержитъ около 20 верстъ въ окружности. Число жителей кромѣ женскаго пола простирается до 10,000 душъ, въ этомъ числѣ около 3000 человѣкъ войска Коканцевъ, которые имѣютъ въ крѣпости дома свои, числомъ до 600. Всѣхъ домовъ въ городѣ считается до 2000 и до 50-ти частью изъ кирпича, частью изъ глины выстроенныхъ мечетей, не худой архитектуры. Всѣ дома дѣлаются, какъ обыкновенно, изъ глины безъ крышъ и окнами на дворъ; а у богатыхъ они штукатуруются алебастромъ снаружи и внутри. Въ крѣпости находится одинъ только двухъэтажный домъ, который выстроенъ изъ кирпича, для пріѣзда хана. Улицы здѣшнія тѣсны, кривы и ни чѣмъ не вымощены. Въ Ташкентѣ находится 5 рынковъ съ 5-ю сараями, изъ которыхъ 3 каменные, а 2 глинянные; между ними выстроенъ изъ глины огромный гостинный дворъ. Въ первыхъ 3-хъ торгуютъ иноземцы, а въ послѣднихъ здѣшніе жители; здѣсь находятся 2 древнія каменные мечети, которыя уже разрушаются отъ времени. Мечети сіи гораздо лучшей архитектуры, нежели нынѣшнія и покрыты плитами финиста, на которыхъ находятся надписи; но литеры до того стерлись, что

*) Судя по неоднократнымъ ссылкамъ и описаніямъ горъ Кендыртау за время слѣдованія автора отъ Ташкента въ Коканъ и обратно, нужно думать что подъ такимъ общимъ названіемъ горъ, авторъ Записокъ разумѣетъ всю систему Ю. З. отроговъ Тянь-Шаня включая Таласскій Алатау, Казы-куртъ и Четкаль съ ихъ отвлѣченіями вплоть до Ферганской долины. Г. К.

ихъ разобрать невозможно. Судя по тому, что зданія эти сдѣланы съ извѣстью, можно отнести построеніе ихъ къ тѣмъ временамъ, когда страны эти населены были другими народами; ибо въ коканскомъ владѣніи никогда не употребляютъ при постройкахъ извести. По срединѣ города Ташкента находится порядочной высоты гора, на которую часто жители собираются для увеселеній. Я также выѣзжалъ на нее, для лучшаго обозрѣнія города, который, имѣя много фруктовыхъ садовъ, представляется отъ-туда какъ-бы стоящимъ въ лѣсу.

Находясь въ Ташкентѣ я имѣлъ случай видѣть казнь, преступниковъ: За смертоубійство, заговора, измѣну и прочія важныя преступленія и даже за невѣрность мужу, подвергаются здѣсь висѣлицѣ, или другой какой либо смертной казни, а за воровство отсѣкаютъ по кисть руку. Впрочемъ бывають случаи, что на преступниковъ, уличенныхъ въ смертоубійствѣ, и за невѣрность мужу вмѣсто казни налагается *кунъ* (плата), изъ котораго одна часть поступаетъ въ казну, а другая отдается родственникамъ убитаго или обезчещенной женщины. Слѣдующее происшествіе можетъ служить этому доказательствомъ. Однажды поѣхалъ я къ одному знакомому моему татарину и, проѣзжая мимо разрушающейся мечети, увидѣлъ толпу народа, посреди котораго стояла подъ покрываломъ рыдающая женщина. Распросивъ объ этомъ находящагося со мною чиновника, я узналъ, что женщина эта обличена своимъ мужемъ въ невѣрности, и предоставлена имъ на судъ, который приговорилъ сбросить ее съ мечети. Несчастную жертву слабости и страстей человѣческихъ ввели на самый верхъ мечети и столкнули. Сердце мое облилось кровью, при взглядѣ на обезображенный трупъ ея, и я тотчасъ удалился отъ этого плачевнаго и вмѣстѣ ужаснаго позорища. Любовникъ этой женщины былъ приговоренъ къ платежу въ казну 200 червонцевъ и съ помощью богатыхъ родственниковъ заплатилъ сумму эту; въ противномъ случаѣ онъ также-бы долженъ былъ лишиться жизни. Послѣ этого мнѣ случалось нѣсколько разъ видѣть какъ повѣшеніе преступниковъ, такъ и отсѣченіе рукъ у нихъ *).

*) Замечательно что столь строгое отношеніе къ цѣломудрію обоихъ половъ населенія ханства не помѣшало самому хану Мухаммедъ-

По окончаніи поста, который продолжался отъ 13 февраля до 19 марта, по обыкновенію магометанъ, начался здѣсь праздникъ (*Майранъ*). По утру часовъ въ девять губернаторъ и многіе граждане отправились въ главную мечеть на моленіе, совершаемое первенствующею духовною особою въ городъ *кожою*. Отъ самага дома губернатора до мечети, на пространствѣ двухъ верстъ, были поставлены по сторонамъ дороги войны, въ пяти саженьяхъ одинъ отъ другого, которые, во время проѣзда кушпека, стрѣляли изъ ружей. Послѣ молитвы всѣ чиновники отправились къ губернатору на обѣдъ, куда приглашенъ былъ и я съ казаками. Гости расположились на полу, устланномъ богатыми коврами и были угощаемы чаемъ и различными плодами, а послѣ пилавомъ и мелко искрошеннымъ мясомъ бараньимъ, верблюжьимъ и лошадинымъ.

Во время праздника запрещено было торговать на опредѣленныхъ для торга мѣстахъ, но на горѣ, о которой я упоминалъ прежде, и на возвышенностяхъ, находящихся за городомъ, гдѣ были разбиты палатки и гдѣ многочисленные жители, въ продолженіе цѣлой недѣли увеселялись музыкою, пляскою, борьбою, бѣганьемъ и сраженіями верблюдовъ, козловъ, барановъ и кикиликовъ (рыбчиковъ — самцовъ). Хозяева этихъ животныхъ за побѣды ихъ получали призы, иногда довольно значительные*).

За два дня передъ нашимъ отправленіемъ, губернаторъ потребовалъ меня къ себѣ и спросилъ, нужно-ли мнѣ людей, для сопровожденія до рѣки Чуй; но я объявилъ ему что не имѣю въ томъ надобности.

Намѣреваясь отправиться по предписанію хана, для возвращенія подвластныхъ Коканіи киргизовъ Таминской во-

Али, прославившемся своимъ распутствомъ и впоследствии даже женившимся на своей мачихѣ, что по шаріату составляетъ величайшее преступленіе. Г. К.

*) Весьма интересно и поучительно сравнить описаніе Кокана и Ташкента авторомъ настоящей Записки съ таковымъ же описаніемъ этихъ городовъ и страны Назаровымъ, бывшимъ здѣсь съ казачьимъ отрядомъ за 16 лѣтъ до Потанина, именно въ 1813 г.—Описаніе того и другого частью взаимно подкрѣпляются, а частью дополняютъ, одно другое представляя въ совокупности весьма полную и правдивую картину состоянія тѣхъ странъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Г. К.

лости, которые откочевали къ дикокаменнымъ киргизамъ, Губернаторъ распростился со мною и пожелалъ благополучнаго возвращенія на родину.

На другой день онъ выступилъ съ войскомъ до 15,000 простирающимся и собранныхъ изъ самага Ташкента, изъ окрестныхъ городовъ и селеній. Войско ѣхало безъ всякаго порядка; одни изъ воиновъ вооружены были саблями и ружьями, другіе ружьями и пиками, нѣкоторые-же стрѣлами и саблями. Одежда ихъ состояла въ разноцвѣтныхъ халатахъ, а на головахъ, одни имѣли чалмы различнаго цвѣта, а другіе—небольшія круглыя шапочки.—На девяти верблюдахъ утверждены были длинныя и широкодульныя ружья, изъ которыхъ стрѣляютъ большими пулями, величиною въ картечь и которыя употребляются вмѣсто пушекъ. Впереди везлись 4 знамени изъ шелковыхъ матерій разнаго цвѣта; два изъ нихъ были съ золотыми бахромами и съ золотымъ вензелемъ хана, а другія два безъ бахромы и безъ вензелей. На шестидесяти верблюдахъ навьючены были различные товары, опредѣленные въ награду воинамъ, отличившимся въ дѣйствіяхъ противъ киргизовъ.

Черезъ день по выѣздѣ кушпека, т. е. 1-го Апрѣля, выступилъ я изъ города Ташкента, съ отрядомъ моимъ въ предѣлы русскіе и тѣмъ-же трактомъ.

Во время шествія нашего, видѣли мы, что поля были уже засѣяны, деревья одѣты листьями и цвѣтами, луга покрыты зеленью и украшены разнородными цвѣтами и легкій утренній вѣтерокъ, разнося ароматическія испаренія ихъ, манилъ наше обояніе; а мелодическія трели соловья и другихъ птичекъ и тихое журчаніе кристальныхъ рѣчекъ и ручейковъ, извивающихся по цвѣтущимъ полямъ и золотистымъ весеннимъ солнцемъ услаждали слухъ нашъ. Идущіе въ различныхъ направленіяхъ хребты горъ, или покрытыя лѣсомъ, или обнаженные и съ нависшими камнями по скатамъ, изъ которыхъ мѣстами бьютъ прохладные источники и разбросанныя деревеньки, съ фруктовыми садами, представляли намъ собою плѣнительные ландшафты. Но несмотря на роскошную природу здѣшнюю и обиліе въ дорогѣ ея, я безъ всякаго сожалѣнія оставилъ страны эти и нетерпѣливо желалъ скорѣе возвратиться въ хладное

отечество свое и въ это время еще болѣе удостовѣрился въ справедливости выраженія извѣстнаго поэта:

„Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ“.

Хлѣба здѣсь засѣваются слѣдующіе: калмыцкая пшеница, сарачинское пшено, просо, ячмень и джюгара, похожій на нашъ горохъ и употребляемый только вмѣсто фуража лошадямъ; арбузы и дыни также сѣются на полѣ. Для пашни употребляютъ вообще быковъ, запрягая ихъ въ плуги, особеннаго противъ нашихъ устройства.

15-го числа прибыли мы въ деревню *Чолакъ-Корганъ* и нашли тутъ караванъ, идущій изъ Ташкеніи въ киргизскія волости и въ городъ Семипалатинскъ.

Ташкентцы убѣждали меня идти съ ними чрезъ урочище, лежащее на голодной степи, *Чонасъ*, представляя мнѣ, что рѣка Чуй на прежнемъ моемъ трактѣ широко разлилась, а по предполагаемой ими на рѣчкѣ этой находится готовый уже мостъ; но зная, что путь этотъ гораздо продолжительнѣе, я отказался отъ ихъ предложенія, оставя караванъ, пошелъ далѣе.

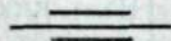
Переправясь чрезъ рѣку Чуй, мы увидѣли киргизовъ, которые находились въ работникахъ въ ташкентскомъ караванѣ. Караванъ этотъ вышелъ изъ Ташкента въ городъ Семипалатинскъ въ январѣ мѣсяцѣ и услышавъ отъ киргизовъ, что далѣе по тракту его вышалъ большой снѣгъ, остановился зимовать при р. Чуй. Въ Мартѣ мѣсяцѣ караванъ отправился въ путь; но на песчаной степи, при урочищѣ *Тюсъ-булакъ*, захватилъ его жестокій буранъ, который продолжался не малое время. Отъ недостатка въ кормѣ и отъ сильнаго холода Ташкентцы потеряли много лошадей и верблюдовъ, такъ что принужденными нашлись, оставить въ степи табакъ и другія не столь дорогія вещи.— Не находя надобности во многихъ работникахъ, они оставили киргизовъ этихъ, которые возвратясь къ рѣкѣ Чуй, не могли переправиться чрезъ нее, по большому ея разлитію, и не имѣя никакихъ припасовъ, питались лягушками, черепахами и разными гадами, также ревенными корнями и листьями. Сжалась надъ ихъ положеніемъ, я накормилъ ихъ мясомъ, далъ одного барана и переправилъ чрезъ рѣку.

Съ сего мѣста мы пошли по прежнему тракту и достигнувъ до рѣки *Токрау*, при которой нашли множество ауловъ Алтеке-Сарымовской волости, поворотили мимо Каркаралинскихъ горъ на форпостъ Семіярскій, куда и прибыли 24 Мая.

Н. Потанинъ.

Приложеніе къ „Запискамъ“ Н. И. ПОТАНИНА.

Описаніе пути слѣдованія Хорунжаго Н. И. П о т а н и н а
въ 1829 г. отъ гор. Семипалатинска до гор. Наканда.

Извлеченіе изъ подлинныхъ путевыхъ журналовъ
Потанина (составл. Г. Е. Катанаевымъ).

І М А Р Ш Р У Т Ъ

Мѣс. и число.	Названіе мѣстъ остановокъ (ночлеговъ и дневовъ).	Разстояніе между и. остановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣчанія и ссылки на пункты „Описанія“.
Сентябрь.				
1	Отрядъ выступилъ изъ г. Семипалатинска и на лѣвомъ бер. р. Иртыша противъ города простоялъ на мѣстѣ до 10 числа.			
10	Отрядъ слѣдовалъ отъ р. Иртыша до урочища Чать . .	23 ³ / ₄ в.	За время ночлега термометръ Реом. показывалъ отъ 10—16° тепла. — Вода въ рѣчкѣ, при которой останавливался отрядъ, прѣсная; мѣста при ней для пастбища удобныя.	

Мѣс. и чис.	Названіе мѣстъ остано- вокъ (ночлеговъ и дневокъ).	Разстоя- ніе меж- ду п. ос- тановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣчанія и ссылки на пункты „Описанія“.
11	До ночлега при по- дошвѣ горъ Семи- тау	12 ¹ / ₂ в.	Термометръ Р. 8—12°. Вѣ ключѣ Узунъ-булакѣ, при которомъ отрядъ остано- вливался, вода весьма хорошая и мѣста при немъ для пастбищъ удобныя.	См. Краткое Описаніе П. Б.-а) горы Семи-тау.
12	До уроч. Учъ-та- ганъ	21 ³ / ₄ в.	По Р. 7—13°.—Вода въ колодцахъ при ночлегѣ прѣ- сная. Пастбища удобныя.	См. Краткое Описаніе П. А.-І. Рѣчка Мукурка и Чаганъ.
13	До подошвы Обалы когалы	19 ³ / ₄ в.	По Р. 5—10°. Въ колод- цахъ при ночлегѣ вода прѣсная, пастбища удобныя.	Кр. Описан. П. Б. 6. и в. Аболы Кога- лы Джосалы, Атынтай Аргали Кельменберъ и другія
14	До подошвы сопокъ Джосалы и Атынъ- тай	22 ¹ / ₂ в.	Темпер. 4—12°. Въ ко- лодцахъ вода прѣсная. Па- стбища удобныя.	
15	До уроч. Акъ-чій.	22 ¹ / ₂ в.	Темп. 6—11°. Вода въ двухъ колодцахъ прѣсная, въ третьемъ осолодковая. Пастбища удобныя.	
16 17	Отрядъ стоялъ на отдыхѣ	—	Температура 7—14°.	См. Краткое Описаніе П. Б.-г).

Мѣс. и чис.	Названіе мѣстъ остано- вокъ (ночлеговъ и дневокъ).	Разстоя- ніе меж- ду п. ос- тановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣчанія и ссылки на пункты „Описанія“.
18	Отъ ур. Акъ-чій до уроч. Кара-бу- лакъ.	21 ³ / ₄ в.	Темп. 5-10°. Вода въ колодцахъ прѣсная. Паст- бища удобныя.	Сопки Чолъ-Одыръ Сувеусъ Сункаръ.
19	До уроч. Чій-ды- кудукъ.	23 в.	Темп. 2-12°. Вода въ колодцахъ прѣсная. Паст- бища удобныя.	Кр. Описаніе П. Б.-д). Арчалы, Де- геленъ.
20	До подошвы горъ Абралы	36 ¹ / ₂ в.	Темпер. 2-10°. Вода въ ключѣ Абралы прѣсная. Пастбища удобныя.	Кр. Описаніе П. Б.-е). Гора Абралы
21	До подошвы тѣхъ- же горъ съ другой стороны при томъ-же ключѣ Абралы-кара- су	19 ³ / ₄ в.	При ночлегѣ темп. 3-16°.	
22	До подошвы горъ Аркалыкъ и Кокче- тавъ.	14 в.	Темп. 7-15°. Вода въ колодцахъ прѣсная. Пастб. удобн.	Кр. Описаніе П. Б.-ж). Сопки Ар- Калыкъ.
23	Дневка.	—	Температ. 2-8°.	
24	До уроч. Кувсак- тынъ-баши	22 в.	Темп. 1-5°. Вода въ колодцахъ прѣсная. Пастби- ща удобн.	Кр. Описаніе П. Б.-з).
25	До подошвы горъ Темирчи	32 ³ / ₄ в.	Темп. 3-9°. Вода въ ключѣ Темирчи-булакъ прѣ- сная. Пастбища удобныя.	Кр. Описаніе П. Б.-п). гор. Темирчи и Кечибай.

Мѣс. и чис.	Названіе мѣстъ остано- вокъ (ночлеговъ и дневокъ).	Разстоя- ніе меж- ду п. ос- тановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣчаніе и ссылка на пункты „Описанія“.
26	Дневка.	—	Темпер. 2—3°.	
27	До подошвы горъ Кечубай.	21 в.	Темпер. 2—5°. Вода въ колодцахъ прѣсная. Мѣста для пастбища удобныя.	П. Б.-і). Бишъ-чока, Бюрюкъ- ташъ.
28	До рѣчки Казан- гапъ.	29 ³ / ₄ в.	Темпер. 2—14°. Вода въ рѣчкѣ Казангапъ соленая, а въ колодезяхъ прѣсная. Мѣста для пастбища удоб- ныя.	См. Кр. Оп. П. А.-2). Казангапъ.
29	До подошвы горъ Кызыль-Рай	16 в.	Темпер. 6—15°. Вода въ ключѣ на мѣстѣ остановки хорошая; м. для пастбища удобныя.	Кр. Описаніе П. Б.-к). Гор. Кызыль Рай.
30	Дневка.		Температ. 8—20°.	
Октябрь				
1	До вершины ключа Бегазы-булакъ	23 в.	Темпер. 7—20°. Вода въ ключѣ весьма хорошая. Па- стбища удобныя.	
2	До рѣчки Токрау.	29 в.	Темпер. 5—16°. Вода въ рѣчкѣ весьма хорошая. Па- стбища удобныя.	Кр. Описаніе П. А.-3). рѣч. Токрау.
3	До уроч. Дастаръ- баши	31 ³ / ₄ в.	Темпер. 1—7°. Вода въ колодезяхъ при м. останов- ки прѣсная; пастбища удоб- ныя.	П. Б.-л). Гор. Достаръ баши и пр.

Мѣс. и чис.	Названіе мѣстъ остано- вокъ (ночлеговъ и дневокъ).	Разстоя- ніе меж- ду п. ос- тановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣчанія и ссылки на пункты „Описанія“.
4	До рѣчки Большо- й-Джамчи	16 ³ / ₄ в.	Темпер. 3—8°. Вода въ рѣчкѣ прѣсная; пастбища удобныя.	Кр. Описаніе П. А.-4). р.р. Большая и малая Джамчи.
5	Дневка	—	Температура 5—12°.	
6	До рѣч. Малой- Джамчи	25 ¹ / ₄ в.	Температ. 6—23°. Вода въ рѣчкѣ хорошая; пастб. удобн.	
7	До ключа Акчетав- дынь-Булакъ	11 ¹ / ₄ в.	Темпер. 8—20°. Вода въ ключѣ хорошая; пастб. удоб- ныя.	П. Б.-м). горы Акче- тау.
8	До ключа Котанъ- Булакъ	37 ³ / ₄ в.	Темпер. 7—23°. Вода въ ключѣ хорошая; пастбища удобныя.	П. Б.-н). Кара-чока, Найза Кере- ге-таъ и проч.
9	До ключа Талды- Булакъ	13 в.	Темпер. 10—28°. Вода въ ключѣ очень хорошая. Мѣста для пастб. удобн.	
10	До рѣчки Чумекъ	22 ¹ / ₄ в.	Темпер. 7—25°. Вода въ рѣчкѣ прѣсная; пастбища удобныя.	Кр. Описаніе П. А.-5). р.р. Чумекъ и Мониты.
11	До ключа при по- дошвѣ горы Аркарды и Кошкелевченъ Аркарды-Булакъ. . .	22 ¹ / ₄ в.	Темпер. 2—50. Вода въ ключѣ прѣсная; пастбища удобныя.	П. Б.-о). гор. Аркарды Кошкелевъ

Мѣс. и чис.	Названіе мѣстъ остано- вокъ (ночлеговъ и дневокъ).	Разстоя- ніе меж- ду п. ос- тановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣчаніе и ссылка на пункты „Описанія“.
12	До урочища Сары- Терекъ	27 ³ / ₄ в.	Темпер. 2—13°. Вода въ ключѣ при ночлегѣ прѣс- ная; пастбища удобныя.	
13	Дневка.	—	Температура 4—12°.	
14	До подошвы горъ Тай-Атканъ-Чунакъ.	29 в.	Темпер. 2—6°. Вода въ колодезяхъ при ночлегѣ прѣсная. Мѣста для пастб. удобныя.	П. Б.-п). Тай-Атканъ
15	До вершины рѣ- чки Дувананы-чій .	11 в.	Темпер. 5—25°. Вода въ рѣчкѣ прѣсная, пастбища удобныя.	Кр. Описаніе П. А.-6). р. Дувананы чій.
16	На той-же рѣчкѣ внизъ по ея теченію	31 ³ / ₄ в.	Темпер. 5—15°. Вода въ нѣкоторыхъ омурахъ рѣч- ки прѣсная, а болѣе соле- ная. Мѣста для пастбища малоудобныя.	
17	До подошвы горъ Койлюбай-Болатъ .	36 ¹ / ₄ в.	Темпер. 2—17°. Вода въ ключахъ при ночлегѣ весь- ма хорошая; пастб. удобн.	П. Б.-р). Койлюбай Болатъ.
18	Дневка.	—	Темпер. 5—20°.	
20	До ключа Айна- Булакъ	21 ¹ / ₂ в.	Темпер. 3—5°. Вода въ ключѣ хорошая; мѣста для пастбища малоудобныя.	

Мѣс. и чис.	Названіе мѣстъ остано- вокъ (ночлеговъ и дневокъ).	Разстоя- ніе меж- ду п. ос- тановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣчанія и ссылки на пункты „Описанія“.
21	До урочища Сув- сусъ-кара	30 ¹ / ₈ в.	Темпер. 5—9°. Вода въ колодезяхъ при ночлегѣ осолодковая; мѣста для пастбища малоудобныя.	
22	До подошвы горъ Эргенекты-пыстакъ.	36 ¹ / ₄ в.	Темпер. 5—15°. Вода въ ключѣ при м. ночлега весь- ма хорошая; пастб. удобн.	П. Б.-с). Гор. Эргене- кты- пыс- такъ.
23	Дневка.	—	Температура 2—15°.	
24	До уроч. Мыкъ-ка- ога.	42 ¹ / ₄ в.	Темпер. 5—17°. Вода въ колодезяхъ осолодковая; мѣ- ста для пастбища вовсе неудобныя ибо отъ самой подошвы горъ Эргенекты- Пыстакъ начинается песча- ная степь называемая Бат- пакъ-Дала.	
25	До уроч. Тесекъ ташъ	42 ³ / ₄ в.	Темпер. 5—18°. Воды при ночлегѣ не имѣется, а заготовляютъ оную для употребленія во время пу- ти изъ колодцевъ Токумъ- тыкканъ; вода въ оныхъ прѣсная. (Здѣсь еще про- должается помянутая степь Батпакъ-Дала).	
26	До уроч. Тюсь-Бу- лакъ.	26 в.	Темпер. 2—12°. Вода какъ въ ключѣ, такъ въ колодезяхъ осолодковая (Продолж. ст. Батп.-Дала).	

Мѣс. и чис.	Названіе мѣстъ остано- вокъ (ночлеговъ и дневовъ).	Разстоя- ніе меж- ду п. ос- тановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣчанія и ссылки на пункты „Описанія“.
27	До уроч. Кара-кія	48 в.	Темпер. 7—20°. Воды при ночлегѣ не имѣется, а за- готовляютъ оную для упо- требленія изъ ключа при уроч. Тюсь-Булакъ. (Про- долж. ст. Б.-Д.).	
28	До рѣчки Чу или Чуй.	40 ³ / ₄ в.	Темпер. 9—24°. Вода въ р. Чу красная и хотя имѣетъ пріятный вкусъ, но для употребленія какъ лю- дей такъ и скота не весьма здоровая; мѣста при рѣкѣ для пастбищъ по лугамъ удобныя.	См. Пр. Оп. II. А.-7). р. Чу.
29	Дневка	—	Температура 2—17°.	
30	Внизъ по теченію рѣчки до переправы	18 в.	Температура 3—15°.	
31	Отрядъ имѣлъ переправу черезъ р. Чуй.	—	Температура 2—8.	
Но 1	ябрь Отъ р. Чуй до дру- гого ея рукава . .	22 ¹ / ₈ в.	Температура 5—15°.	
2	Переправа черезъ Чуй.	—	Температура 3—10°.	
3	До уроч. Туша. .	19 в.	Темпер. 8—20°. Вода въ колодезяхъ прѣсная; мѣста для пастбища малоудобныя.	

Мѣс. и чис.	Названіе мѣстъ остано- вокъ (ночлеговъ и дневокъ).	Разстоя- ніе меж- ду п. ос- тановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣчанія и ссылки на пункты „Описанія“.
4	Съ 5 часовъ веч. сего числа до 6 ч. веч. 4-го числа от- рядъ слѣдовалъ до озера Кара-Коль.	64 ¹ / ₄ в.	Темпер. 5—20°. Переходъ сей весьма затруднитель- ный для каравановъ. Озеро Кара-коль раздѣляется нѣ- сколькими песчаными пе- решейками; вода въ нѣко- торыхъ мѣстахъ озера прѣ- сная, а въ иныхъ горькая. Мѣста для пастбища мало- удобныя.	См. Кр. Оп. II. А.-8). оз. Караколь
5	Отъ оз. Кара-Коль до первой погранич- ной деревни Коканд- скаго владѣнія Чо- лакь-корганъ...	52 ¹ / ₂ в.	Температура 7—17°.	II. Б.-т). г. Каратау
6 7	Имѣль отдохнове- ніе...	—	Темпер. отъ 4 до 5°.	
8	До уроч. Чолакь- Ашу...	26 ¹ / ₂ .	Темпер. 7—10°. Вода въ ключаяхъ при ночлегѣ хо- рошая; пастбища удобныя.	См. Кр. Оп. II. А.-9). р. Сыръ- Дарья.
9	До уроч. Мынь-Бу- лакь...	22 ¹ / ₂ .	Темпер.: утромъ и вече- ромъ холоду отъ 1 до 3°, а около 12 часа тепла 4—8. Вода въ ключахъ хорошая; пастбища удобныя.	
10	До рѣчки Арслан- ды...	31 ³ / ₄ .	Темпер.: 10—20° тепла: Вода въ рѣчкѣ хорошая мѣста для пастбища мало- удобныя.	

Мѣс. и чис.	Названіе мѣстъ остано- вокъ (ночлеговъ и дневокъ).	Разстоя- ніе меж- ду п. ос- тановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣчаніе и ссылка на пункты „Описанія“.
11	До рѣчки Богонь.	34 ¹ / ₂ .	Темпер.: 9—18° тепла. Вода въ рѣчкѣ хорошая; мѣста для пастбища мало- удобныя.	
12	До сонки Карауль- Тюбе.	25 ³ / ₄ .	Темпер. утромъ и къ вечеру 1—2° холода, а око- ло полудня 5—9° тепла. Во- да рѣчки Чубарь-су, при которой былъ ночлегъ, хо- рошая; пастб. удобн.	
13	До города Чемкентъ	35 ¹ / ₄ .	Темпер. 5—20°. Вода въ р. Бодалъ хорошая; пастб. удобныя.	
14				
15	Дневки и отдыхъ.	—	Темпер. 8—12°.	
16	До уроч. Атъ-Бу- лакъ.	32 ³ / ₄ .	Темп.: 5—20°. Вода въ семъ ключъ хорошая; паст. удобныя.	
17	До рѣчки Келесъ .	23 ¹ / ₈ .	Темпер. 6—23°. Вода въ рѣчкѣ хорошая; пастбища удобныя.	
18	До гор. Ташкента.	59 ¹ / ₄ .	Темпер.: 12—25°.	
	И т о г о	1482 в.		

Мѣс. и чис.	Названіе мѣстъ остано- ровокъ (ночлеговъ и дневокъ).	Разстоя- ніе меж- ду п. ос- тановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣч. и ссы- ла на пун- „Описаніе“
Съ	18 Нояб. по 1 Декабря.			
	Отрядъ находился на мѣстѣ въ городѣ Ташкентѣ		Въ сіе время по Реомю- ру было по утрамъ и вече- рамъ холоду отъ 1 до 3°, а около 12 часа дня отъ 7 до 18° тепла.	
Де	кабря.			
1	Отъ Ташкента до деревни Той-Тюбе	25.	Темпер. въ 6 ч. утра 3° хол., а около 12 ч. дня 1—10° тепла.	
2	До деревни Крей- учи	25.	Темпер.: 6 ч. утра 5° холоду, въ полдень 7—10° тепла.	
3	До города Крейучи	25.	Темпер.: 6 ч. у. 2° холо- ду. Къ полудню 1—8° тепла.	
4	До деревни Сам- гаръ-Корганъ	50.	Темпер. утромъ и вече- ромъ 1—3° холоду, къ по- лудню 7° тепла.	
5	Дневка	—	Темпер. 2—4° тепла.	
6	До дер. Камышъ- Корганъ	70.	Темпер. утромъ и веч. 2—4° холоду. Къ полудню 1—8° тепла.	
7	До р. Сыръ-Дарьи	12.	Темпер. утромъ и вече- ромъ 3—5° хол., къ полу- дню 1—18° тепла.	
8	До гор. Кокана	31.	Темпер. утромъ 2° хол., около полудня 2—10° тепла.	
	Отъ Ташк. до Ко- кана	238 в.		

Мѣс. и чис.	Названіе мѣстъ остано- вокъ (ночлеговъ и дневовъ).	Разстоя- ніе меж- ду п. ос- тановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣ- н. сс. на пу- „Опис:
Съ	8 Дек. 1829 года по 16 Января 1830 года. Отрядъ находился на мѣстѣ въ городѣ Коканѣ		Въ сіе время было по Реомюру, т. е. съ 8 Дек. 1829 г. и по 1 Января 1830 г. по утрамъ и вечерамъ холоду отъ 2 до 10 граду- совъ, а около 12 часа дня тепла отъ 1 до 12 град. Съ Января по 16 по ут- рамъ и вечерамъ холоду отъ 1 до 8 град., а около 12 ч. дня тепла отъ 1 до 20 градусовъ.	
Ян	варя. 1830 г.			
16	Отрядъ выступилъ обратно, по тому-же тракту до р. Сыръ- Дарьи.. . . .	31.	По Реомюру было тепла отъ 4 до 15 градусовъ.	
17	Отъ р. Сыръ-Дарьи по другому прямо- лежащему черезъ горы Кендырь - тау тракту до деревни Шайданъ-Корганъ .	19.	Темпер. по утру въ 6 час. холоду 2 градуса, а около 12 часа тепла 1—7°.	
18	До гор. Мулла— миръ Корганъ. . . .	34 ³ / ₄	Темпер. утромъ и веч. 1—3° хол. около 12 ч. дня 1—13° тепла.	

Мѣс. и чис.	Названіе мѣстъ остано- вокъ (ночлеговъ и дневокъ).	Разстоя- ніе меж- ду п. ос- тановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣчанія и ссылки на пункты „Описанія“.
19	Отъ деревни М.-М. черезъ самую высо- ту горъ Кендырь- Тау и до подошвы оныхъ на другой сто- ронѣ.	16.	Темпер. въ 5 ч. утра 2° холоду, а на самой вы- сотѣ горъ 20° холоду, но спустившись внизъ съ вер- шины до подошвы горъ значилось тепла отъ 3 до 25°.	
20	До дер. Теляу-Кор- ганъ.	13 ¹ / ₂ .	Темпер. утромъ и веч. отъ 1 до 2 гр. холоду; а въ полдень 1—12° тепла.	
21	До дер. Кара-Ки- тай.	7 ¹ / ₄ .	Темпер. утр. и веч. отъ 1—3° хол., полдень 1—8° теп.	
22	Дневка.	—	Темпер.: въ 5 ч. у. 6° хо- лоду, около полудня 1—10° тепла.	
23	До дер. Карасу-Кор- ганъ.	37 ¹ / ₂ .	Темпер. 3—12° тепла.	
24	До гор. Ташкента	23 ¹ / ₂ .	Темпер. утр. и вечеромъ 1—2° хол., въ полдень 2—13° тепла. Путь сей хотя числомъ растоянія верстъ отъ Кока- на до Ташкента противъ прежде совершеннаго мною гораздо короче, но по при- чинѣ съемки, я ранѣ сего числа не могъ достигнуть Ташкента. Безъ этого весь путь можно было свершить въ трой сутки.	

Мѣс. и чис.	Названіе мѣстъ остано- вокъ (ночлеговъ и дневокъ).	Разстоя- ніе меж- ду п. ос- тановокъ	Краткія свѣдѣнія о мѣстахъ остановокъ.	Примѣчанія и ссылки на пункты „Описанія“.
Съ	<p>24 Генваря по 1 Апр.</p> <p>Отрядъ находился на мѣстѣ въ городѣ Ташкентѣ</p> <p>Примѣчаніе. При всемъ несовершенствѣ термометрическихъ наблюденій путешественника (отсутствіе точныхъ указаній времени наблюденія, очевидное смѣшеніе показаній термометра въ тѣни и на солнцѣ, неизвѣстность степени правильности показаній градусника и часовъ и проч.) данныяго о температурѣ печатаются за нимѣніемъ другихъ болѣе точныхъ въ качествѣ показателей наименьшихъ и наибольшихъ температуръ дня за 7 мѣсяцевъ непрерывно. Г. К.</p>		<p>За время проживанія въ Ташкентѣ по Реомюру значило: т. е. съ 24 Генваря по 1 Февр. холоду отъ 3 до 5°, съ 1 по 12 число сего-же мѣсяца по утрамъ и вечерамъ холоду отъ 1 до 4 гр., а около 12 ч. дня тепла 1—15°. Погода же была въ нѣкоторые дни пасмурная съ небольшимъ снѣгомъ или дождемъ; но большая часть оныхъ ясная; съ 12 Февраля по 1 Марта погода была каждый день перемѣнная: то холодно то жаръ, однако сколько холоду по Реомюру значило отъ 1 до 5°, тепла же отъ 5 до 18°, а съ 1 Марта по 1 Апр. погода была б. ч. ясная и по утр. и веч. холоду 1—2°, а въ полдень отъ 15—25° тепла.</p>	

Примѣчаніе. На городѣ Ташкентѣ маршрутъ Потанина при обратномъ его слѣдованіи въ Сибирь заканчивается. О слѣдованіи отъ Ташкента въ маршрутъ сказано лишь что: „отрядъ выступилъ обратно въ Россійскіе предѣлы по тому-же самому тракту и въ 38 дней т. е. 8 числа Маія достигъ до рѣчки Токрау. Отсюда поворотивъ мимо Каркаралпнскихъ горъ на форпостъ Семіарскъ, куда въ 12 дней т. е. 21 числа Маія прибылъ“ — ни урочищъ при которыхъ отрядъ за этотъ путь останавливался, ни описанія качества водъ и пастбищъ при которыхъ отрядъ имѣлъ ночлеги, ни температуры дня, ни даже разстояніи между пунктами остановокъ, (какъ то дѣлалось въ передній путь) въ этотъ путь не отмѣчалось. Г. К.

II. Краткое описаніе пути.

А. Примѣчательнѣйшіе изъ водныхъ источниковъ (рѣкъ, озеръ, болотъ и проч.).

1. Рѣчки *Мукурка* и *Чаганъ*. Свои истоки имѣютъ изъ горъ: 1-я Семи-тау, 2-я Мача; впадаютъ съ лѣвой стороны въ рѣку Иртышъ близъ форпостовъ: Мукурка-Бѣлокаменскаго и Чаганка-Долонскаго; протекаютъ первая около 40 и вторая 250 верстъ. Средняя глубина оныхъ бываетъ около полуторыхъ футовъ. Теченіе при разливѣ въ весеннее время имѣютъ быстрое, разливаются же отъ 10 до 50 сажень шириною по лугамъ ими обмываемымъ. Въ концѣ мая мѣсяца они вступаютъ въ свои берега, послѣ чего не бываетъ въ нихъ примѣтнаго прилива, съ наступленіемъ же жаровъ они теченіе свое прекращаютъ и дѣлаются уже омутами; вскрытіе и замерзаніе въ одно время съ рѣкою Иртышемъ. Берега мѣстами крутые, свойства песчано-глинистаго, средняя глубина оныхъ около одного аршина.

Примѣчаніе. Казачьи поселенія по Иртышу: Бѣлокаменскій и Долонскій нынѣ именуется уже не форпостами, а станицами. Рѣчка Чаганъ впадающая въ Иртышъ противъ Долонской станицы, въ нижнемъ своемъ теченіи на протяженіи верстъ 20—25 до устья теперь чаще именуется Долонкой, наименованіе же Чаганъ получаетъ выше впаденія въ нее рѣчекъ Кара-су и Учъ-таганъ берущихъ начало изъ горы Кемей-тау.
Г. К.

2. *Казанганъ*—рѣчка, начало свое беретъ изъ горъ Казанганъ и впадаетъ въ болото Сары-булакъ; она протекаетъ около 195 верстъ; средняя ея глубина въ омутахъ около полуторыхъ аршинъ; грунтъ иловатый; теченіе въ весеннее время бываетъ быстрое, разлитія же большого не бываетъ, кромѣ того что наполняетъ свои берега; вскрывается въ началѣ Апрѣля, а замерзаетъ въ исходѣ Октября мѣсяца; съ наступленіемъ жаровъ дѣлается омутами. Берега крутые, иловатые, глубиною до 1 $\frac{1}{4}$ арш. Переправа возможна вездѣ, даже сухимъ путемъ. Рыбы не имѣетъ.

3. Рѣчка *Токрау*,—беретъ свои истоки изъ горъ Боктыи Бишчоки, впадаетъ въ рѣку Таисыкъ. Протяженіе оной около 300 верстъ, средняя глубина два аршина. Грунтъ песчано-глинистый; мелей въ довольномъ количествѣ. Теченіе съ запада на юго-востокъ имѣетъ быстрое, разлитіе ея бываетъ отъ 25 до 70 сажень шириною, по лугамъ ея об-

мываемымъ; въ исходѣ Апрѣля она вступаетъ въ свои берега, послѣ чего не бываетъ въ ней примѣтнаго прилива; вскрывается въ послѣднихъ числахъ Марта, а иногда и въ 1-хъ Апрѣля а замерзаетъ въ началѣ иногда и въ половинѣ Ноября мѣсяца. Берега крутые а болѣе отлогіе покрыты кустарникомъ, грунтъ имѣють песчано-глинистый, а мѣстами песчаный. Мелей и переправъ достаточно. Рыба водится маринка, чебакъ; ловятся въ маломъ количествѣ.

Примѣчаніе. Путешественникъ переходилъ р. Токрау въ ея верховьяхъ и потому свѣдѣнія его касаются преимущественно этой части рѣки. Многочисленные истоки Токрау берутъ свое начало изъ группы горъ носящихъ въ настоящее время чаще всего собирательное имя Керегетасъ или Беръ-кара. Кончается рѣка въ пескахъ и пустыняхъ окружающихъ сѣв. берегъ оз. Балхашъ иногда достигая его въ болѣе многоводные весенніе разливы, подъ именемъ р. Караталь. Г. К.

4. Рѣчки Больш. и Мал. *Джамчи*—берутъ свои начала изъ горъ: Большая—Курпетай, Нортай; Малая—Акрекъ и Тологой, впадаютъ въ болото Кара-булакъ и протекають около 225 верстъ; средняя ихъ глубина около $1\frac{1}{2}$ аршина; грунтъ песчаный, мелей въ довольномъ количествѣ. Теченіе съ З. на В. въ весеннее время быстрое, разлитіе оныхъ бываетъ отъ 10 до 50 сажень шириною; въ послѣднихъ числахъ Апрѣля они вступаютъ въ свои берега, послѣ чего не бываетъ у нихъ замѣтнаго прилива. Съ наступленіемъ жаровъ они теченіе свое прекращають и дѣлаются омутами. Вскрытіе бываетъ въ послѣднихъ числахъ Марта, а иногда въ первыхъ Апрѣля мѣсяца; а замерзають въ половинѣ Ноября. Берега крутые, а болѣе отлогіе грунтъ имѣють песчано-глинистый, мѣстами песчаный и покрытые кустарникомъ. Мелей и бродовъ весьма достаточно, съ половины-же Іюня мѣсяца можно переѣзжать оные сухимъ путемъ. Въ рѣчкахъ ловится маринка и чебакъ въ весьма маломъ количествѣ.

5. Рѣчки *Чумекъ* или *Мукуръ* и *Моинты*—берутъ свое начало изъ горъ: 1-я Акъ--ташъ а вторая Ужъ—Кулмесь и Айртау. и впадаютъ первая въ болото Акъ-булакъ а вторая оканчивается сухою рытвиною; онѣ протекають около 100 верстъ, средняя глубина ихъ около аршина. Грунтъ вообще песчано-глинистый. Въ весеннее время имѣють быстрое разлитіе, бываетъ отъ 8 до 15 саж. шириною; въ концѣ Апрѣля вступаютъ въ свои берега, съ наступленіемъ—же жаровъ онѣ теченіе свое прекращають и дѣлаются уже омутами. Вскрываются въ послѣднихъ числахъ Марта, иногда въ не

выхъ Апрѣля; замерзають въ половинѣ, иногда въ концѣ Ноября. Мелей и бродовъ довольно, съ половины-же Юня можно переѣзжать оныя сухимъ путемъ. Рыбы въ рѣчкахъ не имѣется.

6. Рѣчка *Дувананы-соръ*,--береть начало изъ горъ Тай-атканъ-чунанъ и оканчивается сухою рытвиною; протекаетъ двумя рукавами первымъ на югъ около 80 в., а послѣднимъ на западъ около 175 в., ср. глубина $1\frac{1}{2}$ арш. Грунтъ мѣстами песчано-глинистый а болѣе иловатый. Весенній разливъ 8—20 саж, въ Апрѣлѣ рѣчка входитъ въ свои берега; вскрывается въ концѣ Марта или нач. Апрѣля; замерзаетъ въ половинѣ и концѣ Ноября. Мелей и бродовъ довольно; лѣтомъ переѣздъ сухимъ путемъ. Рыбы не водится.

7. Рѣка *Чуй* или *Чу*-начинаетъ свое теченіе изъ хребта Кыргызынъ—Алатау; впадаетъ въ озеро Кубан—кулакъ или Кабанъ—куль; протекаетъ около 500 верстъ; ср. глубина около 4 аршинъ. Грунтъ песчано-иловатый. Разлитіе въ весеннее время бываетъ отъ 250 сажень до 8 верстъ между средними и послѣдними числами Апрѣля, и осенью въ концѣ Октября а иногда и въ началѣ Ноября вступаетъ въ свои берега; въ прочее-же время не бываетъ въ ней замѣтнаго прилива; вскрывается въ концѣ Марта, а замерзаетъ въ послѣднихъ числахъ Ноября. Берега мѣстами крутые а болѣе отлогіе, покрыты камышомъ; грунтъ б. ч. иловатый, мѣстами песчаный. Острововъ на сей рѣкѣ находится въ довольно-номъ количествѣ. Судоходства ни какого не имѣется; мостовъ нѣтъ. Для переправы связывается пучками камышъ ввидѣ моста. Ширина рѣки въ своихъ берегахъ 6 сажень. Бродовъ довольно. Иногда рѣка по малому разлитію пересыхаетъ и дѣлается омутами. Въ сей рѣкѣ имѣется рыба; сомъ, маринка, щука, язи, окуни, чебакъ, ерши и мн. другіе.

Примѣчаніе. См. текстъ „Записокъ“ Хор. Потанина и примѣчаніе къ нему на стр. 206. Г. К.

8. Озеро *Кара-колъ*—протяженіе его около 56 верстъ; свойство грунта песчаное, частью солонцеватое и иловатое; берега частью крутые, а болѣе плоскіе, отлогіе; средняя глубина его 5 арш.; вскрывается около конца Марта, замерзаетъ въ исходѣ Ноября.—На семъ озерѣ острововъ въ довольно-номъ количествѣ; судоходства никакого нѣтъ; рыба

ловится—щука, карась, чебаки, лини въ довольномъ количествѣ. Съ южной стороны впадаетъ рѣчка Гратъ-су.

9. Рѣка *Сырѣ-Дарья*—беретъ свое начало изъ горъ лежащихъ въ Китайскомъ государствѣ, протекаетъ по кокандскому владѣнію и впадаетъ въ Аральское море; средняя ея глубина около $1\frac{1}{2}$ сажень. Грунтъ песчаный; мели очень часты; теченіе среднее; разлитіе оной въ весеннее время бываетъ отъ 1 до 8 в., въ началѣ Февраля мѣсяца вступаетъ въ свои берега, вскрывается въ среднихъ числахъ Января, а замерзаетъ въ половинѣ Декабря. Берега песчано-глинистые, частью иловатые, острововъ на рѣкѣ весьма довольное количество, судоходства нѣтъ; мостовъ также нѣтъ; переправа на паромехъ; бродовъ не имѣется. Рыба ловится: красная—осетры, стерляди, бѣлая—язи, щуки, нельма, налимы, сазаны, окуни, ерши, чебаки и мн. др. Съ правой стороны впадаютъ рѣчки—Арысь, Келесъ, Чирчикъ Ангора, а съ лѣвой Караталь и сверхъ сихъ какъ съ правой такъ и съ лѣвой стороны количество рѣкъ и рѣчекъ.

Примѣчаніе. Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи Потанина въ Кокандѣ имъ описаны притоки Сырѣ-Дарьи: Арысь, Арсланды, Чаянъ, Бугонъ, Боролдай, Чубаръ-су, Бодамъ, Келесъ, Чирчикъ, Саларъ, Кара-су, Ангора, Караталь,—частью по личному его осмотру, частью по рассказамъ другихъ. Не приводя здѣсь этихъ описаній полностью отсылаемъ интересующихся къ подлиннику (Дѣло Штаба Ом. в. окр. Архивъ разр. III по описи № 232), кратко-же замѣтимъ, что описанія составлены по тому-же типу какъ и выше приведенныя въ п. п. 1—9. т. е. касаются начала и конца рѣкъ, времени ихъ разлива, глубины (о вскрытіи и замерзаніи вездѣ говорится, что по теплотѣ климата таковыхъ обыкновенно не бываетъ); вездѣ отмѣчается что острововъ на рѣчкахъ не имѣется; судоходства никакого нѣтъ, мостовъ имѣется только два—одинъ въ Ташкентѣ на рѣкѣ Саларкѣ, и другой въ Кокандѣ на рѣкѣ Караталь, переправы черезъ рѣчки производятся бродомъ или наплавными временными мостами изъ камыша; изъ рыбъ водящихся въ рѣчкахъ упоминается вездѣ маринка и въ маломъ количествѣ чебакъ. Г. К.

Общее примѣчаніе къ даннымъ Потанина о степныхъ водныхъ источникахъ.—Наблюденія его въ общемъ очень цѣнны для гидрологіи края ибо касаются всѣхъ видовъ водохранилищъ и источниковъ: большихъ и малыхъ рѣкъ (болѣе 24), болотъ и озеръ (до 15-ти), ключей (болѣе 20), колодцевъ (болѣе 25). Дѣланы наблюденія въ разное время года, при разномъ уровнѣ стоянія водъ, съ отмѣткою качества, ихъ степени солености и проч. (см. Маршрутъ, мѣста остановокъ отряда). Сравненіе этихъ данныхъ съ таковыми-же данными другихъ путешественниковъ въ другіе годы по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода

времени несомнѣнно даетъ возможность составить достаточное ясное представление о геологической эволюціи водъ края, ихъ мощности, глубинѣ, и направленіи стоковъ, количествѣ и составу водъ и проч. Г. К.

Б.—Горные хребты, отдѣльныя сопки и возвышенности.

а). Горы *Семи—тау*. есть отрогъ Алтайскихъ, идутъ на Сѣверо—Западъ на 70 вер. среди коихъ поварачиваютъ горы на юго—западъ и получаютъ наименованіе Кызымъ—чекъ, которыя пройдя 10 верстъ оканчиваются нечувствительно плоскими сопками. Самая большая высота сихъ горъ около вершины ключа Узунъ—Булакъ, гдѣ и начинается углубленіе по которому направляетъ свое теченіе кл. Узунъ—Булакъ. Долинъ и равнинъ достойныхъ примѣчанія между сихъ горъ неимѣется.

б). Сопки *Абалы—Когалы*.

в). *Джосалы* и *Атынъ—тай*. есть ничто иное какъ плоскія возвышенности распространяющіяся между горъ Догалакъ, Орда, Аргалы и Кельмембетъ—чанъ. Самыя большія ихъ высоты при урочищахъ Акъ—соръ. углубленій—же очень довольно. Проходовъ удобныхъ для всѣхъ родовъ оружія весьма много.

г). *Чолъ—Адыръ*, *Сузеукъ—Суйкарь*—Самыя большія ихъ высоты при урочищахъ Кара—сакаль и Кара—булькъ. Углубленіе удобныхъ для прохода въ оныхъ довольно. Въ общемъ онѣ есть ничто иное какъ плоскія возвышенности, идутъ на юго-востокъ на 25 верстъ, поворачиваютъ на востокъ и получаютъ наименованіе Орчалы.

д). Горы: *Арчалы* и *Дегеленгъ* суть отдѣльныя. Главное возвышеніе первой примѣрно 30, а второй 60 сажень; углубленій въ обѣихъ довольно; первая окружена съ сѣверной и южной стороны, а вторая со всѣхъ сторонъ долинами изобилующими кустарникомъ (по киргизски караганомъ), сѣнокосами и удобными для выпуска скота долинами.

Таковы-же отдѣльныя горы *Джангыставъ* и *Маремикъ*. Возвышеніе сихъ горъ около 50 саж. Окружены со всѣхъ сторонъ равниною, изобилующею кустарникомъ и пастбищами.

е). Гора *Абралы*, которая идетъ на юговостокъ на 36 верстъ, потомъ поворачиваетъ на востокъ и получаетъ наименованіе Конды-чоко и продолжается въ лѣвой сторонѣ отъ дороги въ 40 верстахъ. Главное возвышеніе оной при

ключѣ Абралы-карасу 40 сажень. Углубленій въ сихъ горахъ весьма довольно. Главный проходъ черезъ горы при ключѣ Абралы, удобный только для легкой кавалеріи. Съ сѣверной стороны отъ сихъ горъ простирается долина до горъ Маремика и Джангистава, она изобильна кустарникомъ и удобна для выпуска скота.

ж). Сопки *Аркалыкъ*, есть не что иное какъ плоская возвышенность, идетъ на востокъ 25 верстъ, потомъ поворачиваетъ на югъ, получаетъ наименованіе Кокче-тавъ который принимаетъ направленіе на юго-западъ и пройдя 14 верстъ смыкается съ горою Сюпро. Главное ея возвышеніе уроч. Сары-кудукъ. Удобныхъ проходовъ довольно.

з) Сопки: *Тулжаръ*, *Мейзенъ* и *Керегеташъ*—есть отдѣльныя сопки находящіяся влѣво отъ дороги первая въ 15-ти, вторая 22-хъ и третья 25-ти верстахъ; главное возвышеніе первой примѣрно 35, второй и третьей 30 сажень; углубленій для прохода достаточно; горы окружены долинами изобилующими кустарникомъ (караганомъ) и лугами для пастбища скота.

и) Гора *Темирчи* идетъ на сѣверъ 35 верстъ, потомъ поворачиваетъ на западъ, получаетъ наименованіе *Кечу-бай*; далѣе принимаетъ направленіе на юго-западъ и пройдя 30 верстъ именуется Еманъ-тузъ и продолжается. Главное возвышеніе сей горы при ключѣ Темирчи-булакъ 40 сажень. Съ южной стороны окружающая долина изобильна кустарникомъ и удобна для выпуска скота.

і) Горы *Бишъ-чока* и *Бюрюкъ-ташъ*—отдѣльно стоящія; первая въ 25-ти в. влѣво отъ дороги, а вторая въ 27-ми вправо. Наивысшая высота до 40 саж. Окружены со всѣхъ сторонъ кустарниками и равнинами годными для пастбища.

к) Горы *Кызылъ-Рай* идутъ на с.-з. на 45 верстъ, потомъ раздѣляются на нѣсколько отраслей и продолжаются мелкими сопками и наконецъ исчезаютъ. Главное возвышеніе сихъ горъ при ключѣ Кугуль-дуръ около 50 сажень; углубленій не вездѣ удобнoproходимыхъ довольно; покрыты кустарникомъ.

л) Горы: *Достаръ-баши* (въ 25 в. влѣво отъ дороги), *Тюрре-джайлау* (25 в. влѣво), *Кенель* (въ 5 в.), *Урункай*, *Айдай-кызъ*, *Тюрре-чока*, *Кызылъ-ташъ*, *Айдай-кйра*, *Курней-нартай* (въ 35 вер. вправо отъ дороги), *Алтынъ-сандыкъ*. Невысокія,

большую часть, отдѣльно стоящія сопки; наиболѣе высокія изъ нихъ Достаръ-басы и Курпей, достигающія 35—50 сажень. Равнины окружающія ихъ изобильны кустарниками карагана.

м) Горы *Акчетау* идутъ на сѣверо-западъ на 30 верстъ, а поворачивая на западъ получаютъ названіе Селтей, потомъ пройдя 10 верстъ именуются Чекмыкъ-тау. Высота наибольшая до 25 саж. Съ южной и западной стороны равнины покрыты кустарниками карагана.

н) Горы и отдѣльныя сопки на протяженіи ста верстъ между Акчетау и Аркады; *Кора-чока*, *Дженеты-кызъ* (въ 35 влѣво отъ дороги), *Найза-кескенъ-кй* (идутъ на с.-з. на 65 в., отсюда поворачиваютъ на сѣв. и соединяются съ горою Чекмакъ-тау), сопки *Кереге-тасъ*, *Кочокъ чиккаль* или *Буркутты*, *Кай-ташъ*—высотой отъ 20 до 50 саж., окружающія равнины поросли кустарниками карагана; удобны для пастбы скота.

о) Горы *Аркади* и *Кошкеленъ*, *Бона*, *Учъ-кызыль*, *Ала-кунанъ* высотой отъ 25 до 35 саж. окружены равнинами поросшими кустарникомъ и годными къ пастбѣ скота.

п) Горы *Тай-атканъ-чунакъ*—идутъ на С.-З. и простираются на 50 в. потомъ поворачиваютъ на З. и получаютъ наименованіе Айгыръ-атканъ или Иль-чимбай, а пройдя 20 веретъ именуются Оба или Атагай. Главныхъ проходовъ черезъ горы два: 1-й—при вершинѣ рѣчки Дувананы-чй, второй—при ключѣ Кызыль-мола по ущелинамъ удобнымъ для прохода всѣхъ родовъ войскъ. Съ Западной стороны равнина до горы Койлюбай-болатъ изобилуетъ кустарникомъ (по татарски караганъ), но пастбища не весьма изобильны.

р) Горы *Кой-любай-болатъ*—суть отдѣльныя; возвышаются до 30 саж.—окружены со всѣхъ сторонъ равниною изобилующею кустарникомъ (караганомъ и баялышемъ) но для выпуска скота не весьма удобна.

с) Гора *Эргенекты-пыстакъ*—идетъ на С.-З. на 50 вер., потомъ принимая направленіе на С. именуется Каргалы и оканчиваается. Высота до 25 саж. Равнина примѣчанія достойная по обширности своей, лежитъ между рѣкою Чуй и сопками Эргенекты-пыстакъ и Каргалы, она состоитъ изъ ила и мелкаго лѣса называемаго по татарски караганъ, бая-

лышъ и сексеулъ; мѣстъ удобныхъ для выпуска скота почти совсѣмъ не имѣется.

т) Горы *Kara tau*—есть отрасль Алатавскихъ. идутъ на С.-З на 75 верстъ и потомъ оканчиваются мелкими сопками. Главное возвышеніе примѣрно 60 саж. Проходовъ весьма довольно; главный проходъ при урочищѣ Чолокъ-ату по ущелинѣ узкой и весьма излучистой мѣстами, а черезъ самыя горы крутыми спусками. Съ обѣихъ сторонъ равнины изобилуютъ караганомъ и пастбищами.

Общее примѣчаніе къ описанію горъ.—Въ маршрутѣ Потанина и его запискѣ описано болѣе 70-ти горныхъ хребтовъ, отдѣльныхъ группъ горъ и сопокъ находившихся какъ непосредственно на его пути, такъ и лежавшихъ въ ту и другую сторону отъ него на 10—20—50—70 и болѣе верстъ. Большую часть этихъ горъ можно найти на современныхъ намъ 40—20—10 верстныхъ картахъ, планшетахъ новѣйшихъ съемокъ пройденнаго Потанинымъ пути подъ тѣми же названіями, какія и у него или подъ иными, но несомнѣнно это тѣ самыя горы, которыя имъ описаны судя по маршруту и другимъ болѣе или менѣе точнымъ указаніямъ. Многихъ изъ описываемыхъ имъ горъ на картахъ не имѣется; несомнѣнно они или носятъ теперь (какъ это часто бываетъ въ степи) иныя названія или по незначительности ихъ высоты не нанесены на карты. Всѣ они тѣмъ не менѣе перечислены въ приведенномъ нами маршрутѣ въ увѣренности, что несомнѣнная точность и соотвѣтствіе ихъ описанія дѣйствительному ихъ состоянію за время путешествія хорунаго Потанина, послужить со временемъ (вмѣстѣ съ данными по гидрологіи) весьма цѣннымъ матеріаломъ для исторіи изученія намп Средней Азіи и уясненія тѣхъ физико-географическихъ и біологическихъ перемѣнъ въ природѣ края какіе совершенно незамѣтно для современниковъ совершаются въ теченіе столѣтій и тысячелѣтій въ фізіономіи страны, ея внѣшнихъ очертанійхъ и формахъ, структурѣ земной поверхности ея, орошеніи, растительности и проч. и проч. **Г. Катанаевъ.**

Н. Гуляевъ.

„Писанные камни“, найденные въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ, Семипалатинской области въ 1913 году.

(Замѣтка).

Къ числу памятниковъ древности, представляющихъ глубокой интересъ для археолога, къ сожалѣнію постепенно исчезающихъ отъ вліянія природы, а болѣе отъ невниманія и невѣжественнаго отношенія къ нимъ самого человѣка, — слѣдуетъ отнести „начертанія“ или „изсѣченія“ на камнѣ, обыкновенно называемыя „писанными камнями“ или сокращенно „писанцами“.

Проходитъ почти двѣсти лѣтъ, какъ Страленбергъ¹⁾ сообщилъ ученому міру о начертаніи на камняхъ, найденныхъ на одномъ изъ прибрежныхъ утесовъ праваго берега р. Томи выше г. Томска вверхъ по р. Томи, въ 60-70 верстахъ выше того мѣста, въ которомъ она пересѣкается магистралью Сибирской желѣзной дороги, въ 5 верстахъ отъ деревни, получившей отъ этихъ начертаній названіе „Писаной“.

Послѣ Страленберга эту интересную въ археологическомъ отношеніи мѣстность посѣтили въ 1734 г. два знаменитѣйшихъ изслѣдователя Сибири: великій исторіографъ, отецъ Сибирской исторіи Герардъ Фридрихъ Миллеръ и славный ботаникъ Іоганнъ Георгъ Гмелинъ, о которомъ Линней говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: что „Гмелинъ одинъ открылъ столько растений, сколько другіе ботаники открыли вмѣстѣ“, хотя Линней еще далеко не видѣлъ всѣхъ растений Гмелина.

Предполагая въ скоромъ времени напечатать общій сводъ литературы съ рисунками прежнихъ изслѣдователей и современными фотографическими снимками этого интереснаго историческаго памятника, я обращаю вниманіе архео-

¹⁾ „Das nord und östliche Theil von Europa und Asien... Strahlenberg Stockholm“. 1730. 336-340.

логовъ на два подобныхъ же историческихъ памятника, до сихъ поръ неизвѣстныхъ и никѣмъ еще не описанныхъ и на одно оригинальное начертаніе на камнѣ, не схожее ни съ однимъ изъ таковыхъ, извѣстныхъ археологамъ, но это послѣднее найдено совсѣмъ въ другомъ районѣ и о немъ будетъ сказано въ заключеніи.

Лѣтомъ 1913 г. мой младшій сынъ Сергій Николаевичъ, ученикъ Казанской Художественной Школы по отдѣлу архитектуры, служившій техникомъ на лѣтнихъ работахъ въ Землеустройствѣ Алтайскаго Округа, во время своихъ разъѣздовъ по дѣламъ службы нечаянно наткнулся на два интереснѣйшихъ „писанныхъ камня“, расположенныхъ одинъ отъ другого въ 2,5 саж. „Писанцы“ эти находятся въ дачѣ землепользованія киргизъ Чингизской волости (въ урочищѣ „Битюгановскій логъ“), Устькаменогорскаго уѣзда, Семипалатинской области, вблизи границы земельного надѣла дер. Солдатовой (она же Таловка), уже входящей въ Змѣиногорскій уѣздъ, Томской губерніи, чему границей служить р. Нарымъ. Чтобы попасть къ „писанцамъ“ надо выѣхать изъ дер. Солдатовой (Таловки) по почтовому тракту, идущему изъ поселка Мало-Нарымскаго въ Катонъ-Карагай. На 7-ой верстѣ отъ дер. Солдатовой (какъ разъ у верстового столба) попадется тропа, направленіемъ прямо на Ю., въ 350 саженьяхъ (мѣрено цѣпью) отъ верстового столба и находятся два писанца одинъ отъ другого въ 2,5 саж. (табл. II и III).

Горная порода, на которой высѣчены изображенія людей и животныхъ, по словамъ сына, состоитъ изъ синеватаго глинистаго сланца; вообще же, въ районѣ производимыхъ имъ работъ, гдѣ нашелъ этотъ интереснѣйшій доисторическій памятникъ, онъ встрѣчалъ гранитъ, діоритъ и глинистые, тальковые сланцы.

О содержаніи начертаній на этомъ доисторическомъ памятникѣ я не буду говорить много, замѣчу одно, что количество фигуръ на немъ значительно болѣе и разнообразнѣе, чѣмъ на „писанцѣ“ на р. Томи, извѣстномъ намъ по рисункамъ Страленберга, Миллера, Гмелена и пр. и нашимъ фотографіямъ. Здѣсь мы видимъ человѣка, какъ бы стоящимъ на лыжахъ и держащимъ лукъ, изображенія болѣе разнообразныхъ животныхъ, опредѣленіе которыхъ

предоставляемъ фантазіи разсматривающаго. На 2-мъ рисункѣ мы видимъ отчетливое изображеніе верблюда и на немъ какъ бы вьюкъ. Сильно пожалѣлъ, что у сына не было фотографическаго аппарата, но рисунку его безусловно вѣрю,—онъ хорошій рисовальщикъ.

3-й рисунокъ, представляющій какое то крайне не определенное начертаніе доставленъ былъ мнѣ однимъ изъ моихъ пріятелъ и — топографомъ Переселенческаго Управленія П. В. Казновымъ. Этотъ „писанецъ“ найденъ на одной изъ чудскихъ могилъ по р. Коксу, притокъ Аргута, въ 20 верстахъ отъ истока (Коксинскаго озера). „Начертаніе сдѣлано на довольно высокомъ камнѣ вверху остромъ“. Горная порода, на которой сдѣлано начертаніе — не указана. Интересующихся болѣе подробной топографіей этой мѣстности отсылаю къ *Землевѣдѣнію Азіи*“, т. IV стр. 216, 217, 317, 319. Вотъ все, что онъ мнѣ сообщилъ о немъ. Закачиваю свою замѣтку воззваніемъ. Спѣшите г. г. любители — археологи, скорѣе спѣшите подробнѣе осмотрѣть эту мѣстность, заснять своими фотографическими аппаратами этотъ пока уцѣлѣвшій памятникъ „старинны глубокой“, не дайте имъ погибнуть для науки или быть испорченными позднѣйшими начертаніями лицъ, желающихъ себя увѣковѣчить своими фамиліями, какъ это, какъ я слышалъ, продѣлывается разными туристами на „писаномъ камнѣ“ на р. Томи.

Н. Гуляевъ.

Ледники рѣкъ Мульты и Кулагаша

въ Катунскомъ хребтѣ.

Въ настоящее время для Русскаго Алтая, какъ извѣстно, установлено довольно значительное оледенѣніе. Извѣстно много дѣйствующихъ ледниковъ въ наиболѣе высокихъ частяхъ этой горной страны, связанныхъ съ истоками главнѣйшихъ рѣкъ; имѣются также свѣдѣнія, хотя и далеко не систематизированныя, объ остаткахъ древняго ледниковаго періода на Алтаѣ.

Однако матеріалъ этимъ не исчерпывается и въ Алтаѣ имѣются еще такіе уголки, никѣмъ не посѣщенные и не обследованные, которые могутъ дать немало интересныхъ новинокъ. Къ такимъ уголкамъ относятся, между прочимъ, въ Катунскихъ бѣлкахъ верховья рѣкъ Мульты (притокъ Катуня) и Кулагаша (притокъ Аргута).

Въ іюлѣ 1913 года я проникъ въ верхнюю Мульту и тамъ имѣлъ случай наблюдать нѣсколько небольшихъ ледниковъ, о которыхъ упоминаетъ вскользь проф. Сапожниковъ въ книгѣ „Пути по Русскому Алтаю“.

Матеріалы, полученные мною, не велики и самыя наблюденія довольно поверхностны, отчасти по недоступности самихъ ледниковъ, а отчасти также и потому, что я не имѣлъ въ своемъ распоряженіи инструментовъ, необходимыхъ для этого рода работъ.

Что касается Кулагаша, то въ истокахъ его я побывалъ въ одну изъ предыдущихъ поѣздокъ въ Центральный Алтай и тамъ нашелъ очень значительный сложный ледникъ, на нижнюю часть котораго мнѣ удалось подняться.

Въ настоящемъ очеркѣ я излагаю результаты своихъ наблюденій, вводя, при случаѣ, также и описаніе рѣчныхъ долинъ.

1. Р. МУЛЬТА.

Р. Мульты впадаетъ въ Катунь съ правой стороны противъ деревни Мульты или Нижняго Уймона.

Нижняя долина Мульты широка и лѣсиста; она вполне доступна для проѣзда и часто посѣщается, такъ какъ здѣсь пролегаетъ довольно торная тропа къ одному изъ переваловъ на южную сторону Катунскихъ бѣлковъ и связываетъ Уймонъ съ Бухтармой.

Но верстахъ въ 30 отъ устья Мульты около озера, которое образуетъ рѣка въ этомъ участкѣ, тропа оставляетъ Мультинскую долину и уходитъ въ сторону по р. Проѣздной.

Отъ упомянутаго озера дальнѣйшее верхнее теченіе Мульты является совершенно не обследованнымъ. Сюда то я и направился въ іюль мѣсяцѣ 1913 года.

Организовавъ въ Котандѣ небольшой караванъ, я съ своей сестрой, О. В. Фляшеръ, въ сопровожденіи двухъ проводниковъ котандинцевъ выступилъ въ путь 21 іюля. Поѣздка эта оказалась не изъ легкихъ.

Въ началѣ до Нижняго Мультинскаго озера все шло хорошо; удобная и мягкая тропа даетъ возможность двигаться безъ препятствій; но выше долина смѣняется крутыми утесами, со склоновъ которыхъ сползаютъ мощные потоки розсыпей (корумовъ), а неширокая прибрежная полоса или занята мрачной чащей черневого лѣса, или представляетъ сплошныя топи.

Нерѣдко, оттѣсняемые утесами или избѣгая опасныхъ корумовъ, мы волей неволей придвигались къ рѣкѣ и неизбежно вязли въ болотѣ, натыкаясь въ то-же время на камни, скрытые въ болотныхъ заросляхъ. Вообще въ верхней Мульти корумники, лѣсная чаща и каменистыя топи чередовались другъ съ другомъ при отсутствіи какой бы то ни было тропы. Только на третей день по выходѣ изъ Котанды достигли мы верхняго Мультинскаго озера, гдѣ пробывъ три дня, вернулись въ Котанду 27 іюля.

Р. Мульта вытекает изъ небольшого озера, которое своимъ верхнимъ концомъ непосредственно примыкаетъ къ обрывистому склону высокой снѣжной горы, относящейся къ главной Катунской цѣпи.

Озеро имѣетъ продолговатую форму и вытянуто съ С. на Ю. причемъ длина его простирается до 2 килом. при ширинѣ около 600 метр.*) Питаемое ледниковыми ручьями, приносящими ему нѣкоторое количество мути, это Верхнее Мультинское озеро обладаетъ своеобразнымъ и очень красивымъ аквамаринovýmъ цвѣтомъ воды, настолько интенсивнымъ, что онъ сохраняется при всякомъ состояніи погоды и при всякомъ освѣщеніи. Ни птицъ, ни всплесковъ рыбы на озерѣ незамѣтно и, вообще, оно имѣетъ очень безжизненный видъ; раньше, говорятъ, въ немъ водился мелкій хайрюзь и сюда изрѣдка заѣзжали рыбаки изъ Н.-Уймона, но вслѣдствіе уменьшенія рыбы и труднаго подъѣзда на на Верхнемъ Мультинскомъ озерѣ уже давно никто не бывалъ.

Озеро съ трехъ сторонъ съ В. Ю. и З.—окружено цѣлой системой снѣжныхъ горъ, которыя расположены такимъ образомъ, что огибають его въ видѣ дуги и отсылають къ нему необычайно крутые и обрывистые склоны. Эта обрывистость сказывается между прочимъ въ томъ, что здѣсь въ одномъ углу сосредоточено до 10 значительныхъ водопадовъ; короче говоря, здѣсь каждый истокъ, каждый ручей непременно образуетъ при своемъ теченіи водопадъ.

Наиболѣе выдающихся вершинъ во всей группѣ двѣ: одна на Ю. въ тылу озера, другая съ восточной стороны озера. Первую изъ этихъ вершинъ, самую высокую во всей Мультинской группѣ, я называю горой Ледебура въ честь одного изъ первыхъ изслѣдователей Алтая проф. Ледебура фот.—Верхне Мультинское озеро; видъ отъ истока Мульти (съ С.). На заднемъ планѣ—гора Ледебура.

Обѣ эти вершины соединены непрерывнымъ тоже снѣжнымъ хребтомъ со скалистыми обнаженіями**.

*) По нов. съемкѣ Омск. В.—Топ. От. величина озера показана только въ 250 саж. дл. *Ред.*

**) На упомянутой карт. О. В. Т. О. главная вершина, лежащая надъ озеромъ и къ западу отъ него имѣетъ высоту 1449, 1 саж. Вершина Ледебура лежитъ къ югу, но на картѣ не отмѣчена; тамъ есть вершины высотой до 1500 саж. *Ред.*

Снѣга вершинъ и соединительнаго хребта питають два восточныхъ ледника р. Мульты и одинъ ледникъ, непринадлежащій къ ея системѣ и имѣющій стокъ въ какую-то сосѣдную долину.

Нашъ станъ находился на западномъ берегу озера противъ упомянутыхъ Мультинскихъ ледниковъ и они довольно хорошо были видны уже снизу, но для лучшаго ихъ обозрѣнія я взобрался на очень крутой склонъ сосѣдняго хребта, подъемъ на который сразу начинался отъ нашей палатки. Достигнувъ основанія отвѣсныхъ утесовъ, вѣщающихъ хребетъ, я увидѣлъ оттуда полную картину восточныхъ истоковъ озера и при небольшой ширинѣ долины оба ледника можно было рассмотреть довольно детально.

Отдѣльные истоки здѣсь не носятъ особыхъ названій и, не имѣя поэтому возможности называть ледники сообразно названію вытекающихъ изъ нихъ ручьевъ, какъ это обычно практикуется, я для удобства изложенія и различія ледниковъ, называю ихъ по номерамъ.

Ледникъ, залегающій на склонѣ горы, примыкающей къ озеру съ востока, я называю № 1. Онъ не представляетъ собою долиннаго ледника; съ другой стороны, его нельзя также отнести и къ категоріи висячихъ ледниковъ ввиду того, что онъ не имѣетъ того крутого уклона, какимъ обладаютъ, такъ называемые, висячіе ледники, языки которыхъ являются какъ бы прикрѣпленными къ крутому склону. Скорѣе этотъ ледникъ можно отнести къ типу мульдovýchъ или каровыхъ.

Въ области питанія онъ занимаетъ довольно обширную, полого падающую фирновую мульду, открытую на З и огражденную съ С и В крутымъ зубчатымъ гребнемъ.

Фирновое поле повидимому совершенно ровно и не имѣетъ никакихъ трещинъ, если только ихъ не маскировалъ снѣгъ, которымъ вся мульда покрыта довольно обильно, равно какъ и верхняя болѣе широкая часть самаго ледника. Языкъ его имѣетъ болѣе крутое однообразное паденіе примѣрно около 15° ; направленіе языка В З. Поверхность льда представляется неровною; она вся исполосована продольными трещинами; хорошо видны дуги огивъ въ нижней части ледниковаго языка. Большихъ поперечныхъ трещинъ и ледопадовъ

незамѣтно. Нѣтъ также ледниковыхъ столовъ и, вообще, поверхностный заносъ ледника совершенно ничтожный, что, конечно, находится въ связи съ его довольно крутымъ уклономъ. Въ нижней части языкъ ледника, плавно закругляясь, даетъ болѣе крутое паденіе и оканчивается метровъ на 200 выше границы лѣса; принимая высоту этой линіи для сѣверныхъ склоновъ Катунскихъ бѣлковъ въ 2200 метровъ (В. В. Сапожниковъ. Катунь и ея истоки), будемъ имѣть высоту нижняго конца ледника примѣрно въ 2400 метровъ Н. М. Длина ледника вмѣстѣ съ фирновой частью глазомѣрно опредѣляется въ 900—1000 метровъ при ширинѣ въ средней части метровъ въ 250—200.

Боковые морены ледника № 1 выражены слабо и частью скрыты, повидимому, подъ нараставшимъ снѣгомъ; но зато въ области отложенія описываемый ледникъ, сравнительно съ его миниатюрными размѣрами, развиваетъ весьма солидныя краевыя морены. Изъ нихъ конечная морена имѣетъ форму неравнобокаго конуса, сильно расширяющагося книзу, причемъ вершина его приходится какъ разъ въ средней части ледниковаго языка.

Сторова конуса, обращенная къ языку, коротка и осыпается непосредственно на его нижній конецъ, который, такимъ образомъ, прижатъ къ конечной моренѣ и даже отчасти вдается въ нее. Противоположная длинная сторона мореннаго конуса осыпается на очень крутой склонъ, который начинается сразу у конца ледника и падаетъ къ озеру почти безъ слѣда береговой полосы.

Обѣ береговыя морены также весьма значительны; изъ нихъ лѣвая, загибаясь параллельно очертанію конца ледника, вскорѣ смѣшивается съ конечной, а правая даетъ самостоятельно мощную осыпь на нижележащій склонъ и уже внизу смѣшивается съ общею массою мореннаго матеріала.

Равномѣрно крутой склонъ подъ ледникомъ прерывается на срединѣ его высоты отвѣснымъ обрывомъ метровъ въ 50 высотой. Два ледниковыхъ ручья не одинаковой величины, изъ которыхъ правый (по теченію) значительно больше лѣваго, выходятъ изъ ледника по обѣ стороны мореннаго конуса, извилистыми бѣлыми лентами протекаютъ среди розсыпей по крутому склону и, подойдя къ упоя-

нугому обрыву, образуютъ два вертикальныхъ водопада. Оба истока впадаютъ въ озеро отдѣльными устьями въ полуверстѣ одинъ отъ другого и сильно забѣляютъ при своемъ впаденіи голубую озерную воду.

Издали казалось, что доступъ къ леднику чрезвычайно труденъ, а можетъ быть даже и вовсе невозможенъ, по причинѣ крутизны и обрывистости прилегающихъ склоновъ.

Южный склонъ горы, на которой залегаетъ ледникъ № 1, переходитъ въ пониженный, тоже снѣжный хребетъ; загибаясь въ ю.-западномъ направленіи, хребетъ этотъ примыкаетъ въ свою очередь къ массиву горы Ледебура, которая, какъ я уже упоминалъ, находится какъ разъ въ тылу озера и въ общемъ обращена къ нему своимъ сѣвернымъ склономъ, но выступающимъ скалистымъ ребромъ этотъ сѣверный склонъ переламывается на двѣ покатости—с.-восточную и с.-западную. Последняя переходитъ ниже въ очень крутую фирновую мульду ледника, языкъ котораго не виденъ изъ долины озера. Въ верхней части мульды имѣется большая фирновая трещина, а нѣсколько ниже обнажается вертикальная стѣна фирноваго льда, послѣ чего начинается, повидимому, болѣе пологая часть ледника.

Первоначально, видя издали верхнюю часть этого ледника, я предполагалъ, что онъ принадлежитъ къ системѣ Мульты, такъ какъ залегаетъ на общемъ массивѣ съ другими Мультинскими ледниками; но, рассматривая его съ болѣе близкаго разстоянія, я убѣдился, что никакого стока онъ въ озеро не даетъ и, кромѣ того, замѣтилъ, что самая фирновая мульда уже ясно повернута на З, куда долженъ быть направленъ и ледниковый языкъ, уходящій въ довольно глубокую долину, которая помѣстилась между хребтомъ, отходящимъ къ З отъ горы Ледебура, и высокой скалистой сопкой, нависшей надъ самымъ озеромъ. Последнее обстоятельство даетъ возможность предположить, что этотъ неизвѣстный ледникъ, кстати сказать совершенно недоступный со стороны Мульты, достигаетъ значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ сосѣдніе Мультинскіе ледники, залегающіе на высокихъ прилавкахъ, не имѣющихъ выходовъ въ долины.

Ледникъ этотъ такъ и остался для меня загадкой: мнѣ не удалось выяснить, какую рѣку онъ питаетъ. Я только

предполагаю, что скорѣе всего онъ связанъ съ Тальмень-имъ озеромъ, которое лежитъ на южной сторонѣ Катунскихъ бѣлковъ и, судя по картѣ, своими истоками сходится съ вершиной Мульты. Нѣкоторая вѣроятность такого предположенія заключается въ томъ, что изъ всѣхъ притоковъ Катуня, которые могутъ имѣть свои вершины въ Мультинской группѣ, только притоки Тальменьяго озера ледниковаго происхожденія; тогда какъ другіе, наприм. Собачья, Тихая и т. д. представляютъ собой прозрачныя снѣговья рѣчки.

Если это такъ, то здѣсь мы имѣемъ довольно оригинальное явленіе: на сѣверномъ склонѣ горы Ледебура залегаетъ фирновая область ледника, истокъ котораго направленъ на югъ. Кромѣ того, въ эпоху болѣе значительнаго развитія алтайскихъ ледниковъ, несомнѣнно, что и этотъ ледникъ былъ значительно полнѣе и тогда часть его перемалывалась черезъ ничтожный скалистый барьеръ къ нынѣшнему Верхнему озеру, между тѣмъ какъ другая часть сохраняла то же направленіе, что и настоящій его остатокъ.

Такимъ образомъ, ледникъ въ самомъ началѣ расчленился на два языка, которые, имѣя почти діаметрально противоположное направленіе, принадлежали двумъ различнымъ самостоятельнымъ притокамъ Катуня.

Второй Мультинскій ледникъ залегаетъ по сосѣдству съ вышеописаннымъ № 1 и отдѣленъ отъ него невысокой скалистой гривой. Ледникъ этотъ точно также, какъ и № 1 и по тѣмъ же признакамъ, нужно отнести къ типу каровъ, но только онъ больше перваго, превосходя его главнымъ образомъ по ширинѣ. Кромѣ того, въ нижней части ледникъ раздвоенъ скалистымъ гребнемъ на два языка, которые не соединяются и ниже скалы, а только смѣшиваютъ конечныя морены. Тѣмъ не менѣе, фирновая область для обоихъ языковъ общая.

Широкая, нѣсколько развѣтвленная, фирновая мульда ледника ограждена С—восточной покатостью г. Ледебура, Ю—западнымъ склономъ восточной горы (на которой залегаетъ ледникъ № 1.) и хребтомъ, соединяющимъ эти вершины; питательные снѣжники расположены вдоль всей этой ограды, но наибольшія количества снѣга доставляются со стороны г. Ледебура.

Мульда открыта на З С З; это же направление удерживаетъ и самый ледникъ.

Въ верхней части фирна наблюдается большая извилистая краевая трещина, прошедшая по всей ширинѣ мульды.

Вѣроятно, своимъ происхожденіемъ и формой она отчасти обязана неодинаковой скорости движенія фирновыхъ массъ въ различныхъ отвѣтвленіяхъ сложной мульды.

Верхнее теченіе самого ледника покрыто снѣгомъ, котораго особенно много въ лѣвой части, такъ что здѣсь изъ подъ снѣга выглядываютъ лишь небольшіе участки льда. Правый же, значительно большій по размѣрамъ, языкъ покрытъ снѣгомъ не такъ обильно, а потому болѣе доступенъ для наблюденія.

Ось этого языка имѣетъ однообразный изгибъ на подобіе дуги и самъ онъ въ поперечномъ направленіи является перекошеннымъ, такъ, что его правая часть опущена внизъ. Нѣсколько сложный рельефъ ледниковаго ложа обуславливаетъ цѣлую систему поперечныхъ широкихъ трещинъ, во всю ширину ледника, которыя видны въ его средней части. Самый конецъ ледника разорванъ значительными продольными трещинами, которыя параллельны другъ другу, но нѣсколько не совпадаютъ съ осью ледниковаго языка.

Ледникъ обнаруживаетъ ясно выраженную полосчатость; отдѣльныя полосы (огивы) имѣютъ, вообще, довольно разнообразное направленіе, ясно принаравливаясь къ рельефу ледниковаго ложа.

Ледникъ почти совершенно свободенъ отъ заноса обломочнымъ матеріаломъ; на его поверхности незамѣтно ничего, кромѣ грязевыхъ полосъ, которыя отмѣчаютъ собою положеніе валиковъ полосчатости.

Лѣвый языкъ ледника почти сплошь находится подъ снѣгомъ, почему наблюдать его было почти невозможно; очевидно только, что онъ значительно меньше и обладаетъ слабѣ развитыми моренами. Послѣднія у праваго языка представляются въ слѣдующемъ видѣ: изъ боковыхъ видна только правая, часть которой, вѣроятно скрыта подъ снѣгомъ. Наиболе мощная конечная морена; она имѣетъ форму конуса и напоминаетъ морену перваго ледника; этотъ

конусъ помѣстился на крутомъ склонѣ и какъ бы виситъ надъ обрывомъ въ 800—1000 метровъ высокою, которымъ прерывается склонъ.

Отъ верхушки мореннаго конуса отходить пониженная гряда и сливается далѣе съ конечной мореной лѣваго языка. Вся эта масса камней постоянно осыпается съ упомянутаго обрыва и покрываетъ розсыпью весь ниже лежащій склонъ до самаго озера. Довольно значительна также правая береговая морена; она не смѣшивается съ конечной и еще ранѣе, подойдя къ обрыву, сваливается внизъ.

У лѣваго языка замѣтны тѣ же морены, но выражены слабѣе.

Размѣры ледника, приблизительно, таковы: длина лѣваго языка вмѣстѣ съ фирномъ около 1000 метровъ; ширина обоихъ потоковъ 400—500 метровъ; мощность повидимому небольшая. Оканчивается ледникъ на той-же, примѣрно, высотѣ, что и № 1.

Ледниковый истокъ находится съ правой стороны мореннаго конуса, гдѣ изъ ледника выходятъ нѣсколько ручьевъ; всѣ они образуютъ великолѣпные водопады, свергаясь съ обрыва подъ ледникомъ и затѣмъ впадаютъ въ озеро, слившись въ общее русло.

Описанный ледникъ № 2 совершенно недоступенъ, такъ какъ упирается въ отвѣсный обрывъ.

Третій истокъ, питающій озеро, впадаетъ въ него съ лѣвой стороны въ верхнемъ концѣ. Онъ приходитъ съ высокаго прилавка изъ небольшого ледника № 3. Этотъ прилавокъ, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими утесами, и самый ледникъ хорошо видны уже изъ верхней долины Мульты, не доѣзжая озера, а также и съ того крутого склона, откуда я обозрѣвалъ первые два ледника общій видъ ледника № 3 справа видна часть ледника № 4 и его конечной морены.

Намъ удалось подняться на прилавокъ и къ самому леднику, хотя и эта экскурсія оказалась утомительной, трудной и небезопасной; приходилось карабкаться по очень крутымъ косогорамъ то и дѣло переходить также крутые потоки розсыпей, иногда состоящихъ изъ мелкаго, ползучаго подъ ногой щебня.

Экскурсія была выполнена благополучно, но, благодаря трудностямъ, заняла цѣлый день, хотя отъ нашего стана до ледника было не болѣе 4—5 верстъ.

Ледникъ № 3 представляетъ собою въ настоящее время ничтожный полувисячій ледничокъ круглой формы, который можно было бы счесть просто оледенѣвшимъ полемъ снѣга, если бы не мощныя старыя морены и другія формы ледниковаго ландшафта въ сосѣдствѣ съ нимъ, которыя свидѣлствуютъ о томъ, что въ этомъ ледникѣ мы наблюдаемъ лишь ничтожный остатокъ когда-то значительнаго ледника и притомъ остатокъ, находящійся на пути къ полному исчезновенію, ввиду крайней бѣдности его снѣжныхъ питательныхъ резервовъ, которые сводятся къ небольшому полю снѣга, протянувшемуся въ видѣ полосы по крутому склону хребта, къ которому прикрѣпленъ и самый ледникъ.

Въ нижней части снѣгового поля имѣется краевая трещина и только она указываетъ на то, что ледникъ имѣетъ нѣкоторую подвижку; другихъ же признаковъ дѣятельности въ видѣ сколько нибудь замѣтныхъ современныхъ моренъ, описываемый ледникъ не обнаруживаетъ.

Языкъ его, направленный на С, имѣетъ паденіе около 45° , а размѣры, при круглой формѣ, опредѣляются въ поперечникѣ метровъ въ 250—300.

Въ строеніи льда наблюдаются очень отчетливо выраженные дуги огивъ; онѣ выпуклы книзу и особенно хорошо развиты въ нижней половинѣ ледника.

При крутомъ его уклонѣ поверхностный заносъ, конечно, совершенно ничтожный. Кое-гдѣ, однако, небольшіе камешки, вкрапленные въ ледъ, образуютъ неглубокіе стаканы.

Нижній конецъ ледника примыкаетъ къ снѣжному полю, которымъ прикрыта отчасти и самая поверхность льда; крайняя черта снѣжнаго поля на ледникѣ оторочена полосой снѣга очень яркаго кроваваго цвѣта. Вѣроятно, это явленіе обуславливается тою-же водорослью, которая впервые была найдена въ Алтаѣ (на Бѣлухѣ) докторомъ Геблеромъ и позднѣе установлена проф. Сапожниковымъ, какъ идентичная съ европейской формой *Sphaerella nivalis*.

Саженьяхъ въ 100—150 отъ краевъ ледника въ видѣ непрерывной дуги тянется громадный валъ старыхъ краевыхъ моренъ, достигающій въ нѣкоторыхъ участкахъ до 50 метровъ высоту.

Эта морена сложена изъ не крупнаго обломочнаго матеріала, значительно уплотнена и по ней тамъ и сямъ разбросаны одинокіе альпійцы (примулы, макъ и др.). Отъ морены по направленію къ леднику простирается сплошной щебнево-валунный покровъ, представляющій не что иное, какъ основную морену отступившаго ледника, а въ одномъ мѣстѣ мореннаго вала отходить отъ него въ перпендикулярномъ направленіи мощная гряда продольной морены, которую нужно разсматривать, какъ результатъ смѣщенія средней или внутренней морены бывшаго ледника, а можетъ быть той и другой вмѣстѣ.

Весь этотъ комплексъ старыхъ моренъ отмѣчаетъ послѣдній стаціонарный періодъ описываемаго ледника, послѣ чего онъ, повидиму, быстро пошелъ на убыль.

Однако, прежде онъ имѣлъ еще большіе размѣры, такъ какъ за моренами наблюдаются весьма типичныя слѣды бывшаго оледенѣнія, указывающіе на то, что здѣшній ледникъ занималъ когда то всю покатую котловину, помѣстившуюся между окружающими горами и имѣющую общую площадь до 4—5 кв. кил.

Скалистыя обнаженія, выступающія здѣсь, сплошь несутъ на себѣ характерную ледниковую полировку и исчерчены ледниковыми штрихами, чѣмъ рѣзко отличаются отъ вышележащихъ скалъ, угловатыя контуры которыхъ обусловлены вывѣтриваніемъ. Все это придаетъ ландшафту типичный видъ ледниковаго ложа. Оно, вообще говоря, не ровно и во многочисленныхъ впадинахъ между округленными скалистыми холмами разбросаны маленькіе озерочки, изъ которыхъ большее до 10 метр. въ поперечникѣ, расположено у края прилавка, тамъ, гдѣ онъ переходитъ въ крутой склонъ, падающій къ Верхнему Мультинскому озеру.

Тѣ же „бараньи лбы“ замѣтны и на томъ склонѣ, изъ чего можно заключить, что ледникъ не только заполнялъ самый прилавокъ, но и спускался съ него крутымъ языкомъ въ нынѣшнюю озерную долину и сливался здѣсь съ

прерывается, такъ какъ ледниковый языкъ подходитъ къ обрыву, куда и обваливается не только моренный матеріалъ, но и самый ледъ; въ средней части языка наблюдался свѣжій изломъ недавно оторвавшагося льда, по которому можно было судить, что мощность ледника достигаетъ здѣсь до 20 метровъ.

Два мутныхъ ледниковыхъ потока тотчасъ по выходѣ изъ ледника свергаются громадными водопадами съ отвѣснаго обрыва и внизу сливаются вмѣстѣ, давая рѣчку, которая по количеству воды не уступаетъ озерному истоку Мульты.

Такимъ, образомъ въ результатъ таянія 4-го ледника получается примѣрно столько же воды, сколько даютъ вмѣстѣ первые три ледника, а это косвеннымъ образомъ указываетъ на то, что, 4-й ледникъ больше предыдущихъ.

Верстахъ въ двухъ отъ сліянія своихъ истоковъ, Мульты принимаетъ справа третій, совершенно прозрачный, истокъ, который начинается гдѣ то близъ истоковъ Нижняго Курагана и носить названіе Оюкъ.

Онъ выходитъ изъ узкаго лѣсистаго ущелья и шумнымъ каскадомъ скатывается въ Мульту.

Сформировавшаяся такимъ образомъ рѣка входитъ отсюда въ довольно широкую, сильно заболоченную долину, которая далѣе становится гораздо уже. *)

Верстахъ въ 15 отъ Верхняго озера Мульты расширяется во второе озеро, имѣющее длину до 2 кил., при ширинѣ до 1½ кил.

Это озеро плотиннаго типа, оно обязано своимъ происхожденіемъ громадной грядѣ, состоящей изъ крупныхъ обломковъ, которая прошла у нижняго конца озера во всю ширину долины и подпрудила рѣку.

Эта гряда представляетъ не что иное, какъ конечную морену древняго ледника; по краямъ морена сильно задернована и поросла черневымъ лѣсомъ, а въ срединѣ размыта потокомъ, который, разбившись на множество рукавовъ, переливается изъ второго озера въ третье. Это послѣднее третье, или нижнее Мультинское озеро, расположено бокъ о

*) При выходѣ въ главную долину, Мульты принимаетъ слѣва еще одинъ большой притокъ, начало котораго отнесено къ западному продолженію того-же хребта, гдѣ обнаружены ледники. Ред.

бокъ со вторымъ, будучи отдѣлено отъ него только упомянутой моренной грядой, которая, такимъ образомъ, является перемычкой между обоими озерами.

Нижнее озеро еще болѣе значительно: длина его не менѣе 4 кил., а ширина около 2. Оно такъ же, какъ и второе, подпружено валунной грядой старой конечной морены, которая уже совершенно заросла лѣсомъ, подчасъ совсѣмъ скрывающимъ моренный матеріалъ.

Уже совершенно освѣтленная Мульта спокойно вытекаетъ изъ Нижняго озера въ его сѣверовосточномъ углу; вскорѣ принимаетъ слѣва р. Проѣздную, справа Кок-Куй и, утративъ спокойный характеръ, идетъ далѣе съ очень крутымъ уклономъ, бурнымъ и шумнымъ потокомъ до самаго выхода изъ горъ на равнину Уймонской степи.

Резюмируя сказанное, мы приходимъ къ такому выводу.

Катунскій хребетъ, сильно понижаясь къ З отъ Бѣлухи, въ истокахъ р. Мульты получаетъ вновь замѣтное поднятіе и притомъ послѣднее въ западномъ направленіи; отсюда онъ уже непрерывно идетъ на убыль.

Мультинская горная группа обладаетъ значительными свѣжными скопленіями и на сѣверныхъ ея склонахъ *) залегаютъ 5 небольшихъ ледниковъ.

Эти ледники, судя по многимъ признакамъ, представляютъ собою въ настоящій моментъ ничтожные остатки значительнаго ледника, который въ болѣе отдаленную эпоху выполнялъ верхнюю долину Мульты верстъ на 25—30.

Развитіе нижнихъ озеръ, подпертыхъ плотинами мощныхъ старыхъ моренъ, указываетъ на то, что этотъ древній ледникъ при своемъ общемъ отступаніи испытывалъ болѣе или менѣе продолжительные стаціонарные періоды.

2. Р. КУЛАГАШЪ.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно матеріала, я могу сказать о Кулагашѣ только нѣсколько словъ, насколько сохранились у меня въ памяти впечатлѣнія изъ поѣздки къ его верховью.

*) Другіе склоны остаются пока совершенно не изслѣдованными.

Кулагашъ впадаетъ въ Аргутъ съ лѣвой стороны на участкѣ между Тополевкой и Іедыгемомъ.

Онъ выходитъ изъ узкой долины и на всемъ протяженіи сохраняетъ характеръ очень бурнаго полноводнаго потока съ совершенно мутной водой, являя характерной для рѣкъ ледниковаго происхожденія, что дало поводъ проф. Сапожникову не сомнѣваться въ существованіи значительнаго ледника, питающаго Кулагашъ, хотя верховья рѣки онъ не посѣщалъ, гдѣ вообще, насколько мнѣ извѣстно, не былъ никто *).

Тѣсная долина Кулагаша—одинъ изъ самыхъ глухихъ угловъ въ Катунскихъ бѣлкахъ. Она совершенно безлюдна, —тамъ нѣтъ ни одного аила,—и только рѣдкій калмыкъ охотникъ проникаетъ когда либо въ глубину ея скалистыхъ дебрей въ погонѣ за каменными козлами.

Наши проводники, хорошо знакомые вообще съ Катунскими ябкками, отозвались полнымъ незнаніемъ Кулагашской „щели“, а потому въ качествѣ вожака мы взяли съ собой крещенаго калмыка.

Ивана Адорова изъ аила, стоявшаго въ Аргутѣ по сосѣдству съ Кулагашемъ. Адоровъ хотя и не былъ въ самой вершинѣ рѣки, но взялся насъ провести до „развилъ“ т. е. до того мѣста, гдѣ сливаются два истока Кулагаша.

Пришлось одолѣть не мало препятствій, прежде чѣмъ добрались мы до сліянія истоковъ, идя правой стороной долины.

Избѣгая отвѣсныхъ боковъ, нависшихъ надъ самой рѣкой, мы высоко взбирались по крутымъ косогорамъ и натыкаясь тамъ на широкіе потоки розсыпей, съ величайшей осторожностью должны были проводить лошадей по угловатымъ камнямъ корума. Иногда, прижатые скалами

*) А. Протопоповъ въ „Извѣстіяхъ“ Зап.-Сиб. О. И. Р. Г. О. т. 1, в. 1, говоритъ, что, находясь на устьѣ Тополевки, онъ видѣлъ въ горахъ на противоположной (лѣвой) сторонѣ Аргута 3 ледника, которые считаетъ Кулагашскими ледниками. Нахожу умѣстнымъ замѣтить здѣсь, что это ошибка; ближайшій истокъ и ледникъ Кулагаша находится, приблизительно, въ 25 верстахъ отъ Аргута и не виденъ изъ его долины, не говоря уже о другомъ, который лежитъ еще дальше. Ледники же, виденные г. Протопоповымъ, висятъ надъ самымъ Аргутомъ и принадлежать рѣчкѣ Таш-ты-месъ, тутъ же впадающей въ Аргутъ.

къ рѣкѣ, мы шли самой водой или принуждены были прорубать себѣ дорогу топоромъ въ трупцахъ необычайно мрачнаго, черневого лѣса, обильно увѣшаннаго бородачатымъ лишайникомъ, которымъ густо засажены и рѣдкія прибрежныя полянки. Перейдя на лѣвый берегъ рѣки, мы вышли къ мѣсту сліянія истоковъ и расположились станомъ на небольшой полянѣ среди кедровъ и лиственницъ.

На переходъ отъ устья до развилъ было затрачено около 6 часовъ, откуда длину соединеннаго Кулагаша можно опредѣлить верстъ въ 20, принимая во вниманіе очень медленную ѣзду.

На этомъ участкѣ, кромѣ незначительныхъ ручейковъ Кулагашъ не принимаетъ ни одного притока.

Оба истока Кулагаша неодинаковаго характера; правый изъ нихъ Сары—су (желтая вода) короче лѣваго и имѣетъ въ длину около 5 верстъ, но очень полноводенъ. Верховье его съ снѣжными горами и частью ледника хорошо видно уже отъ развилъ.

Вода этого истока чрезвычайно грязная и притомъ, дѣйствительно, какая-то желто-коричневая, напоминающая по цвѣту вареный шеколадъ. Онъ то, главнымъ образомъ, и засоряетъ Кулагашъ, такъ какъ лѣвый истокъ или собственно прямой Кулагашъ хотя и мутенъ, но далеко не въ такой степени. Длина его не менѣе 15 верстъ.

Первоначально мы сдѣлали попытку проникнуть въ лѣвый истокъ, но, углубившись по нему версты на 4, убѣдились, что дальше провести лошадей невозможно, а для продолжительной пѣшеходной экскурсіи мы были совершенно не подготовлены, и потому волей неволей пришлось повернуть обратно. Отсюда видны были, отчасти, снѣжныя горы въ истокахъ рѣки, а нѣсколько ближе въ выемкѣ скалъ лѣваго берега—небольшой ледникъ, дающій громадную конечную морену, осыпающуюся въ долину.

Такимъ образомъ, лѣвый истокъ Кулагаша остался не посѣщеннымъ.

На слѣдующій день мы отправились на ледникъ Сары—Су.

Эта экскурсія съ начала до конца была совершена пѣшкомъ, такъ какъ тѣсная долина бурнаго потока совершенно недоступна для проѣзда на лошадяхъ.

Выйдя въ 5 час. утра мы къ 8 часамъ ступили на ледникъ, когда многочисленныя ручейки, струящіеся днемъ по его поверхности, еще не оттаяли послѣ ночного мороза, и на ледникъ была полная тишина.

Легко проходя по нижнему, совершенно ровному, полю ледника до сліянія двухъ потоковъ, мы поднялись затѣмъ на крутую снѣжную гриву, раздѣляющую потоки, откуда увидѣли верхнюю часть и Неве главнаго ледника.

Мы достигли на раздѣльной гривѣ высоты около 3000 мтр. ($h=527$ м/м. $t=16^{\circ}$ с.), но надъ нами еще очень высоко поднимался, утопая въ синевѣ неба, бѣлоснѣжный куполь горы, питающей своими снѣгами ледникъ Сары—су.

Эта вершина возвышается на главной оси Катунскаго хребта, примѣрно, по срединѣ между Бѣлухой и Аргутомъ и, достигая весьма значительнаго поднятія, хорошо видна съ отдаленныхъ пунктовъ. Такъ я—видѣлъ ее и узналъ изъ долины р. Кок—су (притокъ Катуня), съ вершины Саптана (гора близъ с. Катанды), а также съ юга напр. съ перевала изъ Аргута на Укокъ. Съ послѣдняго пункта особенно рѣзко бросается въ глаза ея главенство надъ окружающими горами, такъ что эта Кулагашская гора является, повидимому, послѣ Бѣлухи самой высокой въ Катунскихъ бѣлкахъ.

Кромѣ ледника Сары—су, она несомнѣнно должна развивать еще нѣкоторые ледники и сюда, по моему предположенію, отнесены истоки р. р. Яманушки (Ка—Булакъ), отчасти Бѣлой (Оро—Чаганъ) и Арыгема, которые еще не изслѣдованы.

Ледникъ Сары-су занимаетъ СВ. склонъ упомянутой горы.

Главный потокъ, выйдя изъ области фирна, огибаетъ гриву, отходящую отъ горы и затѣмъ даетъ крутой ледопадъ, повидимому, совершенно непроходимый. Какъ разъ у нижняго конца водопада съ лѣвой стороны (по теченію) впадаетъ боковой меньшій потокъ съ довольно крутымъ уклономъ до 20° , а этотъ въ свою очередь въ верхней части принимаетъ справа висячій ледникъ.

Отъ соединенія обоихъ потоковъ простирается весьма отлогое и спокойное нижнее теченіе ледника до 3 километровъ длины и до $1\frac{1}{2}$ ширины.

Считая по главному потоку длина ледника будетъ не менѣе 5 километровъ, да кромѣ того боковой ледникъ имѣетъ 1—1½ километр. длины при ширинѣ метровъ въ 500.

До упомянутаго ледопада нижнее ледниковое поле на всемъ протяженіи является очень ровнымъ и не имѣетъ почти никакихъ трещинъ, такъ что ходьба по нему не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій.

Поверхность льда, въ особенности ближе къ концу ледника, въ значительной степени засыпана камнями. Мѣстами наблюдаются небольшіе ледниковые столы, а также довольно глубокіе стаканы.

Обѣ боковыя морены мощны и тянутся въ видѣ правильныхъ, непрерывающихся валовъ по бокамъ ледника.

Оканчивается ледникъ среди загроможденій конечныхъ моренъ вертикальною стѣною чистаго льда; здѣсь, какъ на естественномъ размѣрѣ, можно хорошо наблюдать слоистость и вообще структуру льда, а также оцѣнить мощность ледника, простирающагося до 40 метровъ.

Внизу ледяной смѣны имѣется значительный гротъ, верхняя часть котораго отвалилась ввидѣ массивной ледяной арки; изъ подъ нея вырывается грязно-желтая Сары—су и, выйдя изъ области конечныхъ моренъ, тѣснымъ корридоромъ скатывается къ Кулагашу.

Заканчивая это краткое описаніе Кулагаша, я долженъ сказать, что высокая сложная группа, поднимающаяся въ истокахъ Сары—Су, ждетъ своего болѣе детальнаго изслѣдованія и имѣетъ большой интересъ, представляя, по всей вѣроятности, обособленный центръ оледенѣнія въ Катунскихъ бѣлкахъ.

Ледникъ Мульта №1.

Гора Ледебура, видъ съ верх. Мулт. озера.

Ледникъ Сары—су (въ Кулагашѣ)

Изъ исторіи Ямышевскаго поселка— родины Г. Н. Потанина.

Ямышевскій посёлокъ, гдѣ родился Г. Н. Потанинъ, относится къ числу первыхъ русскихъ поселеній на Иртышѣ. Вблизи селенія находится соленое озеро (Ямышевское) о которомъ издавна было извѣстно, что оно богато хорошей солью. Въ 1613 году изъ Тобольска былъ отправленъ ротмистръ Барташъ съ военнымъ отрядомъ на розыски этого озера и для добычи соли. Экспедиція удалась и съ этого времени русскіе стали нерѣдко посѣщать Ямышевское озеро. Частыя посѣщенія этого мѣста русскими создали здѣсь ярмарку, на которую стали съѣзжаться торговые люди съ разныхъ концовъ края. Въ 1714 г., тогдашній Сибирскій намѣстникъ князь Гагаринъ обратился къ правительству съ предложеніемъ овладѣть Иртышемъ, чтобы имѣть свободный доступъ къ золотымъ россыпямъ Эркети (Яркенда) Петръ I написалъ на донесеніи Гагарина: „построить городъ у Ямышева озера и итти далѣе до города Эркети и онымъ искать овладѣть“. Въ 1715 г. специальная экспедиція подъ начальствомъ подполковника Бухгольца отправилась изъ Тобольска вверхъ по Иртышу на 32 досчаникахъ и 27 лодкахъ, съ тремя тысячами человѣкъ и со штабомъ, въ которомъ находилось нѣсколько шведскихъ плѣнныхъ офицеровъ, знакомыхъ съ инженернымъ, артиллерійскимъ и горнымъ искусствами. 1-го октября Бухголецъ достигъ Ямышевскаго озера и при содѣйствіи артиллерійскаго поручика Календера построилъ Ямышевскую крѣпость. Но весной русскіе были осаждены джунгарами и вынуждены были отказать отъ крѣпости и возвратиться. Укрѣпленія крѣпости были уничтожены. На обратномъ пути Бухголецъ заложилъ крѣпость въ устьѣ р. Оми (теперь г. Омскъ). Эта не-

удача не удержала русских и въ томъ-же году была направлена новая экспедиція подъ начальствомъ подполковника Матигорова, который овладѣлъ Ямышевскимъ укрѣпленіемъ, возобновилъ крѣпость и укрѣпилъ ее, оставивъ сильный гарнизонъ. На слѣдующій годъ была основана Желѣзнянская крѣпость, послужившая связью съ Омской крѣпостью. Съ этого времени Ямышевская крѣпость была уже прочно присоединена къ русскимъ владѣніямъ. Опираясь на нее въ 1717 г. подполковникъ Ступинъ основалъ крѣпость Семипалатинскую; въ 1720 г. генераломъ Лихаревымъ, имѣвшимъ цѣлью основать крѣпость на озерѣ Зайсанъ, основана была Устькаменогорская крѣпость. Такимъ образомъ Ямышевская крѣпость составила звено въ первой цѣпи крѣпостей, построенныхъ для удержанія прииртышскаго края.

Первоначально въ этихъ крѣпостяхъ жили только гарнизонные солдаты и драгуны. Въ 1725 году къ нимъ были приписаны крѣпостные казаки. Эти послѣдніе пополнялись городскими казаками (изъ Тобольска, Тюмени, Тары), которые отслуживали здѣсь свой срокъ. Но многіе изъ нихъ оставались навсегда и были первыми колонистами иртышской долины. Посылались въ эти крѣпости на временную службу крестьяне подъ именемъ выписныхъ казаковъ и на двухгодичную службу донскіе и яицкіе (уральскіе) казаки. Изъ нихъ и небольшого числа вольныхъ людей набиралось населеніе крѣпостей. Кромѣ военной службы, крѣпостное населеніе вело 12 лѣтъ казенное хлѣбопашество, одну изъ тяжелыхъ и малополезныхъ обязанностей.

Населеніе Ямышевской крѣпости, какъ и другихъ иртышскихъ крѣпостей, увеличивалось слабо, такъ — какъ условія для мирной хозяйственной жизни были мало благоприятны.

Палласъ, посѣтившій Ямышевскую крѣпость 7-го іюня 1771 года, такъ ее описываетъ: „Крѣпость сія стоитъ на весьма высокомъ берегу рѣки Иртыша пониже такъ называемой Прѣсной рѣчки, вытекающей изъ озера Прѣснаго почти въ трехъ верстахъ отъ крѣпости лежащаго. По новому плану она имѣетъ четверугольную фигуру: у нея съ той стороны, которая къ полю двое воротъ и два бастіона, валъ и рвы, кои ради сухой и песчаной земли должны быть укрѣплены плетнемъ, но оныя еще не окончены. Съ берегу Ир-